

ПЕЛЕ

*«... me chamou
«Pelé»...»*
*«... me chamou
«Pelé»...»*
*«... me chamou
«Pelé»...»*
*«... me chamou
«Pelé»...»*

Моя жизнь
и
прекрасная
игра

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

"Король футбола"! Наверное, трудно найти на планете другого монарха, которого бы с такой любовью и уважением называли "великим". И при этом ни грана лести. Королевство его — футбол, а точнее весь земной шар. Эта книга — своего рода исповедь. Ведь наступает в жизни момент, когда человек, по словам Владимира Набокова, "насыщается воспоминаниями". В ней была потребность. Видимо, что-то Пеле, как ему кажется, не успел сказать на футбольном поле, хотя играл на высоком уровне до 40 лет. Книга Пеле получила во Франции золотую памятную медаль Министерства культуры и просвещения. Многие бразильцы стали учиться грамоте, чтобы прочитать эту автобиографическую книгу.

Легендарный футболист Эдсон Арантис ду Насименту, или Пеле, трехкратный чемпион мира, единственный в мире форвард, забивший более 1250 мячей в официальных матчах, рассказывает на страницах книги о своем детстве, футбольной карьере, делится впечатлениями о наиболее запомнившихся ему матчах, мыслями о дальнейшем развитии футбола.

Литературная запись Роберта Л. Фиша

- [Эдсон Арантис ду Насименту \(Пеле\)](#)

- [«Король футбола»](#)
- [Предисловие](#)
- [Глава первая](#)
- [Глава вторая](#)
- [Глава третья](#)
- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Глава восьмая](#)
- [Глава девятая](#)
- [Глава десятая](#)
- [Глава одиннадцатая](#)
- [Глава двенадцатая](#)
- [Глава тринадцатая](#)
- [Глава четырнадцатая](#)
- [Глава пятнадцатая](#)
- [Глава шестнадцатая](#)
- [Глава семнадцатая](#)

- Глава восемнадцатая
- Глава девятнадцатая
- Глава двадцатая

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11

Эдсон Арантис ду Насименту (Пеле)

Моя жизнь и прекрасная игра

*Дорогим советским читателям с
наилучшими пожеланиями*

Пеле

«Король футбола»

Бразилия — страна футбольных талантов, и сколько еще самородков хранит она в своих недрах, сказать трудно. Но один, уникальный, уже известен. Имя его Пеле. Он поднял футбол до вершин высочайшего искусства. Даже его неудачи — это не просто неудачи: они имеют какую-то яркую окраску. Играть против него можно было только на пределе сил.

Вскоре после чемпионата мира 1958 г., в котором Пеле впервые принял участие, его спросили, прибавил ли он в мастерстве?

«Я стал лучше видеть поле!» — ответил Пеле.

Так мог сказать человек еще молодой, но достаточно хорошо представляющий, что за этой фразой стоит нечто большее, чем просто техника и физическая подготовка. Не случайно наш известный футболист Эдуард Стрельцов назвал свою книгу «Вижу поле».

«Король футбола»! Наверное, трудно найти на планете другого монарха, которого бы с такой любовью и уважением называли «великим». И при этом ни грана лести. Королевство его — футбол, а точнее весь земной шар.

Эта книга — своего рода исповедь. Ведь наступает в жизни момент, когда человек, по словам Владимира Набокова, «насыщается воспоминаниями». В ней была потребность. Видимо, что-то Пеле, как ему кажется, не успел сказать на футбольном поле, хотя играл на высоком уровне до 40 лет. Случай не уникальный, но и не часто встречающийся.

Может быть, эти же чувства двигали им, когда он перед чемпионатом мира в Мексике (1986) предложил руководству бразильской команды включить его в состав национальной сборной. А ведь ему уже было далеко за сорок. Руководители команды отнеслись к его предложению весьма сдержанно. Тогда Пеле поехал в Мексику как комментатор телевизионной компании «Бандейрантес». На чемпионате он был нарасхват. Правда, без разрешения компании «король футбола» не мог дать интервью никому (для советского телевидения разрешение было получено).

Но вернемся к книге. Пеле-футболист рожден не на пляже Копакабаны, этом инкубаторе футбольного молодняка в Бразилии, где все на виду. Он вырос в маленьком городке, гоняя с другими мальчишками мяч в свободное от добывания хлеба насущного время. Эта часть книги привлекает непосредственностью изложения и дает достаточно полное

представление о социальной среде, в которой формировался Пеле, месте футбола в жизни бразильской семьи, Бразилии вообще.

Чтобы понять значение побед сборной Бразилии на чемпионатах мира, надо побывать хотя бы на одном из карнавалов, устраиваемых по этому случаю. Только тогда можно убедиться, что футбол в Бразилии — это не просто спорт или разновидность народного искусства. Это нечто большее — народная страсть.

Только в Бразилии диктор телевидения может абсолютно серьезно требовать с экрана расследования полицией причины, по которой сборная проиграла один из матчей чемпионата Южной Америки. Только в Бразилии президент страны может начать статью, посвященную внутренней и внешней политике, с неудач в футболе.

Несомненный интерес представляют в книге те страницы, где речь идет о судьбах и нравах профессионального спорта. В том, что именно Пеле возглавил кампанию в защиту прав профессиональных футболистов, есть своя логика. Несмотря на свое высокое материальное положение, он оставался сыном своего класса. Футбол, как и многие другие виды спорта, уже давно перерос в искусство. Ведь стотысячные стадионы строятся не для тех, кто играет в футбол в свободное от работы время, а для тех, кто демонстрирует настоящее футбольное искусство, доставляя истинное наслаждение десяткам, а то и сотням тысяч зрителей.

Пеле как профессионал умел играть за деньги. Он был лучше других и получал больше. Но никогда деньги не были для него побудительным мотивом. Его диалог с Пауло Цезаром на чемпионате мира 1974 года на эту тему весьма поучителен.

Свои финансовые интересы он умел защитить, но выходя на поле, служил лишь одному богу — футболу. Однако и на нем грели руки спортивные боссы. Имя Пеле эксплуатировалось на протяжении всей его блистательной карьеры. Все знали: Пеле — это касса.

Социальные условия, в которых прошли его детские годы, увлечение футболом не дали ему возможности получить своевременно образование. Не компенсировали этот пробел и многочисленные путешествия со сборной страны. Пеле обладает аналитическим складом ума, острым глазом, хорошей памятью. Он не только великолепный футболист. Пластинки с его песнями в его же исполнении расходились миллионными тиражами. Он пишет неплохие стихи. А роли в кино! Пусть разовые, но и они получили весьма высокую оценку зрителей и специалистов.

Его принимали президенты и короли, папа Римский и премьер-министры, а он оставался скромным парнем, и пожалуй, утверждал не столько себя, сколько футбол, этот удивительно демократичный, интернациональный вид спорта.

Пеле давал блестящую и в то же время очень нелегкую возможность спортивным журналистам, комментаторам, писателям творчески выложиться, показать свои способности. Надо было изобретать каждый раз нечто новое, чтобы так же ярко передать то, что делал в игре этот футболист.

Его личные взаимоотношения с определенной частью прессы складывались по-разному. Одни снобистски не могли согласиться с тем, что какой-то, пусть и талантливый футболист, еще и умный человек, другие просто ему завидовали. Свое отношение к этому Пеле четко выразил в книге.

В последние годы у Пеле обнаружился еще один талант — телевизионного комментатора. На чемпионате мира в Мексике его репортажами, содержащими тонкий анализ игры команд, футболистов, откровенно восхищались многие спортивные специалисты и профессиональные комментаторы. Он дал хорошую оценку идее организации Игр доброй воли, проходивших в Москве, посвятив им едва ли не большую часть из своего тридцатиминутного выступления. Тогда же по моей просьбе он и написал посвящение советским читателям, которое помещено на обложке книги.

Пеле-комментатор никогда не позволит себе амикошонствовать в эфире в отличие от некоторых телерепортеров, допускающих высказывания типа: «Сынок, я тебя прошу, не трогай сегодня мяч, не порти игру» (и это в адрес известного бразильского футболиста Кареки). По-репортерски вроде бы находка. Но надо быть Пеле, надо основательно полить потом святую футбольную землю, чтобы так не сказать.

Пеле и религия, вероисповедание, обращение к богу. Молитва — ритуал, молитва — песня, молитва — протест. Все это слишком глубоко уходит корнями в сознание, жизнь южноамериканцев, особенно негроидной расы. Пеле в книге довольно много рассуждает о проблемах расовых взаимоотношений. Хотя он-то абсолютно не страдает «комплексом черной кожи».

Значительная часть книги, разумеется, посвящена главным футбольным событиям, непосредственным участником которых был Пеле. Приятно, что одним из главных матчей в своей футбольной жизни он считает поединок на чемпионате мира 1958 г. в Швеции между сборной Бразилии и сборной СССР. Тот матч помог ему, 17-летнему дебютанту, закрепиться в основном

составе. Пеле очень скуп, порой сухо описывает забитые им голы. Это относится и к мячу, проведенному им в ворота чехословацкой команды на первенстве мира 1970 г. в Мексике, который вошел в список исторических голов, и к мячу, забитому на матче в Сан-Паулу, когда Пеле обвел чуть ли не всю команду, и к мячу, забитому им в ворота сборной Уэльса на чемпионате мира 1958 г. в Швеции — через себя в падении. Все это маленькие футбольные чудеса. А ведь Пеле за свою карьеру провел более 1250 голов. Зато он красочно и подробно описывает успехи своих товарищей по команде. По его мнению, они ничуть не хуже, чем он. Что это: игра в поддавки или снисходительность гения? Скорее скромность. Это относится ко всей книге.

С горечью повествует Пеле о футбольном бизнесе, зависимости от него тренеров, команды, футболистов. Эти страницы одни из лучших.

Несколько слов о футболе в Северной Америке. Ему посвящен ряд глав книги Пеле. Для пропаганды футбола в США, кроме Пеле, были приглашены многие другие звезды: Круифф, Мюллер, Беккенбауэр, Бест... «Соккер», так футбол называют в США, всегда был развлечением. Он жив и поныне, несмотря на то, что североамериканская футбольная лига (НАСЛ) распалась. В футбол играют в университетах, колледжах. В некоторых школах он является обязательным предметом. Для многих футбол стал любимой игрой. Есть у него свои болельщики и свои талантливые игроки.

Сборные США (возраст до 16 и до 20 лет) были участниками финальных турниров мировых чемпионатов. В США побывали многие команды международного класса, в том числе и советские футболисты. И когда местные специалисты говорят, что футбол в США (прежде всего молодежный) находится на хорошем уровне, это не просто слова. Не случайно футбольная организация США официально подтвердила свое намерение провести чемпионат мира 1994 года у себя в стране. Безусловно, Пеле, а с ним и другие звезды своей игрой способствовали росту популярности футбола на Североамериканском континенте.

В заключение хочу сообщить, что книга Пеле получила во Франции золотую памятную медаль Министерства культуры и просвещения. Многие бразильцы стали учиться грамоте, чтобы прочитать эту автобиографическую книгу.

*Заслуженный мастер спорта СССР
В. Маслаченко*

Предисловие

Эта книга посвящается человеку, который добился выдающихся успехов в футболе. Эдсон Арантис ду Насименту, известный всему миру под именем Пеле, единственный трехкратный чемпион мира по футболу. Чтобы по достоинству оценить этот факт, заметим, что за пальму первенства в чемпионате мира, который разыгрывается раз в четыре года, состязаются команды ста сорока стран. За два года до финала между этими ста сорока национальными сборными проводятся отборочные игры. И только четырнадцать лучших, к которым добавляются предыдущий победитель и команда страны — организатора турнира, оказываются в числе команд, завоевавших право участвовать в финальной части чемпионата. Победитель этого соревнования удостоивается высокого звания чемпиона мира. Трижды выиграть мировой чемпионат — это спортивный подвиг для любой команды.

Имя Пеле одинаково популярно и в городах Европы, и обеих Америк, и в далеких селениях Малой Азии, и в глухих африканских деревушках. Ни один спортсмен не может похвастаться более многочисленной зрительской аудиторией. Пеле знают лучше любого другого современника. Его фотографировали больше, чем самых популярных кинозвезд и государственных деятелей. Он посетил восемьдесят восемь стран, встречался с десятью королями, пятью императорами, семьюдесятью президентами и сорока другими главами государств, включая двух пап римских. В истории человечества нет ему равного по числу присвоенных званий почетного гражданина городов и стран.

В Нигерии в период трагической междоусобной войны 1967–1970 гг. было объявлено двухдневное перемирие, чтобы обе враждующие стороны могли присутствовать на матче с участием Пеле. Шах Ирана прождал три часа в одном из международных аэропортов только для того, чтобы побеседовать с Пеле и сфотографироваться с ним на память. В Колумбии во время матча толпа ринулась на поле в знак протеста против удаления Пеле за пререкания, и только вмешательство полиции спасло судью от расправы. Для продолжения игры обязанности рефери были возложены на одного из судей на линии, и Пеле по настоянию публики вернулся на поле. Такого еще не знала история международного футбола.

За свою футбольную карьеру Пеле забил рекордное число голов — почти 1300 (I), то есть в два раза больше, чем его

ближайший конкурент. Тем самым он установил еще один рекорд, которому, судя по всему, уготована долгая жизнь. В каждой игре Пеле забивал в среднем по голу.

Пеле дал больше интервью, чем любой его современник, причем из всех спортсменов он, видимо, наиболее доступен для журналистов и пользуется у них огромнейшей популярностью. Он был наиболее высокооплачиваемым игроком в командных видах спорта и, наверное, самым богатым. Журнал «Спорте иллюстрейтед» утверждает, что Пеле обладал наиболее выдающимися физическими данными среди спортсменов всего мира. В разных странах написано более девяноста песен о Пеле. У себя на родине, в Бразилии, он известен не только как спортсмен, но и как кино- и телеактер, а также как талантливый поэт и музыкант.

Это, конечно, любопытные и впечатляющие факты из жизни спортсмена. И все же что представляет собой Пеле? Каков механизм его действий, поступков? Чем он живет? Каковы составляющие индивидуума, имя которого Пеле?

Как случилось, что тихий, робкий, порой замкнутый пятнадцатилетний мальчуган, получивший приглашение сыграть за известный, но достаточно скромный клуб в Сантусе (Бразилия), всего за полтора года превратился в идола международного футбола? Когда обнаружилась в нем та самая «искра божья», которая притягивает к нему людей? Почему ему неизменно было обеспечено восхищение и уважение всех, с кем или против кого ему доводилось играть на протяжении спортивной карьеры? Как удалось ему не только сохранить эту популярность, но и преумножить ее в течение двадцати лет — с тех пор, как он впервые изумил мир своими удивительными способностями?

Видимо, его неповторимую гениальность как футболиста объяснить так же трудно, как непросто разобраться в гениальности Моцарта. Наверное, гениальность имеет собственное, присущее лишь ей объяснение. Некоторые считают, что в мозгу Пеле имеется своеобразный природный компьютер, который мгновенно улавливает малейшие перемещения мяча и игроков и таким образом позволяет ему всегда оказываться в нужном месте и в нужное время для завершения комбинации. Если это так, то именно этим можно объяснить его гениальность. В любом случае, несомненно одно: если Пеле и обладает такого рода компьютером, то программа этого устройства отрабатывалась годами изнурительных тренировок, суровым спортивным опытом, всей жизнью, без остатка отданной совершенствованию футбольного мастерства.

Почти каждого журналиста, который беседовал с Пеле,

удивляла его открытость. И все же каков он?

Смиренный?

Возможно.

Скромный?

Несомненно.

Может, простой?

Ну, нет. Что угодно, только не простой. Наверное, ни об одном человеке нельзя сказать, что простота — главная черта его характера, и это, пожалуй, меньше всего относится к Пеле. Думаю, что, познакомившись с его жизнью, такой, какой она виделась ему самому, мы сможем немного раскрыть для себя тайну этой исключительно сложной личности...

Роберт Л. Фиш

Я посвящаю эту книгу всем тем, кто
сделал прекрасной эту великую игру.

Пеле

Глава первая

Гетеборг, Швеция — июнь 1958 года

На стадионе «Ню Уллеви» негде яблоку упасть. Зрители приготовились быть свидетелями того, как сборная Советского Союза разгромит сборную Бразилии, которая проводит свою третью игру на чемпионате мира за обладание высшим футбольным трофеем — Кубком Жюля Риме. Из шестнадцати команд-участниц четырнадцать вышли победителями в отборочных играх, проводившихся по всему миру год назад. Остальные две сборные — Западной Германии и Швеции — были освобождены от предварительных состязаний: первая как победитель прошлого чемпионата мира, вторая как представитель страны — организатора нынешнего турнира.

Многие полагают, чемпионат скорее всего выиграют русские, хотя признают, что и валлийцы (Уэльс) привезли сильную команду. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и чемпионов мира — футболистов Западной Германии, а также шведскую сборную — грозного соперника для любой команды.

Съехавшиеся со всего мира журналисты ждут появления русской команды. Им не терпится увидеть собственными глазами техничного центрального нападающего Симоняна, чудо-вратаря Яшина, левого полузащитника и капитана Нетто, исключительно интеллигентного футболиста, левого полусреднего Сальникова. Радио- и тележурналисты никак не дождутся начала игры, чтобы после ее окончания взять интервью у победителей — русских звезд из таких известных московских клубов, как «Динамо», «Спартак», «Торпедо».

Никто на стадионе (кроме разве самих бразильцев) не ожидает слишком многого от южноамериканской команды. Правда, первой игре она победила австрийцев со счетом 3:1, но тот, кто был на матче, видел, что счет не отражал соотношения сил на поле.

А в матче с ослабленной английской сборной самое большее, на что были способны бразильцы, — это нулевая ничья. Причем «англичане играли без таких футболистов, как неповторимый правый крайний Мэтьюз или коренастый, мощный центральный нападающий Лофтхаус, и заявили только двадцать игроков вместо разрешенных двадцати двух. Но даже эта нулевая ничья стоила бразильцам немалых усилий.

Вот русские — совсем другое дело. Футболисты «большой красной» команды, как их здесь называли, — крупные и крепкие

парни, отобранные из тысяч спортивных клубов огромной страны, пользующихся финансовой поддержкой государства. Они впервые принимали участие в играх на первенство мира и без труда вошли в число шестнадцати лучших. Если бы русские участвовали во всех предыдущих турнирах такого ранга, они наверняка трижды одержали бы победу в чемпионатах мира и получили бы кубок на вечное хранение. А вот бразильцы не победили еще ни в одном чемпионате. И даже тогда, в 1950 году, один-единственный раз добравшись до финала, они, играя у себя дома, на собственном поле, перед своими болельщиками, с заведомо более слабым соперником, потерпели позорное поражение. А про выступление бразильцев в 1954 году лучше вообще не вспоминать. В общем, хвастаться нечем. Так что никакого чуда от Бразилии ждать не приходится.

Когда футболисты неторопливо выбежали из туннеля, зрители на трибунах вытянули шеи, стараясь рассмотреть худого невысокого темнокожего парня в составе бразильской команды. Форма национальной сборной только подчеркивала его небольшой рост. Худой невысокий темнокожий парень — это я, Пеле. Большинство людей на трибунах, наверное, считает, что меня взяли на игру просто как «талисман» или же я — сын одного из друзей тренера команды, так как сыном тренера я быть не могу, ведь тренер — белый. Зрители, присутствовавшие на матчах Бразилии с Австрией и Англией, наверное, помнят, как я, прихрамывая, уходил с поля, чтобы занять свое место на скамейке запасных, как подбадривал своих товарищей, наивно полагая, что вместе с другими запасными способен перекричать огромную массу людей, болевших за наших соперников.

Но сейчас среди игроков, выстраивающихся на зеленом поле стадиона, худой невысокий темнокожий парень — это я. Зрители видят на мне футболку с большой цифрой 10. Я уверен, что журналисты, представляющие разные газеты и журналы, радио-и телекомментаторы полезли в свои записи: это что еще, черт возьми, за «десятка»? И если все было на самом деле так или приблизительно так, то они прочли, что я — это Эдсон Арантис ду Насименту, семнадцать лет. Наверное, кое-кого из зрителей немного забавляло присутствие ребенка на футбольном поле во время матча на первенство мира. Кое-кто наверняка негодовал — такое значительное спортивное событие, как матч чемпионата мира, превращается в пародию из-за того, что по футбольному полю бежит какой-то мальчишка. Ну, а более сентиментальные зрители, по-видимому, искренне сочувствовали бразильской сборной, которая настолько оскудела талантами, что была

вынуждена привезти на чемпионат мира детей.

После первых звуков Государственного гимна мы, бразильцы, ощутили в душе странное волнение. Я не способен его описать. Не думаю, что это мог бы сделать и кто-нибудь другой. Все мы чувствуем себя как во сне, но, наверное, больше всех я. Стараюсь не терять времени на анализ этого странного ощущения. Знаю, сейчас от меня потребуется предельная собранность. Пытаюсь подчинить все мысли предстоящей игре, но мозг сверлит только один вопрос: как могло случиться, что ты сейчас здесь, в Швеции, в составе бразильской сборной, представляющей страну на чемпионате мира? Скорее всего это сон, сон да и только.

Вот русская сборная, занимающая свое место на футбольном поле, это не сон. Наверное, кошмар, но только не сон! Каждый из них крупнее своего соперника в нашей команде, а вратарь Яшин просто гигант. Ему стоит лишь раскинуть руки, и он прикроет всю площадь ворот. У меня замерло сердце: забить гол такому гиганту — невысказанное дело!

Мы занимаем исходное положение. Слева от меня Загало, справа Вава, потом Диди и Гарринча. «Гарринча» по-португальски это маленькая птичка. Вполне оправдывая свое имя, он неудержимо носится по полю. Мы прозвали его «манэ», что значит полоумный, однако пойдя поищи другого такого «полоумного», который бы действовал на поле, как наш «манэ». Я оглядываюсь, но не для того, чтобы посмотреть на наших защитников, а чтобы не видеть выстроившихся передо мной гигантов. В центре поля Нилтон Сантос — главный мотор команды, рядом с ним Зито, другой игрок линии нападения. Он шлет мне добродушную улыбку. Сзади меня Беллини, наш капитан, потом Орландо, де Сорди, а позади всех — спокойный и невозмутимый вратарь Жильмар. Зито хлопает в ладоши и, подмигнув, говорит: «О'кей, ребята. Ну-ка, преподнесем им сюрприз!»

Вава смотрит на него, сдвинув брови, но в его глазах горит озорной огонек: «Что значит сюрприз? Ведь они только и ждут того, чтобы нам проиграть. Поэтому сюрприза не будет!»

Начинается игра, и я забываю про шутку, прекрасно понимая, что Зито хотел снять общее напряжение, но главным образом мое. И вот для меня уже не существует ни стадиона, ни зрителей, вообще ничего. Моим сознанием овладевает только футбол, прекрасная игра, которую я так люблю и которая дает мне жизнь. И играем мы не с русскими, а просто с соперником, и самое главное сейчас — это победа!

Мяч у русских, они неплохо владеют им, все идет гладко, без ошибок. Но вот один из них допускает неточность, и мяч уже в

ногах у Гарринчи. Наша «птичка» делает рывок, демонстрируя при этом фантастический дриблинг, который сразу завоевывает симпатии зрителей. Он легко обходит защитников, словно их не существует. Я рвусь к нему на помощь, зная, что физически крепкие русские возьмут его в «коробочку», но Гарринча уверен в себе. Он мастерски обводит ближайшего к нему игрока и, даже на мгновение не замедлив бега, изо всей силы бьет по воротам. Яшин взвизгивает в прыжке, однако дотягивается до мяча только кончиками пальцев. Из моего горла рвется «го-о-о-л!»... но мяч отскакивает от штанги в поле. Я подумал, что Гарринча от обиды будет ругаться, но он не теряет времени даром. Гарринча — настоящий профессионал. Определив траекторию полета мяча, он подхватывает его и снова бьет, но ему мешают, и мяч улетает за пределы поля.

Игра только началась, однако уже видны уязвимые места в защитных линиях русских. Нападающие играют активно, но нас это не беспокоит. Нилтон Сантос, Беллини, Орландо, де Сорди, Зито и Жильмар справятся с ними. Гарринча — само вдохновение. Похоже, он ждал этой игры всю свою жизнь. Защитников он обходит, как ему хочется. Зрители, почувствовавшие, что игра для русских складывается не лучшим образом, начинают болеть за нас и награждают аплодисментами каждый удачный проход с мячом. Выполнение любого финта, в результате которого несколько растерявшиеся русские теряют мяч, сопровождается все более одобрительным шумом трибун. В мыслях же у нас одно: как протолкнуть в ворота мяч мимо огромного Яшина.

Мяч у Диди, и я угадываю его намерение. Избавившись от двух защитников, жду. Диди посылает мяч в мою сторону с такой точностью, будто измерил расстояние рулеткой. Согласно наигранной комбинации, мяч пролетает мимо меня, и я, не снижая скорости и не обрабатывая его, сильно бью по воротам. Яшин бросается за мячом, но я-то знаю, что среагировать на такой удар трудно — вратарь не рассчитывал на столь быстрое перемещение игроков и мгновенный розыгрыш мяча. И снова из моего горла вырывается «го-о-о-л!», и снова проклятый мяч попадает в штангу, а затем отскакивает во вратарскую площадку. Яшин ловит его и крепко заключает в свои объятия.

С ненавистью смотрю я на стойки ворот.

Подбежавший ко мне Диди улыбается: «Спокойно, мальчик! Все будет как надо. Дай только время».

У меня заныло колено — давала себя знать травма, которая помешала мне выйти на поле в первых двух матчах и вообще чуть было не лишила возможности участвовать в играх на первенство

мира. Но это тема для особого разговора, а сейчас не время размышлять о ноющем колене. Мяч снова у Диди. Я устремляюсь на свободное место, чтобы получить от него пас, но меня быстро прикрывает защитник. Тогда Диди, не замедляя бега и ничем не обнаруживая своих намерений, отправляет мяч в совершенно другом направлении, к Вава. Тот, слегка подправив его, словно подгоняя под скорость своего бега, сильно бьет по воротам! Гол!

Команда Бразилии выходит вперед.

Обступив Ваву, мы не скрываем своей радости, дружески похлопываем его, толкаем в спину, грудь, подпрыгиваем, восторженно размахиваем кулаками. Яшин лежит на земле и печально смотрит на нас, как на не в меру расшалившихся детей, которые огорчили своего доброго родителя.

Между тем игра продолжается. После забитого гола мы стали спокойнее, уверовали, что игра теперь будет легкой и... поплатились за это. До конца первого тайма нам ни разу не удастся добиться успеха. Я явно возбужден. Мне хочется поскорее доиграть этот матч и вернуться в гостиницу, чтобы там, подобно малому ребенку, который не может расстаться с любимой игрушкой, предаться воспоминаниям об игре.

Мой дриблинг на высоте, мои уходы, финты, отбор мяча встречают одобрение зрителей, они теперь нам явно симпатизируют. Но я не использовал две абсолютно голевые ситуации, и все потому, что не проявил достаточного хладнокровия в момент удара. Мои товарищи по команде обладают большим хладнокровием, но и им ничего не удастся сделать. На перерыв мы ушли при счете 1:0.

Второй тайм в значительной степени напоминает первый. Русские мощно и яростно атакуют, но наша защита непробиваема. «Большой красной» команде никак не удастся пройти Орландо, Нилтона Сантоса, Беллини и де Сорди, не говоря уж о том, чтобы произвести прицельный удар по воротам Жильмара. Однако и русская защита подтянулась, а Яшин, как мне кажется, стал еще больше. Он закрывает собой всю площадь ворот, так что протолкнуть мяч мимо него, наверное, просто невозможно.

Время игры истекло, когда мяч снова оказался у Диди. Он переправляет его мне с такой точностью, как будто на поле, кроме нас двоих, никого больше нет. Остановив мяч, я устремляюсь к воротам. Среди защитников смятение. Они не отпускают меня и Диди ни на шаг. А нам только этого и надо — без присмотра оказался Вава. Он готов к удару, искусно маскируя свою готовность. Полет навешенного мною мяча чуть замедлился, и Вава без обработки, но достаточно точно бьет по воротам. Защитники пытаются изменить направление полета мяча. Яшин

вытягивается в броске, но даже его рост не может компенсировать точность удара Вавы.

Го-о-о-л!

Яшин сидит на земле, и так же, как и в первый раз, печально смотрит на нас. Мы бросаемся вслед за Вавой. Он что-то кричит от нахлынувших на него чувств.

В этот момент время игры истекает. Итак: Бразилия — СССР 2:0.

В тот вечер в честь нашей победы был устроен грандиозный ужин, за которым мы вновь и вновь перебирали в памяти все эпизоды игры, не скупясь на комплименты Друг другу (наш тренер Феола допускает это, учитывая психологическое состояние игроков, но мы-то знаем, что завтра он камня на камне не оставит от всей нашей самовлюбленности).

Я отправляюсь к себе в номер и начинаю медленно раздеваться. Лежа в постели, мысленно проигрываю весь матч от начала до конца, все комбинации, отборы мяча, дриблинг, /дары. Приходится признать, что во время игры я был слишком возбужден. При мысли об упущенных голах меня мучают угрызения совести. Вместе с тем я понимаю, что в общем-то сыграл неплохо. В конце концов, матч на первенство мира — это не рядовая встреча с какой-нибудь клубной командой из Санто-Андре или Можи-дас-Крузис. Да и русские далеко не слабаки. И все же мы выиграли. До сегодняшнего дня никто, наверное, не знал, кто этот худой невысокий темнокожий парень по имени Пеле, но теперь-то знают. Так что стыдиться мне нечего.

Интересно, о чем думают сейчас там, в Бауру, мои родители, брат, сестра, дядя Жоржи, бабушка дона Амброзина, мои друзья? Могу себе представить праздничное настроение на улицах, все только и говорят о Пеле, этом маленьком чертенке, который совсем недавно был наказан за то, что мячом разбил лампочку на уличном фонаре.

Мысленно возвращаясь к прошедшей игре, твердо обещаю, если меня поставят на следующий матч, буду спокойней и сдержанней, как Гарринча, Диди, Вава или Загало, чтобы выглядеть на поле более профессионально.

Мне никак не удастся уснуть. Мысли возвращают меня в Бауру, и я перебираю в памяти те удивительные ступеньки лестницы моей жизни, которые привели меня в бразильскую сборную. Может, бог помог мне в этом, но тогда почему мне, почему он избрал именно меня?

Я знаю, что бессмысленно пытаться в этом разобраться. Что бы там ни было, но для меня это настоящее чудо...

Глава вторая

Я родился в ночь на 23 октября 1940 года в маленьком городке Трес-Корасаес бразильского штата Минас-Жерайс. При крещении был наречен Эдсоном Арантисом ду Насименту, но свое настоящее имя я узнал совсем недавно, потому что в семье все звали меня Дико. Я специально ездил в этот городок, чтобы увидеть дом, в котором родился — отчасти из вполне естественного любопытства, отчасти из чувства уважения к властям, которые одну из улиц городка называли моим именем да еще распорядились укрепить на стене нашего бывшего дома табличку. Этот небольшой домик лепится к другим ветхим домишкам из обожженного кирпича, уцепившимся друг за друга растрескавшимися стенами, покрытыми облупившейся краской. Когда мы здесь жили, я был слишком маленьким, чтобы сообразить, что наш дом никак не назовешь замком. Даже тогда, когда мы переехали в Бауру и я, уже подросток, стал смотреть на мир другими глазами, наша «обитель» не казалась мне слишком уж скромной. Ведь все, кого я знал, жили в точно таких же домах.

Я нередко пытался представить себе сцену моего рождения. Юную мать — дону Селесте с искрящимися глазами. Она гордо держит на руках худенькое крохотное извивающееся черное тельце. Рядом бабушка Амброзина, сияющая от счастья. Мой дядя Жоржи говорит: «Сомнения нет, цвет кожи у него достаточно черный». Отец, такой же юный, как и мать, наклоняется, чтобы лучше рассмотреть меня, своего первенца; затем слегка сжимает мои бедра и авторитетно заявляет: «Что ж, из него выйдет хороший футболист, ноги у него что надо».

Реально представляю себе эту сцену. Брошенная реплика спугивает улыбку с лица матери. Я зримо ощущаю, как она нежно заключает меня в свои объятия и резко парирует: «Все сделаю, чтобы этого не было. Ну уж нет. Одного футболиста на нашу семью вполне достаточно, а, может, даже чересчур много! Нет, нет. Он станет врачом, чтобы чего-нибудь добиться в жизни. Футболист? Да вы сами посудите, ну зачем ему желать зла?»

Даже если мать и не произносила этих слов тогда, она довольно часто повторяла их все годы, пока я подрастал. Мой отец Жоао Рамос ду Насименту был профессиональным футболистом, известным по прозвищу Дондиньо. Он считался прекрасным игроком и пользовался в тех краях широкой известностью, но не был ни самым счастливым, ни самым обеспеченным. Жить на скромный заработок, который получал в то время профессиональный футболист, особенно играя за

небольшой клуб да еще в таком захолустном городке, как Трес-Корасаес, было невозможно. Поэтому наивным было стремление прокормить семью на эти жалкие доходы. Кроме жалования, футболисты не получали почти ничего. Вознаграждения за выигрыш, что в наше время составляют значительную долю доходов профессиональных игроков, были в то время крайне редки. Отец прекрасно разбирался в футболе и любил его больше всего на свете. Он остался верен футболу, несмотря на раздражение матери и финансовые затруднения его постоянно растущей семьи. Отец жил надеждой, что однажды он получит приглашение от известного клуба в большом городе, и тогда все уладится, и мы заживем, как короли.

Эта мечта частично сбылась. Самый реальный шанс представился отцу в 1942 году, когда один менеджер, увидев его игру, предложил Дондиньо перейти в известный клуб «Атлетико Минейро» из Белу-Оризонти. Мне было слишком мало лет, чтобы это событие запечатлелось в памяти, и все же можно представить себе всеобщее возбуждение в тот день, когда отец собрал чемодан, расцеловал на прощание всю семью и уехал. Я знаю, какие надежды он связывал с этим отъездом, и почти осязаю то розовое будущее, которое виделось ему. Отец был игроком экстра-класса и нисколько не сомневался, что ему нужен лишь шанс проявить себя.

Дебют Дондиньо оказался неудачным. В первой же игре против клуба «Сан-Кристован» из Рио-де-Жанейро он резко столкнулся с Аугусто (тем самым Аугусто, который позже выступал за клуб «Васко да Гама» и был включен в состав национальной сборной, участвовавшей в чемпионате мира по футболу 1950 года, даже был избран ее капитаном). Так вот, Аугусто поднялся, а Дондиньо продолжал лежать на земле, корчась в муках. У него был жесточайший разрыв связок правого колена. Игра закончилась вничью со счетом 1:1, но в следующем матче «Атлетико» с клубом «Америке» отец уже играть не мог.

Ему выдали обратный билет в Трес-Корасаес. Я думал, что после того, что произошло, Дондиньо не вернется домой. Но, видно, он очень любил всех нас, поэтому такая мысль не могла прийти ему в голову. Отец вернулся, правда, подавленный. Это состояние усугублялось еще и тем, что он начал прихрамывать — мучила боль в колене, да и жена, дона Селесте, беспрестанно пилила.

«Дондиньо! И раньше, когда обе ноги у тебя были здоровые, ты не мог прокормить нас своим футболом! Забудь это безумие! Найди себе нормальную работу, чтобы зарабатывать ею на жизнь! Жоржи, скажи ему!..»

Но Жоржи ничего не мог сказать, так как он любил отца и втайне завидовал ему, что он так хорошо играет, что зрители на трибунах приветствуют его, а в городе люди специально переходят на другую сторону улицы, чтобы поздороваться с ним. Дядя Жоржи — это брат моей матери. Он моложе ее и больше похож на моего старшего брата, чем на дядю. Он годится скорее в сыновья Дондиньо, чем в братья Селесте.

Дондиньо футбол не бросил, хотя колено оставалось распухшим, а боль не утихала. Он боялся делать операцию. Наверное, отец был прав, так как состояние местной больницы оставляло желать много лучшего. В промежутках между матчами Дондиньо обкладывал колено холодными компрессами, и это позволяло ему продолжать выступления за клуб «Трес-Корасаес». Ведь для него это была единственная возможность заработать на жизнь.

Все это я узнал в основном из рассказов родных. Мои собственные воспоминания связаны с городом Бауру, что в штате Сан-Паулу. Я хорошо помню, что футбольная карьера Дондиньо заносила нас на короткое время в Лорену и Сан-Лоренсо, где отец безуспешно пытался заработать на жизнь. Но Бауру суждено было стать нашим постоянным домом. Футбольный клуб этого города не только закрепил за Дондиньо место в команде, но и обещал ему помочь устроиться на государственную службу, чтобы облегчить его финансовое положение. Это было впервые. Мать приняла в штыки новость о новом переезде да еще переходе в другой футбольный клуб, но мгновенно сдалась, услышав о шансе устроиться на государственную службу. Она непрестанно молилась за это с тех пор, как стала женой Дондиньо. И вот мы опять снимаемся с места, но теперь, видимо, уже в последний раз.

Мои самые первые впечатления связаны с переездом в Бауру по железной дороге. Тогда мне было примерно четыре года. Я не помню деталей, но все же смутно припоминаю, как мы добирались до вокзала в старой повозке, запряженной осликом и выбивавшейся из последних сил лошаденкой. Повозкой правил дедушка, отец моей матери, который зарабатывал на жизнь тем, что пилил дрова, нарезал затем из них лучины и продавал их на растопку. Повозка была наполовину загружена поленьями, сзади лежали наши скромные пожитки. Там же примостились и мы с отцом. Мать с маленькой сестренкой на руках устроилась на сиденье около деда. Локтем она придерживала моего младшего брата.

Особенно хорошо мне запомнилось путешествие по железной дороге. Раньше мне ни разу не доводилось заглянуть в мир, лежавший за пределами нашего города. По крайней мере, ничего

подобного не запечатлелось в моей памяти. Поэтому все, что я теперь увидел, было для меня новым и полным очарования.

Во многих поездах тогда (а кое-где и до сир пор) окна оставались распахнутыми, что являлось наиболее естественным и, в общем, наиболее экономичным способом кондиционирования. Меня невозможно было оторвать от окна. Скорость поезда была невелика. Паровоз самодовольно пыхтел, словно ему некуда было спешить, и катил себе без конкретной станции назначения. Мне казалось, что окружающий ландшафт не очень отличается от тех мест, где мы жили: мимо тянулись холмы коричневатой пыльной земли с приземистыми деревьями, устоявшими на бедных почвах в упорной борьбе за существование; попадались и более крепкие деревья, отбрасывавшие легкую тень. Кое-где к железнодорожному полотну подступали лачуги, возле которых в грязи играли полуголые ребятишки, равнодушно глядевшие на нас, торжественно проплывавших мимо со скоростью пятнадцать миль в час. У каждой лачуги была неизменная веревка, увешанная жалким бельем, болтавшимся на ветру. Изредка на глаза попадались bananeiras (так называют в Бразилии заводики по переработке бананов), Увешанные банановыми стеблями, создававшими слабую тень для тех, кто был обречен здесь на вечное прозябание.

На каком-то отрезке пути состав изогнулся по дуге, и я, забыв наказы родителей, высунулся по пояс из окна, чтобы рассмотреть паровоз, тянувший поезд. Я отчетливо разглядел и паровоз, и поднимавшиеся из трубы клубы дыма, которые темными пятнами заляпывали голубизну безоблачного неба. Машинист, небрежно высунувшись из кабины, посасывал трубку, от впереди бегущих рельсов отражались лучи солнца. Вдруг меня резко подбросило, и в тот же момент я ощутил такую затрепину, что отлетел к скамейке, на которой сидели мои родители. Дондиньо пристально смотрел на меня, а дона Селесте готова было поддержать его еще одной затрепиной в случае малейшего протеста с моей стороны.

К сожалению, город Бауру не стал землей обетованной, на что так надеялась наша семья. Клуб «Лузитания», заключивший контракт с отцом, был переименован в клуб «Бауру Атлетик», и новые менеджеры, соглашаясь выполнить обязательства, касавшиеся спортивной части контракта, всячески увиливали от обещания устроить Дондиньо на государственную службу. Нам опять пришлось начинать практически с нуля. Только на этот раз в совершенно чужом городе, где не было ни одной знакомой души, но зато прибавились домочадцы: дона Амброзина — бабушка по отцовской линии и дядя Жоржи. Итак, в доме было

семеро: бабушка, дядя, брат Жаир, сестра Мария Лусия, родители и я. С новой силой разгорались ожесточенные споры. Кроме того, что Дондиньо приходилось играть в футбол с травмированным коленом, он должен был постоянно доказывать доне Селесте, что ему действительно обещали место на государственной службе, а менеджерам клуба, что они обязаны или предоставить ему обещанную работу, или подыскать что-нибудь взамен. Но ни то, ни другое успеха не имело.

А пока дядя Жоржи колол дрова, ходил по домам и продавал лучины. Этому он научился еще у своего отца. Но в Бауру было слишком много конкурентов, поэтому зарабатывал он очень мало. Позже дядя устроился в большой магазин по оптовой торговле, в котором продавалось все — от яиц до топорика. Его заработок стал немалым подспорьем для всей нашей семьи. По выходным дням к нам в Бауру приезжала тетя Мария, сестра Дондиньо, она служила в богатом доме в Сан-Паулу. Тетя привозила с собой фрукты — яблоки, груши, о существовании которых мы даже не подозревали, а также поношенные вещи своих хозяев. Постепенно до моего сознания стало доходить, что такое нищета.

Нищета — бич, который подавляет разум, иссушает дух и отравляет жизнь. Если мы не испытывали недостатка в самом элементарном, например, в пище, жилье или деньгах, чтобы заплатить за квартиру, мы были счастливы. Зато в нашем доме всегда царила любовь. Она помогала преодолевать невзгоды, и ее мы сохранили до сегодняшнего дня. Хотя было и немало горячих споров, обидных упреков и неприятных стычек из-за отсутствия самого необходимого, на что, как упрямо повторяла доня Селесте, мы имели законное право, поскольку Дондиньо обещали место на государственной службе.

Дом, в котором мы поселились, был деревянным. Наверное, для мастера, покрывавшего его черепицей, кровельное дело было не основным занятием: крыша текла, как решето. Правда, в отличие от решета она почему-то не протекала в одном и том же месте дважды. В период ливневых дождей трудно было угадать, куда положить матрац, чтобы спокойно проспать хотя бы остаток ночи. Но постоянно протекавшая крыша — это еще не нищета, хотя мать мучительно изводила Дондиньо упреками за то, что он не мог заплатить за дом даже с протекавшей крышей.

Не было нищеты и то, что частенько приходилось в темноте нащупывать щеколду стоявшей во дворе уборной и, сидя там, со страхом вслушиваться в лежавшую за стенами ночь. Ничего особенного — ведь даже у наших соседей, людей более обеспеченных, уборная тоже находилась во дворе. Не было нищеты и то, что приходилось носить не подходившую по

размерам старую одежду, иногда оставаться без ботинок или холодными ночами всем спать в крохотной кухне вокруг печки, прижимаясь друг к другу, чтобы не замерзнуть (и почему только считается, что в Бразилии всегда жарко?).

Нет, нищета была в тревожных раздумьях о том, что случится, если вдруг кончатся деньги на дрова. Нищета грозила погасить и даже превратить в ничто любую щепку, которая должна была питать голодное чрево печки.

В общем, нищета — это лишение человека чувства собственного достоинства и уверенности в своих силах. Нищета — это страх, но не страх смерти, который оправдан ее неизбежностью. Нищета — это страх жизни. Это жуткий страх...

В те первые годы, когда мы переехали в Бауру, нищета угнетала моих родителей, дону Амброзину и дядю Жоржи, но только не меня. Здесь я чувствовал себя счастливым. По соседству жило много мальчишек, моих сверстников — чернокожих, белокожих (если вообще существуют абсолютно белые бразильцы), японцев. Наши игры продолжались с утра до вечера. Поначалу мы организовали своеобразный цирк на заднем Даоре, устроив трапецию из мангового дерева. Однако самая крепкая веревка, которую нам удалось раздобыть, оказалась слишком ветхой, поэтому мое первое раскачивание, за которым следила дона Селесте, стало и последним. Веревка оборвалась, моих приятелей разогнали по домам, а я заработал очередную затрещину.

Тогда мы решили играть в игры для взрослых, например, в футбол, потому что видели, как играют мой отец и другие профессионалы из клуба «Бауру Атлетик», или, как его кратко называли, «БАК». Купить настоящий футбольный мяч мы не могли и поступили так, как поступает большинство мальчишек: самый большой, который только удалось найти, мужской носок мы набили тряпьем и бумагой, придали ему форму шара и крепко завязали веревкой. Со временем в носок стали набивать больше тряпья, из-за чего мячи получались массивными и тяжелыми. Иногда носки для мячей мы «заимствовали» с веревок для сушки белья. Нам казалось, что наши потребности вполне оправдывают такое «заимствование»: ведь человек может обойтись без носков, а вот нам, ребятам, без мяча никак нельзя.

Когда я был призван в бразильскую армию, кто-то в шутку поведал мне, что в американской армии есть такая присказка: «Если оно движется, проводи его взглядом. Если оно неподвижно, подними его с земли. Если оно слишком велико, нарисуй его». У нас в Бразилии она звучала бы так: «Если оно движется, ударь по нему ногой. Если неподвижно, ударь по нему ногой и заставь

двигаться. Если оно слишком велико, чтобы ударить по нему ногой, поменяй его на нечто меньших размеров и ударь по нему ногой». Бразильцы учатся бить по мячу, как только встают на ноги. Ходить они учатся позже.

Наше футбольное поле было расположено на Рубенс Арруда, где я жил. Воротами служили оба конца этой улочки: один — на пересечении Рубенс Арруды с улицей Седьмого сентября, другой — у тупика, где Рубенс Арруда упиралась в старое тренировочное поле соперничавшего с «БАК» клуба «Нороасте». Если бы эта улочка была покрыта асфальтом, боковые линии поля совпали бы с обочиной. Но поскольку она была немощенной, требовалось немало усилий даже для того, чтобы удержаться во время игры на ногах. Немалую сноровку нужно было проявить и для того, чтобы нанести удар по нашему мячу, поскольку вес его постоянно менялся в зависимости от «начинки», а также от частых попаданий в грязные лужи. Но для меня это не имело никакого значения. Удовольствие от удара, умение привести мяч в движение, заставить его повиноваться — все это порождало приятное ощущение собственной силы, которое я познал впервые в жизни.

Моя страстная увлеченность футболом не очень нравилась матери. Для нее футбол был почти то же самое, что ограбление банка или семь смертных грехов. Правда, футбол удерживал меня от более опасных шалостей. К тому же благодаря ему я всегда был в поле ее зрения, и в этом тоже был свой резон. За разрешение играть мне пришлось взять на себя заботу о младшем брате Жаире, получившем прозвище Зока. Надо сказать, что к тому времени я уже твердо решил отказаться от карьеры профессионального футболиста. Я собирался стать летчиком. Эта идея возникла у меня, когда я наблюдал за взлетом и посадкой самолетов на поле местного аэроклуба.

Необходимость присматривать за Зокой была слишком дорогой ценой за возможность погонять мяч прямо перед нашим домом. Ведь играть в футбол и одновременно присматривать за ребенком просто невозможно. Хотя Зока был маленький, он вечно порывался участвовать в игре наравне со всеми, и каждый раз, когда о него кто-нибудь спотыкался, он с пронзительным криком убегал домой. Мне приходилось прерывать игру и получать от матери очередной подзатыльник. Но если мама велела присматривать за Зокой, спорить с ней не было никакого смысла.

Моя мать, дона Селесте, была (и осталась) невысокой женщиной весом примерно в девяносто фунтов, с неизменной тяжелой кастрюлей в руках. У нее была изящная фигура, мелкие, но очень правильные черты лица, копна блестящих

рыжеватых волос, которыми она очень гордилась. Когда она улыбалась — это была самая прелестная улыбка в мире, но, к сожалению, все мы не очень способствовали тому, чтобы она улыбалась. Вместе с тем каждого, кто судил о доне Селесте лишь по ее очаровательной улыбке и миниатюрной фигурке, ждал сюрприз. Дона Селесте твердой рукой управляла домом. Она гордилась тем, что семья Арантис ду Насименту, несмотря на бедность, была достойна уважения. Дети не воровали, не просили подаяния, никому не лгали, никогда не произносили бранных слов, верили в бога, хотя и не рассчитывали на то, что он разрешит все семейные проблемы, с уважением относились к старшим, а самое главное, повиновались родителям — а не то!..

Задумываться над этим «а не то» было весьма мучительно, ведь в основном мы соблюдали приличия, хотя до сих пор меня преследует вопрос: если я столь тщательно выполнял все родительские заповеди, тогда почему мне доставалось столько оплеух и подзатыльников. Наверное, причиной этого было еще одно из установленных доной Селестой правил: я должен был находиться в пределах слышимости ее голоса, который был достаточно громким для такой хрупкой женщины и в иных обстоятельствах был бы достоин лучшего применения. К сожалению, аэроклуб располагался вне досягаемости ее голоса. Я украдкой бегал на летное поле, когда не мог гонять мяч, просиживал там, наблюдал за взлетом и посадкой маленьких самолетов, за тем, как разгоняются перед взлетом планеры и, словно птицы, взмывают в небеса. Я не отрывал взгляда от летчиков, когда они в блестевших на солнце защитных очках и кожаных куртках спускались на поле из своих удивительных летающих шкурок. Я мечтал, что настанет день, когда я тоже в защитных очках, куртке и летных сапогах залезу в один из таких же чудесных самолетов и с легкостью птицы полечу в бездонное восхитительное небо. Все земные тревоги будут забыты, нищета отойдет в прошлое. Я посмотрю вниз на землю и увижу наш крошечный домик, а перед ним изрезанную колеями дорогу, грязный задний двор с маленьким Манговым деревом, и... улечу прочь. Во сне я все время возвращался то к матери, то к сестре, то к отцу, то к бабушке, то к дяде Жоржи (но только не к Зоке), а потом снова улетал. Я поклялся, что обязательно добьюсь своей цели, когда вырасту.

Зока всегда увязывался за мной в моих «экскурсиях» на летное поле, но я старался от него отделаться, так как там его ни на секунду нельзя было оставить без внимания. Когда же он вырывался из рук и бежал к самолету или выскакивал на взлетно-посадочную полосу, что в любой момент могло печально

кончиться, я твердо знал, кому за это пришлось бы отвечать. Но если я не брал его с собой, он вбегал в дом и громко кричал: «Мама! Дико снова ушел в аэроклуб!» Это означало еще одну оплеуху или подзатыльник плюс еще одно наказание, которое ожидало меня позже за то, что я учил, а вернее пытался учить Зоку скрывать наши «отношения» от домашних.

Примерно с семи лет я начал работать чистильщиком сапог. Приятель помог мне смастерить ящик, который отдаленно напоминал сапожный сундучок, а дядя Жоржи финансировал начало этого предприятия. По правде сказать, я прежде всего рассчитывал на то, что новое занятие облегчит мне посещение аэроклуба, поскольку на самолетах, как мне тогда казалось, летают люди, которые обращают особое внимание на свой внешний вид и поэтому до блеска чистят обувь. Дона Селесте была решительно против моей затеи, утверждая (впрочем, ее аргументы поначалу казались вполне логичными), что если мне не удастся, я могу чистить сапоги и ботинки соседям по улице. Поскольку многие из них были такими же бедняками, как и мы, мой «бизнес» в пределах нашей улицы имел весьма призрачные перспективы. Но если дона Селесте что-нибудь доказывала, ей трудно было возражать. Целую неделю я послушно ходил из дома в дом, выясняя, не желает ли кто-нибудь воспользоваться моими услугами. За всю неделю только один сосед согласился почистить ботинки. Не знаю, почему он на это решился: может, из жалости ко мне, а может, ему надоел мой ежедневный стук в дверь. Мне хорошо запомнилось, что я никак не мог сообразить, сколько же запросить с него за работу, а когда получил деньги (наверняка, очень мало), решил точно подсчитать, каковы же будут мои доходы, чтобы в итоге хотя бы сводить концы с концами.

Надо сказать, что сосед по улице не был первым моим клиентом. Дело в том, что тетя Мария как-то привезла мне ботинки, которые стали тесны младшему сыну ее хозяина и которые я тщательно берег — надевал только по воскресеньям и при посещении церкви. Они были в хорошем состоянии, видимо, мальчик носил их аккуратно. Я очень гордился, что был обладателем этих ботинок. Дона Селесте сказала, что если я уж так сильно хочу чистить ботинки, можно попрактиковаться на собственной обуви. И я принялся за работу под ее строгим контролем. (Хорошо помню те ботинки. Чтобы они не стали мне тесными, как сыну моего благодетеля, я однажды решил сыграть в них в футбол и... истрепал их в клочья. Последовала обычная в таких случаях выволочка. А мне просто страшно хотелось попробовать ударить по мячу обутой ногой...) Я также чистил бутсы Дондиньо и туфли моей бабушки. Любопытно, что еще с

тех пор у меня хранится разная вакса.

Когда выяснилось, что на нашей улице я не могу рассчитывать на достаточную клиентуру, мне наконец удалось убедить Дондиньо поговорить с доной Селесте, чтобы она разрешила мне в следующую субботу пойти на стадион, где будет играть «БАК». Я собирался предложить свои услуги зрителям прямо на трибунах. Ведь среди них наверняка найдутся желающие почистить обувь. Одни, чтобы произвести впечатление на своих девушек, другие, чтобы уязвить своих конкурентов, да и вообще мало ли какие могут быть мотивы. В то время я никак не мог понять, по каким таинственным причинам именно взрослые испытывают такое удовлетворение от начищенных ботинок.

К моему удивлению, дона Селесте не стала упорствовать и согласилась, но при условии, что на протяжении всей игры Дондиньо не будет спускать с меня глаз. Дондиньо, конечно, едва ли мог играть и одновременно присматривать за мной, но когда матч закончился и он пришел, чтобы забрать меня домой, я уже заработал более двух крузейро! Мы так и ушли со стадиона, обнявшись, как два кормильца!

Получив большую свободу передвижения, я стал чаще бывать на железнодорожном вокзале, где собирались многие юные чистильщики сапог. Бауру был в первую очередь транспортным узлом, через который проходили три главные железные дороги страны — Соракабана, Паулиста и Норозесте. Последняя содержала в Бауру клуб «Норозесте» — основной конкурент и непримиримый соперник «БАК». Ей же принадлежал больший, чем у соперника, стадион.

На северо-западном вокзале я бывал по разным причинам. Во-первых, Дондиньо неоднократно играл в составе «БАК» на поле «Норозесте» и его там многие знали. Поэтому как его сын я имел в районе вокзала преимущество перед другими мальчишками-чистильщиками. Во-вторых, я гонял мяч на заброшенном поле клуба в конце нашей улочки и поэтому ощущал какое-то родство душ с «Норозесте». И самое главное — вокзал был рядом с домом, что очень устраивало мою мать.

Я любил деловую часть города и считал, что Бауру мог бы стать одним из центральных городов страны наподобие Сан-Паулу или Рио-де-Жанейро, хотя его население составляло в то время немногим более 80–90 тысяч человек. Однако по тогдашним масштабам это был крупный город в одном из внутренних районов страны. У него было свое лицо, которое он утратил. В результате экономического развития и роста цен на землю в Бауру появились небоскребы. Они сменили крохотные домишки, взбегавшие в гору, на которой стояла церковь. Все дома

города были выкрашены в контрастные цвета — пастельные тона перемежались с ядовито-зелеными и иссиня-голубыми. Некоторые крупные здания были построены в колониальном стиле. Они производили впечатление незыблемости нашей истории. Было приятно ощущать себя причастным к ней.

На узких улочках теснились магазины, предлагавшие все, чего я желал, но чего купить не мог. В городе было много гостиниц, одна из них находилась на улице, расположенной напротив вокзала. А еще был кинотеатр с яркими рекламными щитами, пробуждавшими буйную фантазию.

Затаив дыхание, я наблюдал за приближением к перрону огромных паровозов, которые пыхтели и фыркали, словно хвастливые драконы. Из вагонов вылезали люди, держа в руках чемоданы, ящики и пакеты, перевязанные веревками, а иногда клетки с живыми цыплятами (во внутренних районах Бразилии наиболее надежный способ сохранить пищу — держать ее живой). В моем воображении рисовались экзотические места, откуда эти люди приехали и куда отправлялись; интересно, доведется ли мне когда-нибудь побывать там.

Иногда по улице верхом проезжали скотоводы. Вместо седла — выкрашенная овечья шкура, без подпруги и без стремян, ноги свободно покачиваются в такт движению, как раскрытые защелки для белья, сапоги в грязи и в царапинах от чертополоха, кожаные шляпы затянуты под подбородком шнуром. По субботам после полудня они привязывали лошадей около вокзала, чтобы почистить сапоги. Для меня это всегда было загадкой: зачем чистить сапоги, если они в миг снова будут грязные и в царапинах. Но тогда я был еще слишком молод, чтобы знать, что появление в значных местах, куда потом отправлялись скотоводы, в нечищенной обуви считалось признаком дурного тона.

Хоть я и продолжал работать чистильщиком, это несколько не мешало моему увлечению футболом. Поезда прибывали и отправлялись строго по расписанию, и поскольку оставаться на вокзале после полудня, когда уходил последний поезд, не имело смысла, я спешил на футбольное поле. Оставив дома сапожную аптечку и заработанные деньги, я с носком, набитым тряпьем, мчался к товарищам. Мы азартно носились по полю, обводили друг друга, играли до тех пор, пока не стемнеет и не раздастся голос моей матери или ее связного Зоки.

Помню, что с некоторых пор я со страхом стал думать о приближавшейся субботе, потому что по субботам, вернувшись с вокзала, натыкался на целую кучу наколотых для рас топки поленьев. Я уже не мог бежать к ребятам, пока не занесу в дом все до последнего полена и не сложу дрова в аккуратный штабель.

Эта работа отнимала много времени. После нее было не до футбола. Но выход был найден. Как-то, собрав всю команду, я объявил: «Сегодня не смогу пойти играть, пока все дрова не сложу в доме. Но если я не выйду, мяч тоже останется здесь...»

Поначалу ребята открыто возмущались и чуть было не отказались помогать мне. Но через несколько недель, если кого-нибудь из нашей команды спрашивали, что он делает в субботу после обеда, тот недоуменно смотрел на вопрошавшего и отвечал: «К Эдсонам иду дрова складывать, неужели не понятно...»

Примерно в то время (мне шел тогда восьмой год или едва исполнилось восемь, сейчас не помню) Дондиньо получил, наконец, место на государственной службе — всего через три или четыре года после того, как она была обещана (по бразильским нормам совсем неплохо). Это было место санитаря, а точнее мальчика на побегушках в больнице. Ему приходилось мести полы, мыть горшки, помогать вытаскивать носилки с пострадавшими из машин скорой помощи, варить и подавать кофе, разгружать продукты, короче, делать все, что велели. Это была не бог весть какая работа, но она сразу изменила атмосферу в доме. Хотя постоянная зарплата Дондиньо не избавила нас от нищеты, мы тем не менее перешли из самых нижних в верхние эшелоны нищенствующих — гигантский скачок. Было покончено с раздорами внутри семьи, что еще больше сплотило нас.

Теперь, проводив последний поезд, я довольно часто отказывался от футбола и отправлялся в больницу, чтобы помочь отцу: варил вместо него кофе, выносил и обмывал горшки. Я подсознательно ощущал потребность быть рядом с ним. И если в течение дня выдавалась свободная минута, что, в общем, случалось крайне редко, он садился и начинал рассказывать мне о командах, с которыми ему довелось играть, об известных футболистах, которых ему посчастливилось знать. В каждом его слове сквозила неистребимая любовь к футболу. Однажды отец рассказал мне о своем старшем брате, моем дяде Франсиско.

«Если ты когда-нибудь станешь футболистом, Дико, ты будешь мастером, как он. Он умер в двадцать пять лет. Мне тогда было шестнадцать, и я думал, что не сумею пережить его смерти. Но он оставил мне кое-что в наследство — футбольные финты. Его звали Шико ду Жонас. Люди старшего поколения до сих пор помнят его игру в таких городах, как Мокока, Каза Бранка, а также на юге Минаса».

Эти беседы настолько сблизили нас, что мы стали не просто отцом и сыном, а друзьями. Дондиньо был (и остался) очень привлекательным мужчиной с прекрасными физическими данными. У него было пропорционально сложенное, гибкое тело,

плоский живот, мускулистые руки и ноги — идеальная комплекция для футболиста. Во всем этом чувствовалась недюжинная физическая сила. Если донна Селесте отличалась раздражительностью, то Дондиньо был спокойным и уравновешенным. Прежде чем что-нибудь сказать, он всегда тщательно взвешивал и после этого отстаивал свое мнение до конца. Он был (и остался) прекрасным отцом. Как-то вечером выдалась свободная минута. Он усадил меня рядом, чтобы поговорить как мужчина с мужчиной.

До сих пор помню тот вечер: тусклый свет (лампочки в государственных больницах почти всегда сорокасвечовые, не более, если они вообще есть), блестит кафель, недавно начищенный Дондиньо, на полу изношенный линолеум, неистребимый запах карболки и напряженная тишина — вот-вот кто-нибудь закричит от боли.

«Дико, какие у тебя планы?» — спросил отец.

В общем-то я знал, какого ответа он ждал от меня. Наверняка он хотел услышать, что я мечтаю стать футболистом-профессионалом, как незнакомый мне дядя Франсиско. Я был уверен, он думал, что я уже забыл о своей мечте. Но я, не задумываясь, произнес:

«Хочу стать летчиком».

К моему удивлению, Дондиньо отнесся к этому совершенно спокойно.

«Неплохо, — сказал он, и в его голосе зазвучали искренние нотки. — Но ты знаешь, что потребуется от тебя, чтобы стать летчиком?»

«Конечно, — ответил я, удивляясь, что Дондиньо может в этом сомневаться. — Учиться летать на самолете».

Дондиньо улыбнулся своей нежной улыбкой.

«Боюсь, это не все. Летчики должны уметь читать карты, чтобы, перелетая с одного места на другое, не сбиться с курса. Не кажется ли тебе, что сначала нужно научиться читать и писать, разбираться в арифметике и других науках?»

Я как-то не задумывался над этим раньше, но сейчас слова Дондиньо показались мне резонными. Я не имел ничего против школы. И чем больше я о ней размышлял, тем глубже слова отца проникали в мое сознание. Например, чтение может оказаться весьма полезным в жизни. Если не умеешь читать, репортажи о футбольных матчах будешь слушать разве что по трескучему радиоприемнику. Научись читать, сможешь разобраться в том, что пишет «Дейли Джорнэл», которая издается в Бауру, а также будешь в курсе всех футбольных игр лиги и узнаешь всех популярных игроков. Я решил про себя, что если поискать,

наверняка найдутся и другие доводы в пользу чтения и письма. Однако тут были и свои проблемы.

«Но я ведь еще сапоги чищу!»

«После уроков ты будешь успевать на вокзал до прибытия поезда».

«А как же футбол?»

По лицу Дондиньо пробежала едва заметная улыбка.

«Хоть тебе и придется ходить в школу, работать чистильщиком, помогать мне в больнице, делать дома уроки, ты все равно выкроишь время для футбола».

Он лукаво подмигнул мне. «Ты ведь мой сын...»

Так началось мое учение в школе. В Бауру школьный курс состоял из четырехгодичной начальной и четырехгодичной средней школы. Затем, если выпускник желал поступить в университет, он готовился к этому еще в течение трех лет. Мои восемь лет были вполне нормальным возрастом для поступления в школу.

Сейчас, с высоты прожитых лет, часто вспоминаю, с каким волнением в первый раз переступил я порог школы «Эрнесто-Монте». Трудно поверить, сколько с этим было связано хлопот! Вся моя одежда была заново заштопана. Меня так тщательно скребли щеткой с мылом, что потом еще долго звенело в ушах. На мне были воскресные ботинки (разумеется, начищенные до блеска). В руке я держал настоящий школьный портфель с двумя чистыми тетрадями и коробкой цветных карандашей. Сердце переполняло восторг, желания учиться хватило бы на десятилетия.

Первым сюрпризом для меня явилось то, что учительница, по-видимому, не очень-то стремилась учить нас читать и писать, а также разбираться в географических картах и других вещах, необходимых, чтобы поскорее стать летчиком. Самым главным для нее была дисциплина. Дона Сиды, очевидно, полагала, что нельзя научиться читать и писать, если переговариваешься на уроке и постоянно ерзаешь за партой. Тот факт, что несмотря на болтовню и ерзанье, я освоил все, чему она нас учила, никак не повлиял на ее убежденность. И тем не менее надо признать, что дона Сиды ограничивалась нотациями и не прибегала к крайним мерам наказания, с чем я столкнулся в последующие мои школьные годы.

Любой восьмилетний мальчишка, независимо от того, какое у него воображение, так или иначе обогащает свои познания жизни, помимо школы. Один такой урок запомнился мне особенно хорошо. Как-то мы играли в футбол около местной больницы. Один из нас заглянул в окно, выходящее на площадку, где мы

гоняли мяч. Это было окно полуподвального этажа, где, наверное, располагался морг. В тот самый момент, когда мальчуган заглянул в окно, врачи снимали одежду с планериста, который погиб при аварии, случившейся неподалеку от аэроклуба, и готовились к вскрытию трупа. Я уже не помню, кто первым увидел это ужасное зрелище, но у меня до сих пор звенят в ушах слова: «Эй, ребята! Там на столе парень лежит! Держу пари, что он мертв».

Жуткие, какие-то потусторонние интонации в голосе притянули всех нас к говорившему. Я протиснулся к окну и вместе с другими прижался носом к стеклу. Как раз в этот момент один из докторов пытался стянуть рукав блестящей кожаной куртки с повисшей руки погибшего. Мне навсегда запомнились тусклый свет комнаты, выложенные кафелем стены, еще более грязные, чем в больнице, где работал Дондиньо, рваный линолеум на полу, который давно надо было менять, стандартные сорокасвечовые лампочки, мало подходившие для работы, к которой приступали врачи. Кровь запеклась, и рукав куртки, наверное, прилип к руке, сообразил я, вспомнив свой богатый опыт, приобретенный в больнице. Доктор дернул резче, потом поднял руку и повернул ее. Не знаю, как могло случиться, но изо рта мертвеца вдруг хлынула кровь. Она залила стену и потекла вниз малиновыми струйками. Доктор поспешно опустил руку и отскочил назад. Я окаменел от страха, а когда совершенно потерянный обернулся, вокруг никого не было — все мои приятели в ужасе сбежали.

Еще долго после этого я просыпался по ночам, истощенно кричал, напуганный кошмаром. Эта сцена снилась мне несколько раз. Только вместо погибшего планериста на столе лежал я сам, рука поднята и повернута в суставе, кровь фонтаном бьет из моего тела в уже перепачканную стену, стекает по щекам на ночную рубашку и душит меня, забиваясь в горло. Я видел лицо доктора, чувствовал на себе его руки, ощущая все большую тяжесть от того, что кровь покидает мое тело. Из груди вырывался истерический крик. Дона Селесте вбегала в комнату и включала свет. Она прижимала мою голову к своей груди, пока я не переставал трястись. Она держала мою руку и ласково шептала что-то до тех пор, пока я снова не засыпал.

С этого момента меня уже не надо было удерживать от посещений аэроклуба, и я выбросил из головы мысль стать летчиком. И даже теперь, садясь в самолет, что бывает достаточно часто, я каждый раз стараюсь не вспоминать того зрелища, которое открылось мне через окно больничного полуподвала.

Примерно в это время меня стали называть Пеле. Я не представляю, откуда взялось это имя, в чьих устах оно прозвучало впервые. Насколько мне известно, это слово ничего не значит ни в португальском, ни в любом другом языке. Я неоднократно приезжал в Бауру и каждый раз расспрашивал своих старых приятелей, но они тоже не могли сказать ничего вразумительного о происхождении моего имени. Скорее всего прозвище родилось просто так и прилипло ко мне. Одно время я ненавидел его. И в школе нередко устраивал из-за него потасовки. Видимо, в этих драках мне не всегда везло, потому что прозвище «Пеле» так и пристало ко мне навсегда.

Один мой приятель утверждает, что это имя дал мне по чистой случайности кто-то из турок, поселившихся в Бауру. Некоторые из них жили рядом с нами. Каждый раз, говорил мой приятель, когда я случайно касался мяча рукой, турок произносил: «Пеле», — что по-турецки, кажется, означает «глупо». По другой версии, в Минасе был когда-то известный футболист по имени Беле и я неправильно произносил это имя — вместо «Беле» у меня выходило «Пеле». По правде сказать, я даже не могу припомнить, что пробовал произнести когда-либо имя «Беле». В общем, откуда пришло ко мне имя Пеле, я не знаю. Но примерно с девятилетнего возраста для всех знавших меня я стал Пеле. Для всех, кроме родных, которые и по сей день называют меня Дико.

За имя денег платить не надо, поэтому даже самый бедный, задавленный нищетой бразилец может позволить себе такую роскошь. Так он и поступает. Он не скупится и на прозвища, возможно, по той же причине, причем очень немногие прозвища что-либо значат. «Дико» — это типичное прозвище для Эдсона, хотя я несколько не удивлюсь, если узнаю, что с этим же именем связан десяток других прозвищ. Мне неизвестно также, почему мой брат, нареченный при крещении Жанром, получил прозвище Зока. Я иногда подозреваю, что прозвища, особенно короткие, возникли не без влияния наших радиокомментаторов или же просто придуманы ими. Бразильский радиокомментатор, рассказывающий о важном футбольном матче, производит впечатление пулемета, стреляющего истеричными очередями. Ему, конечно, очень помогает, если игроков зовут Пеле, Диди, Вава или Пепе. Я не могу представить себе радиокомментатора, который в своем репортаже произнес бы набор типичных бразильских имен:

«...Эдсон Арантис ду Насименту получает мяч от Себастьяна да Силва Тенорио Тейшейра Араужо и передает его Валдемару Жоао Мендес де Мораис Фи лью, который обыгрывает Артура Рибейру Карвальо Жозе Брито и отпасовывает мяч Руй Морейра

Акасиу Гимараенсу, тот бьет головой...»

Прежде чем он успеет рассказать только об одном игровом эпизоде, пройдет добрая половина матча, и все болельщики покинут трибуны, чтобы в перерыве между таймами выпить по бутылке пива!

Глава третья

Гетеборг, Швеция — июнь 1958 года

Я никак не могу уснуть — дает о себе знать возбуждение от игры с русскими. Смотрю в потолок и размышляю о своей судьбе.

И вправду, какое это счастье находиться сейчас в Швеции и принимать участие в матчах на первенство мира. Накануне отъезда на чемпионат я получил в игре травму и не надеялся, что попаду в сборную. В окончательном составе команды, которая отправлялась в Швецию, могло быть не более двадцати двух человек: одиннадцать игроков плюс по одному запасному на каждое футбольное «амплуа». При таких условиях не могло быть и речи о том, чтобы брать травмированного футболиста. Однако врач сборной Хилтон Гослинг и массажист Марио Америке (кстати сказать, исключительно важная персона в профессиональном футбольном клубе) были уверены, что я скоро оправлюсь от травмы и смогу быть полезным для команды.

Я хорошо помню день, когда меня решили попробовать как кандидата в национальную сборную Бразилии. Думаю, что для любого футболиста этот день запоминается на всю жизнь.

Мне уже доводилось играть в составе бразильской сборной — в традиционном турнире Кубка Рока, когда команда Бразилии выступала против сборной Аргентины. Игроков тогда отбирал известный тренер Сильвио Пирилло. Мы проиграли первую встречу со счетом 1:2 и выиграли вторую — 2:1, причем в каждом из этих матчей я забил по голу. Попасть в команду, принимавшую участие в турнире Кубка Рока, очень почетно, и все же это несравнимо с приглашением сыграть в национальной сборной, которой предстоит сразаться с лучшими футболистами мира на чемпионате в Швеции.

К тому времени я уже почти целый год регулярно играл за «Сантос». Получалось у меня неплохо. Моим напарником на месте центрального нападающего был Дель Веккио, и хотя меня не ставили на каждую игру, мне удалось забить достаточно голов. Тридцать два забитых мяча позволили мне возглавить список бомбардиров среди команд штата Сан-Паулу. И тем не менее я даже не предполагал, что мне могут доверить место в сборной, готовившейся к участию в чемпионате мира. Кроме всего прочего, тогда мне исполнилось лишь шестнадцать лет, в то время как в Бразилии было сколько угодно классных игроков более зрелых и более опытных, способных лучше меня выдержать огромное напряжение таких ответственных матчей.

В тот знаменательный для меня день я приехал из Сантуса к своим, в Бауру. Я был в доме один, когда по национальному радио (мои родители к тому времени уже смогли позволить себе купить радиоприемник, который «ловил» Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро, правда, не совсем четко) начали передавать спортивные новости. Диктор объявил о том, что определены кандидаты в сборную Бразилии по футболу. Я вскочил и подбежал к приемнику. Наклонившись над ним, стал напряженно вслушиваться в каждое слово. Пока диктор шуршал листами бумаги, прежде чем начать читать список, у меня от возбуждения забегали мурашки. Я знал, что своей фамилии, наверное, не услышу. И дал себе слово, что из-за этого не буду плакать, ломать мебель или биться головой о стену. Я понимал, что слишком молод, что за спиной у меня всего лишь год игры за профессиональный клуб, в то время как стаж у большинства классных игроков составляет добрый десяток лет. И все же я надеялся.

Надо знать латиноамериканских дикторов. Говоря о футболе, они священнодействуют. Если в имени футболиста имеется буква «р», диктор непременно «раскатит» ее чуть ли не на минуту.

«...Кастильо... Жильмар-р-р-р-р... Джалма Сантос... Нилтон Сантос... Маццола... Пеле...»

Я не дослушал до конца и плюхнулся в кресло, меня била нервная дрожь. Не ослышался ли я? Может, принимаю желаемое за действительное? Но нет, диктор прочитал список еще раз — мое имя в нем было. В комнату вошла мама. Она посмотрела на меня и обеспокоенно спросила:

«Что с тобой, Дико? Не заболел ли?»

От нервного возбуждения мне было трудно выдавить из себя хоть слово.

«Мама! Меня пригласили в сборную!»

Судя по ее взгляду, она никак не могла взять в толк смысл моих слов.

«Ты что, не понимаешь, мама? Меня пригласили в сборную!» — повторил я.

Очень сомневаюсь, что мои слова дошли до нее.

«Дай-ка пощупаю твой лоб, — произнесла дона Селесте. — Вид у тебя совсем больного человека!»

Бразильская сборная образца 1958 года была в несколько привилегированном положении по сравнению с командами других стран. Кроме тренера с помощниками и лица, отвечавшего за физическую подготовку футболистов, в штат команды входили врач, дантист, массажисты, ассистенты и даже психолог.

Обычно в распоряжении тренера оказывается больше желающих, чем мест в команде, предусмотренных правилами проведения матчей на первенство мира. Таким образом, из общего числа кандидатов остаются лишь очень немногие, остальные же после окончательного отбора из списка вычеркиваются. Это один из трагических моментов комплектования сборной. Все мы, оказавшиеся в роли кандидатов, тренировались до безумия, четко выполняя указания тренера. Мы жертвовали своей личной жизнью во имя интересов команды, такой самозабвенный труд позволял нам ощущать себя одной семьей. И вот эту дружную семью поджидали неотвратимые утраты.

Каждый из кандидатов в сборную был по-настоящему первоклассным футболистом. Но кто из этих звезд лучше всего сыграет в составе команды и таким образом закрепится в сборной, предоставлялось решать нашему тренеру Висенте Феоле.

После нескольких месяцев тренировок пришло наконец время сделать этот выбор. Каждый из нас с трудом сдерживал свои нервы. Даже ветераны, участники прошлых чемпионатов, кусали губы. Можно себе представить, какой страх владел нами — новичками.

Руководитель бразильской спортивной делегации доктор Паулу Мачаду дю Карвалью собрал нас в большой комнате. Рядом с ним стоял Феола, под руководством которого мы напряженно тренировались все это время. Доктор Паулу произнес речь, но я не воспринял из нее ни единого слова. В таком же состоянии наверняка были и другие, ибо нас волновало только одно. Потом заговорил Феола. Он похвалил каждого за проделанную работу, поблагодарил за проявленный при этом дух товарищества. Но я опять-таки не уверен, что все было именно так, потому что до меня не доходил смысл его слов. В тот момент я ощущал лишь страх, который метался в моей душе, как обезумевший мышонок. Одновременно я старался придумать убедительное оправдание на случай, если меня не возьмут и придется вернуться домой.

Наконец, доктор Паулу с печальным лицом стал зачитывать список тех, с которыми придется расстаться. Имя мое не было названо. На какое-то мгновение я усомнился; уж не зачитал ли он случайно список остающихся в сборной? Когда же до моего сознания дошло, что я действительно попал в окончательный состав, с души свалился тяжеленный камень...

Многие футболисты, не попавшие в сборную, откровенно плакали, крепко сжав кулаки и всячески сдерживая себя, чтобы не накинуться на стоявших рядом. Среди них был Луизиньо, нападающий экстра-класса из клуба «Коринтианс» из Сан-Паулу.

У него было бледное лицо, в глазах читалось сомнение в истинности происходящего. У Джино, одного из талантливейших центрфорвардов, когда-либо выраставших на бразильской земле, по щекам текли слезы. Доктор Паулу и тренер Феола сами были на грани слез. Они вдруг повернулись и быстро вышли из комнаты. В скорбном молчании мы последовали за ними. А когда те, кому было отказано, пошли к автобусу, никто не знал, как сказать им по-человечески «до свидания».

Оспаривать решение тренера-селекционера в Бразилии очень сложно, а в общем-то просто невозможно. Тренера назначает бразильская комиссия по спорту (БКС), поэтому его слово — закон. Пожалуй, на всей земле нет человека, облеченного большей властью, чем тренер бразильской сборной по футболу. Он отбирает игроков, где ему вздумается, тренирует их, как ему хочется. Однако это не означает, что репортеры или некоторые бесцеремонные журналисты не могут обвинять его в том, что при отборе он пристрастен или вообще ничего не понимает, что он свихнулся или кому-либо продался.

В Сан-Паулу многие тогда считали, что в отношении Луизиньо из клуба «Коринтианс» была допущена величайшая несправедливость. Этот игрок пользовался огромным авторитетом, хотя на тренировках и в играх со спарринг-партнерами он выглядел не лучше других (в том числе и меня), примерно на одном уровне со всеми. Видимо, он был в хорошей спортивной форме, если его пригласили на сборы.

Что касается меня, то твердо знаю, я никогда бы не посмел усомниться в решении Феолы и вовсе не потому, что мне удалось попасть в состав сборной. Если бы этого не случилось, то, наверное, я бы забился в какую-нибудь нору, чтобы никого не видеть и не слышать. И решение тренера воспринял бы как должное, хотя бы потому, что ничего поделать с этим было нельзя.

Жители Сан-Паулу, все его многомиллионное население, болезненно восприняли отказ тренера включить Луизиньо в состав сборной. Поднялась мощная волна протеста, которую поддерживали радио, телевидение, газеты, журналы, болельщики. А тут еще какой-то идиот накануне нашего отъезда на чемпионат организовал тренировочную игру: сборная Бразилии против клуба «Коринтианс». Тем самым Луизиньо предоставлялся шанс доказать, что Висенте Феола и БКС поступили опрометчиво, отказавшись от его услуг.

Я очень хорошо помню эту игру, ибо она чуть не перечеркнула мою футбольную карьеру еще до того, как она

началась. Матч состоялся на стадионе «Паказмбу» в Сан-Паулу, самом большом стадионе в штате и втором по величине в стране. Трибуны были забиты до отказа. Когда на поле появилась сборная Бразилии, ее встретили оскорбительными возгласами. За всю свою спортивную жизнь мне не приходилось видеть подобного. Этот шум слышали, наверное, все жители Сан-Паулу. Казалось, что каждый горожанин — независимо от того, болеет он за клуб «Коринтианс» или нет — под влиянием газет и радио был убежден: на карту поставлен престиж Сан-Паулу, и те, кто оказался в сборной, несут личную ответственность за зло, причиненное Луизиньо и городу. Поэтому местных футболистов встретил взрыв аплодисментов. На трибунах пронзительно кричали:

«Коринтианс!», «Луизиньо!»

Можно было подумать, что «Коринтианс» — это бразильская сборная, а мы — уругвайцы или какой-нибудь другой ее соперник на заключительной стадии чемпионата мира!

Сдерживать наступательный порыв звезды «Коринтианс» было поручено защитнику Орландо. Я видел, Орландо нервничает перед игрой, его нервозность передалась и другим игрокам. Ведь сборной, в которой собраны лучшие футболисты страны, не к лицу проигрывать клубной команде. Но для волнений не было оснований. Висенте Феола (понимали мы это или нет, сказать трудно) сформировал действительно классную команду. «Коринтианс» так и не сумела наладить комбинационную игру. Наша защита легко парировала все проходы ее нападающих. «Коринтианс» оказалась самой заурядной командой, в то время как наше нападение продемонстрировало дальновидную мудрость нашего тренера.

Когда мы повели со счетом 3:1 (я забил наш второй гол), некоторые зрители стали поддерживать нас. В столь пристрастном окружении это требовало немалого мужества. Они увидели в нас команду, которая отправляется в Швецию отстаивать честь Бразилии — во имя всех бразильцев, включая и город Сан-Паулу. Орландо легко нейтрализовал Луизиньо. Яркая звезда клуба «Коринтианс» так ни разу и не вспыхнула на протяжении всех девяноста минут игры.

Хотя наше преимущество и не было большим сюрпризом для игроков «Коринтианс», оно все-таки их здорово разозлило. В один из моментов игры мяч попал ко мне. Подхватив его, я на высокой скорости помчался к воротам. Когда я обыграл почти всех защитников, игрок «Коринтианс» Ари Клементе, которому, видимо, надоела роль стороннего наблюдателя, решил проучить молокососа и выскочку Пеле. Он двинулся на меня, как вагон с

кирпичом. И вот я уже на земле и корчусь от боли — кажется, чья-то гигантская рука переломила мое правое колено. Марио Америко осторожно массирует травмированную ногу.

«Ну как, Пеле? Сможешь доиграть матч?» — взволнованно спрашивает он. Я, разумеется, не собирался отвечать «нет».

За грязную игру Ари мы получили право на свободный удар. Мне очень хотелось довести атаку до конца. Марио Америко помог мне подняться на ноги. Несмотря на боль в колене, я ни за что не хотел уходить с поля. Скоро мне удалось увеличить счет до 4:1. Но едва я нанес удар по мячу, боль в колене вновь свалила меня на землю. То, что я не забил еще одного гола, особого значения не имело, поскольку наши игроки не оставили «Коринтианс» ни малейшего шанса на успех. Матч закончился со счетом 5:1. Но меня на поле уже не было. Я находился в раздевалке вместе с доктором Гослингом и Марио Америко. Посматривая с тревогой то на одного, то на другого, я надеялся услышать, что мое колено в порядке и что я все себе придумал. Из Гослинга получился бы прекрасный игрок в покер — с ничего не выражавшим лицом он похлопал меня по плечу и, обратившись к Марио Америко, сказал:

«Пока надо положить ему на колено лед. Детальное обследование проведем позже».

Марио кивнул и, ни на минуту не умолкая, занялся моей травмированной ногой:

«Ты только не волнуйся, мальчик! Доверься папочке! Я мигом тебя поставлю на ноги, и ты снова будешь бегать за девчонками!»

Слова звучали ободряюще, но меня охватило тревожное предчувствие, что при отлете в Швецию мое место в самолете обязательно займет кто-нибудь другой. Ведь от такой же травмы пострадал Дондиньо, она повлияла на всю его карьеру, на всю его жизнь. Странно, но я не сердился на Ари. По правде сказать, я даже не думал о нем, пока репортеры и радиокомментаторы не затеяли спор по поводу моей травмы.

Газеты Рио-де-Жанейро писали: «Ари сделал это намеренно!»

Журналисты в Сан-Паулу отбивались: «Ари ни за что не позволил бы себе такого!»

Признаться, я и по сей день не знаю, было это нарушение умышленное или случайное. И даже сейчас, много лет спустя, я не уверен, может ли сам Ари дать на это четкий ответ. Но в чем я был абсолютно уверен, так это в том, что мне придется (и действительно пришлось) пройти бесконечный курс лечения и обследования, постоянно натываясь на ничего не выражающий взгляд доктора Гослинга. И лишь когда я занял место в самолете, то поверил, что отправляюсь в Европу. Правда, это еще не

означало, что я прочно обосновался в сборной, ибо на мое место в любой момент могли вызвать из Бразилии другого футболиста. Правилами такие замены разрешались, но только до начала финальных игр чемпионата.

Во время перелета и в Италии, где мы сделали первую остановку на пути в Швецию, я стал забывать о колене. Настроение улучшилось. Наша команда превратилась в большую дружную семью — Маццола, Гарринча, Диди, Загало, Мауру — никаких споров и разногласий. А у дантиста Марио Триго всегда была наготове шутка. Этого человека никто не видел в плохом настроении. Однажды Гарринча заметил: «А почему бы ему не быть таким веселым? Ведь в кресло ему садиться не приходится!»

Мы сыграли товарищеские матчи с «Интером» и «Фиорентиной» и обе игры выиграли. Но оба раза я просидел на скамейке запасных. Поэтому на душе кошки скребли. Мне казалось, что, несмотря на лечение, колено не заживает. В моем сознании стал вырисовываться образ Дондиньо. Зловеще замаячили реальные последствия полученной травмы. И тут впервые до меня дошло, сколь многим пожертвовал Дондиньо для своей семьи. Он выходил на поле с мучительно болевшим коленом и не щадил себя, чтобы заработать на хлеб для жены и детей.

Перед отъездом из Италии я зашел к руководителю бразильской спортивной делегации доктору Паулу. Я сказал ему, что, судя по всему, колено не заживает, и мне не хотелось бы, чтобы наша команда в финальных матчах имела на одного игрока меньше, чем разрешается правилами. Не лучше ли отправить меня обратно в Бразилию и вызвать замену? Доктор Паулу холодно посмотрел на меня:

«Пеле, ни ты, ни я такое решение принимать не вправе.

Дать ответ на твой вопрос здесь может только доктор Гослинг. Давай спросим, что он думает на этот счет».

Пришлось пройти еще один осмотр. Доктор Гослинг нахмурил брови.

«Ну что ж, колено действительно заживает не так быстро, как хотелось бы. Это факт. Однако я уверен, что хоть в нескольких матчах ты сможешь сыграть, но это при условии, что ты найдешь в себе мужество выдержать действительно суровый курс лечения. Вот так. Ясно?»

В ответ можно было только поблагодарить и согласиться.

Доктор Гослинг обещал, что лечение будет суровым, и он не преувеличивал. Марио Америко с ассистентом Чико де Ассисом нагревали воду до бурного кипения, затем держали какое-то время над струей пара полотенце и потом обматывали им мое

колени. Мне запомнилось, что сами они ни разу не отдернули пальцев от этого обжигающего компресса. Вместе со мной такой же пытке подвергались Пепе и Диди, которые повредили себе колени в играх с итальянцами. Мы так и сидели втроем. Из глаз лились слезы, но ни один не позволил себе пожаловаться на боль.

Каждый день доктор осматривал мое колено и каждый раз кивал мне в своей ни к чему не обязывающей манере, бросая как бы мимоходом, что колено подживает. Но когда объявили состав бразильской команды на первую нашу финальную игру со сборной Австрии, я опять оказался на скамейке запасных. То же самое повторилось и в игре со сборной Англии. Между прочим, в резерве были и такие звезды, как Зито, Гарринча, Джалма Сантос, хотя им и удалось избежать травм. Поэтому я считал, что у меня не было основания жаловаться на судьбу. И все же я жаловался на нее, только не в открытую, а про себя. Ведь мне отчаянно хотелось играть, но с затаенным чувством обиды нельзя выходить на поле.

Наконец наступил этот прекрасный день — после очередного осмотра доктор Гослинг окинул меня взглядом и одобрительно кивнул:

«Ты можешь играть».

И тогда на первый план выступил психолог нашей команды профессор Жоао Карвальес.

Он производил довольно приятное впечатление и, надо сказать, не очень утруждал себя изучением наших характеров. Он говорил, что не любит работать одновременно со всем коллективом, ибо такой метод не представляется ему достаточно эффективным. С другой стороны, общение с игроками как с индивидуумами их нервирует, усугубляет имеющиеся проблемы и делает любой диагноз сомнительным. У него был собственный метод. Заключался он в том, чтобы заставить всех игроков рисовать человечков. По его теории, игроки с широким кругозором — если таковые найдутся в составе сборной — будут рисовать усложненные фигурки, тщательно прорабатывая отдельные детали. Те же, у кого кругозор поуже, неизбежно изобразят человечков угловатыми детскими линиями. Согласно его концепции один из этих двух типов лучше может проявить себя на флангах. Он никогда не объяснял своих теоретических построений, а просто излагал их. Еще он был убежден в том, что нападающие должны действовать в оборонительном духе, а защитники проявлять агрессивность, но одновременно и контролировать ее. Он утверждал, что способен отличить оба типа игроков по манере изображать человеческие фигурки.

Профессор пытался убедить тренера, что заявлять Гарринчу

на игру нельзя, поскольку уровень его кругозора значительно уступал требованиям, предъявляемым его, психолога, теорией. В отношении меня он утверждал следующее: «Пеле очевидно инфантилен. Ему недостает необходимых бойцовских качеств. Он слишком молод, чтобы ощутить агрессивность и должным образом реагировать на нее в стиле классного нападающего. Кроме того, он не обладает чувством ответственности, столь необходимым для командной игры. Нет, ставить его на игру нельзя».

К счастью для Гарринчи, для меня и для команды в целом, Висенте Феола не понял аргументов психолога, а если понял, то отнесся к ним так, как все бразильцы к чужим высказываниям. Бразильцы имеют обыкновение не принимать на веру любые идеи, от кого бы они ни исходили, а Феола не был исключением. Он выслушал все изложенные аргументы и кивнул головой:

«Может быть, вы совершенно правы. Но дело в том, что вы совсем не разбираетесь в футболе. Когда Пеле оправится от травмы колена, он выйдет на поле!»

И вот накануне третьего матча, когда мы играли против русской сборной, я наконец увидел свое имя в протоколе встречи. Однако хочу добавить несколько слов к рассказу о профессоре Жоао Карвальесе. По сути это была первая попытка внедрить психологию в футбол.

Несколько лет спустя он признал, что был не прав в отношении меня и Гарринчи. Прошло время, и его теоретические изыскания стали оказывать значительное влияние на углубленное понимание футбольной игры, а также на формирование молодых футболистов. Я считаю необходимым подчеркнуть эти моменты, заканчивая свой рассказ о добром ученом Жоао Карвальесе.

Глава четвертая

Гетеборг, Швеция — июнь 1958 года

После игры с русскими и до встречи с нашим следующим соперником, командой Уэльса, жизнь сборной шла по привычной колее: тренировки, кратковременный отдых, теоретические занятия, лечение получивших травмы игроков, а для меня ежедневные процедуры с паровыми компрессами (хотя состояние колена и позволяло мне выходить на поле, все же полностью залечить его не удалось). И разумеется, интервью. Победа над русскими вызвала к нам интерес спортивного мира, нас осаждали журналисты, жаждавшие узнать побольше о молодой команде и особенно о самом ее молодом игроке.

Пепе все еще оставался травмированным, но, если бы даже он был в форме, я сомневаюсь, что его поставили бы на игру с валлийцами. Большинство сходилось на том, что глупо вносить изменения в такой хорошо сыгранный ансамбль. Я точно знаю, что эти замечания не произвели на Феолу никакого впечатления. Тренер заменил Ваву, который получил травму в игре с русскими, в строй вернулся Маццола, травмированный в матче с англичанами. В остальном же состав команды остался без изменения.

Тут я должен сказать несколько добрых слов о тех, кто из-за травмы или по какой-нибудь другой причине был вынужден оставаться на скамейке запасных. Мауро, к примеру, был дублером Беллини и считался классным игроком, причем многие утверждали, что он сильнее нашего капитана. Тем не менее он безропотно подчинился воле тренера. То же самое можно сказать о нашем втором вратаре Кастильо, а также о Джалме Сантосе, дублере де Сорди. Я ни разу не почувствовал в них зависти, ревности или раздражения из-за того, что кого-то лишили возможности показать, на что он способен. Что верно, то верно. О себе могу добавить одно: мы все рвались к победе, и я не думаю, что, будучи в хорошей спортивной форме, смог бы спокойно сидеть на скамейке запасных и при этом не испытывать злости по отношению к тому, кто занял мое место на поле.

Настал день встречи с командой Уэльса в четвертьфинале. Нас считали фаворитами. Никто не допускал и мысли, что валлийцы доставят нам много хлопот. Боюсь, дифирамбы, которые расточали нам газеты и другие средства массовой информации, плохо подействовали на нас. Уверенность — это хорошо, без нее нельзя. Но самоуверенность может обернуться

неприятностями. Мы ехали на стадион убежденные, что нет оснований для волнений и что игра будет лишь легкой разминкой перед полуфиналом.

Наверное, из-за этой самонадеянности, а может, потому, что команду валлийцев, несмотря на газетные статьи, мы явно недооценили, нам пришлось выдержать самую трудную игру за весь чемпионат. Вратарь валлийцев Джек Келси, хотя и не столь великолепный, как Яшин, неизменно оказывался на пути мяча: ловил его или переводил через перекладину, причем каждый раз со сверхъестественным спокойствием. Мы стали волноваться и упустили немало возможностей для взятия ворот — мяч попадал в боковые стойки или пролетал над перекладиной. Первый тайм закончился с ничейным результатом 0:0.

Нашу озабоченность легко понять. Тут, конечно, вспомнилось, что до сих пор в этом чемпионате никому не удавалось пройти нашу защиту — великолепное созвездие мастеров — Нилтона Сантоса, Беллини, де Сорди, Орlando. Правда, мало кто верил в удачливость валлийцев, но у нас уже была одна ничья — с Англией, вторая ничья перечеркнула бы все наши шансы на выход в финал. Нам нужна была только победа!

Тренер Феола дал нам новые установки на игру. Мы слушали его внимательно, хотя не уловили ничего такого, что реально помогло бы нам переиграть защитные линии валлийцев и взять ворота Джека Келси. Глава нашей делегации доктор Паулу Мачаду дю Карвалью сказал, что во втором тайме несомненно в игре произойдет перелом, он в этом абсолютно уверен. Такую же уверенность высказали Пауло Амарал, наш второй тренер, и все остальные члены технической комиссии, вплоть до массажистов. Единственное, чего они нам не сказали, как пробиться сквозь железобетонный заслон Уэльса!

Мы вышли на поле полные решимости. Но у валлийцев во время перерыва наверняка была такая же «накачка». Их защита играла с не меньшим упорством. Второй тайм получился копией первого. Казалось, время бежит так же стремительно, как и футболисты, даже быстрее, а нам никак не удавалось выйти вперед. Ведь чем ожесточеннее мы атаковали, тем хуже у нас получалось. Шансы забить гол не использовали ни я, ни Маццола, ни Диди, ни Гарринча, ни Загало. Как тут было не впасть в отчаяние! Мы чувствовали: истекают минуты, от которых зависит судьба нашего участия в чемпионате.

И все-таки настал долгожданный момент. Пас в штрафной площадке получил Диди и со свойственной ему потрясающей точностью выложил мне мяч на ход. Я стоял в нескольких футах от ворот. Прежде чем ударить, я увидел чью-то занесенную над

мячом ногу. Тогда я лишь слегка коснулся мяча и, как только нога соперника опустилась на землю, откатил мяч на себя. Он подпрыгнул, и я резко ударил. Келси сделал бросок, однако мяч, задев ногу защитника, рикошетом, мимо вратаря, влетел в сетку ворот.

Помню, я бежал, подпрыгивая, и, как безумный, кричал: «Го-о-л!» Мне необходимо было сбросить с себя этот чудовищный гнет, дать выход переполнявшим меня эмоциям, чему-то еще. Я плакал, как ребенок, что-то бессвязно лепетал, а товарищи по команде хлопали меня по спине — от восторга они чуть не задушили меня. Это был мой самый незабываемый гол и, как потом выяснилось, самый нужный. Он позволил нашей сборной продолжить выступление в матчах на первенство мира по футболу.

Чем труднее одержанная победа, тем большую радость она доставляет. Однако, вернувшись после матча в гостиницу, мы прочли в газетах и услышали по радио, что наш выигрыш — чистое везение, наши нападающие играли слабо, только защита спасла нас от поражения. Мне же следовало бы стыдиться забитого гола: его фактически нам подарила команда валлийцев. Мы дико хохотали, и это явилось для нас хорошей разрядкой, потому что до некоторой степени так оно и было. А в общем-то, мы достойно отработали эти девяносто минут почти невыносимого напряжения и в итоге победили! Я сомневаюсь, что в тот момент кто-нибудь из нас задумывался о том, как переживают наши соперники свой проигрыш. У них действительно прекрасная защита и великолепный вратарь. И все же победили мы, а не они. Таков уж футбол, и ничего тут не поделаешь.

В гостинице мы узнали, что французы свой матч тоже выиграли и поэтому через несколько дней станут нашими соперниками в полуфинале.

До игры с русской сборной только бразильские репортеры и комментаторы знали, кто я такой. В беседе со мной их интересовало больше всего, заживает ли мое колено и собираюсь ли я выйти на поле. После игры с русскими и особенно после победы над командой Уэльса все изменилось. У меня стали брать интервью так же часто, как и у более опытных моих товарищей. Признаться, от такого внимания я немного смущался — ведь мне было всего лишь семнадцать лет. Но должен сказать, что мне это нравилось. Я знал, в Бразилии, в Бауру, мои родные и друзья очень внимательно следят за событиями на чемпионате. Приятно было сознавать, что они читают и слушают обо мне. И как

хорошо, что им не пришлось краснеть за меня — по крайней мере пока.

Шведские девушки с такими светлыми волосами, какие я видел только у кукол в магазинах, подходили ко мне, чтобы поговорить, попросить автограф, а иногда и потрогать мои руки и лицо. Некоторые при этом не скрывали своего удивления. Им казался странным цвет моей кожи. По этому поводу товарищи по команде подтрунивали: «Скажи им, Пеле, такой цвет никакой дождь не смоет!» Или: «Не бойтесь, девушка, он не линяет». Или «Даже в ванне его не отмыть».

Одна девушка мне запомнилась больше других. Звали ее

Лена. Нам обоим было по семнадцать лет — романтический возраст! Она приходила ко мне в гостиницу, и мы, взявшись за руки, счастливые, испытывая трепетное волнение, шли гулять. Когда мы улетали, она плакала, и я казался самому себе взрослым, потому что такая красивая девушка плакала из-за того, что я ее покидал. Семнадцать лет — чудесный возраст, к сожалению, он быстро проходит.

Между тем в ходе тренировок и ежедневных бесед, которые проводил с нами тренер Феола, мы всерьез задумывались о французской сборной. Мы были наслышаны о Фонтане, Копа, Пьянтони и Венсане — опытных игроках ее линии нападения. Каждый из них представлял огромную опасность для любой команды. Достаточно сказать, что нападающие французов забили больше голов, чем игроки любой другой команды. Феола обращал наше внимание на то, что хотя шансы французской сборной расценивались невысоко, она выигрывала один матч за другим, причем с крупным счетом. Французы не сомневались в своих силах, так что для нас это был крепкий орешек. Тем не менее Феола доказывал нам, что мы возьмем над ними верх — мы дошли до полуфинала и не дадим себя победить ни французам, ни любой другой команде!

Игра была назначена в Стокгольме, на стадионе «Солна». Мы неторопливо выбежали на поле. Я был абсолютно спокоен. Окинув взглядом остальных наших игроков, я почувствовал, что они вышли на игру с таким же настроением. Оттянутый назад Вава должен был поддерживать выдвинутых вперед защитников. Это меня обрадовало: у меня намного лучше получается именно с Вавой, а не с Маццолой, хотя это нисколько не умаляет достоинств последнего. Просто каждому футболисту свойственно устанавливать тесный контакт с играющим рядом для лучшего взаимопонимания на поле, что обычно является залогом результативной игры команды в целом.

В самом начале игры мяч от Диди попадает к Гарринче, а

потом ко мне. Получив от меня пас, Вава забивает гол. Это было неожиданно для французской команды. Я подумал тогда, что гол, пропущенный на второй минуте, деморализует французов. Однако произошло обратное. На девятой минуте Фонтэн нащупал брешь в нашей защите, искусно провел мяч по открывшемуся коридору и, когда Жильмар вышел наперехват, вкатил мяч мимо него в сетку ворот.

Пропущенный гол внес замешательство в наши ряды. Мы уверовали, что защита бразильской сборной непробиваема, и вдруг соперник без особого труда доказал обратное.

Пока французы поздравляли Фонтэна, я вбежал в ворота, схватил лежавший мяч и примчался с ним в центр поля.

«Пошли вперед! — кричал я. — Начнем сначала! Не будем терять времени!»

Игроки нашей команды с удивлением смотрели на меня, новичка и самого юного футболиста сборной. Для них мое поведение было чем-то из ряда вон выходящим. Но сам я действовал совершенно бессознательно, машинально. Просто я хотел, чтобы мои товарищи сбросили оцепенение и снова пошли на штурм ворот соперника. Я помнил, что время в футболе не останавливается даже из-за такой мелочи, как забитый гол. Часы как ни в чем не бывало продолжают отсчитывать секунды и минуты.

Минут десять игра у нас не получалась. Передачи попадали к противнику, удары шли мимо ворот, наш дриблинг трудно было назвать профессиональным. Своими финтами мы обманывали только самих себя, а не соперников. Игра абсолютно не клеилась! Дважды у меня был шанс вывести команду вперед, и дважды я ухитрялся не попасть по воротам. Мимо бил Вава, не получался удар и у Гарринчи. Французы, увидев нашу растерянность, обрушили на ворота Жильмара шквал атак.

Когда Гарринча все же забил мяч в ворота соперников и мы закричали от радости, рефери не засчитал гола, показав, что Гарринча якобы бил из положения вне игры! Это был абсурд. Зрители на трибунах выражали свое недовольство, но ни один судья не отменяет своего решения, правильное оно или ошибочное. Я почувствовал приступ холодной ярости, которую, как мне казалось, я уже научился в себе подавлять. Но прежде чем я, как и другие мои товарищи по команде, устремился к судье, чтобы по крайней мере выразить ему свое несогласие, раздался голос Беллини:

«А ну-ка, успокойтесь! Никаких жалоб! Главное — не дать этому типу повода выгнать кого-либо с поля!» Удаление игрока с поля давало сопернику огромное преимущество. Мы подавили

свой гнев, но никогда не смогли забыть эту несправедливость. Я и раньше слышал, что европейские судьи не симпатизируют бразильцам — то ли из-за цвета кожи, то ли из-за их мастерства. Это враждебное отношение глубоко уязвляло самолюбие команды в прошлых играх на первенство мира. Незасчитанный гол Гарринчи, казалось, подтверждал сложившееся мнение. Мы так и кипели гневом, но, стиснув зубы, старались излить этот гнев на мяч, из-за чего игра у нас совсем разладилась.

Словно в компенсацию за незасчитанный гол, нам удался великолепный прорыв. Центр полузащиты французов Боб Жонкэ получил травму и покинул поле. Диди воспользовался ослаблением центра и рванулся вперед. Я бежал слева от него, Гарринча справа, а Вава чуть позади. Все рассчитывали, что Диди отпасует мяч кому-либо из нас, поскольку он обладал фантастической точностью в передаче мяча в любом направлении, но Диди обманул всех, решив сам пройти защитников именно в тот момент, когда французы в ожидании передачи бросились прикрывать Гарринчу, Ваву и меня. Вратаря французов Аббеса такая развязка также застала врасплох, и этой нерешительностью Диди воспользовался незамедлительно. Мгновенно последовали финт и удар. Аббес, выгнув тело, пытался броситься за мячом, но он, наверное, сам понял, что неправильно выбрал место.

Го-о-л!

От радости мы чуть не задушили Диди. Теперь уже французы не желают терять времени и требуют возобновления игры. Однако первая половина матча заканчивается со счетом 2:1 в нашу пользу.

Во втором тайме мы наконец обрели уверенность и спокойствие. При нашей надежно играющей защите преимущество в один гол представлялось вполне достаточным, но это вовсе не значило, что нам не хотелось забить еще. И тут Вава послал мяч в штрафную площадку, Аббес выбежал наперехват, но, видимо, чуть замешкался. Я успел протолкнуть мяч в ворота, прежде чем вратарь успел дотянуться до него. 3:1. Это был мой второй гол в играх чемпионата.

Французы прилагали максимум усилий, чтобы вернуть упущенную инициативу, но... безрезультатно. Они проигрывали и, кажется, начали это осознавать. Четвертый гол был копией предыдущего. Вава навесил мяч, Аббес бросился наперехват, и я снова оказался рядом. Чуть-чуть опередив вратаря, я направил мяч мимо него в ворота. 4:1. После такого счета не страшно было

даже проиграть.

И тогда один из французских игроков, разозленный нависшим поражением, изо всей силы ударил бутсой по моему залеченному колену. Я упал. Катаясь на траве от боли, я смотрел на ударившего меня игрока с откровенной ненавистью. При счете 4:1 в нашу пользу, когда до финального свистка оставалось несколько минут, я с удовольствием ответил бы ему тем же, даже если бы меня удалили с поля — команда довела бы матч до победы и без меня. Я боялся только, что израненное колено подведет в драке. К месту столкновения сбежались все наши игроки, призывая проклятия на голову ударившего меня футболиста. Однако судья, четко зафиксировавший положение Гарринчи «вне игры», теперь ухитрился не увидеть, что я был сбит с ног!

«Ребята! Мы же их обыграли, — раздался голос нашего капитана. — Но впереди финал. И тут лучше обойтись без травм!»

Мы решили действовать по-другому. Встреча практически была выиграна, и не было смысла рисковать финальным матчем: из-за столкновения или драки на поле ведущие игроки могли оказаться на скамейке для запасных или в больнице. Поэтому вместо того, чтобы атаковать, мы стали просто перекатывать мяч от одного к другому. Французскую команду наша тактика раздражала, ведь таким образом мы сводили на нет все их попытки завладеть мячом. Но мы не оставили им никаких шансов. Я убежден, что по точности передач бразильская сборная образца 1958 года была на порядок выше других команд, а Диди был просто недостижим на общем фоне. Публике импонировала такая игра, наши спокойные передачи с целью выиграть время вызывали аплодисменты на трибунах.

Но если соперники в спешке ошибались, мы не упускали возможности выйти вперед. Мяч неожиданно попал ко мне, путь к воротам был открыт. Защитник, который так откровенно снес меня, выбежал вперед, готовясь вступить со мной в единоборство. Я навесил мяч у него над головой (в Бразилии такой прием мы называем «шляпным»). Пытаясь сохранить равновесие, защитник поскользнулся, мяч опустился у него за спиной, не успел он коснуться земли, как я ударил по нему ногой. Я не уверен, что даже вратарь увидел, как мяч влетел в сетку. Этот гол доставил мне радость гораздо большую, чем два предыдущих. Вот вам, получайте!

Полностью «сделав» игру, мы снова применили тактику раскатывания мяча. При этом игроки воздерживались от рискованной блокировки соперников, а также от неосторожного и даже прицельного удара по воротам. Все старания французской

команды отыграться были тщетны — им никак не удавалось отобрать у нас мяч. И все-таки перед самым финальным свистком Пьянтони сумел завладеть мячом и пробить по воротам мимо нашего Жильмара. Но этот гол мы восприняли без особого огорчения.

Матч закончился со счетом 5:2.

В тот вечер в гостинице нашему счастью не было предела. До цели всего один шаг! И тогда будет покончено с позором и обидами, которые стали уделом Бразилии на прежних чемпионатах мира, когда национальная сборная терпела поражения. Все поздравляли меня с тремя забитыми голами. И хотя после травмы, нанесенной мне французским игроком, колено разламывалось от боли, счастливее меня в тот вечер не было человека и быть не могло. Интересно, знает ли об этом Лена там, в Гетеборге. Я почему-то был уверен, что да. Наверное, повсюду болельщики следят за событиями на чемпионате мира. Меня обуревали странные мысли.

Впереди финальная игра

Станут ли нашей следующей жертвой шведы — хозяйева чемпионата?

Ну что ж, покажем, на что способны бедные гости!

Это будет легкая добыча!

Но когда я ложился спать, то пообещал самому себе избавиться от самоуверенности в финальной игре. Мы ведь так были уверены, что и Уэльс будет для нас «легкой добычей». А что получилось? Барьер этот взяли с большим трудом. Ну и, конечно, ни один бразилец никогда не забудет, что в 1950 году Бразилия хоть и пробилась впервые в финал, но на ее пути встала уругвайская сборная, которую тогда тоже называли «легкой добычей»...

Глава пятая

Стокгольм, Швеция — 29 июня 1958 года

Итак, мы в финале, и наш соперник — сборная Швеции. Нас считали фаворитами, что, в общем-то, было естественно, учитывая нашу победу со счетом 5:2 над командой Франции. Нам отдавали должное все, кто относился к нам без предубеждения — шведская печать, радио и, разумеется, шведские болельщики. Но у наших соперников было немало преимуществ — свое поле и толпы почитателей. К тому же у нас не было оснований рассчитывать на особые симпатии судей. Нам уже не раз приходилось испытывать на себе необъективность судейства.

Зато на нашей стороне было другое. Мы представляли футбол, в котором сливались воедино яркая коллективная игра и индивидуальный талант исполнителей. Нами руководило также честолюбивое желание завоевать для Бразилии кубок мирового чемпионата, что, на наш взгляд, было сильнее амбиций любой другой команды.

Стадион «Солна» был переполнен. Зрителей собралось еще больше, чем в матче Бразилия — Франция. Зазвучал Государственный гимн Бразилии. С душевным трепетом стоял я на поле, вслушиваясь в его волнующие звуки. Мыслями я невольно обращался к Дондиньо. Сейчас он наверняка сидит перед радиоприемником, стараясь не пропустить ни одного слова из репортажа. Интересно, что он ощущает в этот момент. Волнуется? Ну конечно же! А может быть, молится, чтобы мы поменьше волновались здесь, на стадионе в шведской столице? Матери сейчас наверняка нет в комнате, но я знаю, что по окончании матча она будет долго расспрашивать отца, не получил ли я травму, как сыграл. Ей нет необходимости слушать радиорепортажи: каждый гол, забитый бразильцами, будет сопровождаться радостными возгласами из передней комнаты, не говоря уже о фейерверках по всему городу. Ну а каждый успех соперников вызовет громкий гул неодобрения, который разнесется по всему дому.

Судейский свисток прервал мои размышления, вернув на футбольное поле, где начиналась игра. Джалма Сантос заменил де Сорди, получившего травму в матче с французами. В остальном состав нашей команды остался без изменения. Я был рад за Джалму. Дело в том, что он чаще любого из нас играл в составе бразильской сборной, но пока весь турнир просидел на скамейке для запасных, оказавшись в роли пассивного

наблюдателя.

Шведы удивили нас искусной обработкой мяча. Они ставили наших защитников в трудное положение, то и дело испытывая их на прочность. Кажется, мы недооценили возможностей шведской сборной — ведь она играла у себя дома и ей не пришлось добывать путевку для участия в чемпионате. Но независимо от того, попали шведы в число шестнадцати лучших команд автоматически или нет, для выхода в финал им все равно пришлось одержать немало побед. Они взяли верх над сборными Мексики и Венгрии, добились ничьей в игре с командой Уэльса. Оказавшись победителями в своей подгруппе, они одолели сборную Советского Союза и прежнего чемпиона мира команду Западной Германии, что и вывело их в финал. Видимо, мы чего-то здесь не учли.

Атаки шведов развивались мощно и уверенно, наши же то и дело захлебывались. Мы грешили неточными передачами и никак не могли попасть по воротам. Игроки выглядели вялыми. Прошло четыре минуты, когда полусредний шведской сборной Грен передал мяч центральному нападающему Лидхольму, тот обыграл в штрафной площадке Джалму и Нилтона Сантоса и пробил низом в правый от Жильмара угол ворот. Шведы повели — 1:0!

Такой поворот событий ошеломил нас. На мгновение мы оглохли от взрыва радости на трибунах. Впервые за весь чемпионат мы оказались в роли отыгрывающихся.

Менеджер шведской сборной Георг Рейнор накануне пророчествовал перед журналистами, что если мы первые пропустим гол, то впадем в паническое состояние. Произошло же как раз обратное. Диди подбежал к воротам, вынул мяч из сетки и, повернувшись к нам, крикнул:

«А ну пошли!»

Раздался еще чей-то голос:

«Что же, давайте начнем! Не будем терять времени!»

Это был Вава, но в его призыве не чувствовалось никакой паники. Скорее наоборот. Забитый шведами гол расшевелил нас. Мы начали с центра, и в этот момент я почувствовал, что могу носиться по полю без усталости хоть целый день, что способен обыграть любого игрока или даже целую команду, что сумею обойтись без травм. Это было что-то вроде эйфории: странное чувство, которое я никогда ранее не испытывал. Может, это была обычная самоуверенность? Да нет. К такому состоянию обычно не примешивается дух неукротимости. В общем, гол забитый шведами, вместо того, чтобы вызвать «паническое состояние», помог нам прийти в себя.

Гарринча, игравший справа от меня, стал демонстрировать

немыслимые финты и дриблинг. Подхватив мяч от Зито на правом краю, он атаковал шведского защитника Парлинга, обыграл его, потом выманил на себя защитника Аксбома и тоже прошел его, рванулся к воротам и отдал мяч Ваве. А тот из крайне неудобного положения сильно пробил по воротам. Шведский вратарь Свенссон даже не увидел, как мяч мимо него влетел в сетку ворот.

Го-о-л!

Мы радостно бросились к Ваве, но тот остановил нас. Ведь мы всего лишь сравнивали счет, за победу надо было еще бороться.

«Продолжаем игру! Пошли дальше!» — прокричал нам Вава.

Вся команда вдруг ощутила прилив сил. В том, как начинались и развивались атаки на ворота шведов, чувствовалось, что мы абсолютно уверены в себе. Забитый шведами гол подействовал на Жильмара. Но теперь самообладание вернулось и к нему. Он гасил все прорывы наших соперников, перекрывал их выходы на ворота, ободрял игроков, когда шведские нападающие приближались к штрафной площадке. В общем, игра вратаря помогала нам обрести себя. Победный исход зависел сейчас только от нас — надо было забивать голы.

Темп игры не спадал. Перевеса не было ни у той, ни у другой команды, и все же мы чувствовали, что победим. Мы прибавляли в своей игре, в то время как шведы выдыхались. Тем не менее счет оставался без изменения: прибавление активности само по себе еще не приносит победы. И вот Гарринча повторил свою комбинацию, только на этот раз уже на левом фланге. Снова последовал удар Вавы — и мы повели в счете. Вава одновременно и плакал и хохотал, как безумный. На этот раз он уже не пытался останавливать накинущихся на него со всех сторон товарищей по команде. Так закончился первый тайм.

В раздевалке во время перерыва Феола дождался, пока мы немного успокоимся.

«Мы выиграем этот матч, — сказал он, — и завоюем Бразилии звание чемпиона мира». И добавил: «Если только не проиграем».

Озадаченные, мы посмотрели на него. А он спокойно продолжал:

«Я хочу сказать, что шведы не смогут победить нас. Единственно, кто способен сейчас победить нас, это мы сами. Поэтому давайте этого не допустим».

Мы выходили на поле под впечатлением слов нашего тренера.

Шведскую сборную продолжали поддерживать толпы болельщиков. Игра шла под оглушительный рев трибун. Думаю,

что если бы в тот момент мы ошиблись и позволили сравнять счет, игра приняла бы совсем другой оборот, и не исключено, что шведам даже удалось бы вырвать у нас победу (впрочем, такой исход представлялся мне маловероятным). Мы хорошо понимали это и были настороже.

Убежден, что обе команды пропустили голы из-за того, что не смогли справиться с волнением. Бразильская сборная упорно делала ставку на атаку. Такая тактика рано или поздно должна была закончиться голом. Мы катали мяч по полю, но на этот раз не для того, чтобы потянуть время, как в матче с французами, а для того, чтобы не подпустить к мячу шведов и начать при первой возможности комбинацию с выходом на ворота. Даже Нилтон Сантос играл одновременно и как защитник, и как нападающий. Его мускулистые ноги мелькали то в одном, то в другом конце поля. В матче с командой Австрии он забил наш второй гол — случай довольно редкий для защитников в играх на первенство мира по футболу. И вот теперь из зоны шведских нападающих он сделал длинную высокую передачу прямо в штрафную площадку. Я остановил мяч бедром, сыграл в воздухе, чуть подыграл себе и пробил по воротам. Свенссон предпринял отчаянное усилие перехватить мяч, но, видимо, неправильно выбрал место. Эффектная сцена: вратарь лежит на земле, вытянув руки, а мяч вкатывается в ворота.

Пронзительно крича «го-о-л!», я бежал по полю, подпрыгивал, рассекая рукой воздух. В тот момент я ощущал какое-то немислимое облегчение. Потом я оказался в окружении своих товарищей. Они душили меня в объятиях, кто-то неистово колотил по спине, словно хотел переломить позвоночник, кто-то прыгнул на меня сзади, обхватив руками шею, отчего я чуть не задохнулся. Но я ни на кого не был в обиде. Я ничего не чувствовал. Главное, что забитый гол гарантировал нам победу. Бразилия — Швеция 3:1.

С трибун неслось: «Самба! Самба!» Это бразильские болельщики на несколько секунд перекричали шведов. А мы чуть не катались по полю от какого-то истерического счастья.

«Наша взяла! Им конец! Теперь-то мы обязательно станем чемпионами мира!» Но в нашем безумном крике улавливалась и чуть тревожная нотка: а мыслимо ли это? Не сон ли?

Однако игра еще не закончилась. У нас активнее заиграли Зито и Диди, в атаку устремились Джалма Сантос, Вава и я. Расхатывая защиту соперников, мы передавали мяч друг другу, не позволяя шведам перехватить инициативу. Неожиданно Загало оказался впереди. Вава сделал ему передачу. Загало обыграл сначала Бёрессона, затем центрального защитника Бергмарка и

точно пробил по воротам. Это был красавец-гол, забитый мастером своего дела. 4:1.

После достигнутого успеха наш наступательный порыв замедлился, и шведам удалось сократить разрыв. Однако этот гол не произвел на нас никакого впечатления. Победа была обеспечена. Мы лишь плотнее стали играть в защите. Передавали мяч назад и вперед, не подпуская к нему упавших духом шведов. За несколько секунд до финального свистка Загало навесил мяч в штрафную площадку. Дуэль со шведским защитником в воздухе выиграл я: прыгнул выше шведа и головой направил мяч мимо вратаря. Это был заключительный гол финального матча.

После свистка, означавшего окончание игры и чемпионата, я не мог отделаться от странного чувства, что нахожусь в каком-то полубоморочном состоянии. Все наконец закончилось! Мы победили! Мы стали чемпионами мира! Я почувствовал, что у меня подкашиваются ноги. Товарищи подхватили меня на руки, подняли на плечи и понесли по полю. Все мы плакали, у меня же слезы текли просто ручьем.

Жильмар сильно сжал мою ногу:

«Не стесняйся, плачь. Так тебе будет легче!»

В этот момент никто не мог сдерживать слез — Беллини, Вава, Загало, Джалма Сантос, Диди, Нилтон Сантос. Добрый Марио Америко, обжигающие компрессы которого позволили мне выйти на поле, влетел в ворота и схватил мяч. Судья яростно свистнул и направился к нему. Однако наш массажист уже исчез в туннеле с мячом в руках. Марио кричал судье по-португальски:

«Попробуй отнять у меня этот мяч. Только попробуй!»

На поле ринулись все — репортеры, фотокорреспонденты, радио- и тележурналисты, болельщики с трибун, которых уже не могла сдержать полиция. Стражи порядка делали все, чтобы толпа не раздавила нас. Беллини, наш капитан, поднял руку.

«Давайте совершим круг почета!»

Откуда-то появился шведский флаг. Беллини подхватил его и понес во главе нашей команды мимо переполненных трибун. Болельщики стоя приветствовали нас. Бразильцы размахивали бразильскими флагами и распевали: «Бразил! Бразил!» Целая армия репортеров и фотокорреспондентов, пристроившись к колонне, старалась запечатлеть каждый шаг круга почета. Снова прозвучал Государственный гимн Бразилии, и мы увидели, как над стадионом взвился бразильский флаг. У нас снова потекли слезы, оставляя следы на лоснящихся от пота лицах.

На футбольное поле спустился король Швеции Густав VI Адольф. Он пожал руку каждому из нас, поздравил с победой. Не сомневаюсь, что в тот момент он остро переживал проигрыш

сборной страны, но ничем не обнаружил своего волнения. Замечу еще, что из всех стран, где нам приходилось выступать до этого чемпионата и после, именно в Швеции самые объективные и доброжелательные болельщики. Они, конечно, поддерживают свою сборную, но они способны отдать должное и другим командам, если те того заслуживают. К сожалению, этого нельзя сказать о болельщиках многих стран.

В раздевалке, куда мы наконец попали, творилось невообразимое. Глава бразильской спортивной делегации доктор Паулу Мачаду дю Карвалью крепко обнял каждого из нас. По его щекам текли слезы. Его заместитель Карлос Насименту, второй тренер Пауло Амарал, главный тренер Висенто Феола, Марио Триго, Марио Америко, доктор Гослинг — все одновременно что-то кричали, плакали и смеялись. Сквозь заслоны в нашу раздевалку пробились несколько русских журналистов, чтобы вручить мне, самому юному участнику чемпионата, кубок. Здесь уже были установлены телекамеры, которые фиксировали все происходящее. Фотокорреспонденты слепили нас вспышками блицев, следуя за нами даже в душевые.

Мы приняли душ, оделись и вышли к автобусу. Нас дожидались толпы болельщиков с бумагой и карандашами в руках. К автобусу нам пришлось буквально продираться.

После торжественного ужина и танцев, после всяких шуточек по поводу темного цвета кожи креолов^[1], вызывавших повышенное любопытство хозяев чемпионата, когда после всего этого я наконец лег в постель, возбуждение от пережитого долго не давало мне заснуть.

Что происходит сейчас в Бауру? Как там отмечают нашу победу? Зайдет ли мэр Никола Авалоне-младший к нам, чтобы поздравить моих родителей? Или он пригласит их в свой большой дом? Конечно, эта победа вызовет перемены во всей нашей жизни.

Интересно, обсуждают ли они голы, которые я забил на чемпионате? Их было шесть. Это, разумеется, не рекорд. Лидером был Фонтэн из сборной Франции. Он забил немыслимое количество мячей — тринадцать. Однако и шесть голов совсем неплохо. Этим можно гордиться. Я не сомневался, что Дондиньо и Зока будут снова и снова проигрывать каждый из забитых мною голов. А когда страсти немного улягутся, я в спокойной обстановке постараюсь восстановить в памяти все игры и объективно их проанализировать. Ведь независимо от количества голов, забитых мною лично и командой в целом, мы упустили значительно больше стопроцентных голевых возможностей: когда некоторое время спустя мы принялись изучать отснятые фильмы,

то извлекли для себя массу интересного и полезного. Но все это в будущем, а сегодня у нас в мыслях только одно — победа. Немыслимо, но факт! Мы стали чемпионами мира, и я внес в эту победу свой посильный вклад! Впервые в истории чемпионатов мы завоевали для Бразилии Кубок Жюля Риме!

Потом моими мыслями завладел наш футбольный клуб «Сантос». Там я впервые продемонстрировал, на что способен — и это благодаря тренеру Валдемару ду Бриту. Сейчас они, наверное, собрались все вместе! Сейчас там почти рассвело, а в общем, какая разница! В сборной Бразилии из «Сантоса» было трое: Зито, Пепе и я. Так что победой можем гордиться как мы, так и наш родной клуб. Наверное, праздник по случаю нашего успешного выступления будет продолжаться там до тех пор, пока мы наконец не вернемся в Бразилию.

Я встал, выключил свет и снова лег в постель, наслаждаясь темнотой. Мы победили! После более чем двухмесячного пребывания в Европе мне не терпелось вернуться в Бауру, а затем в Сантус, ставший моим вторым домом. Какая разница между этим возвращением в Сантус сейчас и когда я первый раз туда приехал? Впрочем, когда это было? Полтора или почти два года тому назад. О, господи! Много это или мало? Тогда я был щуплым пятнадцатилетним мальчуганом, робким и перепуганным из-за того, что мне пришлось уехать из родного дома. Теперь я вернусь чемпионом мира, повзрослевшим и умудренным житейским опытом — в мои-то семнадцать лет!

При этой мысли я ухмыльнулся и уснул.

Даже теперь, много лет спустя, я хорошо помню возвращение с мирового чемпионата 1958 года. Все мы очень устали. Бесконечные напряженные тренировки, игры. Мы выдохлись и эмоционально. В общем, никак не могли дождаться возвращения в Бразилию. Для большинства из нас это была первая разлука с родиной, и она показалась чрезвычайно долгой.

Возвращались мы на бразильском самолете авиакомпании «Панэйр». Тогда еще не наступила эра реактивных самолетов, поэтому летели мы долго. Во время полета то и дело можно было слышать:

«Когда только мы доберемся? Карамба!» «Наберитесь терпения!» — реагировал какой-нибудь бывалый игрок, привыкший к путешествиям и научившийся сохранять самообладание.

Затем, когда большинство из нас уже не сомневалось, что пилот сбился с курса и что нам осталось жить какие-то мгновения, прежде чем самолет врежется в океан, впереди вдруг

показалась земля. И тут мне стали понятны чувства, которые испытывал Колумб или Педру Алвариш Кабрал^[2], или, по крайней мере, их моряки. Правда, Колумб и Кабрал были уверены, что впереди земля, а их моряки нет. Наконец, самолет начал снижаться, предстояла дозаправка! Ресифи! Наша первая остановка на бразильской земле!

Самолет подрулил к стоянке, распахнулась дверца, и мы увидели огромную толпу, ожидавшую нас у трапа. Когда мы стали спускаться по алюминиевым ступеням, люди принялись скандировать приветствия. Встречающие подхватили Ваву на плечи и понесли. Потом толпа завладела мною и остальными игроками. Просить кого-либо не поднимать нас на плечи и не носить среди возбужденной толпы, а также объяснять, что я лично боюсь высоты, было бессмысленно. В такой ситуации оставалось только одно — подчиниться.

В тот же день нас встречал Рио-де-Жанейро. На улицах был устроен настоящий карнавал: движение перекрыто, толпы народа, крики, пение, танцы, нигде не пройти и не проехать, люди не обращают внимания на гудение клаксонов и наезжающие на них автомобили. Повсюду играют всевозможные оркестры. В небе расцветают фонтаны фейерверка. В помещении редакции журнала «Крузейро» мы встретились с нашими семьями. Все плакали. Отец крепко обнял меня, проговорив от волнения только одно слово:

«Дико!»

Мать улыбалась и плакала:

«Как я скучала по тебе, Дико!»

«Я тоже, мама!»

Дона Селесте утерла слезы и стала рассказывать: «Если бы ты только видел! В наш дом пришло столько людей, такая собралась толпа! Раньше они жаловались, что ты разбивал фонари, дрался, грубил. А теперь все, даже твои школьные учителя, клянутся, что никогда не сомневались в твоём таланте. Все так гордятся тобой!»

Я не мог сдержать улыбки. В конце концов я ведь уже взрослый. Этот вывод был сделан мною еще в Швеции.

Все повторялось бесчисленное количество раз. Отцы, матери, жены, дети, братья, сестры, родственники — каждый из них крепко обнимал кого-то из нас, смеялся и плакал. А на улице перед зданием редакции «Крузейро» толпа пронзительно кричала, требуя, чтобы чемпионы мира подошли к окну. Их чемпионы мира! Толпе хотелось если не пощупать, то хотя бы увидеть их воочию.

Мне трудно припомнить, в какой гостинице мы ночевали в Рио. Одно скажу, была жуткая неразбериха — бесконечная беготня из номера в номер, объятия с совершенно незнакомыми

людьми... Я проболтал с родителями почти до зари, после чего нас полусонных отвезли в аэропорт. Никто не мог понять — во сне это или наяву.

В Сан-Паулу все выглядело еще безумнее. Да это и понятно, ведь в нем живет больше людей, чем в Рио-де-Жанейро. Об игре с «Коринтианс» уже никто не вспоминал. Как только мы приземлились в аэропорту, гигантская толпа пошла на штурм самолета. Нашу безопасность обеспечивал корпус бомбейрос, так у нас называют пожарников. В Бразилии они вооружены и входят в состав вооруженных сил страны. Нас усадили в их специально оборудованные автомобили, и мы поехали. Чтобы добраться от аэропорта до центра города, потребовалось несколько часов. Улицы были запружены толпами народа. Огромные грузовики, отчаянно сигналив, теснили людей. Балконы домов по обеим сторонам улиц были заполнены людьми. Они разбрасывали конфетти, клочки газет, оберточную бумагу и окурки, не обращая никакого внимания на пешеходов. Отовсюду доносился треск дымовых свечей и ракетниц. Это был спектакль в сумасшедшем доме с участием самих сумасшедших!

У нас не было времени даже поесть. Вконец измотанные, полуголодные, готовые променять свои медали на бутерброд и хотя бы пятиминутный отдых, мы уже не могли улыбаться идиотской дежурной улыбкой по несколько часов кряду, наши руки с растопыренными пальцами (знак победы) едва подымались над головой. Мы завидовали нашим товарищам по команде, которые жили в Рио-де-Жанейро и поэтому остались дома.

Нас привезли на стадион «Пакаэмбу». Здесь безумие возросло еще больше. Снова были фейерверки, пронзительные крики, вопли, объятия и речи. Я был уже настолько измучен, что все происходящее казалось мне чем-то потусторонним. С момента приземления в Ресифи я, казалось, утратил способность здравого восприятия. Не могу вспомнить, что я отвечал журналистам, что говорил кому-либо вообще. На всем был налет какого-то дурмана.

А когда трое из нас — Зито, Пепе и я — добрались наконец до Сантуса, весь фестиваль повторился с самого начала. В какой-то момент, когда нас везли по улицам, мы решительно потребовали дать нам что-нибудь перекусить или мы объявим забастовку.

Кто-то из сопровождавших нас удалился и спустя некоторое время вернулся с бутербродами в руках. Но они были такие засохшие, что вызвали у нас только жажду. Затем шествие было продолжено.

Сбежать нам удалось только поздно вечером, я отправился в пансион доны Георгины с твердым намерением отсыпаться целую

неделю. Однако постояльцы в пансионе специально не ложились спать, они приготовили мне свои вопросы, полагая, что мне ничего не стоит пожертвовать ради них сном. На мое счастье, вошла донна Георгина, которая всегда относилась ко мне как к сыну, а не как к постояльцу.

«Бога ради, оставьте мальчика в покое! Дайте ему хоть немного отдохнуть! Неужели вы не видите, что он валится с ног?»

Наконец я дотащился до своей комнаты, сбросил одежду, скользнул под одеяло и впервые после возвращения из Швеции погрузился в глубокий сон, лишенный всяких сновидений.

Еще на несколько дней вся наша команда собралась вместе, чтобы принять те почести, которые она заслужила. Начались бесчисленные обеды, завтраки, коктейли, всевозможные мыслимые и немыслимые мероприятия. Нас принял президент республики Кубичек, который вручил нам золотые медали. И конечно, у нас постоянно брали интервью, причем одни и те же бессмысленные вопросы нередко повторяли по несколько раз.

«Какое у вас было ощущение, когда вы победили?»

«Как вам понравилась Европа?»

«Какая команда оказалась для вас самым трудным соперником?»

В газетах сообщалось о подарках, которые нам вручили или собирались вручить. Писали о домах, земле, стиральных машинах, холодильниках и газовых плитах, лодках и автомобилях, об обещанных пожизненном бесплатном проезде по железной дороге и в автобусе, абонементах на бесплатное посещение кинотеатров, высокооплачиваемых должностях на государственной службе и еще бог знает о чем. В общем, если верить газетам, мы уже стали миллионерами! Но все это была лишь газетная болтовня. Ничего из обещанного не было выполнено, а подарки так и не дошли до адресатов. Наверное, только идиот мог поверить в это. Что касается меня, то я продолжал получать свои шесть тысяч крузейро в месяц, хотя мы заслужили приличные премиальные за победу в чемпионате мира.

Угар пошел на спад, мы оказались свободными от обязательств перед сборной, и я смог отправиться в Бауру, чтобы повидаться с семьей и друзьями. Вместе со мной в самолете летело несколько журналистов и фотокорреспондентов. Они собирались рассказать через свои газеты и журналы о том, как меня будут встречать в моем родном городе. Предстоящая встреча волновала меня. Ведь я уехал из Бауру чуть меньше двух лет назад неопытным и неискушенным юнцом в вагоне второго класса. Провожала меня только моя семья. А теперь я

возвращался сюда на самолете и встречать меня будет, наверное, весь город. На какое-то мгновение у меня мелькнула мысль: а если среди встречающих будет Нейца. Она мне очень нравилась еще в детстве. Я отогнал от себя эту мысль. Ведь с тех пор прошло много времени, а я ни разу не дал ей понять, что она мне нравится. Такая симпатичная девушка здесь в провинции не засидится.

Едва самолет пошел на снижение, как я увидел толпу людей, прижавшуюся к ограде, полицейских перед зданием аэропорта, готовых сдержать эту толпу, если она устремится на летное поле. Я почувствовал волнение, какое не ощущал ни в Ресифи, ни в Сан-Паулу, ни даже в Сантусе. Ведь это был мой родной город. Самолет пробежал по дорожке и подрулил к стоянке. Первыми вышли фотокорреспонденты, чтобы запечатлеть, как я буду спускаться по трапу.

Меня ждал большой грузовик, украшенный разноцветными лентами и флагами. Мэр города Никола Авалоне-младший первым подошел ко мне и заключил меня в объятия. В нашей стране это принято только среди близких друзей.

«Бауру ждет тебя, Пеле!» — сказал мэр.

Я искал глазами родителей, но не мог их найти. Меня подняли на грузовик, я огляделся по сторонам. Ну как же, вон они! Не пытаюсь пробиться сквозь толпу, они скромно ждали, пока закончится торжество. У мамы гордый вид. У Дондиньо суровый взгляд, но за ним скрывается улыбка. Мне машут дядя Жоржи, Зока и Мария Лусия. По-моему, брат и сестра немного выросли с тех пор, как мы виделись в последний раз. Я не увидел Нейцу, но заметил в толпе ее брата Нило и многих своих старых друзей. На пути из аэропорта кто-нибудь из них вскакивал на подножку грузовика, чтобы обменяться со мной рукопожатием или по старой дружбе напомнить о каких-нибудь эпизодах и приключениях. Затем соскакивал на землю и на подножке появлялся другой. По всему городу на флагштоках развевались флаги. С балконов свешивались полотнища:

«Добро пожаловать, Пеле, сын Бауру, чемпион мира!»

В это трудно было поверить! Здесь каждое место, мимо которого мы проезжали, напоминало о какой-нибудь истории из моего детства: начальная школа «Эрнесто Монте»; вокзал, где я подрабатывал чистильщиком и воровал земляные орехи, а также продавал пирожки с мясом; клуб «Норозесте», где я играл в футбол и где устроил глупую драку. Уже совсем скоро донна Селесте и Дондиньо с радостью обнимут своего прославленного сына, который до недавнего времени доставлял им только огорчения!

Наконец торжества закончились. Меня доставили в дом

родителей. Бабушка донна Амброзина расплакалась, но эти слезы не были похожи на те, которые текли у нее по щекам при прощании. Дядя Жоржи крепко обнял меня и ухмыльнулся:

«Какая радость снова видеть тебя, Дико! Ты ведь теперь стал таким знаменитым».

Затем вбежал взволнованный Зока:

«Они собираются подарить тебе автомобиль, Дико!»

Я рассмеялся:

«Я уже слышал об этом в Сан-Паулу и Сантусе. Выброси из головы эту выдумку, Зока. Пишут всякую ерунду».

«Нет, нет! Мне сказал сам сеньор Никола! Тебе дадут машину, настоящую машину, подарок от жителей Бауру!»

Автомобиль? Настоящий автомобиль в подарок? Я не мог в это поверить. В Бразилии тех лет это воспринималось по-особому. Дело в том, что автомобили ввозились в Бразилию из-за границы, ввозная пошлина во много раз превышала цену самого автомобиля, чтобы тем самым не поощрять их импорт. Стоили машины страшно дорого. Средний бразилец едва ли смог бы заработать столько денег за всю свою жизнь. Поясню, что я имею в виду.

Если человек получает тридцать долларов в месяц (это минимальная зарплата в большинстве районов страны и вместе с тем максимальная зарплата для подавляющего большинства рабочих) и если автомобиль марки «Форд» или «Шевроле» стоит, например, двадцать тысяч долларов, включая ввозную пошлину, то чтобы набрать такую сумму, ему придется вкалывать почти пятьдесят пять лет! Если даже он начнет трудиться с двенадцати лет и сразу станет получать ежемесячно тридцать долларов (что абсолютно исключено), то закончит выплату за свою покупку только в возрасте шестидесяти семи лет! К тому же на протяжении всех пятидесяти пяти лет ему придется отказываться от расходов на питание и квартплату, откладывая каждый заработанный грош на приобретение заветного автомобиля.

Примем во внимание еще одно обстоятельство. Поскольку по тем временам продолжительность жизни среднего бразильца, включая тех, кто едва сводил концы с концами, составляла значительно меньше шестидесяти семи лет, то легко представить себе, что я имею в виду. Приобретение автомобиля было совершенно немыслимой затеей, поэтому средний бразилец никогда не позволил бы себе даже мечтать об этом. Самое большее, о чем он реально мог грезить — это когда-нибудь купить в рассрочку подержанный велосипед.

С тех пор многое изменилось. В настоящее время Бразилия — одна из ведущих стран — производительниц автомобилей,

поэтому сейчас машина уже не является несбыточной мечтой, но в том 1958 году эту мечту действительно трудно было назвать иначе как сумасбродной.

Лично меня никогда не волновал вопрос о приобретении автомобиля, и не только по указанным причинам, но и потому, что я не видел в этом особой необходимости. Во всех наших разъездах с «Сантосом» машина мне была совершенно ни к чему. А в пределах городской черты я предпочитал ходить пешком. Кстати сказать, такие пешие прогулки по Сантусу доставляли мне удовольствие.

Вечером меня чествовали городские организации и коммерсанты: мне вручили спортивные трофеи и памятные медали. Потом Эдсон Лейте, известный диктор радио Бандейрантес в Сан-Паулу, произнес краткое приветствие, после чего сдернул покрывало с установленного на платформе автомобиля. Пока он говорил, я не сводил взгляда с этой платформы. Старался представить себе, что там под покрывалом, так как никак не мог поверить, что это все же настоящий автомобиль. Мне казалось, что для машины этот предмет слишком мал. Скорее всего это мотоцикл с коляской — размышлял я. Когда Эдсон Лейте сдернул покрывало, я действительно увидел автомобиль марки «Ромизетта» — трехколесную штуковину, популярность которой объяснялась тем, что для ее парковки требовалось совсем немного места. Передняя часть кузова машины откидывалась назад, благодаря чему в ней могли усесться двое пассажиров. Дверей как таковых у этой модели не было. И тем не менее это был автомобиль, и он в любом случае стоил уйму денег. Я был искренне благодарен жителям Бауру за их подарок.

На следующее утро машину со всем необходимым пригнали к нашему дому. Я вышел и, чтобы лучше разглядеть ее, отбросил переднюю часть назад, уселся на сиденье и стал крутить баранку, представляя себе, как буду ехать по вьющейся серпантином Виа Анхиета в Сантус. Потом я вылез и позвал отца. Когда он показался в дверях, я помахал ему рукой. Наверное, для семнадцатилетнего вид у меня был чересчур самонадеянный. Это были мои первые самостоятельные действия после возвращения в Бауру.

Я улыбнулся:

«Это твоя машина, папа».

Он пристально посмотрел мне в глаза, словно это были какие-то непонятные слова.

«Моя? Ты что?»

«Это мой подарок тебе. Что, до тебя никак не дойдет? Тебе

это, понимаешь? Я же не умею водить машину. У меня нет водительских прав».

Дондиньо оставался непоколебимым:

«Ну, если у тебя нет водительских прав, кто-нибудь за тебя отгонит машину в Сантус, а ты станешь изучать автодело и научишься ездить».

«Но мне не нужна машина в Сантусе. Не нужна она мне».

И тут мне в голову пришла идея.

«Я придумал, как быть. Мы продадим ее, а на вырученные деньги выкупим этот дом или же купим другой, лучше...»

«Продать подарок? — Дондиньо стал сердиться. — Разве мы так тебя воспитывали? Видимо, путешествие в Европу тебя ничему не научило!»

«Хорошо. Если я не умею водить машину и не могу ее продать, тогда остается только одно — отделаться от нее. Вот и прими ее от меня в подарок».

«Не-ет!»

К нам подошла мать, ее заинтересовало, о чем мы спорим.

«Дондиньо, а ты подумал, как Дико намучается с этой машиной в Сантусе? В таком возрасте! С этими машинами столько неприятностей! И если у него появится машина, не будет отбоя от девушек, желающих прокатиться...»

Тот, кто попытается поцеловать девушку в «Ромизетте», должен быть человеком-змеей, но, к счастью, Дондиньо не пришла эта мысль в голову. В конце концов отец уступил:

«Хорошо. Машину можешь оставить здесь, но она все равно твоя. Когда ты подрастешь и научишься водить автомобиль, сможешь забрать его в любой момент».

На том и порешили. Зока был в восторге от такого решения. Но мне кажется, что донна Селесте пожалела о своем вмешательстве. Дело в том, что некоторое время спустя Дондиньо уговорил ее прокатиться на автомобиле. Дороги вокруг Бауру оставляли желать лучшего. Дондиньо, будучи не совсем опытным шофером, не сумел удержаться на колее, и автомобиль сполз в овраг. Выбраться из машины можно было только с чужой помощью, отбросив переднюю часть, которую заклинило, назад.

Дона Селесте холодно посматривала на горе-водителя. Сконфуженный Дондиньо не знал, куда деть глаза. Наконец кто-то из прохожих помог им выбраться на волю и вытащить автомобиль из оврага. С тех пор машина пылилась перед домом.

Несколько дней, которые я провел дома, пролетели очень быстро. Настало время возвращаться в Сантус и приступать к играм в клубе. Когда я уезжал первый раз, все видели у меня в глазах слезы. Сейчас никто не плакал, даже донна Амброзина.

Видимо, после моего путешествия в Европу и перелета через Атлантику мой отъезд в Сантус казался им таким же заурядным событием, как посещение деловой части Бауру или футбольного клуба «БАК»...

Глава шестая

Пока мы жили в Бауру, я научился играть в футбол и ради него благополучно забросил все свои школьные занятия. Мне как-то не верится, что я действительно был тупым. Дело в том, что я нередко расходился во взглядах на некоторые вещи со своими учителями.

В третьем классе мои дела пошли совсем плохо. Ума не приложу, каким образом наша учительница оказалась в школе, а не в исправительном доме для закоренелых преступников. Клянусь, любой надзиратель позавидовал бы ей в умении придумывать разные виды наказаний.

Например, за разговоры на уроках она заставляла меня набивать рот бумажными шариками. Однако, пока учительница занималась с другими, можно было спокойно выплюнуть шарики и дать отдохнуть щекам. Но стоило ей лишь взглянуть на меня, как я демонстративно раздувал щеки и кривился от боли, при этом мы оба испытывали удовлетворение.

Бросаться шариками из жеваной бумаги, щипать девчонок или устраивать драки в классе считалось более серьезной провинностью. Для нарушителей в углу класса стояла маленькая клетка с рассыпанными по полу твердыми, как галька, сырыми бобами. «Преступника», чаще всего им оказывался я, помещали в эту клетку и ставили коленями на бобы. Мучительное наказание! Но на каждый яд всегда находится противоядие. Как только учительница отворачивалась, я начинал складывать бобы в карман или незаметно отодвигал их в сторону, на какие-то мгновения облегчая себе страдания. Когда экзекуция заканчивалась, я старался разбросать бобы так, чтобы они как можно гуще покрывали пол клетки. После отбывания провинности у меня набирался полный карман бобов, которыми очень здорово было кидаться в классе.

У нашей учительницы, имя которой я решил не называть, было еще одно любимое наказание: она заставляла провинившегося вставать лицом к стене с раскинутыми, как у Христа на распяты, руками. Когда руки уставали и опускались вниз, она с ожесточением возвращала их в прежнее положение. Иногда, совсем забыв об уроке, учительница не отходила от своей жертвы и каждый раз, когда руки ученика в изнеможении опускались, резко подбрасывала их вверх. Как правило, она уставала быстрее меня. Особенно ее раздражало то, что класс откровенно хихикал над этими садистскими упражнениями.

Вероятно, рассказанная мною история дает повод судить о

нашей учительнице как о настоящем чудовище. Но самое главное, что таковым она не была. Просто она искренне стремилась воспитывать нас в надлежащем духе и была твердо убеждена, что ее наказания служат во благо нам, помогая лучше сосредоточиться на уроках. Тем не менее, я считаю, что наш педагог явно перебарщивал. Ведь нам было всего по Десять лет. Я уверен, что, несмотря на благие намерения, эта учительница надолго отвратила меня от школы, ибо с первого же момента, когда она применила ко мне свою систему воспитания, я стал все чаще размышлять о том, как бы не пойти на уроки. Я понял, что, если подчинюсь, мой противник еще больше поверит в педагогическую эффективность своей системы. Такой вывод вредил прежде всего мне самому. Но в этом я убедился лишь спустя много лет, когда активно принялся ликвидировать пробелы в образовании. И даже тогда я продолжал считать ату учительницу виновной в моем невежестве.

После школы я отправлялся на вокзал чистить обувь. Признаться, иногда я «зажимал» одно или два круэйро, чтобы посидеть в темном зале кинотеатра и посмотреть, как живут в других странах мира (должен сказать, что всему этому я нисколько не верил!). Между тем разразившаяся инфляция отбросила Дондиньо далеко назад — к тому времени, когда он зарабатывал на жизнь только футболом, поэтому мой приработок стал для семьи жизненно важным. Иногда я, разумеется, без ущерба для работы, выкраивал время на рыбалку. Для этого приходилось пропускать школьные занятия. Я никогда не прогуливал в одиночку, всегда хватало желающих составить мне компанию. В конце концов, рыбалка приносила в дом пищу, и этот аргумент неотразимо действовал.

Нас собиралось четверо или пятеро, и рыбачили мы обычно на Рио-Бауру. Так называлась бурная река, протекавшая через город. Наше любимое место было под железнодорожным мостом Соракабаны, прямо на краю города.

У нас не было ни удочки, ни спиннинга, ни лески, ни крючка. Мы опускали в воду сита и вылавливали все, что нес бурный речной поток. Сита были большие, плоские и круглые, около трех футов в диаметре. Через такие обычно просеивают кофе для просушки. Мы заходили в воду так, чтобы не захлебнуться, опускали сита и ждали. Вода была мутная, и мы не знали, что нам попадется. Правда, мутная вода делала нас невидимыми для рыб, поэтому преимущество было, можно сказать, обоюдное.

Помню погожий летний день, кудрявые облака на небе; стрекот насекомых в траве сливался с плеском воды и грохотом пронесившихся по эстакаде поездов. Одежду я, как обычно,

оставил на берегу: если она намокнет, трудно будет объяснить доке Селесте, в чем дело. Я забрел в воду по грудь и опустил поглубже сито. Почти сразу в него ткнулось что-то тяжелое. Я резко выдернул сито из воды, чтобы не дать добыче уйти. Попалась, пронеслось в голове, все в порядке. И тут я буквально окаменел от страха: моей добычей оказалась огромная змея, как мне показалось, размером с боа^[3]. Змея заметалась, ее страшные зубы были всего в нескольких дюймах от моего лица. Я пронзительно закричал, бросил сито с повисшей на нем змеей и, как безумный, ринулся к берегу. Мне казалось, что змея преследует меня, что я вызвал гнев целого змеиного семейства (мы хорошо знали, что змеи никогда не пускаются в путешествие в одиночку), которое, наверное, наткнулось на меня в мутной воде.

Я бежал к берегу, не переставая кричать во всю глотку. По щекам у меня текли слезы, тело била крупная дрожь. Я схватился за брошенную одежду, как за спасительную соломинку, прижал ее к груди, как бы желая успокоить ею неунимавшуюся дрожь. Никто надо мной не смеялся — ведь змеи далеко не самое приятное, что встречается в нашей жизни. Ребята с тревогой поглядывали друг на друга, пока я натягивал на мокрое тело одежду. Попавшуюся в сито змею наверняка вместе с ее семейством отнесло далеко вниз по течению. Мои приятели с ужасом смотрели на мутную воду.

За это происшествие мне пришлось нести тройное наказание: за пропуск уроков в школе, за утерю соседского сита (расплачивался, конечно, Дондиньо), но первые два ни в какое сравнение не шли с третьим — жуткими кошмарами, преследовавшими меня несколько месяцев. Огромные уродливые змеи, волосатые или до отвращения гладкие, сползали ко мне с сита для ловли рыбы, с деревьев, под которыми я ходил, поднимались из высокой травы, росшей около футбольного поля. Они лениво начинали со мной играть, а я стоял, как вкопанный, потом впивались в мое тело. Я вскакивал с постели и пронзительно кричал от страха до тех пор, пока не появлялась дона Селесте и не успокаивала меня.

Признаться, змеи до сих пор внушают мне страх.

Примерно в это время мы с ребятами задумали организовать футбольный клуб и назвать его именем Седьмого сентября (в честь улицы, в которую вливалась наша Рубенс Арруда и, разумеется, в честь Дня независимости Бразилии). Мы решили, что у нашей команды должна быть соответствующая экипировка — мяч, гетры, футболки, трусы, бутсы. Короче, все, как в настоящем футбольном клубе.

Временную «штаб-квартиру» клуба планировалось разместить во дворе нашего дома или, если будет возражать дон Селесте, у одного из моих товарищей. К счастью, мою мать больше устраивало, чтобы я находился поближе к дому и держался подальше от всяких шалостей. Поэтому никаких сложностей с размещением «штаб-квартиры» не возникло. Не возникло проблем и с приобретением футбольного мяча.

«Давайте соберем набор открыток с игроками нескольких ведущих клубов Рио-де-Жанейро или Сан-Паулу, — предложил я. — Таких известных команд, как «Коринтианс», «Фламенго» или «Васко да Гама». Их будет легко продать. А на вырученные деньги купим мяч».

Подобные открытки продаются в барах, их вкладывают в сигаретные упаковки, в пакеты с жевательным табаком, вообще, куда угодно. На лицевой стороне обычно помещается фотография знаменитого футболиста какого-нибудь клуба, на обратной — биографические данные или сведения о его профессиональной карьере. В мое время ими повсюду торговали мальчишки и из богатых, и из бедных семей. Итак, если продать четыре полных комплекта открыток с фотографиями игроков разных клубов, наверняка можно выручить столько денег, сколько стоит новый мяч, и даже больше. Все согласились, что это грандиозная идея, и приняли меня поздравлять. Кто-то спросил:

«А как насчет формы?»

Мы обсудили и этот вопрос. Тут надо было еще что-нибудь придумать.

«У меня есть идея, — сказал один из мальчишек. — Дрова нам привозят по пятницам. Каждую пятницу после школы я должен складывать их в штабель. А что, если в пятницу после обеда мне не показываться дома, а кто-нибудь из вас как бы случайно зайдет к нам и предложит выполнить эту работу, как мы это делаем для Пеле. Не сомневаюсь, что моя мать что-нибудь заплатит. Пусть немного, неважно. И вот если каждый из вас не придет домой тогда, когда завозят дрова...»

«Со мной ничего не выйдет», — сказал я. Мне трудно было даже представить, что дону Селесте можно будет так легко провести.

«Хорошо, тогда без тебя. Ты и так уже предложил идею с открытками». Все согласились. Обсуждение продолжалось. Возникла еще одна мысль: в деловой части города можно собирать сигаретные окурки, высыпать из них оставшийся табак, скручивать новые сигареты и пускать в продажу. Мы решили, что это стоящая идея. Штучная торговля сигаретами была тогда широко распространена. Если продавать их по сниженным ценам,

наверняка найдутся желающие. Решение по этому вопросу было единогласным.

«А что если заняться еще сбором металлолома, консервных банок, пустых бутылок, макулатуры и продавать это городскому агенту по скупке утильсырья? Ведь ему всегда нужен такой товар», — предложил кто-то.

Все снова согласились. Больше новых идей не возникало. Правда, нам казалось, что и этих пока хватит. Поэтому мы разошлись, чтобы приступить к осуществлению намеченных проектов.

Однако уже через неделю выяснилось, что без новых идей не обойтись. Матери наших товарищей по команде были благодарны за укладку дров, но предлагали за работу по стакану лимонада или ничтожную сумму денег. При этом они обычно устраивали потом хорошую взбучку сыну за то, что в нужный момент его не оказалось дома. В общем, эта инициатива не принесла нам никаких доходов, и вскоре от нее пришлось отказаться. Немного оправдал себя бизнес с сигаретами, и полностью провалилась идея с металлоломом и стеклотарой. Дело в том, что там, где мы жили, каждую вещь использовали до полного физического износа, поэтому никто ничего фактически не выбрасывал. Когда мы подсчитали прибыль за неделю, денег едва хватило на несколько пар низкокачественных гетр. Пришлось снова вернуться к вопросу о том, как раздобыть деньги на форму. Выход подсказал соседский мальчишка по имени Зе Порто.

«Давайте продавать земляные орехи около вокзала и там, где будет выступать цирк, который приезжает в город через неделю. Можно еще около кинотеатра. Правда, цирк торгует орехами сам, но мы встанем вдоль дороги и будем продавать дешевле».

«Грандиозно!»

«Но где мы возьмем орехи?»

У Зе Порто был готов ответ. Его слова словно источали недоумение — неужто вы такие тупые, что не догадываетесь сами:

«Конечно же, украдем. Если их покупать, то о какой прибыли может идти речь! На складах вокзала их тонны».

Эта идея не вызвала у меня энтузиазма. Я достаточно часто нарушал заповеди доны Селесте, правда, не самые главные. Воровство же в нашей семье считалось страшным грехом. Моя мать наверняка придет в ярость. Я нисколько не сомневался, что и отец примет ее сторону. В любом случае наказание будет суровым. Я был уверен, что подавляющее большинство моих приятелей тоже боялось воровать, но Зе Порто дал понять, что вопрос для него исчерпан.

«Кто не согласен со мной, тот дерьмо. Большое дерьмо!»

Никто, разумеется, не хотел быть дерьмом, не важно каким — большим или малым. И мы согласились. С неохотой, но согласились. Наше согласие в итоге имело весьма трагические последствия.

Поскольку я выступил с инициативой продажи открыток футбольных звезд, мне казалось, что я должен заниматься сбором открыток и таким образом не буду причастным к краже земляных орехов.

Трудности начались, когда я нашел несколько мальчишек, у которых были нужные нам редкие открытки. Когда члены будущего клуба собрались, чтобы обсудить наши проблемы, я изложил суть вопроса. Зе Порто слушал с плохо скрываемым раздражением.

«Ты хочешь сказать, что они не будут меняться? Ты должен их заставить!»

«Прекрасно! — саркастично заметил я. — Но каким образом?»

«В следующий раз с тобой пойдут трое или четверо наших. И ты увидишь. Пусть только попробуют отказаться».

Проглотив это замечание, я реально представил себе, чем все это может обернуться. Если родители кого-нибудь из мальчишек придут к доне Селесте и расскажут ей, что я заставлял их бедных детей меняться открытками да еще натравливал на них своих приятелей... тогда и на улицу не выпустят целую неделю. Страшно представить, что будет!

«Нет, это не для меня», — сказал я.

«Что ж, наверное, придется мне, — высокомерно заявил Зе Порто, — а ты вместо меня пойдешь воровать орехи».

«Постой!»

«Ну, согласен?»

Я прикусил язык. Воровство орехов со склада на вокзале все же имело шансы. на успех. Правда, не очень большие, но тем не менее. Оно действительно получило широкое распространение. В то же время я не сомневался, что заставлять мальчишек менять редкие и ценные открытки на не пользовавшиеся спросом — дело весьма сомнительное и может иметь неприятные последствия. Я знал, как сам повел бы себя в такой ситуации, поэтому несколько не сомневался, что любой обладатель редкой открытки сделал бы то же самое. В общем, тут жди неприятностей.

«Хорошо», — сказал я с грустью в голосе.

Мы обсудили предполагаемую операцию с учетом наших познаний в области криминалистики и пришли к выводу, что воровство орехов непосредственно со склада связано с большим

риском, ибо там, наверное, постоянно кто-нибудь есть. А около грузовиков, на которых орехи доставляли на склад, наверняка находятся шофер или грузчик, очень редко, когда не бывает ни того, ни другого. Должно быть, легче угнать целый грузовик, чем дотронуться до его содержимого. Оставалась единственная возможность — стационарные вагоны-контейнеры, в которых перевозили орехи по железной дороге.

Мы решили работать парами: один залезает в вагон, развязывает мешки и набивает карманы, другой караулит и предупреждает товарища об опасности. Не помню сейчас, кто был моим сообщником в этой истории, но мне хорошо запомнилось, что по жребию я стал главным исполнителем воровского плана.

Мы дождались обеденного перерыва, когда бригада грузчиков ушла перекусить и выпить пива. Меня охватил жуткий страх. Одновременно теплилась надежда, что грузчики закроют тяжелые двери вагонов и тем самым перечеркнут все наши замыслы. Но когда мы пролезли сквозь узкую щель между огромными вагонами и рифленой стороной складского навеса, массивные двери, несмотря на мою горячую молитву, оказались широко распахнутыми, наверное, потому, что не так-то легко их было закрыть, а может, потому, что по возвращении грузчики задохнулись бы в этом вагоне от духоты.

Не видя повода для отказа от операции, я забрался в вагон. Запах орехов я ощущаю до сих пор. Интересно, почему он так манил меня раньше. В каждом мешке, доверху наполненном орехами, было более двухсот фунтов весу. Значит, сдвинуть его просто не хватит сил. У меня с собой были школьный ранец и несколько бумажных пакетов. Я раскрыл ближайший к себе мешок. Торопливо, почти в паническом состоянии наполнил орехами пакеты, ранец, наложил, сколько мог, за пазуху. Я постоянно думал о том, что сейчас вернутся грузчики и застанут меня за воровством. Ни о чем другом в тот момент не думалось. Застегнув раздувшуюся от орехов рубашку, я спрыгнул на землю и вместе с сообщником скрылся за углом. Почувствовав себя в безопасности, мы остановились, чтобы оглядеться. Все в порядке! Мы громко рассмеялись и со спокойной душой отправились к ребятам.

Вырученных денег хватило, чтобы купить футболки и мешковину, из которой матери сшили нам приличные трусы. Хотя на футболках не было ни номеров, ни фамилий, они тем не менее выглядели вполне прилично. Поскольку все майки были абсолютно одинаковыми, они стали для нас единой спортивной формой. Но главное — бутсы! Поэтому Зе Порто и уговорил нас решиться на шаг, имевший трагические последствия.

На этот раз он сам полез на склад, чтобы лично удостовериться, что все проделано как надо. Всем нам Зе Порто отвел роль ассистентов. Мы притащили с собой кучу всяких мешков, пакетов и даже жестяных банок. Он каждый раз подходил к двери с доверху наполненным пакетом или банкой, передавал их нам и шел обратно с таким видом, словно это была его привычная работа. Признаться, я до сих пор не могу понять, почему никто нас там не увидел! Ведь если бы кто-нибудь появился около вагона и бросил взгляд на железнодорожные пути, нас наверняка застали бы на месте преступления. Мы напоминали муравьев, которые таскали в муравейник останки мертвого сверчка.

Когда Зе Порто в раздувшейся от орехов рубашке спрыгнул вниз, мы поняли, что на этот раз денег от проданной добычи нам хватит на полную футбольную экипировку. Воровская акция была закончена, но как объяснить родителям, откуда все это у нас? И как быть с таким огромным количеством орехов? Хранить их дома невозможно. Даже самые доверчивые родители удивятся, если их сын притащит домой полсотни или даже больше килограммов земляных орехов. Времени на размышление оставалось мало — надвигалась гроза, а нам хотелось побыстрее отделаться от добычи, чтобы еще до грозы вернуться домой.

Наш «мозговой трест» Зе Порто тоже думал. Между железнодорожными дворами и нашими домами тянулись невысокие лесистые холмы. Там, в пещерах, мы нередко устраивали игры. Эти холмы были для нас местом, где проходили ожесточенные спортивные баталии, или заброшенными островами, или, в нашем наивном детском представлении, стадионами, с «трибун» которых можно было наблюдать состязания по бегу и одновременно смотреть на проходившие мимо поезда. Зе Порто пришла мысль спрятать орехи в одной из пещер. Он тут же потащил нас к холмам. Мы добрались до места в тот самый момент, когда полил дождь. Самый маленький из нашей команды, не помню как его звали, залез в пещеру, а мы стали подавать ему пакеты и жестяные банки. Мальчуган принимал от нас орехи вдруг холм пришел в движение! Мы онемели от страха и кинулись прочь. Прежде чем мы пришли в себя и бросились отгребать руками, пустыми банками гору мокрой земли, холм осел, и нам стало ясно, что нашего товарища завалило в пещере.

Мы, как безумные, продолжали отгребать землю. Деревья вместе с грязью сползли вниз, их корни цеплялись за наши ноги. Потом на помощь с лопатами в руках прибежали мужчины. Мы стояли в глубоком молчании. Сердца у нас колотились так, что,

казалось, вот-вот выпрыгнут из груди. Ливень не переставал. Наконец, несчастного откопали. Земляные орехи так и остались нашей тайной. Мальчуган упрятал их в самый дальний угол пещеры до того, как произошел оползень.

Один из мужчин завернул тельце в свой пиджак и понес. Все мы, словно на похоронной процессии, шли сзади. Происшедшее было для нас настоящей трагедией, ни у кого даже в мыслях не было сбежать или уйти домой. Наконец подошли к дому, где жил мальчуган, его мать выбежала в тревоге на улицу. Она пекла пироги, и ее черные руки были белыми от муки. Ей сообщили о несчастье, мужчина бережно опустил тело мальчика на маленькое крыльцо. Женщина закрыла лицо руками. По ним сбегали неровные ручейки слез. До сих пор у меня в ушах как обвинение всем нам стоят ее рыдания.

Когда я, промокший и дрожащий от страха, добрался до дома, меня ждал тяжелый разговор. Родители потребовали, чтобы я больше никогда не играл в таком опасном месте. Похищенные орехи так и остались нашей тайной. Каждый из нас понес наказание. До сих пор я вижу маленькое тело мальчугана, до сих пор слышу скорбные рыдания его матери, до сих пор у меня перед глазами стоит ее измазанное мукой черное лицо.

К многочисленным кошмарам, которые я переживал в то время, прибавился еще один. Мне снилось, что в момент обвала в пещере находился я, а не тот мальчуган; я пытался добежать до входа, который четко видел и который вместе с тем казался недостижимым. Мои ноги разъезжались на скользком полу, а когда я почти добрался до спасительной щели, потолок вдруг рухнул и придавил меня. В рот, горло и еще глубже забилась пыль. Я вскакивал в постели со страшным криком. И, содрогаясь, тяжело глотал воздух.

Команда имени Седьмого сентября все же образовалась, обзавелась трусами и футболками, но бутс не было. Поэтому мы называли себя командой «босоногих». Это прозвище нам представлялось вполне удачным, до тех пор пока мы не обнаружили, что почти в каждом городском дворе имелась команда, экипированная так же, как и наша, и точно так же именовавшаяся.

На выручку от продажи открыток суперзвезд бразильских клубов нам удалось наконец купить футбольный мяч. Правда, он не соответствовал установленным размерам, но нас это не очень смущало. Помню, надували его через сосок камеры, затем сосок заправляли под крышечку, которую крепко зашнуровывали. Каждый раз, когда надо было подкачать мяч, мы выворачивали

золотник из колеса какого-нибудь автомобиля, пока его владелец отсутствовал, подсовывали свой мяч, и когда дело было сделано, ставили золотник обратно. При этом нередко колесо оказывалось полностью спущенным. Как я уже сказал, мяч не соответствовал установленным стандартам, но самое главное, в отличие от тряпичного он отскакивал от земли и принадлежал только нам и больше никому. Я был хранителем мяча — держал его у себя дома — и, видимо, поэтому считался капитаном.

Вскоре о существовании нашей команды стало известно в Бауру. Среди нас было несколько хороших игроков: Сергиньо, Зе Роберто (которого мы звали Токиньо), Луизиньо, Валдемар Мендес, Дино, Вадо, Валдиньо, Отело, мой брат Зока и два японца — Нило и Шоде. Странно, что Зе Порто не очень тянуло играть в футбол. Наверное, поэтому ему не хотелось хранить мяч у себя дома. Некоторые прозвища ребят нашей команды мы сами придумали, другие были скопированы с имен игроков настоящих футбольных клубов, третьи были просто необъяснимы.

Нас было намного больше одиннадцати, поэтому при определении состава для предстоящей игры неизменно разгорались бурные споры. Зато на тренировках нам хватало игроков на две команды.

Обычно я выступал в качестве центрального нападающего, но иногда приходилось играть в защите и даже вставать в ворота, особенно если был сильный противник. Но какими бы ни были наши соперники — сильными или слабыми — я, честное слово, не могу припомнить, чтобы команда «босоногих» имени Седьмого сентября проиграла хоть одну серьезную встречу.

Я подрастал, и отец стал уделять мне все больше внимания. Когда я был маленьким, Дондиньо охотно возлагал заботы по моему воспитанию на дону Селесте. Но когда я подросток, он стал посвящать мне значительно больше времени, чем прежде. Кроме работы в больнице, Дондиньо продолжал играть во всех матчах за «БАК». И тем не менее, как только у него выдавалась свободная минута, он старался помочь мне в постижении тайн футбола. Отец уводил меня на заброшенное футбольное поле в конце нашей улицы и внимательно наблюдал за тем, как я веду мяч, наношу удар по воображаемым воротам, которые когда-то здесь стояли. Мне редко удавалось выполнить это упражнение без ошибок. Дондиньо укоризненно качал головой:

«Ты можешь бить только с правой ноги. Но пока ты изготавливался для удара, время ушло, нарушился темп игры. Это позволило сопернику отобрать у тебя мяч. Ты выпал из игры. Ты и вратарю дал время для отражения удара. Смотри, Дико, как

надо».

И он демонстрировал мне удары обеими ногами.

Если хочешь быть приличным футболистом, надо учиться бить одинаково с обеих ног. Доводить удар до автоматизма.

Иногда он говорил:

«И не пытайся запомнить все сразу. Забудь про свои ноги. Постарайся играть головой. Запомни, бить надо центральной частью лба, глаза открыты, рот закрыт. Сначала отвести корпус назад. Чем дальше ты отведешь, чем резче рванешься вперед, тем мощней получится удар. И не моргай! Вот так!»

Дондиньо накидывал мне мяч, и я отбивал его головой. Потом он постепенно отходил назад, и я должен был наносить по мячу все более сильные удары. Он подбрасывал мяч все выше и выше, заставляя меня бить по нему головой в прыжке.

«Хорошо. Теперь снова удары с обеих ног. Попеременно левой и правой. Так лучше. Еще, еще».

Дондиньо терпеливо исправлял мои ошибки.

«Если хочешь ударить по низко летящему мячу, надо колено согнуть, чтобы оно находилось прямо над мячом, удар выполнять подъемом. Опорная нога должна составлять одну линию с направлением удара. Ну-ка, попробуй!»

И снова следовали удары по мячу.

«При передаче старайся касаться мяча внутренней стороной ступни. Тут важно обмануть соперника. Делай вид, что собираешься выполнить обычный пас, а сам слегка подтолкни его внешней стороной ступни товарищу справа. Вот так. А ну, попробуй. Еще раз».

Дондиньо снова и снова наставлял меня, терпеливо исправляя ошибки. Домой мы возвращались вспотевшие, усталые, но счастливые. Мать обычно говорила с укором:

«Дондиньо! Ведь это твой старший сын!»

Потом не жалуйся, если он захочет стать футболистом, чтобы умереть с голоду. Как хорошо быть врачом или адвокатом и чего-нибудь добиться в жизни!»

В ответ Дондиньо смеялся, ласково обнимая жену:

«Не волнуйся, Селесте. Если он не научится бить левой, тебе не придется за него переживать!»

В детстве я обожал драки — в школе и на улице, на футбольном поле и дома, с мальчишками старше меня, моего возраста и моложе. Я мог задраться в любую минуту по любому поводу. Вспоминая минувшие годы, должен признать, что у меня, наверное, не было уверенности в себе. Ведь вместо того, чтобы спокойно разобраться, я предпочитал грубую силу, словно

рукоприкладство могло решить возникавшие проблемы.

Я затевал драки с Зокой, наверное, потому что был сильнее его. Мы не давали ему играть за команду имени Седьмого сентября. И тогда Зока и другие мальчишки, которых тоже редко ставили на игру, создали собственную команду, назвав ее «Рубенс Арруда». Так называлась улица, на которой мы жили. Если нам не удавалось найти более достойных соперников, мы устраивали товарищеские, почти тренировочные игры. Иногда (правда, довольно редко) мы проигрывали команде Зоки, вероятно, потому что не очень старались. Когда я говорил, что мы поддались им, он называл меня вруном и плохим футболистом. Через мгновение, вцепившись друг в друга, мы уже катались по полу. Драка продолжалась до тех пор, пока не появлялась дона Селесте. Получив затрещину, я отправлялся в одну из комнат, а Зоку мать забирала на кухню и давала ему пирожок.

Драки возникали и из-за пуговичного футбола — была такая настольная игра. Она и сейчас популярна среди детей и даже взрослых в больших и малых городах Бразилии. Каждый игрок раскладывает одиннадцать пуговиц на столе, служащем футбольным полем. Пуговицы можно раскладывать в любом порядке по желанию играющего, что позволяет ему продемонстрировать искусство тактического мышления. В качестве мяча выбирается какой-нибудь предмет небольших размеров и по возможности квадратной формы — кусочек сахара, деревянный кубик или даже квадратная пуговица. Играющие по очереди «бьют» по «мячу», стараясь забить его в ворота соперника.

Мы с Зокой могли часами играть в эту игру, особенно в дождливые дни или по вечерам перед сном. Зока был искусным игроком и постоянно обыгрывал меня. Я возмущался, кричал, что он жульничает. В конце концов мы оба оказывались на полу, где, осыпая друг друга ударами, выясняли отношения. Финал был известен: я получал затрещину, а Зока, как обычно, легкое внушение.

В один прекрасный день (он до сих пор у меня в памяти) Дондиньо, держа в руках брюки, вошел в комнату, где Зока и я играли в пуговичный футбол. Отец взял со стола одну из пуговиц, приложил ее к тому месту на брюках, где она должна была быть, и многозначительно посмотрел на нас.

«Это Дико!» — выпалил Зока.

Для меня это было полной неожиданностью. Когда Дондиньо протянул руку, чтобы схватить меня за шиворот, я находился уже по другую сторону стола и через секунду пулей вылетел во двор. Мне повезло: в заборе были лазейки, и я легко проскользнул через одну из них, а Дондиньо застрял. До наступления сумерек я

придумывал месть своему младшему брату за его коварство. К счастью, когда я вернулся домой, Дондиньо уже разобрался, что пуговица, которой мы играли, не имела отношения к его брюкам. Поэтому я был помилован.

И все же желание при первом удобном случае отомстить Зоке долго не покидало меня. Признаться, я никогда не смог бы сказать: «Это Зока!» Даже если бы такая мысль и мелькнула у меня в голове.

В памяти запечатлелся еще один случай. Я наблюдал за матчем, в котором играл отец. В одном из эпизодов Дондиньо, подхватив мяч, мастерски обыграл защитников и вышел к воротам. Гол, казалось, неминуем, но удар у отца почему-то не получился. Я не мог скрыть разочарования. Сидевший рядом болельщик завопил:

«Дурачок! Клоун! Из твоей ноги получится хорошая жердь для белья! Эй, ты, деревянная нога!»

Я буквально закипел от ярости. Мой сосед был раза в два выше меня, но в тот момент во мне поднялась волна безудержного гнева. Дрожа от негодования, я смотрел на него в упор.

«Кого это ты назвал деревянной ногой? Кого ты назвал дурачком? Это твоя мать дурочка!»

Он в изумлении смотрел на меня сверху вниз. Когда же до него дошел смысл моих слов, он побагровел от ярости.

«Черный ублюдок, заткни глотку и вали отсюда!»

Я схватил обломок кирпича, который прибавил мне храбрости, и рассмеялся ему прямо в лицо.

«Не выйдет. Кишка тонка!»

В это время вмешался один из зрителей, по всей видимости, приятель моего отца.

«Попробуй только тронь мальчишку. Пожалеешь».

Обозленный болельщик ударил моего заступника кулаком. И тут началась, что называется, куча мала. Мне удалось отделаться лишь несколькими синяками. Потасовка была грандиозной. Прибыла полиция, но и она не смогла навести порядок. Только когда вмешались военные, драка была прекращена.

Дондиньо вернулся домой раньше меня. Он потребовал, чтобы я рассказал ему, что произошло. Судя по всему, отец уже был в курсе дела, так что врать не было никакого смысла. Дондиньо сурово покачал головой.

«Ты без драк уже не можешь. Пора с этим кончать, — сказал он. — Если ты всерьез думаешь стать футболистом, тебе надо научиться владеть собой. Китайцы говорят: «Если человек сжимает кулаки, значит, он исчерпал свои аргументы».

Мне показалось, что отец впервые заговорил со мной как со взрослым. Я почувствовал, что он всерьез допускает мысль о моей футбольной карьере.

«Но он обзывал тебя!»

Эти слова, видимо, не произвели на Дондиньо никакого впечатления.

«Учти, на поле играют две команды, у каждой из них свои болельщики. Что одних радует, других злит. Кто-нибудь из числа одних или других все равно будет обзывать тебя. К этому надо привыкнуть. И если не хочешь запомнить китайскую пословицу, заруби себе на носу, на футбольном поле нельзя терять самообладания, иначе ты не сможешь хорошо играть. Кроме того, тебя могут удалить, отчего пострадаешь не только ты, но и команда. И еще, — добавил Дондиньо, — игрок теряет контроль над собой потому, что он злится на самого себя, зная, что не прав. Поэтому походи на улицу и ущипни себя. И впредь не затевай никаких драк».

После той драки на стадионе Дондиньо стал уделять еще больше внимания мне и моим футбольным увлечениям. Хотя работа в больнице и выступления за «БАК» отнимали у него массу времени, он иногда выкраивал часок, чтобы посмотреть игру «босоногих». Когда после матча мы возвращались вместе домой, он нередко говорил: «Сегодня ты слишком увлекался индивидуальной игрой, а ведь футбол — игра коллективная. Если бы ты отдал мяч Зе Порто, тот наверняка забил бы гол. Ведь он стоял совсем открытым. Так и просил дать ему мяч».

Или:

«Помнишь, как сложилась игра сразу после перерыва? Зачем ты отдал мяч Луизиньо? Он же был закрыт. Ты мог бы сам пройти вперед и ударить по воротам. Почему ты этого не сделал?»

Смущенный, я бормотал что-то невнятное в свое оправдание.

«Скажи откровенно, почему ты отпасовал мяч? Надо было хорошенько подумать. На футбольном поле ты не имеешь права действовать безответственно. Учись принимать решения мгновенно, старайся все предвидеть. А еще надо учиться играть интуитивно, но в зависимости от обстановки. Без этого классный футболист не получится».

Хоть я не очень жаловал авторитеты, однако к его советам относился со всей серьезностью. Я считал и до сих пор считаю, что Дондиньо был одним из лучших футболистов Бразилии, и только полученная травма не позволила ему добиться высших спортивных достижений. Я дорожил советами Дондиньо еще и потому, что твердо знал: он любит меня и искренне старается мне помочь. Ведь отец был отменным воспитателем.

Вспоминается, как он умел воздействовать на меня своим примером. Ни разу я не видел его с сигаретой или за выпивкой. Он постоянно следил за собой, за своей спортивной формой, считая, что это послужит мне и Зоке наглядным примером для подражания.

Однажды я сидел с ребятами из нашей компании под деревом довольно далеко от дома. Кто-то предложил мне покурить. Это была не настоящая сигарета, а так называемая «хихи» — абсолютно безвкусный бразильский фрукт, который мальчишки закручивают в бумагу и курят. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что ни доны Селесте, ни доны Амброзины поблизости нет, я лихо закурил. Завязался оживленный разговор — сейчас уж и не помню о чем, скорее всего о девчонках, а может, о футболе — в результате я совсем потерял бдительность. Подняв глаза, я увидел проходившего мимо отца. Он помахал нам рукой и, не сказав ни слова, пошел дальше.

Я вскочил, как ошпаренный, и втоптал окуроч в землю. В тот момент лицо у меня, наверное, перекошилось от страха.

«Ну и будет же мне теперь!»

Один из мальчишек насмешливо заметил:

«Ничего тебе не будет! Он ведь не видел, как ты курил».

«Если бы он увидел, — сказал другой, — тебе бы не поздоровилось. Он прямо за уши притащил бы тебя домой!»

Эти доводы показались мне логичными, и я решил, что все обойдется. Но как только я пришел домой, мне стало ясно, что серьезного разговора не избежать. Дондиньо подозвал меня к себе. Голос его был абсолютно спокоен — наверное, хочет поговорить со мной о последнем матче.

«Я видел, как ты курил».

Я молчал. Мне и впрямь нечего было возразить. Я так и стоял перед ним, пытаюсь смотреть куда угодно, только не ему в глаза. Дондиньо терпеливо ждал.

«Так что ж? Может, я ошибаюсь?»

«Да не-е-т».

«И давно ты куришь?»

В его голосе опять не было ни одной повышенной нотки. Точно так же он мог бы поинтересоваться, давно ли я работаю чистильщиком обуви или давно ли хожу в школу. А может, это затишье перед бурей?

«Я... только несколько раз. Несколько дней».

«Ну и тебе нравится этот запах? Расскажи мне. Ведь я-то сам не знаю, потому что никогда в жизни не курил».

Я так и не признался ему, что никогда не брал в рот настоящей сигареты, что пробовал лишь «хихи». Просто я считал,

что для него это не имеет никакого значения.

«Не знаю. Думаю, не очень».

Откровенно говоря, я ожидал получить оплеуху, но случилось обратное. Дондиньо мягко притянул меня к себе, обнял за плечи и проникновенно заговорил:

«У тебя талант, Дико, со временем ты сможешь стать классным футболистом. Но из тебя ничего не получится, если ты будешь курить и пить. Тебя не хватит, чтобы играть в полную силу все девяносто минут. Поэтому ты должен сделать выбор».

Потом Дондиньо сунул руку в карман и достал бумажник, потертый и тощий. Он вытащил несколько смятых банкнот.

«Если же тебе, несмотря ни на что, захочется курить, лучше покупай сигареты на свои деньги. Мерзкая привычка — занимать у других. Сколько тебе надо на сигареты?»

Я готов был сквозь землю провалиться от стыда. То, что за сигареты я не платил, не имело значения. Я видел, как мой отец каждую неделю выходил, прихрамывая, на футбольное поле с распухшим от травмы коленом. Я видел, как он безропотно мыл горшки и мел полы в больнице, чтобы прокормить семью.

Дондиньо задержал на мне свой спокойный взгляд.

«Помни о своем добром имени и престиже нашей семьи, старайся впредь ни у кого не занимать, а если тебе понадобятся деньги на сигареты, обратись ко мне, я дам».

Он действительно никогда не скупился.

Я не раз вспоминал этот разговор. Могу с определенностью сказать, если бы тогда я получил от Дондиньо серьезный нагоняй, то наверняка взбунтовался бы и остался на всю жизнь заядлым курильщиком. Правда, обожая футбол и твердо зная, что курение действительно может иметь пагубные последствия для профессионального спортсмена, я, наверное, так и не пристрастился бы к нему. С тех пор я ни разу не прикоснулся к сигарете.

Я никогда не брал в рот ни капельки алкоголя — следствие мучительного, но весьма поучительного опыта.

Один из наших соседей, итальянец, занимался виноделием. Разлив вино в бутылки, он закапывал их, чтобы напиток набирал возраст и крепость. Как-то его сын Антонио, парень из нашей компании, проговорился, что отец никогда не считает бутылки. Значит, не заметит пропажи? Идея продегустировать вино показалась заманчивой. Я видел на вокзале людей, которые пили крепкие ликеры и закусывали в баре. Мне всегда хотелось знать, что они при этом ощущают. Теперь представился случай во всем разобраться самому. Я просто не задумывался о том, что, в сущности, это кража. Ведь винные запасы принадлежали отцу

нашего товарища, а следовательно, и его сыну.

Дождавшись, когда итальянец уйдет на работу, мы с Антонио вышли на задний двор и извлекли из земли одну из бутылок. Затем тщательно заровняли разрытое место, дабы не осталось следов от налета, и отправились на поле в конце улицы, чтобы спокойно распробовать трофей. Устроились в траве в дальнем углу поля. Отряхнув грязь с бутылки, с трудом раскупорили ее. Это было игристое красное вино приятного цвета. Полюбовавшись им, мы стали по очереди дегустировать. Мне оно показалось горьковатым. Но мой приятель пил с таким удовольствием, что мне стало стыдно за себя и за свой жалкий опыт в этой области.

Я осушил с полбутылки. Вино ударило в голову: выступил холодный пот, все вокруг закружилось и завертелось. Я испугался, что могу умереть. Мне было очень плохо. К моему удивлению, на приятеля вино несколько не подействовало: в их семье его постоянно пили все, включая детей. Он смотрел на меня с презрением, наверное, потому, что по моей милости бездарно пропало полбутылки доброго вина.,

Домой я пришел после Дондиньо. От меня разило как из бочки. Я хотел проскользнуть в свою комнату, лечь там на пол и молить бога, чтобы он облегчил мои страдания. Но Дондиньо схватил меня за руку.

«Где ты был?»

«Мне плохо...»

«Ты пил вино! Ты пьян!»

«Я плохо себя чувствую».

Я рассказал ему все начистоту. Я просто не мог ему лгать.

Отец задал мне крепкую взбучку. Однако не эта взбучка заставила меня в тот памятный день навсегда отказаться от спиртного. На меня подействовало пережитое мною состояние головокружения, тошноты, а также утраты самообладания. Став уже взрослым и много поездив по свету, я долго не мог видеть, как кто-нибудь наливает себе в бокал вино — каждый раз чувствовал дурноту.

Примерно в то же время, переезжая со своей семьей в другой город, Зе Порто «завещал» мне щенка по кличке Рекс. Из невообразимого смешения разных пород получился этот трогательно нежный щенок с мягкой бежевой шерсткой, коричневыми пятнами, укороченным хвостом и подрезанными ушами. Видимо, тот, кто подрезал ему уши, был человеком невнимательным, потому что одно ухо оказалось длиннее другого. Щенок напоминал старую рекламу фирмы «Виктор», на которой собака, повернув голову, вслушивается в звуки,

доносящиеся из граммофона. Я с первого взгляда влюбился в него. Щенок был первой вещью в моей жизни, которой я обладал единолично, ибо все прочее до этого я делил с кем-нибудь еще.

Вместе с Рексом, который преданно крутился у моих ног, я пришел домой. Мать бросила на меня многозначительный взгляд.

«Это что еще за новости?»

«Это собака. Моя собака. Мне дал ее Зе Порто».

«Так вот, сейчас же марш обратно. Немедленно верни ему пса. Чем его кормить прикажешь, если людям есть нечего?»

«Не могу я его вернуть, — произнес я в отчаянии. — Они переезжают, поэтому вынуждены оставить собаку здесь».

«Ну, а я тут при чем?»

«Ну, пожалуйста, мама, — чуть не заплакал я. — Обещаю делиться с ним своей едой. От этого никто не пострадает. Я обещаю!»

Видимо, мои слова прозвучали достаточно искренне. Я уверен, что дона Селесте хорошо представляла себе мое душевное состояние. На мгновение она нахмурила брови.

«Щенок уже приучен жить в доме?»

Это была победа!

«Я приучу его, мама! Ты только не волнуйся! Честное слово!»

«Хорошо, — сказала дона Селесте, — но под твою ответственность, ты понимаешь, Дико? У меня и без того хватает забот, чтобы готовить еще для собаки, мыть ее и чистить».

Меня это вполне устраивало. Я не хотел, чтобы кто-нибудь еще заботился о Рексе, даже дотрагивался до него. Когда Зока начинал ласкать и гладить щенка, во мне поднималась волна безотчетной ревности. Собака была моя! Казалось, Рекс понимал это и отвечал взаимностью. Он следовал за мной, куда бы я ни шел, цеплялся за каблуки моих ботинок, ожидал меня у школы, пока не кончатся уроки. Когда мы охотились, Рекс обожал носиться по кустам, обнаруживая великолепные качества поисковой собаки — он всегда находил и притаскивал подстреленную птицу, стараясь при этом не повредить ее. Когда мы рыбачили, Рекс стоял на берегу и, тяжело дыша, рвался участвовать вместе со всеми, однако воды он побаивался.

Но, пожалуй, с особым блеском способности Рекса проявились на футбольном поле. Если надо было воткнуть в землю две палки для боковых стоек ворот, мне достаточно было указать пальцем место и скомандовать: «Копать!» Рекс начинал так яростно раскапывать лапами землю, будто там были зарыты все кости мира. А когда мы выходили на поле, он демонстрировал удивительную для животного смывленость. Рекс, видимо, понимал, что собакам нельзя находиться на поле среди

играющих. Поэтому он спокойно сидел за воротами, дожидаясь окончания первого тайма. Как только наступал перерыв, пес подбегал к скамейке и усаживался около моих ног. Чуть повернув голову, он неотрывно смотрел на меня, словно жаждал услышать какие-то слова. В общем, Рекс был моим преданным другом, моей отрадой в суровые годы детства.

Уехав из Бауру в Сантус, где мне предложили играть в клубе «Сантос», я расстался с Рексом. Когда я впервые приехал навестить родных, мне сказали, что Рекс исчез вскоре после моего отъезда и с тех пор никто ни разу не видел его. Я очень переживал, думая о том, что кто-то другой кормит Рекса, а может быть, обижает его. Надеюсь, что новый хозяин был добрым человеком и псу не пришлось страдать от жестокого обращения. Не сомневаюсь, Рекс переживал ничуть не меньше, чем переживал бы я сам, если бы однажды обнаружил, что безо всякого повода он бросил меня и бесследно исчез.

Случилось так, что команду имени Седьмого сентября переименовали в «Америкину». Это было связано с тем, что мэр Бауру Никола Авалоне-младший выступил с инициативой провести футбольный турнир среди различных дворовых команд города. Но тут была одна загвоздка. Участвовать в турнире могли лишь команды в соответствующей экипировке. Поэтому к соревнованию нас, как, впрочем, и большинство других «босоногих» не допустили. У наших родителей не хватало денег на хлеб, что уж тут говорить о футбольных бутсах!

Мы долго ломали голову, как выйти из положения, но так и не смогли ничего придумать. После трагедии с земляными орехами никто больше не решался воровать, а найти денег честным путем, чтобы купить одиннадцать пар настоящих бутс, было выше наших сил. Запасным игрокам обуви, конечно, не требовалось, ведь при замене любой из нас отдал бы свои бутсы товарищу. У бразильцев есть пословица: у бедняка безразмерные ноги, то есть он носит что придется. Мы уже решили отказаться от участия в турнире, как вдруг появился Зе Лейте, коммерсант, друг нашей семьи и многих ребят из нашей команды.

«Вы получите бутсы, — сказал он, — но тренировать вас буду я. Вам придется выполнять все мои указания. Дисциплина должна быть как в настоящем футбольном клубе. Тогда сможете выиграть турнир».

«Грандиозно! — ответили мы в один голос. — Но где вы возьмете бутсы?»

«Это моя забота».

Появление взрослого в команде было для нас большим

событием. Я, конечно, предпочел бы, чтобы нашим тренером стал Дондиньо. Но у него не было времени, к тому же он никогда не сумел бы купить нам бутсы. Зе Лейте оказался подходящей фигурой на роль тренера. У него были и личные мотивы, чтобы оказать помощь нашей команде. Ведь в ней играли трое его сыновей — Зе Роберто, Зе Мария и Зе Луис.

«Только надо изменить название команды», — предупредил Зе Лейте.

Мы недоумевали.

«Зачем это?»

«Потому что вашу команду имени Седьмого сентября знают в городе как «босоногих». Теперь вы получите бутсы, значит, придется изменить название. Мы будем называться «Америкина».

По-португальски это означает «малая Америка», но Зе Лейте мог окрестить нас как угодно. Если мы получим бутсы для участия в турнире, нам будет все равно, как нас назовут. Зе Лейте сдержал свое обещание. Он отправился в клуб «Нороэсте», встретился с его руководителями и, судя по всему, поведал им такую душещипательную историю, от которой прослезился бы самый черствый человек. В итоге он притащил целую кучу изношенных бутс. Не выбросили их скорее всего по чисто сентиментальным мотивам. Он свалил бутсы в кучу и улыбнулся.:

«Вот вам. Выбирайте».

Это надо было видеть! Мы жадно кинулись примерять. Надевали, снимали, менялись друг с другом, причем каждый норовил выхватить наименее изношенные, не обращая внимания на размер.

Меня удивило, что многие бутсы были нам малы, а не велики. Видимо, когда всю жизнь ходишь босым, подошвы становятся толще, даже если страдаешь от недоедания. Подобрав себе более или менее подходящую обувь, мы были готовы к участию в турнире.

Начались тренировки. Зе Лейте и здесь сдержал свое обещание. Тренировал он напряженно, даже к своим сыновьям не проявлял ни малейшего снисхождения. Нам требовалось время, чтобы привыкнуть к игре в бутсах. Не сразу мы привыкли и к травяному полю, которое Зе Лейте нашел специально для нас. Это было заброшенное футбольное поле клуба «Норо-эсте», где из-за пыли, поднимавшейся во время игры, порой было трудно разглядеть соперника. Кроме того, мы беспрестанно обменивались бутсами в надежде найти ту самую пару, которая была бы впору. Наконец, нам удалось выбросить из головы мысли о бутсах и сконцентрироваться только на игре.

Мы достаточно хорошо знали остальные команды, поскольку

неоднократно встречались с ними еще в «босоногую» пору. У нас было преимущество в сыгранности: мы играли вместе дольше любого соперника. Каждый из нас четко знал свои слабые и сильные стороны. Мы даже могли предвидеть, кто как сыграет, но главная наша сила была в коллективизме. Раньше мы играли прямо на избитой рытвинами улице или на поле, которое тоже никогда не было ровным, гоняя босиком тряпичный мяч. (Играть в настоящей футбольной форме и на травяном поле было для нас пределом мечтаний.) В этих условиях вырос уровень нашей игры. Мы показывали футбол, который вызывал одобрение зрителей, причем не только из-за непрерывных побед. Поговаривали, что класс нашей игры куда выше обычной детской команды.

Зрителей на матчах с нашим участием становилось все больше. Мэр города Никола Авалоне, по инициативе которого проводился этот турнир, был владельцем нашей местной газеты «Бауру дэйли», поэтому реклама турниру была обеспечена.

Мы всю тренировались. Каждый день накануне официальных матчей независимо от любых других занятий, школьных уроков, работы чистильщиком сапог или обязательств вносить посильный вклад в семейный бюджет — никто их с нас не снимал! — мы проводили на футбольном поле. Мы отрабатывали ведение и отбор мяча, удары головой, били одиннадцатиметровые, свободные, штрафные удары с любой точки поля. И так час за часом — то левой, то правой ногой. Наши тренировки продолжались, как правило, дотемна.

Когда настал день финальной игры, после которой победителю будет вручен кубок Николы Авалоне, я впервые в своей жизни ощутил нервное возбуждение на футбольном поле. Стадион почти на пять тысяч мест был заполнен до отказа. А ведь мы были еще детьми. Мне, на пример, исполнилось всего двенадцать лет, а старшему в нашей команде Зе Роберто — четырнадцать. Ну чем мы могли удивить эту толпу?

И вот мы, группа мальчишек, вышли на поле под оглушительные крики болельщиков, словно играть должна была команда взрослых. Это было непривычное ощущение...

Как только началась игра, мое возбуждение сняло как рукой. Я внушил себе, что это не финальный матч, а очередная игра, похожая на все предыдущие, в которых я участвовал. Я забыл о зрителях на трибунах и весь сосредоточился на победе. Я даже не отдавал себе отчета в том, что за моей игрой наблюдает Дондиньо. Самым главным теперь было забить мяч!

Мы выиграли. Но не просто выиграли, а с большим перевесом. И я в этой игре был лучшим бомбардиром. Мы победители! Кубок Николы Авалоне был нашим самым первым

спортивным трофеем. Мы получили его из рук мэра. Потом на манер заправских чемпионов мы совершили круг почета, держа в вытянутых руках завоеванный трофей. Зрители, поднявшись со своих мест, бурно приветствовали нас. По утвердившейся традиции на поле летели монеты. Из моря впечатлений мне особенно запомнилось, как толпа скандировала: «Пеле! Пеле!» С этого момента я перестал ненавидеть свое имя, оно даже стало мне нравиться.

После игры отец слегка прижал меня к себе:

«Ты сыграл великолепно, Дико! Я сам не смог бы сыграть лучше!»

Мы пришли домой. Дондиньо торжественно объявил о нашей победе. Я впервые заметил улыбку на лице матери при обсуждении футбольной темы. Она крепко обняла меня и поздравила.

Мать ни разу не видела, как я играю — ни с трибуны стадиона, ни по телевизору. К тому же дона Селесте ни разу не слушала репортаж по радио о матче с моим участием. Она утверждает, что очень нервничает, как бы я не получил травму, как Дондиньо. И еще она постоянно думает об ответственности команды и каждого ее игрока перед клубом и болельщиками. Она смотрела на экране телевизионные повторы некоторых матчей, но лишь по окончании игры, когда уже известен результат и она знает, что я не был травмирован, а если и был, то полученная травма не вызывает опасений. К счастью, в футбольных состязаниях мне удавалось избегать травм, которые серьезно сказались бы на моей спортивной карьере.

Я не думаю, что моя мать вообще игнорирует футбол. С отцом она познакомилась именно на футбольном матче. Вместе с тем футбол как раз причинил ей немало страданий! Независимо от моих успехов она не может забыть прошлого и избавиться от волнений о будущем.

В полдень того самого дня, когда «Америкина» выиграла первенство города Бауру, я был словно заведенный. От чрезмерного возбуждения я никак не мог прийти в себя и, наверное, порядком всем надоел.

«Мама, если бы ты видела, как зрители приветствовали меня. Они громко скандировали: «Пеле! Пеле!» Значит, я им понравился. А сидевшие в ближних рядах бросали на поле деньги. Ребята отдали их мне, потому что я был лучшим бомбардиром. Целых тридцать шесть крузейро! Мама, я был звездой в этом матче. Спроси папу. Если бы ты была на матче! Тридцать шесть крузейро, мама!»

Тридцать шесть крузейро по нашей тогдашней жизни были

солидной суммой. На них можно было купить три килограмма бобов, пару килограммов кофе и еще осталось бы на сахар. Но моя мать, несмотря на ее сугубо индивидуальное отношение к футболу, слишком долго прожила в доме, где эта игра была темой номер один, чтобы не знать и не уважать соответствующий протокол.

«Не ты один заслужил эти деньги, — сказала она. — После ужина пойдешь и разделишь их с товарищами по команде».

Хотя дона Селесте и не произнесла вслух, но мне кажется, она подумала: если эти тридцать шесть крузейро привяжут тебя к футболу, то я совершила опрометчивый шаг.

Я ответил просто: «Спасибо, мама», — в этот момент еще больше полюбив ее за сказанные слова.

Мой брат Зока, который весь матч просидел на скамейке запасных, возбужденно кричал:

«Дико, послушай, Дико! Ты помнишь, когда...»

И мы снова во всех деталях «проигрывали» матч.

После ужина мы с Зокой отправились к ребятам, чтобы поделиться с ними тем фантастическим богатством, которое собрали на поле. Представляю себе, как были рады дона Селесте, дона Амброзина и даже Дондиньо, когда мы ушли. Ведь в доме наконец-то наступила тишина.

Выступления нашей «Америрины» проходили, как у нас принято выражаться, при попутном ветре. Мы играли со многими командами наших сверстников, а также с коллективами, сформированными из более старших, опытных ребят, и ни одного матча не проиграли. Мы так были избалованы победами, что даже ничья доставляла нам огорчение. Но неожиданно Зе Лейте переехал в Сан-Паулу; мы одновременно лишились и тренера, и трех лучших игроков: Зе Роберто, Зе Марии и Зе Луиса. За короткий срок мы превратились в самую заурядную команду, в которой каждый рвался давать указания и в которой было одиннадцать тренеров, пятнадцать воспитателей и двадцать два игрока, действовавших по принципу кто в лес, кто по дрова. В общем, такая команда полностью лишалась всяких шансов на успех. Нас стали преследовать неудачи, и вскоре «Америкина» вообще перестала существовать.

Мне тогда исполнилось тринадцать лет, и перешел я в четвертый класс. Поскольку я плохо учился и пропускал уроки, в третьем классе мне пришлось просидеть два года. Я нисколько не сомневался, что и в четвертом останусь на второй год. Это меня очень удручало. Я разочаровался в системе образования и в методах обучения. Но дона Селесте была непреклонна. Она с

большой неохотой примирилась с тем, что мне не суждено стать врачом или адвокатом. Тем не менее я продолжал учиться, по крайней мере для того, чтобы окончить начальную школу, а не то! В страхе перед этим «а не то» я старался не пропускать уроков.

Примерно в то же время, когда стала распадаться наша «Америкина», клуб «Бауру Атлетик» решил создать юношескую команду, назвав ее «Бакино» (малый «БАК»). Многих из «Америкины», в том числе и меня, пригласили в эту команду.

День, когда меня пригласили в «Бакино», стал одним из самых волнующих в моей жизни. Я буду играть в юношеской команде, затем стану взрослым и надену уже футболку профессионала с магическими буквами «БАК» на левой стороне груди. Кто знает, может быть, мне удастся сыграть на поле рядом с самим Дондиньо!

Мы тренировались напряженно, до изнурения, стараясь привыкнуть друг к другу, чтобы почувствовать себя единым и сплоченным коллективом. Хотя костяк команды составили игроки бывшей «Америкины», в «Бакино» было много других ребят, с которыми мы познакомились только сейчас. А какое это удовольствие играть в такой команде, где, если не подходил размер бутса, можно было в любой момент получить другие — только попроси, — причем самые новенькие! И вот однажды нам сказали, что у нас будет новый тренер — Валдемар ду Бриту. Мы изумились.

Валдемар ду Бриту?! Может, кто-то решил над нами подшутить? Валдемар ду Бриту — одно из самых громких имен в истории бразильского футбола, суперзвезда, игрок известнейших клубов, нападающий бразильской сборной на чемпионате мира 1934 года! И он будет тренировать нашу заурядную команду?

Лишь некоторое время спустя я понял, почему Валдемар ду Бриту взялся тренировать нашу команду. Все было до удивления просто: он любил молодежь и ему доставляло радость с ней работать.

Сегодня я сознаю это значительно глубже, чем тогда, потому что сам в таком же положении. Дело в том, что молодежь еще можно чему-то научить, она свободна от укоренившихся привычек, свойственных профессионалам. Ведь не так-то просто объяснить взрослому футболисту, который отыграл не один год в лучших клубах страны и за которого клуб заплатил уйму денег, что он не прав и мог бы делать что-то по-другому. В результате наживешь только врага. Футболисты в таком возрасте и с таким игровым опытом не могут или не желают перестраиваться. А вот молодежь и может, и желает.

Мы почувствовали это очень быстро. Нам казалось, что мы

уже постигли тайны футбольной игры, но скоро поняли, что совершенству нет предела. Кроме того, мы с первого же дня убедились в том, что Валдемар ду Бриту не собирается нас обманывать. Он разговаривал с нами, как со взрослыми, в расчете на то, что и прислушиваться к его указаниям, и поступать мы будем тоже, как взрослые. Он решительно пресекал ругань, раздражение игроков, не допускал споров на поле, требовал от нас безоговорочного подчинения. Он в первый же день предупредил, что если мы хотим тренироваться, нам надо прежде всего научиться соблюдать дисциплину. И мы быстро научились этому. Наш тренер был суров, но справедлив.

«Пока я ваш тренер, — заявил он, — вы будете подчиняться моим указаниям. Являться на тренировки вовремя, тренироваться столько, сколько я скажу! Воздерживаться от курения и спиртного! Вовремя ложиться спать! Если будете уставать от тренировок, не пугайтесь. Необходимо лишь хорошенько выспаться!»

После небольшой паузы он продолжал:

«Сказанное относится ко всем игрокам без исключения. Примадонн у нас не будет. Кто не способен соблюдать дисциплину, тому, видимо, не стоит терять время. Но тех, кто готов к этому, я научу всему, что сам знаю о футболе».

В следующий раз он изложил нам еще одну свою заповедь:

«Я хочу, чтобы вы не читали больше спортивный раздел «Бауру дейли». Там печатаются статьи о некоторых из вас, ваши фотографии. У вас начнет кружиться голова, и вам покажется, что вы заслуживаете такой чести. Послушайте, что я вам скажу! Когда игрока начинает сосать червь тщеславия, он воспринимает только свои достоинства и утрачивает способность видеть свои ошибки. Это не сулит ничего хорошего. А для футболиста вообще губительно».

(Нас, естественно, распирало от тщеславия в связи с тем, что Валдемар ду Бриту предпочел тренировать именно нашу команду, в то время как он мог бы запросто получить любой другой профессиональный клуб.)

Дома Дондиньо сказал мне:

«Раскрой пошире глаза и уши, лови каждое его слово. Это счастье для вас. Опыт Валдемара бесценен. Он великий футболист и выдающийся воспитатель. Смотри не упусти свой шанс».

Случалось, кто-то пропускал тренировку или не выполнял хоть одну из многочисленных заповедей Валдемара. Тогда следовала строгая беседа тренера с нарушителем. Затем Валдемар ехал к его родителям просить их повлиять на свое чадо.

Если этот визит не приносил результатов, нарушитель немедленно отчислялся из команды без всякой надежды на возвращение.

Валдемар был таким же темнокожим, как и Дондиньо, обладал такой же комплекцией. Он так следил за своей спортивной формой, что сохранил тот же вес, что был у него, когда он выступал за сборную, то есть двадцать лет назад.

Наш тренер старался уделять одинаковое внимание каждому игроку, но я всегда чувствовал, что ко мне он проявляет особый интерес. Возможно, потому, что я был сыном Дондиньо, а Валдемара и Дондиньо связывала старая дружба: когда проводился чемпионат штата, Валдемар тренировал команду, в которой играл Дондиньо. А может быть, и потому, что я был нападающим, а нападающие — это основные игроки, от которых зависит успех коллектива. Во всяком случае, он многому научил и меня, и моих товарищей по команде.

Метод его тренировки казался нам неповторимым. Например, он ставил нас в круг на расстоянии примерно пяти ярдов^[4] друг от друга. Один из игроков старался отобрать у нас мяч, а мы перепасовывали его головой или ногами. Такое упражнение развивало остроту реакции. Очень скоро мы освоили быстрый прием мяча с мгновенной передачей его партнеру. А вот как отрабатывались удары по летящему мячу. Подвешивались три мяча. Для того чтобы дотянуться до них, приходилось разбегаться и высоко подпрыгивать. До первого мяча надо было коснуться левой ногой, до второго — правой, а до третьего — обеими. После нескольких недель таких тренировок мы больше не задумывались, какая нога выносится вперед при выполнении прыжка в направлении мяча. Поскольку я был одним из самых низкорослых в команде, а мячи закреплялись на изрядной высоте, мне, чтобы дотянуться до них, приходилось прыгать выше остальных. Я думаю, именно эти упражнения больше всего помогли мне выработать особую прыгучесть и сохранить ее на долгие годы.

Тренер учил нас, как принимать мяч на грудь, останавливать его плечом, бедром, ступней. Но особое впечатление на нас произвели его наставления, как вести себя до получения мяча. Большинство тренеров удовлетворено, если игрок принимает стойку перпендикулярно мячу и останавливает его таким образом, чтобы исключить резкий отскок, чем может легко воспользоваться соперник. Валдемар учил нас принимать мяч в боковой стойке, это позволяет и контролировать перемещение мяча, и следить за расположением других игроков. В результате мы научились мгновенно передавать мяч товарищу, не теряя

времени на разглядывание, кто где находится на поле.

Он учил нас удару с «подкруткой» в правую или левую сторону, в зависимости от интенсивности придаваемого мячу вращательного движения. Этот прием имеет особое значение при выполнении свободных и штрафных ударов. У «подкрученного» мяча больше возможности оказаться в сетке ворот, нежели у «прямого». Мы научились при дриблинге закрывать мяч корпусом от соперника, пытающегося отобрать мяч. Тренер учил нас работе руками при ведении мяча, особенно же в момент нанесения удара. Я уже не говорю о финтах с резкими смещениями вправо и влево от соперника в тот момент, когда мяч идет прямо на нас. Если же соперник вступает в единоборство, мяч успевает проскочить мимо и вновь оказаться в ногах у выполнившего финт игрока.

Тренер помог нам освоить известный удар через себя в падении на спину.

Мне почему-то приписывают заслугу внедрения этого приема в футбольную практику. Думаю, что пальма первенства принадлежит Леонидасу, популярному игроку бразильской сборной, который, кстати говоря, в 1934 году играл вместе с Валдемаром ду Бриту. Сейчас этим приемом владеет почти каждый бразильский футболист. Применяется он редко, но при чистом исполнении производит яркое впечатление. Итак, тело пружинящим движением подбрасывается вверх и принимает горизонтальное положение, бьющая нога согнута в колене. С приближением мяча нога распрямляется, руки разведены в стороны, чтобы смягчить падение на землю. Вот и вся премудрость. Замечу, что из всех моих голов, кажется, только четыре или пять были забиты этим приемом. Тем не менее каждый бразильский футболист мечтает о возможности продемонстрировать такой удар для удовольствия своих болельщиков.

Короче говоря, Валдемар ду Бриту, как и обещал, научил нас всему, что знал сам, а знал он много.

В свободное от тренировок время я по-прежнему старался подработать. На деньги, заработанные Дондиньо и дядей Жоржи, и на то, что получал отец за выступление в профессиональном клубе, можно было купить все меньше и меньше — давала о себе знать инфляция. А у нас в семье подрастала девушка, моя сестра Мария Лусия, ее надо было одевать. А был еще Зока, который, не в пример мне, хорошо учился и нуждался в книгах. Ну и, конечно, всем нам требовалось есть.

Для чистильщика сапог я уже повзрослел. Да и заработанных

при этом денег было недостаточно, чтобы хоть немного помочь семье. Вдобавок ко всему мне было смешно и даже неловко сидеть на своей сапожной аптечке рядом с каким-нибудь семилетним мальчишкой, невольно выступая в роли его конкурента. Мне казалось, что я прямо изо рта вырываю хлеб у этого мальчугана.

И тогда я занялся другим делом — стал продавать пирожки во время остановки поездов, так как в то время в них еще не было вагонов-ресторанов. Такой подросток, как я, худощавый, небольшого роста, производил, наверное, жалкое впечатление.

Аппетитные пирожки, которыми я торговал, были большим искушением. Вырученные деньги и непроданные остатки я сдавал сеньору Розальбино и его жене доне Филомене, которые на пару выпекали эти пирожки, и терпеливо дожидался расчета хозяев со мной.

Однажды дона Филомена, пересчитав деньги и оставшиеся пирожки, с укором посмотрела на меня:

«Ты съел четыре пирожка».

Меня потрясло это обвинение.

«Кто? Я-я-я?»

«Или ты стащил часть денег!»

Я прямо оторопел. Это я своровал? Сын доны Селесте — вор? От одной только мысли кровь ударила мне в голову.

«Тогда, где эти пирожки? Или деньги?»

Я судорожно искал ответ. Действительно, в чем же дело? Ведь мы оба заинтересованы в том, чтобы разобраться.

«Наверное, кто-то стащил их с подноса, когда я на секунду отвлекся...»

Тяжело вздохнув, хозяйка дала мне немного денег. Нет, не все, что мне причиталось.

«Пеле, завтра, прежде чем прийти сюда за пирожками, поешь, пожалуйста, дома, ладно?!»

Глава седьмая

Меня часто спрашивают, приходилось ли мне как темнокожему сталкиваться с проявлением расовых предрассудков.

Должен сказать, что в Бразилии расовые предрассудки не получили широкого распространения. В нашем доме бывали люди разного цвета кожи — черные, белые, мулаты, японцы, — и никто из них ни на минуту не задумывался на этот счет. В Бразилии очень немногие в состоянии ответить, сколько в них «черной», «индейской», «белой» или какой-либо другой крови. Первые поселенцы прибывали в Бразилию без жен. Они не вели холостяцкий образ жизни. Подруг себе они находили среди индианок. То же самое можно сказать и о первых рабах^[5], завезенных в Бразилию. Такие понятия, как *cadocfo* — смешение белой и индейской крови, *preto* — чернокожий, *mofeqe* — уличный мальчишка, но в современном языке употребляющееся в значении чернокожий уличный мальчишка, *crioulo* — абориген, чернокожий от рождения, но теперь означающее вообще чернокожий — все эти понятия не имеют уничижительного оттенка в Бразилии.

Это вовсе не означает, что у нас вообще отсутствуют расовые предрассудки. Дискриминация по большей части носит экономический характер, и поскольку в городах черных большинство, от нее в основном страдают именно черные. Богачу с темным цветом кожи и в Бразилии живется хорошо, для бедняка же, независимо от цвета кожи, всяких ограничений достаточно.

Мне запомнился один случай. Это было давно. Я тогда играл за «Сантос». Нам предстояло выступление в Араракуаре. Выехали мы с таким расчетом, чтобы поужинать там и хорошенько выспаться перед игрой на следующий день. Как обычно, взяли шесть такси, причем я оказался в последней машине. Вместе со мной был еще один игрок команды и шофер. В дороге наша машина сломалась, и поскольку мы были замыкающими, никто этого не заметил. Когда мы добрались до места, все уже давно поужинали. Услышав наши объяснения, кто-то спросил: «А почему вы не попросили, чтобы вас подвезли?»

Я среагировал мгновенно: «Ну кто же рискнет посадить к себе в машину трех темнокожих парней на пустынной дороге, да еще ночью?»

Я вполне допускаю, что немногие осмелились бы так поступить, поэтому моя реакция была однозначной. Повторяю, мне лично не приходилось сталкиваться с расовой

дискриминацией, но вместе с тем нельзя не признать, что случаи ее проявления в Бразилии встречаются.

Как-то во время нашего турне по Африке мы приехали в Дакар. Пока нас размещали в гостинице, столпившиеся у дверей люди пытались заглянуть в комнату, чтобы посмотреть на меня. Владелица гостиницы, француженка, не скрывая своего отвращения к толпе, попросила африканца-полицейского убрать «черных дикарей». Но полицейский среагировал по-своему: вместо того чтобы отогнать столпившихся от дверей, он арестовал хозяйку за такие слова. Несколько часов спустя муж арестованной и некоторые служащие гостиницы пришли ко мне и стали упрашивать поговорить с властями, считая, что мое вмешательство поможет выволить эту женщину из тюрьмы. Я с удивлением посмотрел на них и сказал, что она оскорбила людей, ради которых я приехал сюда играть, что она оскорбила их, имея в виду цвет их кожи, что я такой же темнокожий, как они, поэтому я тоже чувствую себя оскорбленным. Владелица гостиницы так и оставалась в тюрьме, пока мы не уехали из Дакара.

Вспоминаю, как мы с Розмари решили пожениться. Дело в том, что она белая. Некоторые газеты раздули этот факт и тем самым подтвердили, что, несмотря на официальные заявления об отсутствии в Бразилии расовых предрассудков, подспудно они существуют и в «благоприятных» условиях всплывают на поверхность. Пока в Бразилии торжествует здравый смысл, самое разумное для чернокожего — стараться ладить со своим ближним белого цвета кожи.

Когда мне было двенадцать или тринадцать лет, со мной приключилась история, которой я никогда не забуду.

В то время как футбольные успехи не производили особого впечатления на моих учителей и, как мне казалось, даже оборачивались против меня, они вызывали восхищение моих школьных товарищей. Не знаю, почему приглянулся я одной девочке — то ли понравился ей, то ли она любила футбол. В общем, приятно было сознавать, что тобою интересуются. К сожалению, я не запомнил, как звали эту девочку, а жаль, так как она была моей первой подружкой. Кажется, звали ее

Елена, но не уверен. Впервые в моей жизни появилась девушка, которая считала, что я достоин ее любви независимо от побудительных мотивов — футбольных или каких других. Мальчишеское увлечение было сильным, а общеизвестно, если тебя любят, сознание этого подогревает и ощущение собственной значимости. То, что она белая (ее отец был выходцем из Португалии), а я черный, никакого значения для нас не имело.

Главное, мы любили друг друга.

Наша любовь проявлялась самым невинным образом. Я провожал ее из школы домой, а она приходила посмотреть на наши тренировки. Мы часто гуляли, взявшись за руки. Мне кажется, что однажды я даже стащил для нее пирожок у доны Филомены. В общем, это было прекрасное ощущение.

И вот однажды появился ее отец. Он подождал, пока мы вышли из класса, и грубо схватил дочь за руку. Размахивая портфелями, мы гурьбой высыпали во двор. Я уже представлял себе, как мы с Еленой пойдем на вокзал, чтобы посмотреть на прибывающие поезда. Но вдруг ее отец резко толкнул девочку, да так, что она чуть не врезалась в меня. Все замерли от неожиданности. Елена буквально помертвела от испуга. Меня бил нервный озноб.

«И ты разгуливаешь с этим черным бродягой? — закричал отец. — С этим черномазым бездельником? Этим *negrinho*^[6]? Я не для того воспитывал свою дочь, чтобы она шаталась со всяким дерьмом!»

На глазах у всех он принялся ее бить.

Мне кажется, это было только вчера. Я словно онемел, мои уши горели. Как мне следовало поступить? Товарищи ждали, что я, футбольный идол, брошусь на отца и вырву свою подружку из его грязных рук, и буду бить его до полусмерти, как это бывает в радиопостановках или в ковбойских фильмах. Но я пребывал в полубморочном состоянии. Собравшиеся смотрели то на меня, то на отца, который избивал свою дочь. Бедная девочка даже не пыталась сопротивляться, она лишь беззвучно плакала, закрыв глаза, наверное, чтобы не видеть меня, труса, стоявшего рядом. Учебники выпали у нее из рук, и отец стал топтать их ногами. До меня доносилось лишь его тяжелое дыхание.

Я повернулся и убежал. Сердце бешено колотилось в груди. Дома я бросился на кровать и стал кричать, как безумный. Закрыв глаза, я представил себе, что повалил ее отца на землю и обрушил на него град ударов. Он рухнул и стал просить у меня пощады.

Каждый раз, когда я вспоминаю реальную сцену этого дикого избиения, передо мной встает образ моей подружки — измятое белое платье, разбросанные учебники, и отец, который остервенело бьет дочь, а я стою рядом и ничего не делаю.

Какой смысл оправдывать свое бездействие тем, что отец Елены был взрослым, а я ребенком, что он был в два раза выше меня, что он исполнял свою родительскую власть по отношению к собственной дочери, а я стоял как вкопанный. Эта картина на долгие годы запечатлелась в моем сознании и до сих пор

преследует меня. После того случая Елена ни разу не заговорила со мной — то ли из страха перед отцом, то ли из презрения ко мне.

К счастью, в моей жизни всегда был футбол.

Первым официальным выступлением для команды «Бакино» стал футбольный турнир, который был организован год спустя снова по инициативе мэра Николы Авалоне. Наша команда действительно была незаурядным коллективом.

Городские болельщики полушутя-полусерьезно говорили: «Менеджерам клуба «БАК» не мешало бы выпустить этих ребят на поле вместо профессионалов!» Конечно, такую лестную оценку было приятно слышать.

Благодаря усилиям Валдемара ду Бриту у нас сложилась замечательная команда. И мы не могли позволить себе проиграть, помня о высоком престиже нашего тренера. В общем, мы легко выиграли турнир и завоевали почетный кубок. Когда закончилась финальная игра, болельщики «БАКА» были вне себя от ярости, словно мы выиграли кубок чемпионата мира. «Бакино» одержал победу и год спустя. Конечно, это была удивительная команда!

Тем временем я наконец окончил школу. Для этого мне понадобилось шесть лет вместо положенных четырех. Не сомневаюсь, что учителя восприняли это событие с большим облегчением, хотя самое большое облегчение испытывал, конечно, я сам. Передо мной встала проблема, как заработать денег больше, чем продавая пирожки. Вскоре нашлась работа — на обувной фабрике. Я пришивал оторочку на ботинки. Одновременно подрабатывал у одного японца, который владел химчисткой и овощным магазином. Вторая работа привлекала меня прежде всего тем, что у хозяина была очень красивая сестра. Звали ее Нейца Сакай. К ней я испытывал серьезное влечение. Но из-за моей чрезмерной робости она так и не догадалась о чувствах, обуревавших меня.

Жил я в основном футболом — не пропускал ни одного матча в составе «Бакино», а все свободное время (его, правда, оставалось немного) тренировался, мечтая о том дне, когда выйду играть за «БАК» уже как профессионал.

И вот снова малоприятная весть!

Валдемар ду Бриту объявил нам, что уезжает из Бауру и поэтому оставляет тренерскую работу. Он возвращался в большой спорт, чтобы снова тренировать профессионалов. Я полагаю, что дело было в деньгах, к тому же цели, поставленные тренером перед «Бакино», в основном были достигнуты. Правда, сам Валдемар никаких заявлений на этот счет не делал.

С уходом Валдемара наша команда, как ранее «Америкина», развалилась. Руководство «БАК» назначило нам других тренеров, но им недоставало авторитета Валдемара, к тому же они не обладали достаточными футбольными знаниями. Наши дела покатались под гору. И хотя команда продолжала существовать, она лишилась вдохновения, а без него не может быть футбола.

В это время произошли два события. Клуб «Норозесте» стал развивать молодежный футбол и создал команду, которая, естественно, получила название «Норозестино» («маленький северо-запад»). Было решено организовать турнир молодежных команд, игры которых планировалось проводить по вечерам перед матчами профессионалов. Одновременно в Бауру по инициативе клуба «Радио» заявил о себе *futebol de salgo* — футбол в закрытых помещениях. Фактически он зародился под открытым небом. В него играли дворовые команды, состоявшие из нескольких человек. Первые соревнования проводились на баскетбольных площадках, причем из-за ограниченных размеров поля игра проходила в очень высоком темпе. Теперь футбол в залах стал привычным явлением, в него действительно играют в закрытых помещениях команды, состоящие из шести спортсменов, и здесь нет положения «вне игры».

Клуб «Радио» назвал свою команду «Радиум». Меня пригласили сыграть за нее. Среди игроков команды я был единственным непрофессионалом, мне тогда исполнилось четырнадцать лет. Играл я на привычном для себя месте центрального нападающего. Забив сорок голов, я возглавил список бомбардиров.

После чемпионата молодежных команд мне предложили сыграть за команду «Норозестино», и я с радостью согласился. Продолжая работать на обувной фабрике, я играл одновременно в двух командах — молодежной «Норозестино» и взрослой «Радиум». Пришлось отказаться от работы у японца. Отказ был связан еще и с тем, что я решил никогда не жениться, а встречи с Нейцей Сакай очень колебали это решение.

Намерение остаться холостым было вызвано уверенностью в том, что я наконец-то выбрал свой путь в жизни. По примеру Дондиньо я твердо решил стать футболистом-профессионалом и перейти со временем из молодежной команды «Норозестино» в профессиональный клуб «БАК». Мне казалось, что если я стану звездой «БАКа», моя мама отбросит свои предубеждения и придет наконец посмотреть на мою игру. А во имя этого можно было пожертвовать чем угодно.

Однажды в Бауру приехал сеньор Тим, весьма

примечательная фигура в бразильском футболе. Он играл нападающим в бразильской сборной 1938 года рядом с прославленным Леонидасом. Теперь он тренировал известный клуб «Банту» в Рио-де-Жанейро. Видимо, молва о молодежных командах в Бауру и моих способностях дошла до Рио. Тим предложил мне поехать вместе с ним, чтобы показаться в клубе «Бангу». В случае успеха я мог бы стать игроком одного из самых крупных профессиональных клубов страны!

Голова у меня пошла кругом! Но, поскольку я еще считался несовершеннолетним, Тим должен был обсудить этот вопрос с Дондиньо.

Стоя за дверью, я прислушивался к их разговору. В голове проносились картины: я играю на «Маракане» против таких клубов, как «Васко да Гама», «Фламенго» или «Ботафого» и, естественно, забиваю один гол за другим; потом я гордо шествую мимо трибун огромного стадиона под пронзительные крики болельщиков, которые осыпают меня кучей денег, чтобы донна Селесте была счастливой и довольной. Мне мгновенно припомнились открытки с видами Рио-де-Жанейро, одного из красивейших городов мира, расположенного между горами и морем. Величественная статуя Христа на вершине горы Корковадо, словно благословляющего раскинувшийся внизу город. Вот скала «Сахарная голова», врезающаяся в залив, с сетью канатов фуникулера, взбирающегося на самую вершину. Сказочные пляжи Копакабаны с мозаичными тротуарами, широкие песчаные гряды спускаются ярусами к океану. Все время теплая погода, ласковые бризы, пальмы...

Раздался голос Дондиньо:

«Я-то не против. Я знаю, что у Дико талант, а «Бангу» — первоклассный клуб. Но я должен поговорить с доной Селесте. Если она согласится, все будет в порядке».

Мама посмотрела на Дондиньо скорее с любопытством, чем с раздражением.

«Ты в здравом уме? Покажись-ка доктору! Дико еще совсем ребенок. Уехать в Рио и жить там одному?»

Она даже не стала обсуждать этот вопрос. Честно говоря, меня не очень огорчило решение доны Селесте. Конечно, прельщала возможность уехать в Рио, чтобы играть в таком известном клубе, как «Бангу». Прекрасная мечта! В то же время я подумал, каково жить одному в чужом городе, каково возвращаться каждый раз после тренировки или игры в пустую комнату, где не будет ни Дондиньо, ни доны Амброзины, ни дяди Жоржи, ни Зоки, ни Марии Лусии, ни Нейцы Сакай, хотя нам не суждено быть вместе, и она так и не узнает, что я ее люблю. И тем

более не будет доны Селесте, чтобы не только ругать и бранить меня за шалости, но и кормить и успокаивать, когда мучают кошмары. В общем, когда я все взвесил, то в душе был благодарен матери за ее решение.

Так пролетел еще один год моей жизни: футбол и работа, работа и футбол. И вот когда мне исполнилось пятнадцать лет, в Бауру снова появился Валдемар ду Бриту. Он зашел к нам домой, чтобы поговорить с отцом. Валдемар сразу дал понять, что пришел не просто так.

«Дондиньо! — сказал он. — Я знаю, здесь был Тим из «Бангу», но дона Селесте и слышать не захотела об отъезде Пеле в Рио. Сейчас он стал на год старше, однако «Бангу» не тот клуб, который ему нужен. Я согласен с доной Селесте, что Рио слишком опасен для юноши. Пеле надо попробовать свои силы в Сантусе. У них там молодая команда, но это неплохой футбольный клуб. Сантус ненамного больше Бауру. Уверен, что Пеле там понравится».

Дондиньо колебался, Валдемар настаивал.

«Если Пеле сумеет там закрепиться, его возьмут в молодежную команду. Ведь по возрасту он еще может играть в их детской команде. А со временем у него будут прекрасные шансы войти в их команду профессионалов. Они добились неплохих результатов — стали чемпионами штата в первой лиге, так что для Пеле там откроются хорошие возможности. Я уже разговаривал с руководством клуба, они ждут его».

Дондиньо все понимал, но ведь еще была дона Селесте.

«Дико еще ребенок, Валдемар, — сказала она. — Мне не хотелось бы, чтобы он сейчас уезжал из дома. А что, если он свяжется с дурной компанией? Кто позаботится, чтобы он вел себя как следует и правильно питался? Кто будет штопать ему одежду? Ты только посмотри: он ведь до сих пор ходит в коротких штанах! Ты хочешь увезти Пеле в Сантус, а потом бросить его, чтобы он стал там бродягой? Да еще ждешь, чтобы я с этим согласилась? Ну, уж нет».

Но если Валдемар ду Бриту что-нибудь твердо решил для себя, его трудно было убедить в обратном. Не желая больше спорить, он простился с нами и ушел. Однако неделю спустя он снова приехал и попросил моих родителей проводить его до гостиницы в центре города. Валдемар сказал, что после обеда у него заказан междугородный телефонный разговор, и он хотел бы, чтобы в это время оба они были у него в номере.

Позже я узнал, что это был разговор с президентом футбольного клуба «Сантос». Я не знаю точно, что он сказал, но что бы он ни говорил, разговор, судя по всему, получился

достаточно убедительным: когда донна Селесте пришла домой, в глазах у нее стояли слезы.

«Дико, — сказала она, — для меня ты все еще ребенок, но кое-кто считает, что ты уже взрослый. Может быть, я неправа. Может быть, мне не надо тебе мешать, если это действительно твой шанс в жизни. Но мне не хочется, чтобы ты получил травму, чтобы ты мучился так же, как Дондиньо. Мне не хочется, чтобы ты страдал так, как пришлось страдать нам из-за этого футбола. С другой стороны, ты никогда не блистал успехами в школе, и мне не хочется, чтобы ты всю жизнь просидел на этой обувной фабрике».

Я не верил своим ушам!

«Мама, так я могу отправиться в Сантус?»

«Да. Но они говорят, это только так, попробовать, что из тебя получится. Валдемар обещает присмотреть за тобой. А тот самый... из клуба «Сантос» сказал, что они все сделают, чтобы ты не связывался с дурной компанией, правильно питался и вовремя ложился спать».

Она утерла слезы и приступила к делу. Если уж принято решение, мама никогда не теряла времени на пустые причитания.

«Надо тебя приодеть. Ты только посмотри на себя! Ты ведь прямо как поросенок! Тебе нельзя ехать в коротких штанах, люди будут смеяться над тобой. Тебе нужны длинные брюки, по крайней мере две пары, новые ботинки и рубашки».

На все это требовались деньги. Взволнованный известием о представившемся мне шансе, хозяин обувной фабрики одолжил нам немного денег, а Дондиньо и дядя Жоржи взяли аванс в счет будущей зарплаты. Так нам удалось наконец наскрести на обувь и рубашки. Затем Дондиньо отвел меня к портному, чтобы заказать две пары брюк из плотной хлопчатобумажной ткани. Это были первые брюки в моей жизни. Впервые в жизни я оказался и у портного.

Вечером я примерил брюки и почувствовал себя как никогда взволнованным и счастливым. Мне захотелось выбежать на улицу и продемонстрировать всем своим приятелям, что я совсем уже взрослый. Остановила меня донна Селесте.

«Испачкаешь. Убери их и не трогай, пока не пришло время!»

А мне казалось, что время просто остановилось. Наступила последняя ночь, которую мне суждено было провести дома. Помню, была суббота, уезжал я рано утром на рассвете. Меня сопровождал Дондиньо. Валдемар ду Бриту, как договорились, должен был встречать нас на центральном вокзале в Сан-Паулу, чтобы вместе проехать остаток пути до Сантуса и затем представить нас в клубе.

Весь день накануне отъезда Дондиньо был занят делами. Из клуба «Нороэсте» ему передали, что хотят с ним поговорить. Он вернулся оттуда мрачный.

«Менеджеры «Нороэсте» не хотят, чтобы ты уезжал в Сантус, Дико. Они говорят, что готовы платить тебе жалованье, лишь бы ты остался здесь и играл за них. Еще они сказали, что я лишусь многих друзей, если позволю тебе уехать».

Я не знал, что ему ответить. Мне не хотелось, чтобы отец пострадал из-за того, что я уезжаю в Сантус. Хоть Дондиньо всегда играл за «БАК» и никогда не выступал за «Нороэсте», я знал, чем может обернуться враждебность хозяев большого клуба в таком маленьком городе, как Бауру. Дона Селесте просияла от радости.

«Вот и хорошо! Значит, Дико никуда не надо ехать. По правде говоря, мне совсем не хотелось, чтобы он уезжал».

Лицо Дондиньо посуровело. Он очень редко не соглашался с женой, но она хорошо знала, что значит такое выражение на его лице.

«Ты дал слово Валдемару и клубу в Сантусе, Дико. Значит, тебя там ждут. И ты поедешь! Ты ничем не обязан клубу «Нороэсте». А о нас не беспокойся. Тебе выпал шанс, надо им воспользоваться. Главное, чтобы ты не разделил мою судьбу».

Он взглянул на дону Селесте. Она не возразила, ведь это был ее главный аргумент на протяжении стольких лет.

Мы долго не ложились спать. Сидели в кухне и разговаривали. Утром, пока мама готовила нам легкий завтрак в дорогу, все, начиная с дедушки и доны Амброзины и кончая моей сестрой Марией Лусией, давали мне бесчисленные советы. Доходила до меня, наверное, только десятая часть того, что говорилось. Я все еще никак не мог поверить, что уезжаю из дома. Вернулись сомнения, одолевавшие меня, когда я размышлял год назад о поездке в Рио-де-Жанейро с Тимом, причем теперь эти сомнения даже возросли.

Я представил себе Нейцу, по которой наверняка буду скучать. Интересно, как она будет относиться ко мне, если я когда-нибудь стану знаменитым. Я, разумеется, не мог думать только о Нейце и переключил свое сознание на знаменитых футболистов «Сантоса», с которыми мне придется встретиться и тренироваться, а может, и — даже дух захватывает! — с ними вместе играть. Я знал их всех по фотографиям и радиорепортажам, а еще по товарищеским матчам, которые «Сантос» играл в Бауру и на которые Дондиньо обязательно брал меня с собой. Неожиданно меня охватили сомнения, я ощутил страх. Я пытался избавиться от него, снова

переключив свое внимание на Нейцу.

Смогу ли я играть против такого футболиста, как Зито? Или Формига? Или Васконсепос? Стоит мне появиться на поле, они наверняка расхохочутся над щуплым мальчишкой. А то и сочтут унижительным для себя играть с таким молокососом! Если действительно произойдет такой конфуз, как я вернусь домой? Мне стыдно будет смотреть в глаза родным и друзьям.

А если они «снизойдут» на поле лишь для того, чтобы посрамить меня своим высоким мастерством? А если они выберут меня мишенью для своих грубых шуток и выставят на посмешище как самонадеянного идиота? В конце концов, они ведь звезды первой величины. А с кем я до сих пор играл? С такими же мальчишками, как сам. Разве что в «Радиуме». Но что такое «Радиум»? Третьестепенная команда городишка Бауру. А что мне, собственно говоря, позволяет мечтать об игре в такой классной команде, как «Сантос»? Интересно, что думает

Валдемар ду Бриту по этому поводу? Или он на самом деле уверен, что так и будет? Может, он решил поставить меня в неловкое положение, тогда ради чего? А может, я чем-нибудь рассердил его, и теперь он злится на меня? Ехать в Сантус — это сознательно искать неприятности на собственную шею. В общем, поездка в Сантус — это безумие!

Когда Дондиньо пришел, чтобы разбудить меня, было еще темно, но я не спал. За всю ночь я не сомкнул глаз. Одевшись во все новое, я вышел на кухню. Вся семья была в сборе. Бабушка дона Амброзина беззвучно плакала. У Марии Лусии тоже текли слезы. Но мне кажется, она плакала за компанию с бабушкой, а не из-за моего отъезда.

И вот время, которое так мучительно тянулось последние две недели, стремительно понеслось вперед. Мне казалось, что мы добрались до вокзала за несколько секунд. Мы — это Дондиньо, Зока, дядя Жоржи, мама и я. Дона Селесте прижала меня к себе и попыталась изобразить улыбку, но не смогла сдержать слез. Я поднялся в вагон и подошел к открытому окну. В горле стоял комок. Но я был полон решимости вести себя, как подобает мужчинам. Поезд тронулся, родные замахали мне на прощанье. Когда наконец поезд миновал изгиб дороги и провожавшие исчезли из виду, я повернулся к отцу и твердо сказал: «Первые же заработанные деньги я пришлю тебе, чтобы ты купил маме дом!»

Дондиньо улыбнулся своей обычной улыбкой, в которой было столько добра и терпения.

«Сейчас не время для мечтаний, в такой ранний час, — ответил он. — Лучше ляг и постарайся уснуть. Ты совсем не отдыхал, а ехать придется долго».

Я лег, свернулся калачиком и закрыл глаза. Но сон не приходил. Мешали мысли о том, что теперь я буду совсем один.

Глава восьмая

Редкий по красоте вид открывается с вершины плато над городом Сантусом. Петляет по отвесной скале автомагистраль Виа Анхиета — настоящее чудо техники. Она то проносится по консольным мостам, то вгрызается в туннели, пробитые в горной породе, чтобы затем снова вырваться наружу и поразить воображение. Автомагистраль двухъярусная: один ярус располагается над другим, но не параллельно друг другу — нижний как бы ныряет вниз, а верхний устремляется к вершине горы. Спустившись с высоты трех тысяч футов до уровня моря, сразу чувствуешь, что воздух тут более теплый и влажный. Из озер Сан-Паулу, расположенных в горах, низвергаются мощные потоки воды, вращающие турбины гидроэнергокомплекса Кубатао, который снабжает электроэнергией Сантус и Сан-Паулу. Я сотни раз любовался этим зрелищем, и каждый раз оно производило на меня глубокое впечатление.

Валдемар встретил нас на вокзале в Сан-Паулу и повел перекусить в маленький ресторанчик. Ошеломленный картинами гигантского города, я не обращал внимания на то, что было на столе. Я и раньше знал, что Сан-Паулу — самый большой город в стране, но одно дело знать и совсем другое ощущать, видеть своими глазами. Бесконечным потоком шли машины. Повсюду царил оживление. Закусив, мы сели в автобус, чтобы ехать дальше, в Сантус. Почти целый час он кружил по улицам огромного вытянутого города, который представлял собой нескончаемую вереницу густонаселенных кварталов. На незаасфальтированных местах была видна коричневая земля, такая же, как в Бауру. Эти пятна стали для меня каким-то утешением, ибо в них мне чудилась связь с родным домом.

За городом автомагистраль пошла вверх — к вершине плато Сан-Паулу. Мимо нас проносились большие заводы, перед ними зеленели широкие газоны, гладкие и ровные, как футбольные поля; время от времени в лучах послеобеденного солнца проявлялись контуры рабочих поселков. Постепенно мы пересекли плато, дорога пошла резко вниз — начался спуск. Теперь наш автобус катился только под гору.

Валдемар все время что-то рассказывал, но я воспринимал, наверное, только половину из того, что он говорил или спрашивал, отвечая ему чисто машинально. Я приклеился лицом к закрытому окну, стараясь не пропустить ни одной детали раскинувшегося передо мной пейзажа. Мне вспоминаются люди, которые с трудом карабкались по крутой дороге и покорно

отходили в сторону, чтобы пропустить наш автобус. Я размышлял о том, куда направляются эти люди и чем они занимаются в столь удаленном от мира месте. Вот промелькнули прилепившиеся к горе лачуги с крышами из пальмовых листьев. Рядом с ними на крохотных клочках земли возвышались прямые, как свечки, фруктовые деревья. Я подумал, что в лачугах наверняка кто-то живет, почему же тогда эти люди избегают нас.

«Пеле, отбрось все волнения, — говорил Валдемар, — хотя я тебя хорошо понимаю. Ты только представь себе, что играешь не за «Сантос», а за «Бакино» или «Нороэстино» дома, в Бауру, но при этом совсем не думай, кто рядом с тобой на поле».

«Да, сеньор...»

Слева гора вертикально обрывалась и отступала от океана, растворяясь в фиолетовой дымке. Между отвесной скалой и водой тянулась зеленая полоска, прерываемая лишь грядой невысоких холмов и примыкающая к едва заметным песчаным дюнам Гуаружа. Я твердо знал, что при первой возможности обязательно открою для себя этот безлюдный пляж, который из окна автобуса казался таинственным местом. Сюда, наверное, причаливали пиратские корабли, чтобы спрятать награбленные богатства.

«Пеле, — говорил Валдемар, — пусть тебя не смущают громкие имена футболистов, с которыми тебе придется тренироваться. Учти, что они точно такие же, как ты и я. Ты на равных будешь выходить на поле вместе с ними...»

«Да, сеньор».

На всем нашем пути к Сантусу город, казалось, опоясывал водный поток, из-за чего создавалось впечатление, что Сантус — остров. Стекла в окнах высотных зданий отражали солнечные лучи. По каналу, словно игрушечные, плыли суденышки, и я почему-то подумал, что они приплыли из тех мест, откуда приехали мы. И надо всем господствовал океан, расстилавшийся под бескрайним голубым небом и заливавший все пространство до самого горизонта слепящим солнцем. Я знал еще со школьной скамьи, что Атлантический океан простирается до самой Африки, но кто бы мог подумать, что он такой огромный?

«...И прежде всего постарайся отделаться от ощущения, что ты здесь чужой. Постепенно ты освоишься в клубе, привыкнешь к людям. Это совершенно естественно, когда поначалу чувствуешь себя чужим. Любой профессиональный игрок не сразу привыкает к своим новым товарищам по команде, даже если раньше они были его соперниками. Все устроится, будь уверен. Игроки «Сантоса» великолепные ребята. Ты полюбишь их, а они тебя».

«Да, сеньор...»

Дорога устремилась вниз, под гору. Прямо под нами я увидел

пальмовые плантации, тянувшиеся на несколько миль в сторону далекого от нас города. Банановые рощи, ничуть не похожие на bananeiras, беспорядочно разбросанные внутри страны, располагались правильными рядами.

«...И чтобы никаких дурных компаний. Ты слышишь? Я ведь несу ответственность перед твоими родителями. Главное — не курить, не пить и никаких девчонок...»

Мы вышли из автобуса в центре Сантуса, вдали от пляжа, мимо которого, как я надеялся, мы хотя бы будем проезжать. Признаться, город показался мне немного похожим на Бауру. Надо сказать, что в Бразилии почти все небольшие городки, в сущности, мало чем отличаются друг от друга. Автобусная станция находилась в старой части города. Узкие, покрытые булыжником улицы, оштукатуренные дома, построенные еще в стиле бразильского рококо колониальной эпохи, деревья на площадях, старая церковь — все это напоминало мне мой родной город. И только некоторое время спустя, когда я собственными глазами увидел незатихающую работу в доках порта, гигантские краны, контуры огромных судов у причала, пляжи и фешенебельные жилые кварталы, только тогда я ощутил огромную разницу между ними. Бауру — маленький городишко, а

Сан-Паулу — крупный город. Причем эта характеристика вовсе не определяется численностью населения.

Валдемар держал в руках мой чемоданчик. Мы сели в такси и отправились на Вила Бельмиро, где находились правление клуба «Сантос» и стадион. Было воскресенье, на стадионе шла игра на первенство штата между «Сантосом» и «Комерсиал Рибеирао Прето». Стадион не произвел на меня особого впечатления. Дело в том, что раньше я видел по телевизору матчи, которые передавались со стадионов «Маракана» и «Паказмбу», по сравнению с которыми стадион «Сантоса» мог вызвать даже некоторое разочарование. Тем не менее на этом поле играли такие игроки экстра-класса, как Жаир и Формига.

Стадион был полон, но Валдемар нашел три места на трибуне. Мы уселись, и вскоре я уже «болел» за «Сантос», громко радуясь его великолепной игре.

Матч закончился победой «Сантоса». Валдемар повел Дондиньо и меня вниз, в раздевалку. Там царил оживление — обычная неразбериха в раздевалке победителей. Валдемар представил меня тренеру Луису Алонсо, которого все звали Лула. Он пользовался репутацией очень хорошего тренера.

Улыбнувшись мне, Лула сказал:

«Значит, ты и есть знаменитый Пеле?»

По правде сказать, я даже не понял, шутит он или старается помочь мне преодолеть смущение. Ну какой же я знаменитый? Тем более за пределами Бауру. Я даже отдаленно не вправе называться знаменитым, когда рядом столько по-настоящему знаменитых футболистов. От смущения я не знал, что ответить, и только выдавил:

«Да, сеньор».

Лула рассмеялся, и тогда до меня дошел смысл собственных слов. Но я твердо знал, что тренер не думал меня обидеть. Просто ему хотелось, чтобы я скорее почувствовал себя здесь как дома.

«Мы ждали, когда ты приедешь. Давай-ка я представлю тебя игрокам».

Он взял меня за руку и стал подводить по очереди ко всем футболистам. Мне казалось, что это сон. Ведь я обменивался рукопожатиями со знаменитыми игроками, которых знал по открыткам, о которых слышал по радио, читал в «Бауру дэй-ли». Это было странное ощущение. Я не мог себе даже представить, что мне когда-либо доведется тренироваться с ними на одном поле.

Мне было приятно узнать, что многие из них слышали о Дондиньо, видели его игру. Они подходили к нему, выражали сочувствие по поводу его серьезной травмы. Отец отмахивался, как бы давая понять, что сейчас его волнует совсем другое.

«Послушайте меня! — сказал он. — Этот парень останется у вас на Вила Бельмиро. Мне надо возвращаться в Бауру, а Валдемару — в Сан-Паулу. Так что он останется здесь совсем один. Поэтому прошу вас последить за ним. Хорошо?»

Васконселос, капитан команды, огромный парень с большим и добрым сердцем, положил свою ручищу на мое плечо:

«Можешь не волноваться. С нами он не пропадет».

Все происходившее вокруг казалось мне кадрами из кинофильма, который я смотрел на балконе кинотеатра в Бауру. В окружении знаменитостей я лишился дара речи. Ведь рядом со мной были Зито, Жаир, Формига, Пагао, Пепе. Команда этих суперзвезд год назад выиграла чемпионат штата Сан-Паулу, а теперь была близка к тому, чтобы повторить свой успех.

Ко мне подошли Дондиньо и Валдемар.

«Нам пора уезжать. Ни о чем не беспокойся, о тебе здесь позаботятся».

Дондиньо взял меня за плечи:

«Делай все, что говорит Лула. Веди себя так, как дома, где рядом родители. Главное, держись подальше от дурной компании. Подальше...»

Он замолчал, притянул меня к себе, крепко обнял и, словно

извиняясь, улыбнулся:

«И больше никаких нравоучений. Ты ведь теперь взрослый, Дико».

Но я совсем не чувствовал себя взрослым, это знал и Дондиньо. Хотя меня согревала мысль, что теперь я буду тренироваться в команде «Сантос», и мне приятно было сознавать, что отныне я прочно стою на собственных ногах, я тем не менее с большой охотой вернулся бы в Бауру. Разумеется, я не мог признаться в этом, да еще в присутствии стольких людей. Подумают еще, что я ребенок, который в первый же день заскучал по дому! Я обнял отца и снова поймал себя на мысли, что предпочел бы сейчас сесть вместе с ним в автобус и вернуться домой.

Эту и последующие ночи я провел на Вила Бельмиро. Там было достаточно места для всего основного состава команды. Накануне ответственных матчей игроков не отпускали по домам. Они оставались в помещении клуба, которое называлось «concentração», что означает «концентрация». Я бы не удивился, если бы узнал, что именно от этого слова произошло понятие «концентрационный лагерь». В этом помещении игроки находились под строгим наблюдением тренера, который ограничивал свободу их передвижения четырьмя стенами, чтобы уберечь от любых случайностей, которые могли бы помешать их участию в предстоящем матче. Но даже тогда, когда команда не была на «карантине», на Вила Бельмиро постоянно жили многие игроки, главным образом холостяки. Проживание там ничего не стоило, что было весьма кстати — ведь никто из них не зарабатывал больших денег и поэтому был вынужден довольствоваться малым.

Комнаты небольшие, но чистые. В каждой две-три кровати и один-два стула — для чистюль, которые боялись испачкать свежезаправленную постель. С обратной стороны двери крючки для одежды. На стенах никаких картин, на полу никаких ковриков. В общем, комнаты обставлены скупой. Зато в них царил дух дружбы, а это ценилось превыше всего.

В тогдашний основной состав «Сантоса» входили Манга, Хелио, Иван, Рамиро, Формига, Зито, Тите, Жаир, Пагао и Васконселос или дель Веккио, которые попеременно играли на месте центрального нападающего. Запасными числились Кассио, Раймундиньо, Хуго, Дорвал и я.

В первый вечер каждый из футболистов старался сделать все возможное, чтобы я почувствовал себя как дома. И все же прошло немало времени, пока я привык спать в новой постели и сжился с

новой обстановкой. Обедал я вместе с другими игроками в расположенном неподалеку пансионе. При клубе имелаась и собственная кухня, где нам готовили завтрак, но если у поварахи был выходной день или она отсутствовала по какой-либо другой причине, мы ужинали в ресторане «Дон Антоний» или «Луи XV», вблизи нашего клуба. Пища, разумеется, была совсем не такая, как дома, в Бауру. А главное — она была сытная.

Наконец наступил день, когда я отправился на пляж, который находился приблизительно в миле от клуба. Исполнилась мечта детства: я увидел океан. Об этом мечтает каждый бразилец, живущий во внутренних районах, хотя таких людей не так уж много, ибо крупнейшие города страны располагаются вдоль побережья Атлантического океана. Даже если меня не захотят взять в «Сантос» и я буду терзаться вдали от родных, подумалось мне, я наверняка не захочу возвращаться домой, не взглянув на океан с близкого расстояния.

Океан оказался именно таким, каким я его себе представлял, только еще более величественным. Можно с уверенностью сказать, что пляж Сантуса — один из самых красивых в мире. Пестрые цветочные клумбы делят улицу, протянувшуюся вдоль побережья, на две части. Тогда на побережье мало было жилых домов. Бросались в глаза роскошные виллы, вдоль которых тянулись мозаичные дорожки, усиливавшие общее яркое впечатление. Навсегда врезались в память аккуратно подстриженные лужайки, напоминавшие зеленый ковер, гаражи, балконы и башенки. Последние придавали домам вид настоящих замков. Иногда на широких верандах появлялись горничные или кухарки в наколках и фартуках, чтобы полюбоваться видом на океан.

Все это волновало воображение мальчишки из Бауру. Ведь мне еще не доводилось видеть ничего подобного. Позже я узнал, что хозяева вилл, коммерсанты из Сан-Паулу, живут здесь только во время отдыха или приезжают на побережье только на уик-энд. Мне трудно было представить себе, каким богатством обладают эти люди, чтобы позволить себе лишь наезжать в эти дворцы. В Бауру даже у нашего мэра Николы Авалоне не было такого дома.

Еще мне запомнился расположенный рядом с побережьем маленький остров. Казалось, что при отливе до него можно добраться вброд. К югу от острова прямо из воды поднимались скалы словно для того, чтобы очертить границы окружающего ландшафта. Прямо не верилось, что это реальные красоты, а не глянцевая открытка.

С годами роскошные виллы уступили место современным домам с просторными и благоустроенными квартирами. Но от

этого пляжи Сантуса ничуть не утратили своей привлекательности. Остров вблизи побережья до сих пор радует взор, и при отливе до него действительно можно добраться вброд. Скала с южной стороны до сих пор подчеркивает красоту пляжа. Сады до сих пор окаймляют дорогу. Для меня это красивейшее место в мире.

Песок уже немного нагрелся, я снял ботинки, носки и сбежал к воде. Еще в школе мы учили, что вода в океане соленая. Признаться, я всегда с недоверием относился к этому утверждению. Теперь я могу лично это проверить. Я нагнул, зачерпнул ладонью океанской воды и попробовал ее на вкус. Вода была явно соленая! Я присел и окинул взором раскинувшиеся передо мной океанские просторы. Чтобы посолить такую огромную массу воды, потребовалось, наверное, немыслимое количество соли! И как только все это проделали? Понять это было выше моих сил. А все же интересно, как..?

Весь день я провел на пляже, наслаждаясь океанским пейзажем и непередаваемым ощущением теплого песка и воды, доходившей до щиколотки. Наконец-то мне представился случай увидеть океан! Но тут же подумалось: как долго еще, несмотря на красоты Сантуса, я смогу выдержать без Бауру и родных?

Во вторник утром, то есть через два дня после приезда, я впервые вышел на тренировку. Помню, моросил дождь. На какое-то мгновение я подумал, что из-за плохой погоды тренировка не состоится и мне не придется встречаться с другими игроками на поле. Но никто из футболистов не обратил внимания на дождь. Переодевшись, все неторопливо выбежали на поле. Я всячески старался подавить в себе волнение. Рядом со мной на поле оказался Пепе. Он посмотрел на меня сверху вниз и улыбнулся:

«Волнуешься?»

«Немного!» — ответил я.

«Не стоит. Здесь все твои друзья!»

И скоро я почувствовал, что это действительно так. Мне припомнилось, как при отъезде многие говорили: «Ты сам увидишь, эти звезды из «Сантоса» не дадут тебе хода. Они будут тебя бойкотировать. Все будет как на тренировке у Валдемара ду Бриту — они просто будут перекидывать мяч друг другу, не позволяя тебе дотронуться до него. Ну, чтобы представить тебя в невыгодном свете. Им пришлось немало потрудиться, чтобы стать профессионалами, поэтому не рассчитывай, что они просто так уступят свое место пятнадцатилетнему мальчишке, ведь каждый из них добрый десяток лет бился за место в нынешнем составе команды. Они просто утробят тебя, вот увидишь!»

И я увидел. Игроки относились ко мне доброжелательно, как настоящие друзья, словно мы играли вместе уже несколько лет подряд. Больше того, у меня сложилось впечатление, что они делают все, чтобы моя игра понравилась тренеру. После разминки и упражнений с мячом (мы отрабатывали пасы и остановку мяча), на что ушло около часа, Лула разбил нас на две команды, и началась тренировочная игра.

«Мне говорили, — сказал тренер, — что ты играл центральным нападающим?»

«Да, сеньор».

«Хорошо. Будешь играть на том же месте. В первом составе».

Услышав эти слова, я чуть не обомлел. Я думал, что после тренировки, где мы отрабатывали дриблинг, отбор и остановку мяча, он отправит меня на скамейку, чтобы я посмотрел на тренировочную игру.

Стоявший рядом со мной Формига рассмеялся:

«Смотри не подведи нашу команду, мальчуган!»

Впоследствии в газетах и журналах писали, что мое первое появление на поле «Сантоса» было сенсационным, что я забил уйму голов и что уже на следующий день меня ввели в основной состав. На самом деле все складывалось иначе. В окружении суперзвезд я нервничал, со стороны на меня было жалко смотреть. Но постепенно скованность проходила, я уже не думал о том, что играю рядом с такими знаменитостями, как Васконселос или Пагао. Мне казалось, я в Бауру и играю за «Бакино». От этого ощущения в передачах появилась точность, в отборе — напористость.

В той первой тренировочной игре я не забил ни одного гола, но показал, на что способен. А главное, ощутил доброжелательное к себе отношение, никакого «бойкота» со стороны моих более опытных товарищей не было. Они передавали мне мяч, когда это диктовалось самим ходом игры, или отдавали его другому игроку, если тот находился в более выгодном положении. Короче говоря, играли как настоящие профессионалы.

После тренировки Лула подозревал меня.

«Мне понравилось, как ты сегодня играл. Вот только бы подрасти тебе, стать чуть потяжелее. Боюсь, ты еще недостаточно крепок для профессионала. Пожалуй, надо подождать. Станешь постарше, тогда посмотрим. Кстати, какой у тебя вес?»

Я опустил глаза, будто мой недостаточный вес был пороком, в котором я стыдился признаться.

«Примерно сто тридцать фунтов»^[7].

Лула кивнул.

«Что ж, пока поиграешь в команде юниоров. Будешь тренироваться с ними и набираться опыта. Между прочим, ты мог бы играть и за детскую команду, ведь туда берут мальчишек не старше пятнадцати лет».

В «Сантосе», как и в большинстве клубов, было четыре команды: детская — от девяти до пятнадцати лет; юниоры — от пятнадцати до восемнадцати; любительская — без возрастных ограничений и, наконец, команда профессионалов. Я спокойно выслушал слова тренера. Не знаю, с чего это вдруг я раз мечтался о том, что моя карьера должна начинаться обязательно с первого состава — команды профессионалов. В общем, мне нечего было возразить.

«Да, сеньор...»

«Вот и хорошо! А теперь пойдешь прими душ. Потом мы поговорим обо всем подробнее».

В раздевалке игроки стали поздравлять меня с удачным испытанием. Подошел Пепе, похлопал по плечу:

«Молодец, парень! А со временем станешь играть еще лучше!»

В ответ я пробурчал, что, как сказал тренер, пока надо поиграть в юниорской команде, а, может, даже в детской! К тому же не вышел ростом, да и вес маловат.

Пепе с ухмылкой посмотрел на меня:

«Ничего, парень. Будем подкармливать тебя круглые сутки!»

Чередой проходили дни, заполненные гимнастикой, тренировками и еще раз тренировками, а также обильными обедами и ужинами в пансионе, в клубе или в ресторане через дорогу. Но прежде мне пришлось принимать лекарство от глистов — весьма распространенного заболевания среди бразильских бедняков. Почти все игроки, выходцы из бедных семей или уроженцы внутренних районов на северо-востоке страны, страдали этим недугом. Как только они приезжали в Сантус и попадали в руки врачей, те сразу выписывали им какое-то противное лекарство. Но вот с глистами покончено, и у меня появился волчий аппетит!

Такое питание редко кто мог позволить себе в Бауру: мясо — сколько угодно, птица — хоть каждый день. Эти продукты отличались высоким содержанием белка, не то что прежде — сплошной крахмал, которым богата пища подавляющего большинства бразильских бедняков. А о прекрасной океанской рыбе с соусом я даже понятие не имел. Насытившись, мы беседовали о футболе, о родном доме, который был у каждого из нас. После таких теплых и дружеских разговоров отправлялись спать.

Ночь действовала на меня удручающе. В моей комнате стояли две кровати, но жил я, слава богу, один. Дело в том, что если бы у меня был товарищ по комнате, я ни за что не дал бы ему спать, так как поначалу, не переставая, плакал — очень скучал по дому, по родным и близким. И вообще, к чему все это? Ведь мне было четко сказано: я еще слишком молод, чтобы быть профессиональным футболистом. Целых четыре или пять дней наедался до отвала, а рост и вес оставались без изменений. Я был недостаточно плечист и чересчур худощав, но ведь таким я могу остаться на всю жизнь. Значит, меня никогда не возьмут в первый состав, будут держать в юниорской или любительской команде, пока я не стану переростком или пока «Сантосу» не надоест меня сытно кормить, после чего отчислят как неперспективного.

В общем, стоит ли мучиться, если надеяться абсолютно не на что?

И вот на пятый или шестой день после моего появления в клубе я поднялся в пять утра, оделся, сложил свои пожитки в чемоданчик, проверил, на месте ли деньги, которые Дондиньо предусмотрительно оставил мне, если придется вернуться домой, и на цыпочках вышел из комнаты. На лестнице я натолкнулся на парня по имени Сабу. Он занимался в клубе всем, чем придется, — косил траву, убирал в раздевалке, короче, был на побегушках. Его мать работала на кухне, она готовила нам завтрак. Сабу как раз отправлялся на рынок за свежими фруктами и горячими булочками. Он увидел чемоданчик в моих руках и оторопел:

«Куда это ты?»

«Домой, — ответил я. — Мне здесь не на что надеяться. Слишком легкий я для футболиста».

Сабу засмеялся.

«Конечно. Тебе ведь только пятнадцать лет. Но если у тебя будет такой аппетит, как в эти дни, за полгода ты станешь самым толстым футболистом в Сантусе».

Он спокойно взял чемоданчик из моих рук.

«Между прочим, никто мне не разрешал отпускать тебя на все четыре стороны, я не хочу иметь неприятности. Возвращайся в свою комнату и еще раз хорошенько обо всем подумай. Завтрак будет, как только я вернусь».

Через неделю произошла моя встреча с сеньором Антонио, спортивным директором «Сантоса». Он спросил, не желаю ли я подписать с ним контракт. Мне сразу пришла в голову мысль, что Лула передумал, так как не может обойтись без меня в профессиональном составе. Антонио пояснил, что первое время я

буду выступать за юниорскую и детскую команды и что речь идет о предварительном контракте. По-португальски он называется «contrato-de-gaveta» — в буквальном переводе «контракт, спрятанный в ящик», поскольку настоящий контракт можно было заключить со мной лишь по достижении совершеннолетия. Конечно, эти эрзац-контракты, в сущности, не имеют законной силы. И все же таким документом футбольные клубы удерживают молодых перспективных игроков.

Я поступил в «Сантос» с твердым намерением закрепиться здесь, хоть и очень скучал по дому. Разумеется, мне хотелось продолжить тренировки в этом клубе, чтобы в конце концов стать профессионалом. Поэтому я ответил, что согласен. Для совета из Сан-Паулу приехал Валдемар ду Бриту. Окончательное решение зависело от моих родителей, и мы с ним отправились в Бауру.

Какое чудесное ощущение вернуться в родной дом к отцу и матери, к бабушке, дяде, сестре и брату! Хотя я уехал из дома всего две недели назад, они показались мне вечностью. Это впечатление усилилось радостью встречи. Отец был счастлив, что клуб «Сантос» готов подписать со мной контракт. По-иному отнеслась к этому дона Селесте. Видимо, Дондиньо так обрисовал ей дело, что она решила, будто мне надо съездить в Сантус ненадолго, только для того, чтобы представиться в клубе. Поэтому она подумала, что я насовсем вернулся домой и больше уже не уеду.

«Если хочешь уехать, — сказала она, — уезжай. Мне не нужен такой сын, которому наплевать на мои переживания!»

Дона Селесте так расстроилась, что никак не могла успокоиться. И тогда я чуть было не остался в Бауру. Я видел, как переживает мама, и мое сердце обливало кровью. В эти минуты мне вспомнилось, каким одиноким я бывал по ночам в своей комнате в клубе. Здесь, дома, все было куда лучше.

Но тут слово взял Валдемар ду Бриту. Он стал рассказывать, как хорошо все отнеслись ко мне в «Сантосе», что в этом клубе мне открываются широкие перспективы, и хотя сейчас я играю за юниорскую и любительскую команды, со временем меня наверняка возьмут в первый состав.

«Впрочем, деньги не самое последнее дело в жизни, — сказал он. — По предварительному контракту Пеле будет получать пять тысяч крузейро в месяц. А когда он немного подрастет и прибавит в весе, они подпишут с ним настоящий контракт, и он будет получать больше. Да еще премиальные за каждый выигрыш. Правда, они не очень велики, но потихоньку сумма набегаает. Скажите, где еще он сможет заработать столько денег? Может, на обувной фабрике, в «Норозте» или в «БАКе»? Питание хорошее,

ешь себе в удовольствие! К тому же у него своя комната и тоже бесплатная.

Это были самые убедительные аргументы, которые действовали на мать. Пять тысяч крузейро в 1956 году равнялись примерно шестидесяти американским долларам, что значительно превышало суммы, на которые я мог рассчитывать на обувной фабрике. А полный пансион (особенно при моем аппетите) тоже стоил немало.

Итак, мы снова отправились в Сантус, на этот раз с предварительным контрактом в кармане, который в любом случае гарантировал мне ежемесячное жалованье. Из первых пяти тысяч я четыре послал Дондиньо на дом, чтобы донна Селесте больше не волновалась, когда подходит срок платить за аренду. Вскоре отец написал мне, что нашел на улице Седьмого сентября небольшой домик и стал выплачивать за него по частям. По размерам он был почти такой же, как на Рубенс Арруда, и со временем мог стать нашей собственностью.

Я продолжал тренироваться с основным составом, но играл за юниоров. Несмотря на то, что я получал жалованье, я имел право участвовать в матчах любителей (ограничение распространялось только на профессионалов). В случае выигрыша нам выплачивали еще и премиальные. Они отчисляются из определенной части выручки за матч. Две трети получают игроки, участвовавшие в матче, одну треть — запасные. В соревнованиях на первенство мира соответствующее вознаграждение получают также главный тренер, второй тренер, массажист, врачи и все прочие члены комиссии.

В «Сантосе» за детскую, юниорскую и любительскую команды отвечал некто Нэнэ. Под его началом я впервые выступил за «Сантос» против местного клуба «Васко да Гама». (Пусть читателей не смущает обилие клубов с одинаковым названием в разных городах страны. К тому же «Васко да Гама» — весьма распространенное в Бразилии название, его носят десятки клубов. Точно так же есть; например, немало клубов «Коринтианс» и т. д.) Матч мы выиграли, я забил три гола. Затем мы стали победителями среди юниоров штата, выиграли первенство и среди любителей. Если учесть, что «Сантос» стал еще и чемпионом штата среди профессионалов, то получается, что наш клуб завоевал три из четырех призов. Не хватало лишь четвертого — среди детских команд.

Детская команда «Сантоса» срочно нуждалась в усилении. Поскольку у меня была достаточно высокая техника и по правилам за детскую команду мог выступать пятнадцатилетний игрок, на этот важный для клуба матч Нэнэ заявил меня. Никто (и

меньше всех я сам) не сомневался в том, что мой опыт, да еще в таком матче, где я буду самым крупным игроком, поможет нам легко справиться с соперником. Установка была забить побольше голов, в общем, столько, сколько мне захочется.

Однако все сложилось по-другому. Не знаю почему, но играл я из рук вон плохо, может быть, стыдно было выступать против команды, в которой играло несколько девятилетних ребятишек? Неудачным получился для меня матч. Гола я так и не забил. Скорее всего соперник независимо от возраста играл лучше, поэтому я и не сумел удовлетворить своего тщеславия. Любопытно, что чем больше я старался, тем хуже получалось. Мои передачи были неточными, десятилетние ребятишки запросто отнимали у меня мяч, одиннадцатилетние свободно обводили, я ничего не мог с ними поделать.

Время матча было уже на исходе, а наши соперники имели преимущество в один мяч. Вдруг один из них неправильно атаковал нашего игрока в своей штрафной площадке. Мне было предоставлено право пробить пенальти и тем самым свести игру вничью. Мяч установили на одиннадцатиметровой отметке, игроки обеих команд отошли назад. Увидев перед собой крохотного голкипера, широко расставившего руки, которые не закрывали, наверное, и десятой части площади ворот, я улыбнулся в предчувствии гола. Разбегаюсь... удар... Мяч пролетает высоко над перекладиной! Никогда не забуду неодобрительные возгласы на трибунах. Я всегда вспоминаю этот случай, когда меня вдруг одолевает зазнайство.

Счет игры так и остался без изменения, команда «Сантоса» проиграла. А знаменитый Пеле умудрился не забить одиннадцатиметровый. Когда я покидал поле, уши мои горели — так мне было стыдно.

Я не пошел вместе с другими в душевую, а, забрав вещи в раздевалке, убежал к себе в комнату. Закрыл дверь на ключ, бросился на кровать и разревелся. После того жалкого зрелища, которое я представлял на поле, естественно, не могло быть и речи о том, чтобы тренироваться вместе с профессионалами. Возгласы неодобрения, долетавшие с трибун, это еще ничто по сравнению с тем, как будут смеяться надо мной игроки «Сантоса». Проиграть малолеткам, младенцам! Если я не сумел сыграть против команды, составленной из детей в два раза меньше меня ростом, как я смогу играть в основном составе!

Видимо, до сих пор ты жил в каком-то призрачном мире, размышлял я про себя, и чем раньше ты преодолешь это состояние, тем лучше. Бауру — вот твое место! Там и играй. Вот твой уровень. А может, после сегодняшнего матча вообще

оставишь футбол? Менеджерам «Сантоса» не составит труда расторгнуть контракт, которого, по сути, и нет, а может, они как раз и заняты этим сейчас?

Уснул я, так и не сняв с себя пропитанной потом футболки. Проснулся — в комнате темным-темно. Включил свет, взял стоявший в углу чемодан и начал укладывать вещи. Футбольную форму оставил на неразобранной постели, отпер дверь и на цыпочках спустился по лестнице.

Внизу я снова натолкнулся на Сабу. Он неодобрительно посмотрел на меня.

«Опять?..»

«Тебе не понять...»

«Я понимаю: ты не забил пенальти, да еще в игре с командой мальчиков».

«Нечего смеяться надо мной!» — сказал я со злостью.

«Я не смеюсь, — ответил он спокойно. — Просто хочу тебе объяснить, что же случилось. Когда не забиваешь пенальти, не имеет значения, кто твой соперник. Ты мог бы промазать и по воротам Жильмара. Я видел, как не забивал пенальти Васконселос. А Дель Веккио? Вот и с тобой может такое случиться. Разве нет?»

Он, как и в тот раз, взял чемодан у меня из рук.

«Возвращайся к себе в комнату. Но если попытаешься еще раз, мне придется забрать у тебя твой чемодан».

Это была моя последняя попытка сбежать из Сантуса.

На первых порах игроки команды называли меня не Пеле, а Газолина (что значит «бензин»). Меня посылали за чашечкой кофе или с каким-нибудь другим мелким поручением, потому что я был самый молодой и новичок. Они поторапливали меня, приговаривая при этом, чтобы я не экономил газа. Так родилось мое новое, не лишённое внутренней логики прозвище. Между тем, я уже привык к имени Пеле; менять его мне не хотелось, но ссориться из-за этого с мастерами лучшей команды штата я не отваживался. А тут еще мое жуткое выступление за команду мальчиков, о котором никто из старших игроков не обмолвился ни словом.

Состав «Сантоса» тех лет был лучшим за всю историю клуба. Футболисты были молоды, удивительно работоспособны, славились высоким индивидуальным мастерством. Кроме всего прочего, у команды был великолепный тренер, убежденный сторонник атакующего футбола. Лула учил игроков постоянно контролировать мяч на поле и при этом проявлять фантазию, изобретательность, быстро приспосабливаться к любой игровой

ситуации. «Сантос» уверенно шел к повторению своего прошлогоднего успеха в чемпионате штата. Газеты много писали о его футболистах. Состав команды был постоянным, лишь время от времени Альфрединьо выходил на поле вместо Тите, Альваро вместо Жаира, а Васконселос вместо дель Веккио. Васконселос, которого мы все звали Васко, и дель Веккио были настоящими звездами, главными бомбардирами команды. Они демонстрировали поистине великолепный футбол.

Я не сомневался, что сыграть в основном составе мне удастся не скоро, поскольку в роли центрального нападающего выступали действительно большие мастера.

Но Лула ставил сильнейших не на каждую игру. Однажды «Сантос» должен был играть с «Кубатао», командой из соседнего города. Поскольку соперник был откровенно слабый и в состязаниях на первенство штата не участвовал, Лула решил дать возможность проявить себя нам, запасным игрокам. Эта встреча считалась сугубо тренировочной, такие игры мы называем товарищескими, которые не фиксируются футбольными статистиками. В тот день я первый раз надел черно-белую полосатую футболку основного состава «Сантоса». Вместе со мной тоже впервые за «Сантос» играли Дорвал, Фиоте и Раймундо.

Поскольку игра была товарищеской, неофициальной, она не была зафиксирована как моя первая игра в качестве профессионала за клуб «Сантос». По той же причине мои четыре гола в этом матче (мы выиграли со счетом 6:1) не фигурируют в таблице голов, забитых мною за всю футбольную карьеру. И все же для нас, новичков, это было волнующее событие, а четыре забитых мяча подняли мой авторитет среди товарищей по команде. Мое имя стали чаще упоминать в местной прессе. После игры я набрался храбрости и заявил своим старшим коллегам:

«Ладно, носить вам содовую и кофе я буду, буду выполнять и другие поручения, но отныне прошу не называть меня больше Газолина. Я Пеле!»

С тех пор все звали меня только Пеле.

Никогда не забуду, как получил травму Васконселос.

Шла игра на первенство штата с командой Сан-Паулу. Соперники приехали, чтобы разгромить нас на нашем же стадионе. Я сидел среди болельщиков «Сантоса» на трибуне и наблюдал за игрой. (Кстати, не люблю сидеть во время матча на скамейке для запасных. Игру удобно смотреть с трибуны, а не со скамейки, стоящей на уровне футбольного поля.)

В тот день команда Сан-Паулу находилась в отличной форме, казалось, им удастся буквально все. А у «Сантоса» игра явно не

шла. Как и следовало ожидать, команда Сан-Паулу вскоре открыла счет, а затем забила еще один мяч. «Сантос» ответил голом, соперникам тут же удалось поразить наши ворота в третий раз. Со счетом 3:1 закончился первый тайм. На трибунах, естественно, царило тягостное уныние.

После перерыва «Сантос» появился на поле, обуреваемый желанием не только сравнять счет, но и выйти вперед. Однако футболисты Сан-Паулу упорно стремились не допустить этого. Где-то в середине тайма Васконселос, отдав мяч Пепе, рванулся в штрафную площадку. Он получил ответный пас и уже изготовился для удара, как его сбил Мауро. Не думаю, что грубый прием Мауро был умышленным. От столкновения оба свалились за землю, и Мауро совершенно случайно придавил согнутую ногу Васконселоса. Когда Мауро поднялся, Васконселос с перекошенным от боли лицом продолжал лежать на траве.

Под неодобрительные крики болельщиков Васконселоса унесли с поля. «Сантосу» пришлось доигрывать матч в меньшинстве. Оставшиеся вдесятером футболисты «Сантоса» защищались стойко и не позволили игрокам Сан-Паулу увеличить счет. Но если в команде на одного игрока меньше, ликвидировать разрыв практически невозможно, особенно с таким сильным соперником, как клуб Сан-Паулу. Матч закончился, «Сантос» проиграл 1:3. После игры я спустился в раздевалку и услышал печальную весть — Васко сломал ногу!

Да, мой хороший товарищ Васконселос действительно сломал ногу. В тот момент я не думал о том, что это происшествие открывает мне путь в основной состав. Все мои мысли были только о Васконселосе. Несколько дней он пролежал в больнице, а потом вернулся на Вила Бельмиро на костылях. Нога у него была в гипсе. На первый взгляд, он не очень переживал.

«Ничего! Пройдет пара месяцев, и все придет в норму!»

Через несколько месяцев Васконселос приступил к тренировкам. Но это был уже не тот Васко, которого все знали. В его игре появилась нерешительность. Все это понимали. Пока нога была в гипсе, он не тренировался и утратил форму. Чтобы восстановить чувствительность сломанной ноги, требовалось время. Вскоре мы убедились, что все намного серьезнее. Тяжелая травма отложилась в подсознании футболиста. Это ощущалось каждый раз, когда его атаковал соперник или он сам старался отобрать мяч. И хотя постепенно Васко научился преодолевать страх, а затем и восстановил свою прежнюю форму, все же тем великим Васконселосом он так и не стал. В конце концов ему пришлось уйти из «Сантоса», чтобы попытать счастья в других клубах.

Впервые я задумался о том, как может сложиться судьба футболиста-профессионала. Правда, до этого был Дондиньо с его травмой, о которой непрестанно напоминала мне мать. Но, наверное, только происшествие с Васко позволило мне по-настоящему осознать, какими превратностями чревата карьера футболиста. Долгое время он был идиолом болельщиков, но после травмы он уже не мог радовать их своими голами, и его скоро забыли. Об этом ребята говорили по вечерам в клубе. Будучи самым молодым, я обычно молчал в присутствии взрослых, но всегда прислушивался к тому, что говорят другие.

«До старости в футбол играть не будешь. Поэтому надо стараться побольше заработать и отложить на жизнь».

«А может быть, нам нужен свой профсоюз для футболистов? Как, например, у докеров в порту?»

«Всем нам, кроме футбола, надо искать еще другую работу».

«Ясное дело. Но какую?»

«На производстве тоже не легче! Тоже можно покалечиться!»

«Но там хоть никто не набрасывается на тебя в бутсах и не ломает тебе ноги!»

«В общем, надо думать о сбережениях на черный день. Чем больше, тем лучше».

Мне кажется, большинство игроков подсознательно чувствовали это, но открыто высказывали свои мысли только тогда, когда случалось несчастье, как, например, с Васко. Многие игроки были женаты, имели семьи, но мало кто из них мог скопить приличную сумму, чтобы положить на счет в банке. Поэтому никто не позволял себе бездумно тратить заработанные деньги. Мои пять тысяч крузейро были, конечно, меньше, чем получали другие, зато я жил на полном пансионе, и мне не приходилось тратить много денег.

А жизнь шла своим чередом. Я продолжал играть за команду юниоров, часами беседовал с товарищами в клубе или в ресторане «Луи XV», где мы часто ужинали. Насколько позволял график тренировок, утром или после обеда бегал на пляж. Иногда с Дорвалом или еще с кем-нибудь из нашей клубной братии ходил в кино. Время от времени меня мучила тоска по дому, но мне уже не приходила в голову мысль вернуться в Бауру. От этого намерения меня излечили Сабу и перспективы войти в основной состав «Сантоса».

Для нас, молодых игроков, Лула был не только тренером, но и настоящим отцом. Мы шли к нему со своими заботами, и он неизменно старался помочь нам и словом и делом. Никто из нас не злоупотреблял добротой Лулы, который сначала давал игроку возможность самому разобраться в своих проблемах. Это

способствовало хорошим взаимоотношениям, установившимся в клубе. За своих подопечных Лула готов был в огонь и в воду, поэтому он имел моральное право требовать от них максимума того, на что они были способны. Надо сказать, что он всегда добивался своей цели.

Моим первым официальным выступлением в основном составе «Сантоса» был матч против шведского клуба «АИК», совершавшего турне по Бразилии. Я впервые играл рядом с прославленными футболистами, с которыми раньше только тренировался. К своему удивлению, на поле я не ощутил никакого волнения, чувствовал себя спокойно, словно вышел на очередную тренировочную встречу, когда рядом со мной те же самые футболисты, только игра — все девяносто минут, а соперники — чужие игроки.

Матч складывался для нас трудно. Шведская команда играла хорошо, особенно в обороне, но их нападающие были слабее и никак не могли пройти наши защитные линии. В общем, игра была равной. Но победили мы. Исход встречи решил гол Фейо, забитый им с пенальти. В раздевалке ко мне подошел Лула.

«Ну, все в порядке?»

«Более или менее...»

«Ты чем-то расстроен?»

«Гол-то забить не удалось!»

В ответ Лула рассмеялся.

«Голы не каждый день забиваются. Хотелось бы, но не всегда получается. К сожалению!»

Наконец настало 7 сентября 1956 года, когда мне удалось забить свой самый первый профессиональный гол. Матч состоялся в День независимости, и я как бы отметил этим голом приобретение нового дома на той самой улице в Бауру, которая названа в честь нашего национального праздника. Хотя мне еще не было и шестнадцати, я уже несколько месяцев выступал за основной состав «Сантоса», тренировался до седьмого пота и все это время жил надеждой на то, что будет и на моей улице праздник. Я раздался в плечах, ноги налились силой. Правда, пришлось смириться с тем, что мне не суждено будет прибавить в росте.

Нашим соперником был один из лучших бразильских клубов «Коринтианс» из Санто Андре, пригорода Сан-Паулу. Лула заявил меня на матч вместо дель Веккио, чтобы поберечь его для более ответственных игр. С уходом Васконселоса главная ставка в общей стратегии «Сантоса» делалась на этого футболиста. И все же в этой игре мы смогли обойтись без дель Веккио, победив со счетом 7:1. Я забил только один гол, но это был первый гол,

который я забил как профессиональный футболист.

После этого матча я играл по очереди с дель Веккио (для краткости мы называли его Део), подобно тому, как тот поочередно играл с Васко, пока тот не выбыл из-за травмы.

Нашим следующим соперником был клуб «Жабакуара». Мы победили со счетом 4:2. И снова мне удалось забить гол. Хотя клуб «Гуарани» не пользовался широкой известностью, в игре с ним мы были вынуждены довольствоваться ничьей, но свой гол я все же забил. Затем произошла осечка с клубом «Реннер» из Порту-Алегри, который выиграл у нас со счетом 5:3! Что ж, и такое бывало... Мы встречались с клубом «Коринтианс» из Сан-Паулу и со многими другими командами. Во всех этих играх мы или побеждали, или довольствовались ничьей, за исключением неожиданного срыва в матче с клубом «Реннер». В этих первых матчах за «Сантос» я забил несколько голов, мое имя и фотография стали все чаще появляться в газетах Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу.

Однажды менеджеры «Сантоса» вспомнили, что клуб еще не имеет со мной официального контракта. Валдемар ду Бриту и Дондиньо снова приехали в Сантус, чтобы обсудить обязательства каждой из сторон. Хотя мне уже исполнилось шестнадцать лет, для подписания контракта все еще требовалось согласие Дондиньо.

Я полагал, что мои успехи на футбольном поле позволяют мне рассчитывать на существенное повышение жалованья, которое уравнило бы меня в финансовом отношении с другими игроками. Однако руководство клуба смотрело на это по-другому. Было сказано, что мне только шестнадцать лет, что я все еще слабоват физически и поэтому легко подвержен травмам. Значит, в случае получения травмы им придется платить мне до тех пор, пока я не перестану играть за клуб, точно так же, каким пришлось материально обеспечивать Васконселоса, когда его травмировали, хотя после этого происшествия клуб уже не мог в полной мере воспользоваться его услугами.

Мне объяснили, что стаж моих выступлений в «Сантосе» еще невелик. Поэтому я должен радоваться повышению жалованья на целую тысячу крузейро, то есть на двадцать процентов, что является проявлением щедрости дирекции клуба. Сразу получить двадцатипроцентную надбавку — это надо уметь ценить.

Валдемар ду Бриту был недоволен аргументами дирекции. По-другому реагировал Дондиньо. Для него шесть было больше пяти и в любом случае больше того, что я мог бы зарабатывать на обувной фабрике. Мне же было все равно. Больше всего на свете я хотел играть в футбол, и, конечно, было приятно, что за это мне

еще платили.

8 апреля 1957 года был подписан мой первый настоящий контракт с клубом «Сантос» сроком на шестнадцать месяцев, и я стал получать жалование, которое составило шесть тысяч крузейро в месяц.

В июне 1957 года проводился турнир «Маракана», в котором выступала сборная команда, составленная из игроков «Сантоса» и «Васко да Гама». В ней мне предложили сыграть центральным нападающим — большая честь для шестнадцатилетнего парня. Турнир оказался незавершенным (теперь уже не помню почему), но он запомнился мне прежде всего тем, что тогда я впервые вышел на поле гигантского стадиона «Маракана» в Рио-де-Жанейро. Впервые в жизни я увидел на стадионе такое огромное скопление народа. Мы обыграли португальскую команду «Беленензе» со счетом 6:1, причем я забил три гола. Потом нашим противником было «Динамо» (Загреб, Югославия), этот матч мы свели вничью 1:1, единственный забитый нашей командой гол был мой. Четыре дня спустя мы встречались с «Фламенго», опять ничья 1:1, и опять автором забитого гола был я. Этот заколдованный счет словно преследовал нас: через три дня в матче с известным клубом «Сан-Паулу» — снова 1:1 и снова мой гол.

Мы вышли на первое место, когда турнир был прерван. Тем не менее наша игра получила высокую оценку. Я был признан лучшим бомбардиром турнира. В отчетах о матчах часто упоминалось мое имя. Думаю, именно поэтому Сильвио Пирилло включил меня в бразильскую сборную для встреч со сборной Аргентины на «Кубок Рока». Теперь я уже не сомневался, что родные и близкие знают о моих успехах и наверняка гордятся мною.

В те дни мне впервые представился случай по-настоящему познакомиться с тогдашней столицей Бразилии Рио-де-Жанейро. Я и раньше бывал там с «Сантосом», но это были однодневные заезды. Теперь же в связи с турнирами «Маракана» и «Кубок Рока» я жил в Рио и не терял даром ни одной минуты.

Рио оказался городом, каким представлялся мне в моих грезах, каким его рекламировали проспекты туристских фирм. Однако нам показали куда больше, чем туристам. Мы увидели Гавею с ее огромной, возвышающейся над округой скалой, по которой струятся воды источников; Тижуку — живописную песчаную косу, расположенную в нескольких минутах езды от центра города. Там был замечательный ресторан, где подавали вкусные креветки. Я не раз спрашивал себя, ощутил бы я всю эту удивительную красоту, если бы Рио был моим родным городом

или если бы Тим привез меня сюда еще раньше и я бы уже играл за клуб «Бангу»? Не знаю. Не берусь судить. Я люблю Сантус, но полюбил и Рио, потому что Рио любит каждый бразилец. Они разные, эти два города, но их многое роднит — в основном тропические красоты, дружелюбие людей и прекрасная погода.

Я уже говорил, что на поле мы с Део подменяли один другого. Никто из нас не испытывал друг к другу зависти или обиды. Такие же отношения складывались у Тите, когда он уступал место Пепе и оставался на скамейке для запасных. Я говорю об этом потому, что такое можно наблюдать далеко не во всех футбольных командах Бразилии. Ведь футболист стремится к известности, славе, а их он может добиться, лишь демонстрируя свое мастерство перед болельщиками, представителями прессы, радио и телевидения. Пока же игрок сидит на скамейке для запасных, никто не знает, хороший он футболист или плохой. Многие рассуждают примерно так: если, мол, кого-то не выпускают играть, он наверняка ничего особенного собой не представляет. К тому же, если игрок весь матч просидит на скамейке для запасных, при выигрыше ему достанется весьма малая доля премиальных. Для профессионала выход на поле имеет жизненно важное значение.

Заслуга Лулы была в том, что он привил нам чувство дисциплины. Тренер считал: цель футбольного состязания заключается в том, чтобы победить противника, не увлекаясь индивидуальной игрой. С другой стороны, он всегда давал возможность игроку раскрыть свои способности, не ставя под удар исход турнира или даже отдельного матча. В любом случае Лула принимал во внимание самочувствие футболиста к моменту игры, его психическое состояние, его взаимоотношения с другими игроками на поле и прочие факторы, которые по-разному могут проявляться в разных обстоятельствах. В общем, тренерская работа — дело архисложное.

Между тем, жизнь шла по привычной схеме — пляж, футбол, иногда посещение кинотеатра, все остальное время в клубе. В один прекрасный день я познакомился с очень известным баскетболистом из Рио по имени Раймундо. Он получил травму на баскетбольной площадке, вернулся в Сантус и стал тренировать детскую баскетбольную команду нашего клуба, а иногда помогал Луле в работе с нами. Как-то Раймундо сказал, что мне, наверное, было бы приятнее жить не в клубе, а в домашней, семейной обстановке. Его жена дона Георгина держала пансион, и Раймундо предложил мне перебраться к ним. Так в середине 1957 года я переехал к доне Георгине. Этим была очень довольна дона Селесте, она сразу же приехала из Бауру,

чтобы посмотреть, что за люди стали новыми родителями для ее сына. Дона Георгина и Раймундо на самом деле стали моей второй семьей.

После первенства мира в Швеции наша жизнь вернулась в свою привычную колею.

Свой первый матч — нашим соперником был клуб «Жабакуара» — мы сыграли 16 июля. После нашей победы в Стокгольме прошло ровно семнадцать дней, но мне казалось, что прошло семнадцать лет, столь далекими представлялись мне совсем еще недавние волнующие события. Гетеборг, стадион «Ню Уллеви», стадион «Солна», Лена, красивые девушки, незабываемые дни, радость возвращения на родину в ранге чемпионов мира, безумный прием, оказанный нам по этому поводу, — всего этого, казалось, вовсе не было, а если было, то происходило в каком-то фантастическом сне.

Возобновились игры футбольного календаря, и нам приходилось выступать каждые три-четыре дня. Дель Веккио принял предложение одного из европейских клубов, «Сантос» не стал препятствовать, в результате я оказался основным центральным нападающим команды. В 1958 году, после чемпионата мира, я участвовал в сорока четырех матчах, из которых «Сантос» выиграл тридцать один, восемь свел вничью и лишь пять проиграл. Я был признан лучшим бомбардиром: в тридцати восьми встречах мне удалось забить пятьдесят восемь голов.

По возвращении из Стокгольма менеджеры «Сантоса» увеличили мне жалованье с шести до тринадцати тысяч крузейро, а в августе того же года, когда истек срок моего контракта, я подписал новый — еще на один год. Мое ежемесячное жалованье теперь составляло пятнадцать тысяч крузейро (это не считая премиальных, а они все время возрастали). Родители уже полностью выплатили за дом в Бауру (он, правда, был не самый дорогой на фоне соседних). И теперь я попросил отца заняться его благоустройством, как того пожелает дона Селесте. На заработанные мною деньги родители стали регулярно ездить ко мне в Сантус. Так что все у меня в жизни складывалось весьма благополучно.

Однажды, получив премиальные, я почувствовал себя таким богатым, что купил газовую плиту и отослал ее матери. Я хорошо помнил, как приходилось доне Селесте возиться с растопкой. Никогда не забуду, как мы мерзли и переставали дрожать от холода лишь тогда, когда мать разжигала дрова в старой печи. А зимой? Мы сидели, сгрудившись вокруг печки. Одному из нас

приходилось дежурить большую часть ночи, чтобы не дать угаснуть огню. Я не сомневался, что красивая газовая плита станет предметом зависти соседей и избавит дону Селесте от мучений со старой печью.

Она искренне поблагодарила меня за подарок сначала в письме, а потом лично, когда приехала ко мне в Сантус. Дона Селесте ни словом не обмолвилась о том, что в Бауру не было ни газопровода, ни сжатого газа в баллонах. Поэтому красивая плита стала лишь темой для досужих разговоров, оказавшись абсолютно бесполезной.

Глава девятая

Некоторое время спустя после чемпионата мира в моей жизни произошло важное событие. Я встретил Розмари.

В субботу вечером мы находились на «концентрации» накануне ответственного матча. Команда целые сутки проводила на Вила Бельмиро, никуда не отлучаясь с базы. В воскресенье нашим соперником должен был быть клуб «Коринтианс». Я не помню, как закончился этот матч, но вечер накануне игры запомнил на всю жизнь. Идти спать было еще рано. Усевшись в кружок, мы о чем-то беседовали, уже изрядно надоев друг другу. Кто-то предложил посмотреть баскетбольный матч среди девушек. Поскольку спортзал находился в зоне «концентрации», четверо или пятеро из нас спустились туда. Ведь все равно интереснее было наблюдать за игрой баскетболисток, чем сидеть и глазеть друг на друга.

Команды еще только разминались, мы заняли места для зрителей. На табло указывалось, что играют команды «Атлетико» (Сантус) и «Коринтианс» (Сан-Паулу). Видимо, девушки специально приехали из Сан-Паулу, чтобы на следующий день поболеть за свою команду. А сегодня решили воспользоваться случаем, чтобы поиграть в баскетбол. Некоторые из них узнали нас и подошли. Завязался разговор. Мое внимание привлекла одна из девушек на скамейке для запасных. Она смотрела в мою сторону. Я подумал, что она рассматривает кого-то сзади меня, но когда я повернул голову, никого рядом не увидел. Девушка продолжала разглядывать меня. Я махнул ей рукой, приглашая подойти сесть рядом.

«Хелло», — произнес я.

«Ты Пеле, не так ли?» — сказала она.

«Да, тот самый», — ответил я самодовольно.

«Знаешь, не надо завтра громить «Коринтианс», — сказала девушка и вернулась на скамейку для запасных.

Я продолжал разглядывать незнакомку. Признаться, ее красота произвела на меня сильное впечатление. Всю игру она

просидела на скамейке, поэтому я не мог составить представление о том, как она играет. Я наблюдал за ее игрой позже. Получалось у нее хорошо. Надо сказать, все, за что Розмари берется, она делает хорошо.

Игра закончилась, девушки удалились в раздевалку, мы поднялись в свои комнаты. У меня был задумчивый вид, товарищи стали расспрашивать, что со мной случилось. Один из них заметил:

«Его совсем не интересовала игра на площадке. Он не сводил взгляда с девушки на скамейке!»

Другой подхватил эту тему:

«С той самой, что подошла и заговорила? Она же еще совсем ребенок! Ей от силы тринадцать или четырнадцать лет».

Под впечатлением встречи с Розмари я на следующий день вышел на поле, надеясь, что в толпе зрителей вдруг мелькнет ее лицо. Удивительно, что я вообще мог играть в таком состоянии. Когда игра закончилась и нас распустили по домам, я спросил Раймундо, не видел ли он девушку, что накануне сидела на скамейке, второй слева. Он только посмотрел на меня, как на безумного, и ничего не сказал.

Некоторое время спустя чисто случайно я встретил на улице нескольких девушек из той самой баскетбольной команды. Мы разговорились, я спросил их, что они делают в Сантусе. Мой вопрос вызвал удивление.

«Мы живем здесь!»

«Здесь? А я думал, вы приехали с командой «Коринтианс» из Сан-Паулу».

«Нет, мы играем в клубе «Атлетико».

Я был обрадован. Значит, «моя» девушка живет в Сантусе?

«У вас в команде есть девушка, — осторожно подбирался я к своей цели. — Она была среди запасных. Шатенка...»

Одна из моих собеседниц рассмеялась.

«Наверное, та, что говорила с тобой? Это Розмари. После игры она вспоминала только о тебе».

Хватит осторожничать. Значит, она говорила только обо мне? Что ж, приятно слышать. Ну, а почему бы и нет? В конце концов, я — Пеле, чемпион мира!

А девушка тем временем продолжала:

«После уроков она подрабатывает в магазине грампластинок в Гонзаге. Она и сейчас, наверное, там».

Примерно в десяти минутах ходьбы! Я попрощался с баскетболистками и чуть ли не бегом пустился к магазину, опасаясь, что неуловимая Розмари вновь ускользнет от меня. Но она стояла за прилавком. Я мучительно старался придумать что-нибудь оригинальное, чтобы произвести на нее впечатление. Но лишь выдавил из себя:

«Привет!»

«Хелло!»

«Ты меня помнишь?»

«Конечно. Ты ведь Пеле».

«Скажи, почему ты просила не громить «Коринтианс»? Ты же не из этого клуба!»

«А я болею за «Коринтианс», когда они играют против «Сантоса».

«Ого! — значит, для нее я противник. — А ты была на матче?»

«Нет. Я не интересуюсь футболом».

Я вздохнул. Все начиналось совсем не так, как я себе нафантазировал.

«Послушай! — сказал я. — Мне хотелось бы встретиться с тобой еще раз, но не как сейчас, за прилавком».

Розмари покачала своей милой головкой.

«Мне ведь всего четырнадцать лет. И с мальчиками я не встречаюсь».

«Твои подружки сказали, что после игры ты вспоминала обо мне».

Я уловил в голосе Розмари взволнованные нотки.

«Девчонки болтают много», — заметила она.

Я снова вздохнул. Такой диалог стоил мне немало сил.

«Послушай...»

«Ты можешь прийти ко мне домой, — сказала Розмари. — Я всегда дома по субботам».

«Значит, до субботы!»

В душе моей было ликование. Я махнул ей и вышел на улицу. Спустя мгновение я, чуть успокоившись, вернулся в магазин.

«Я забыл спросить, как тебя зовут и где ты живешь?»

Так я встретил Розмари и так начались мои ухаживания. Они продолжались много лет, причем этот процесс развивался чрезвычайно медленно. В субботу, надев свой самый лучший костюм, я с сияющим видом явился к ней домой. Я вел себя, как хорошо воспитанный молодой человек при посещении родителей своей возлюбленной. Родители Розмари оказались очень симпатичными людьми. Я был, наверное, первым (да еще с черным цветом кожи!) молодым человеком, кого их дочь пригласила к себе домой. Ее мать, дона Идалина, напекла пирожков, и я с удовольствием принялся их уплетать за разговорами о всякой всячине. В доме Розмари я провел чудесный день. Отец Розмари работал служащим в порту и, как выяснилось, интересовался футболом. Должен признаться, что я постоянно ощущал присутствие Розмари независимо от того, находилась она рядом со мной или нет. Часто мне стоило труда отвести от нее взгляд.

Так прошло первое из многочисленных посещений ее дома. Этими визитами ограничивались наши свидания. Вне дома мы каждый раз встречались под присмотром ее тетки, которая ни на шаг не отпускала нас от себя. Это можно понять. Розмари была

еще совсем юная, а меня в Сантусе многие знали. Мы оба хорошо понимали, как огорчились бы ее родители, если бы в газетах появились сообщения о связи черной футбольной звезды с несовершеннолетней белой девушкой.

Иногда Розмари с теткой ходила в кино. После того как в зале гас свет, я подкрадывался к ним, шептал что-то Розмари на ухо и старался взять ее за руку. Иногда на пляже около Розмари, которая приходила с теткой или школьными подружками, неожиданно оказывался я с товарищами по команде. Пока мои друзья непринужденно беседовали с девушками, мы с Розмари успевали обменяться взглядами и пожать друг другу руки. Со временем я все более убеждался в том, что когда-нибудь предложу Розмари руку и сердце, хотя мы оба понимали, что она еще слишком молода.

Признаться, когда я только начал ухаживать за Розмари (если вообще можно назвать ухаживаниями столь редкие встречи да еще с такими строгими ограничениями), меня мучила мысль, что я нравлюсь ей в основном благодаря моей известности. Эта мысль заботит многих знаменитых спортсменов и кинозвезд. Должен сказать, что сам я никогда не питал иллюзий в отношении собственной персоны: не вышел ростом, не обладаю привлекательной внешностью, да к тому же и чернокожий. С другой стороны, я помню, как отец бил свою дочь за то, что она дружила со мной и я нравился ей. Я помню Нейцу и ее семью, которая симпатизировала мне просто так, по-человечески, а не за мои футбольные способности. То же самое можно сказать о Лене, шведской девушке из Гетеборга. И все же я не могу отделаться от мысли, что в сознании близких мне людей популярность довлеет над моими человеческими качествами.

Очень скоро мне стало ясно, что Розмари совершенно спокойно относится к славе футболиста по имени Пеле. В этом отношении она напоминает дону Селесте. Обе они находят весьма странным, что зрители платят деньги, чтобы увидеть, как взрослые люди в коротких трусах гоняют по полю мяч. Даже сегодня, когда мы прожили в браке много лет, мне кажется, Розмари все еще не отдает себе отчета в том, что ее муж — футболист Пеле, о котором все говорят, что он суперзвезда...

Многим людям в силу их профессии приходится беспрестанно разъезжать: коммерсантам, морякам, летчикам, железнодорожникам. Но никто не ездит так часто, посещая за короткое время множество разных мест, как футболисты-профессионалы. Еще до чемпионата мира в Швеции я объездил всю Бразилию. Это помогло мне не по книгам, а реально познакомиться с разными районами страны. Выступления за

«Сантос» стали для меня прекрасными уроками географии и социологии, и я постарался извлечь из них максимум полезного. В свободное от тренировок и игр время я знакомился с улицами, площадями и пляжами городов, куда мы приезжали.

В марте 1957 года я увидел Порту-Алегри, что на юге Бразилии, в то время это был город с населением более полутора миллионов человек. Он раскинулся на песчаных холмах, подымающихся от реки, которая, как я выяснил, оказалась вовсе не рекой, а озером. Помню, меня поразило множество судов на озере. Мне объяснили, что Порту-Алегри — крупнейший в стране речной порт. Но суда были меньше тех, что я привык видеть в порту Сантуса. Дело в том, что озеро мелководное, поэтому в него не могут заходить крупные океанские суда.

Архитектура городских построек в Порту-Алегри резко отличалась и от бразильского и от португальского колониального стилей, знакомых мне по Бауру и Сантусу. Она не имела ничего общего с архитектурным стилем даже старых кварталов Рио-де-Жанейро. Порту-Алегри выстроен в европейском стиле, одним из признаков которого являются коттеджи, характерные скорее для Швейцарских Альп, чем для Южной Америки. Мне запомнилось, как я разгуливал по улицам Порту-Алегри, стараясь увидеть чернокожих, но они попадались крайне редко.

А вот в Салвадоре — город в штате Баия — белых на улицах почти не встретишь. Расположенные на разных уровнях, обе части города соединяются с помощью лифта, который называют Лакерда. Он перевозит вверх и вниз огромное количество людей. Все утро я провел в церкви Святого Франциска, восхищаясь золотым убранством храма, а после обеда отправился на рынок — в нижнюю часть города, где продавали яства, которых я никогда не видел и не пробовал в Сантусе. Салвадор был когда-то первой столицей Бразилии. Надо сказать, это удивительный по красоте город. Нижняя его часть совершенно не похожа на верхнюю, поэтому может сложиться впечатление, что это два совершенно разных города, случайно построенных один возле другого.

К северу от Салвадора находится Ресифи, один из самых красивых городов в Бразилии, а может быть, и во всем мире. Ресифи называют бразильской Венецией из-за пересекающих его многочисленных рек и каналов. Из любой части города можно куда угодно добраться по воде. Вместе с товарищами по команде я спускался к пляжу в южной части города и гулял по длинной улице, тянувшейся вдоль океана. Примерно в ста ярдах от песчаного берега над водой возвышается риф, отделяющий безбрежные океанские просторы от спокойной и мелкой лагуны. Вода в ней теплая, как парное молоко, поэтому матери учат здесь

плавать едва начинающих ходить детей.

Повсюду на пляже продаются кокосовые орехи. Торговцы отсекают верхнюю часть плода и дают попробовать кокосовое молоко. Они виртуозно работают тяжелыми и острыми, как бритва, ножами. Если бы я захотел повторить эту операцию, то наверняка отрубил бы себе руку. Мы с удовольствием пили молоко и наблюдали за рыбаками, которые возились со своими *jangadas* — примитивными лодками, состоящими из нескольких бревен, связанных виноградной лозой, и паруса на тоненькой мачте. Эти рыбаки, наверное, самые смелые и отчаянные люди на земле. Когда смотришь на них, кажется, что они стоят прямо на воде. На своих утлых суденышках они выходят на сотни миль в открытое море, проходя под парусом до самого Рио-де-Жанейро, то есть более чем за тысячу миль к югу.

Мы побывали в Куритибе — сердце соснового края Парана, а также в Форталезе, где около фабрики сачаза меня чуть не сбил с ног запах неочищенного брэнди, который там изготавливают из сахарного тростника. В общем, мы проехали Бразилию, как говорится, сверху донизу, а однажды нас занесло даже в Бауру! В августе 1958 года мы играли там с «Нороэсте» и... проиграли 0:1!

Все эти поездки производили на меня неизгладимое впечатление, но прежде всего они обогащали мои представления о родине и соотечественниках, которых я стал любить и ценить еще больше. На севере и на юге, несмотря на разные нравы и обычаи, повсюду люди неизменно выражали нам свои искренние и доброжелательные чувства.

К концу 1958 года «Сантос» добился огромной популярности. Мы получали приглашения на игры с командами чуть ли не всех стран. Дело в том, что у нас играли три чемпиона мира: Зито, Пепе и Пеле. «Сантос» считался лучшим клубом Бразилии, где классные команды не такая уж редкость. Кроме того, мы демонстрировали типично бразильский атакующий футбол в сочетании с высокой техникой владения мячом, что весьма импонировало зрителям других стран. Наши выступления обеспечивали высокий кассовый сбор. Не будучи в состоянии принять все приглашения, мы отбирали наиболее выгодные. В общем, менеджеры выпускали нас в мир, чтобы обеспечить наше положение и, разумеется, положение клуба «Сантос».

Турне 1959 года началось матчами в Южной и Центральной Америке. Мы играли в Перу, Эквадоре, Коста-Рике, Гватемале, Мексике, Венесуэле и на острове Кюрасао. Сегодня на площадках, расположенных на уровне моря, а завтра — на высоте восемь тысяч футов. Мы выступали перед индейцами, мексиканцами, островитянами, выходцами из Голландии. За шесть недель было

сыграно четырнадцать матчей в семи странах. Тринадцать мы выиграли и один проиграли — чехословацкой команде в Мексике.

По возвращении из поездки меня включили в сборную штата Сан-Паулу для участия в серии матчей со сборной Рио-де-Жанейро. Затем были игры против национальных сборных Перу, Чили, Боливии, Парагвая и Аргентины. Общий счет турнира со сборной Рио-де-Жанейро был ничейным, зато мы обыграли почти все лучшие южноамериканские команды. Под впечатлением одержанных побед мы вылетели в Европу. До того, как пересечь Атлантику, «Сантос» уже сыграл в 1959 году двадцать два матча.

Программа европейского турне была насыщенной. Почти каждый день игра, затем переезд из одной страны в другую. Дважды в течение двух дней мы встречались со сборной Болгарии, после чего провели три игры в трех городах Бельгии. Ни о каких экскурсиях не могло быть и речи, приходилось довольствоваться тем, что мы видели мельком из окна железнодорожного вагона или автобуса.

У нас не было времени, чтобы опомниться и осмотреться. Мне казалось, что все эти дни мы неслись на стремительно вращающейся карусели — игра, сон, еда, посадка в поезд. Иногда чуть подремлешь в пути и вот среди ночи поднимаешься и выскакиваешь на перрон в незнакомом городе, полусонный, с сумкой в руках. Кондуктор нетерпеливо ждет, пока сойдут эти иностранцы, не владеющие ни немецким, ни французским, ни итальянским, ни любым другим известным ему языком, и поезд продолжит свой путь. По традиции берем шесть такси и едем в гостиницу, чтобы, отдохнув несколько часов, отправиться на очередную игру.

Стадионы, как и гостиничные номера, во всем мире, в общем-то, одинаковы. Похожи и футбольные болельщики. Турне по европейским странам, кстати, первое после чемпионата мира в Швеции, не произвело на меня глубокого впечатления из-за беспрестанных переездов, а главное из-за того, что у нас абсолютно не было времени посмотреть страны, куда мы приезжали, расширить свои представления о мире. Программа была крайне напряженной и мучительной, она служила прежде всего обогащению клуба и не очень-то учитывала интересы игроков.

В конце турне мы прибыли в Испанию, и тут нам сообщили, что в дополнение к уже составленной программе предстоит еще один матч, причем именно в день приезда да еще с таким клубом, как «Реал» (едва ли не лучшим в мире в неофициальном зачете). Видимо, испанский менеджер решил, что игра привлечет на стадион толпы зрителей, и убедил руководителей «Сантоса»

согласиться на этот матч. Думаю, их не надо было долго уговаривать: такой матч означал немалые доходы для клуба, руководство которого даже не задумывалось о том, что команда совершила утомительное турне и ей нужен отдых.

Поездка нас здорово вымотала. Игроки страдали расстройством желудка, вызванным непривычной пищей и водой. Многие играли с травмами, синяками и ссадинами, требовавшими немедленного лечения. Особенно тяжело приходилось звездам: в любом случае они должны были выходить на поле, ведь зрители шли на стадион, чтобы посмотреть их игру. Многих из нас вымотало постоянное недосыпание; неудобства причиняли и европейские постели — мы изнемогали от жары под пуховыми одеялами, а сбросив их, немедленно замерзали. В общем, нам требовался длительный отдых, а не напряженный матч с таким серьезным противником, как «Реал». За двадцать два дня турне мы сыграли пятнадцать матчей в девяти странах, в то время как наши соперники воздерживались от выступлений и активно готовились к встрече.

Заканчивая рассказ о наших злоключениях, скажу, что «Реалу» мы проиграли со счетом 3:5, и это поражение я не забуду никогда. Но, видимо, и нашему противнику эта победа запомнилась надолго. С того дня вот уже около двадцати лет (!) [8] «Реал» упорно отказывается играть с «Сантосом». Уверен, что у них есть на то серьезные основания. Дело в том, что в нормальных условиях «Сантос» как команда объективно сильнее. И в том 1959 году, если бы нам дали немного отдохнуть, мы наверняка разбили бы испанцев, и они это знали. Несколько лет спустя в турнире, проходившем в Аргентине, «Реал» и «Сантос», победив всех своих соперников, должны были выявить сильнейшего во встрече друг с другом. «Реал» предпочел не выйти на поле. обыграв однажды «Сантос», мадридцы решили не рисковать своей репутацией.

После напряженного двухмесячного турне мы возвратились в Бразилию. Я надеялся, что во время поездки, кроме футбольного опыта мне удастся обогатить свои знания интересными сведениями о других странах и игроках. Но, увы, не тут-то было. Частые игры здорово измотали нас, и мы были счастливы, что вернулись домой. Меня радовала предстоящая встреча с Розмари. Я посылал ей открытки отовсюду, где мы играли. Но наша программа была настолько насыщенной, что Розмари не могла мне ответить — она не была уверена, что я смогу получить ее весточку. Если к этому добавить нечеткую работу почты Бразилии и некоторых европейских стран, где мы играли, а также то обстоятельство, что на одном месте мы задерживались самое

большее два, а то и один день, причем никто не знал заранее, в какой гостинице нас поселят, легко понять, что поддерживать контакты было непросто.

Я уже смирился с мыслью, что за это время Розмари встретила другого и полюбила его. Я даже рисовал себе в воображении, как он выглядит: высокий, красивый и непременно блондин. Эти размышления выбивали меня из душевного равновесия. Я сидел у окна. Поезд проносился мимо аккуратных дворов и складов каких-то фабрик и заводов, а я ничего не видел в мучительных раздумьях о Розмари, которая в этот момент со своим новым знакомым проводит время где-нибудь в кино или на пляже.

Однако я ошибся в своих предчувствиях. Розмари осталась такой, какой я ее видел при расставании. У нее не появилось никакого ухажера, мифический образ которого нарушал мой душевный покой. Европейское турне уже не представлялось мне таким трудным, а в финансовом отношении оно оказалось просто выгодным. За все проведенные игры мне выплатили премиальные, составившие, в общем, немалую сумму. Но все же самым приятным для меня было возвращение в Сантус, к Розмари.

Незадолго до турне с его тяжелыми пуховыми одеялами и ежедневными матчами мне исполнилось восемнадцать лет. Я думал, об этом никто не вспомнит, разве что моя семья да еще, быть может, Розмари. Но я ошибся. Бразильская армия все четко помнила. Поэтому, когда я вернулся из Европы, меня уведомили, что, как и все бразильцы, по достижении восемнадцатилетнего возраста я должен отслужить год в армии. И вот я призван на военную службу, мне выдано колючее солдатское обмундирование.

Повестка о призыве на воинскую службу поначалу вызвала у меня улыбку. Я был прикомандирован к шестой группе моторизованной береговой артиллерии в Сантусе. Ею командовал в то время полковник, а ныне генерал Осман. Полковник был не только профессиональным военным, но и одним из менеджеров клуба «Сантос». Я был уверен, что он наверняка неравнодушен к футболу. Значит, меня ждет приятная и спокойная служба. Я окончательно утвердился в своих предположениях, когда узнал, что меня собираются использовать «по назначению»: включить в сборную казарм, подчиненных полковнику Осману. Из этого я сделал вывод, что мне не придется маршировать на плацу, чистить картошку, заправлять постель и вообще заниматься малоприятными делами.

Если бы я только знал, что меня ждет...

Полковник обрадовался и, кроме сборной казарм, заявил меня в сборную вооруженных сил страны, проводившую серию международных матчей. Таким образом, я продолжал играть и в составе «Сантоса», и в армейских сборных. Короче говоря, меня использовали, когда и где хотели, по моему «прямому назначению». Но полковник Осман был еще и офицером, который считал, что рекруты в полной мере должны ощущать на себе власть непосредственного начальства. Таковым был для меня капитан Аурино, командир батареи. Этот офицер был убежден, что настоящий защитник отечества должен уметь подбирать окурки на казарменном дворе, по-военному четко мести пол в палатке орудийного расчета или мотыжить землю на газоне казарменного двора, а иногда по просьбе офицерских жен косить траву в палисаднике перед их домом. Все это я выполнял, как и любой другой рекрут.

Тем не менее должен признать, что армия многому меня научила. За время службы я приобрел немало друзей. Сборную казарм шестой группы моторизованной береговой артиллерии тренировал лейтенант Фалькао, который по требовательности и суровости не уступал любому тренеру. Но поскольку он был военный и всегда имел при себе оружие, мы испытывали к нему большее почтение, чем к гражданскому тренеру. Кто тренировался шалей-валяй, получал наряд вне очереди — как правило, ночное дежурство. А поскольку на следующий день приходилось играть в полную силу два тайма по сорок пять минут, шутки с тренером были плохи. Кто просто отбывал свое время на поле, тому запрещалось покидать казармы. Несмотря на эти строгости, Фалькао был порядочным человеком и добросовестным офицером. Позже мы даже с ним подружились.

В наших казармах собралось много хороших футболистов: Лорико — потом играл за клуб «Васко да Гама» в Рио-де-Жанейро; Селио — перебрался в «Жабакуара»; вратарь Хелио, которого взяли затем в клуб «Португеза Сантиста»; и, наконец, бедняга Л ара, впоследствии умерший от сердечного приступа прямо во время игры, потому что ничего не сказал врачу о мучивших его болях. Наша команда выиграла гарнизонное первенство, меня же включили в сборную вооруженных сил страны, которая участвовала в южноамериканском турнире.

Во время матча со сборной вооруженных сил Аргентины меня впервые в жизни удалили с поля. С тех пор это происходило довольно часто, но каждый раз за пререкания с судьей. Редкий случай — за драку. Должен заметить, отдельные футболисты и даже целые команды считают, что для победы необходимо

вывести из строя наиболее опасных соперников. С такими взглядами, конечно, надо бороться самым решительным образом. Валдемар ду Бриту внушал мне, что драка на футбольном поле — проявление глупости, не более. Вместе с тем он говорил, что если за тобой ведется постоянная охота с целью искалечить и тем самым вывести из игры, необходимо ответить тем же. К сожалению, Валдемар не пояснил, как это сделать незаметно для судьи.

Некоторые утверждают, что я корректно веду себя на поле, что даже тогда, когда меня случайно или умышленно сбивают с ног, я не перестаю улыбаться, что я всегда помогаю сопернику подняться. В связи с этим меня нередко спрашивают, как мне удастся в таких случаях сохранить самообладание? Задающие этот вопрос, видимо, не очень внимательно следили за моей спортивной карьерой. Должен сказать, что часто нервы подводят меня, но я научился брать себя в руки и умело скрывать свое состояние, особенно от соперника. Ведь если он почувствует, что у меня сдают нервы, он окажется в более выгодном положении, и мне неизбежно придется расплачиваться.

Споры с судьей, пожалуй, более предпочтительны, чем драка, если, конечно, следить за употребляемыми выражениями. Возмущение плохим судейством может оказаться и полезным в том плане, что при повторении соответствующей ситуации рефери будет более внимательным. В общем, вместо того, чтобы затевать драку с противником, лучше взять себя в руки и постараться забить ему гол. Тогда под впечатлением пропущенного мяча противник начнет терять самообладание.

В том памятном матче аргентинский защитник был занят только мною. Каждый раз, когда судья отводил взгляд в сторону (мне казалось, что так было все время), защитник злонамеренно бил по ногам. И вот, как только аргентинец в очередной раз приблизился ко мне, я не вытерпел и ответил ему ударом в голень. Он набросился на меня с кулаками, я дал сдачи. Судья, до сих пор не замечавший, как аргентинец постоянно гонялся за мной, вдруг прозрел и удалил нас обоих с поля, чтобы мы немного остыли. Общеизвестно, что любая команда намного больше страдает от удаления центрального нападающего, чем защитника. Аргентинцы, хотя и воспользовались этим преимуществом, выиграть матч все же не смогли. Бразильская сборная победила со счетом 2:1. Для меня эта победа была весьма кстати, ибо когда я уходил на скамейку штрафников, лейтенант Фалькао сказал резко:

«Смотри, если мы проиграем, придется тебе целую неделю отсидеть на гауптвахте».

Уже на следующий день «Сантос» играл на Кубок Бразилии в Порту-Алегри против клуба «Гремио». Не в первый раз мне приходилось выходить на поле дважды в течение суток — на одну игру в вечернее время при искусственном освещении, а на другую — после обеда следующего дня совсем в другом месте. В тот год я участвовал более чем в ста матчах — рекорд для игрока первоклассной команды. Причем в большинстве случаев мне приходилось выступать с растянутыми мышцами, синяками и ушибами. Однако контракт обязывал меня выступать за «Сантос» в любом состоянии. В армейской же команде приказы вообще не обсуждаются. Если даже не можешь, все равно выходи на поле и играй. Кроме участия более чем в ста матчах, в том незабываемом году я еще научился косить траву на казарменном дворе, мести полы, заправлять постель. Я научился также разбирать и собирать винтовку. Этим мне менее всего хотелось бы воспользоваться в жизни.

В 1960 году закончился положенный срок службы в армии, и снова начались бесконечные поездки. В одних матчах я выступал за «Сантос», в других — за сборную штата Сан-Паулу, в третьих — за бразильскую сборную. Эти поездки снова привели меня в разные страны. К счастью, на этот раз программа не была такой безумной, как в 1959 году. Например, в Египте мы пробыли целых восемь дней, а сыграли только три матча.

В свободное время мы познакомились с достопримечательными местами, о которых я читал еще в школе. Мы осмотрели пирамиды — впечатляющее зрелище (особенно на фоне подступающих со всех сторон песков), которое не способна передать ни одна фотография. Мы забирались на вершины пирамид, для чего, наверное, требуется не меньше усилий, чем отыграть футбольный матч продолжительностью в девяносто минут. Мы фотографировались на верблюдах (что оказалось для нас еще более сложным, чем восхождение на пирамиды), как заправские туристы, стараясь всеми силами удержаться.

Мы прогуливались по переполненным улицам, делали покупки на каирских базарах. В Египте, а затем в Дании, Италии, Португалии я играл в составе бразильской сборной.

Пища, разумеется, снова была самая разная. Но одно блюдо мне запомнилось надолго. Однажды мы очень вкусно поели в ресторане гостиницы. К нам подошел метрдотель и не без гордости за свою кухню объяснил, что вкусное мясо, которое мы только что отведали, не что иное, как верблюжатина. Должен заметить, тот, кто знает, как пахнет верблюд, едва ли отважится

попробовать его мясо. Мои товарищи изменились в лице и живо поинтересовались, далеко ли туалет. После этого мы каждый раз, прежде чем пробовать экзотические яства, выясняли, из чего они приготовлены.

Из Египта мы отправились в Швецию, в город Мальмё. Интересно, а где сейчас Лена, подумалось мне, но я сразу выбросил эту мысль из головы. Теперь у меня есть только Розмари, теперь и навсегда, если только не произойдет ничего чрезвычайного. Клуб Мальмё мы разгромили со счетом 7:1, причем в моем активе было два мяча. Едва закончилась игра, как я уже стал мысленно готовиться к встрече со знаменитым парком «Тиволи» в Копенгагене.

Чтобы попасть в Копенгаген, достаточно пересечь узкий пролив, отделяющий Швецию от Дании. Я хорошо помню непродолжительный переезд на пароме. Стоял май, было прохладно, и я чувствовал себя великолепно.

После того как бразильская сборная завершила все запланированные матчи, из которых мы выиграли шесть и один свели вничью, я присоединился к «Сантосу», который как раз прибывал в Европу. Мы встретились в Брюсселе. Я всегда любил этот город не только за чистые улицы и удобные дороги, но и за прекрасную ресторанную пищу. Меня восхищала Большая площадь со звоном курантов на колокольне ратуши, мне нравилось наблюдать, как появляются и начинают маршировать вокруг башни тяжелые металлические фигуры, отбивая своим шагом наступление соответствующего часа. Я не переставал удивляться тому, что это техническое чудо инженерная мысль породила несколько веков назад.

Как только я вернулся в родной «Сантос», «прогулочный» график выступлений в составе сборной уступил место напряженной и изматывающей программе. Снова мы играли почти ежедневно: день в Польше, день на переезд, потом ФРГ и снова Бельгия. В общем, благодаря дирекции клуба чуть ли не каждый день новая страна и новый соперник. Но все огорчения как рукой сняло, когда мы добрались до Франции. В этой стране мы провели целых пять дней и наслаждались каждой секундой пребывания. Во Францию мы прибыли из Италии, где «Фиорентина» нанесла нам поражение 3'-0 (наш самый крупный проигрыш за все турне). Горечь поражения скрашивала приятная встреча с Парижем, который заслуженно называют городом огней.

Тогда мне было девятнадцать лет, а в таком возрасте от Парижа можно действительно сойти с ума. Экскурсоводом у нас была манекенщица по имени Кики. Нам показали Елисейские поля, Эйфелеву башню, с вершины которой весь Париж лежал под

нами как на ладони. Мы любовались Сеной, змейкой выющейся по городу. Солнечный свет заливал ее и, отражаясь отводной глади, достигал Эйфелевой башни. Нам запомнились длинные плоские баржи, сверху казавшиеся маленькими черными жуками.

Говорят, Париж особенно красив в сентябре, но мы приехали туда в июне, и все же город произвел на нас ошеломляющее впечатление. Корреспонденты попросили меня сфотографироваться вместе с Кики. На следующее утро на обложках журналов появился снимок: Кики прижимается ко мне, а я буквально свечусь от радости. Разве мог я знать, что эта фотография по видеотелеграфу будет передана в Бразилию и попадет в прессу? Подпись под иллюстрацией гласила, что Пеле влюбился в парижскую манекенщицу и в скором времени предстоит их бракосочетание. Узнал я об этом от Розмари уже по возвращении в Сантус. С тех пор я стал более осмотрителен, и если с кем-нибудь фотографировался, то обязательно проверял подписи под фотографиями.

Турне в составе бразильской сборной и «Сантоса» преследовали разные цели. Лично мне эти поездки много дали в плане общего развития, но кроме того я не упускал случая, чтобы лишний раз рассказать европейцам о Бразилии, ее природе, городах и т. д. На чемпионате мира в Швеции к нам часто подходили незнакомые люди и говорили, что, судя по рассказам, наша столица Буэнос-Айрес — очень красивый город. Некоторые считали, что мы говорим друг с другом по-испански. Когда же мы объясняли им, что наш родной язык — португальский, что Буэнос-Айрес действительно красивый город, но он расположен не в Бразилии, а в Аргентине, и что наша столица — Рио-де-Жанейро (в то время), они искренне удивлялись, словно эти сведения противоречили знаниям, полученным ими в школе. Не берусь утверждать, возможно, так оно и было на самом деле. Но один вывод не вызывает сомнения. Хотя никто из нас не мог похвастаться блестящим образованием, наши знания о Европе, европейских странах, их столицах, государственных языках были несравненно глубже, чем европейцев о Латинской Америке и, в частности, о Бразилии. У меня складывалось впечатление, что они ожидали увидеть на поле индейцев с Амазонки, которых европейские миссионеры научили играть в футбол в благодарность за то, что те их не скальпировали.

Я до сих пор считаю, что такие турне призваны популяризировать Бразилию, чтобы европейцы имели более четкое представление об этой стране. Когда мы им говорили, что по своим размерам наша страна больше, чем вся Европа (без Советского Союза), они отказывались в это поверить. Когда мы им

рассказывали, что по своей полноводности Амазонка превосходит все их реки, вместе взятые, они видели в этом какой-то подвох. Когда мы указывали на то, что население Сан-Паулу составляет более четырех миллионов человек (сегодня уже за восемь миллионов), им казалось, что их разыгрывают. Четырехмиллионный город в такой небольшой слаборазвитой стране? Не может быть! Ведь если такая масса разойдется по своим вигвамам с тростниковой крышей, их потом не соберешь! Я убежден, что если бы у нас были с собой фотографии из дома, у наших собеседников наверняка сложилось бы впечатление, что мы хотим их обмануть и заставить поверить, что это виды, ну, скажем, Нью-Йорка или Чикаго, но только не бразильского города Сан-Паулу.

1960 год был ознаменован началом деловой деятельности, которая наложила глубокий отпечаток на всю мою последующую жизнь. В последнее время я стал прилично зарабатывать — и не только по бразильским масштабам. После 1959 года со мною был подписан новый контракт, я стал получать ежемесячно 80 тысяч крузейро. Еще 60 тысяч крузейро выплачивались мне на покрытие моего прожиточного минимума. Кроме того, премиальные — за год они составляли около миллиона крузейро. В общей сложности годовой доход колебался от 75 до 100 тысяч американских долларов. Но этот перерасчет не дает полного представления о положении вещей. Под впечатлением тогдашней девальвации крузейро кое-кто считал, что соответственно снизилась и его покупательная способность, но это было не так. Американский доллар действительно стал дороже, но я не был обладателем американской валюты. На свои крузейро в Бразилии я мог купить значительно больше, чем на 100 тысяч долларов в США.

Все деньги были заработаны мною только игрой в футбол. Изрядные суммы отчислялись мне и от рекламы, то есть за право использовать мое имя при рекламировании любых видов изделий — от брюк до лимонада. Поскольку я, как и прежде, тратил очень мало, денег в моем распоряжении скапливалось все больше. Возник вопрос о разумном помещении капитала.

Я решил поговорить с Зито, который должен был подсказать, как лучше всего вложить деньги в дело. Он был не только товарищем по команде, но и близким другом с самых первых дней моего появления в «Сантосе». Зито сказал, что сам он намерен завязать кое-какие деловые связи и предложил мне принять участие. Поразмыслив, я обратился за советом к Дондиньо. Но отец не мог сказать мне ничего полезного. Ты уже

взрослый, ответил Дондиньо, деньги твои. В бизнесе он ничего не смыслил. Поэтому лучше всего было посоветоваться со знающим человеком.

Зито свел меня со своим компаньоном, испанцем Хозе Гонзалесом Озорисом, которого все звали Пепе Гордо. Мне казалось, что он больше похож на бразильца, чем на испанца. В общем, мы прекрасно поладили. Вскоре я распростился с пансионом доны Георгины и переехал в семью Пепе Гордо. У него был просторный дом, а в пансионе доны Георгины стало очень тесно и шумно. Все как будто складывалось лучшим образом. Из-за моих постоянных разъездов я передал Пепе Гордо все полномочия на ведение дел. От моего имени он подписывал чеки, вносил деньги в банк и снимал их со счета, оплачивал векселя, подписывал контракты на рекламу.

Первое дело, в которое мы вложили деньги, было связано с большим магазином «Санитариа Сантиста», который торговал стройматериалами — трубами, кирпичом, черепицей, лесоматериалами, фанерой, гвоздями и даже сантехникой: туалетными приборами, ваннами и раковинами. Зито разъезжал не меньше меня. Пепе Гордо выполнял все финансовые операции и обеспечивал прибыль, в то время как мы с Зито заботились о поступлении новых средств.

Вскоре мы расширили деятельность нашей компании и приступили к строительству домов с небольшими благоустроенными квартирами, которые затем сдавали в аренду. Каждый такой дом состоял из девяти или десяти квартир. Благодаря нашим связям с фирмами по производству стройматериалов нам удавалось строить сравнительно дешево.

Со временем меня перестала тревожить мысль, что со мной будет, если я вдруг не смогу зарабатывать себе на жизнь футболом. Просто копить деньги в банке казалось мне не очень надежным делом. В условиях непрекращающейся инфляции самый надежный путь — это вкладывать деньги в дело. Правда, когда мы занялись бизнесом, мне было всего девятнадцать лет, а когда переключились на строительство домов — лишь на год больше, но я всегда помнил о судьбе Васконселоса и Дондиньо. Я не хотел бедствовать, если даже в двадцать один год получу серьезную травму и буду вынужден жить на свои капиталы. И не только травму. Всего несколько дней назад болельщики «Коринтианс» освистали Жильмара. Освистать вратаря чемпионов мира, одного из лучших игроков, когда-либо выращавших на бразильской земле! Я поклялся, что со мной такого не произойдет. Я сниму футболку, когда сам решу, что пора уходить, а не когда раздастся свист на трибунах! Но чтобы быть

независимым, нужны деньги. Страхуясь от всякой неожиданности после окончания футбольной карьеры, я и вкладывал заработанные деньги в дело.

Кроме того, в ближайшие годы я твердо решил жениться, а по собственному горькому опыту (детство научило меня), знал, что именно вечное отсутствие денег нарушает гармонию семейной жизни, разрушает узы, связывающие мужа и жену.

Розмари и вся ее семья с удовлетворением воспринимали мое занятие бизнесом, хотя я уверен, в то время и дона Идалина, и отец Розмари видели во мне лишь друга дома, который изредка заходил отведать пирожков, выпить молока да немного поболтать. Каждый раз, когда я намекал Розмари о необходимости серьезно поговорить с ее отцом, она неизменно возражала:

«Нет, нет! Что ты. Мне ведь только пятнадцать (или шестнадцать, или семнадцать, ведь годы не стояли на месте), подожди немного...»

Я продолжал играть в футбол, посвящая все больше времени бизнесу. При первой возможности я ездил к своим в Бауру, а они все чаще гостили у меня в Сантусе. В общем, все вроде было хорошо и должно было стать еще лучше. В чемпионате штата Сан-Паулу я был признан лучшим бомбардиром. В восьмидесяти двух матчах чемпионата я забил семьдесят два мяча! А 5 марта 1961 года мне удалось забить мяч, который позже стали называть «голом века». Мы играли на стадионе «Маракана» против клуба «Флуминенсе» из Рио-де-Жанейро. Этот матч мы выиграли со счетом 3:1. В одном из игровых эпизодов, получив мяч в своей штрафной площадке, я выполнил сольный проход, обыграв всю команду. В память об этом самом красивом голе, когда-либо забитом на стадионе «Маракана», по инициативе издающейся в Сан-Паулу спортивной газеты «О Эспорте» была отлита и установлена мемориальная доска. Это была большая честь для меня, и я этим очень горжусь.

Так что все складывалось удачно, лучше и не надо. Пресса относилась ко мне благосклонно, здоровье было отменное, а самое главное, на протяжении всего сезона мне удалось избежать серьезных травм. В общем, на горизонте не было ни единого облачка. Ну и, наконец, вместе со всей Бразилией я мечтал о том, чтобы в составе национальной сборной принять участие в матчах чемпионата мира 1962 года в Чили.

Глава десятая

Состав бразильской сборной, которой предстояло выступать в чемпионате мира в Чили, за четыре года претерпел незначительные изменения. По состоянию здоровья ушел в отставку наш тренер Висенте Феола, его место занял Айморе Морейра, брат Зеке Морейры, который тренировал сборную 1954 года. Из игравших в финальном матче в Стокгольме свое место в сборной сохранили Жильмар, Нилтон Сантос, Джалма Сантос, Зито, Диди, Гарринча, Вава, Загало и я. Беллини был в запасе, его место занял Мауро. Орландо подписал контракт с аргентинским клубом, и вместо него в сборную ввели Зозимо. Маццола (его настоящее имя было Альтафини, причем он сохранял двойное итало-бразильское гражданство) в тот год играл за Италию.

Правила участия спортсменов в матчах на первенство мира отличаются от правил, установленных для клубных команд. В состязаниях на Кубок Жюля Рима участники должны быть фактическими гражданами стран, которые они представляют. Если у спортсмена двойное гражданство (что иногда случается, пример тому Альтафини), он может выступать за одну из стран на выбор. Бывает, что спортсмен меняет гражданство, чтобы выступать за какую-нибудь другую страну, но подобные случаи крайне редки. Это — разумное правило. Оно не позволяет богатым странам заключать контракты с клубами других стран на приобретение за высокие суммы классных игроков и таким образом «покупать» чемпионат.

Участником финала в Стокгольме можно условно считать и Пепе, который дважды входил в сборную, но ни разу не играл в финале из-за травмы или потому, что слишком надежно играл Загало. Кастильо, входившему в сборную 1954 года, тоже не суждено было стать участником финала. Кроме того, у нас появилось много новых молодых игроков. В моем возрасте (мне не было еще двадцати двух лет) я считал себя уже не очень молодым, особенно учитывая более чем пятилетний стаж игры в профессиональной команде да еще участие в чемпионате мира. Юную поросль представляли такие игроки, как Амарилдо, Жаир да Коста, талантливый Кутиныо, с которым мы так хорошо сыгрались в «Сантосе», Менгалвио, Зекинья, Жаир Мариньо и Журандир. Главой комиссии остался доктор Паулу Мачаду дю Карвалью, а его заместителем — Карлос Насименту. В техническую группу входили те же люди, что и в 1958 году: второй тренер Пауло Амарал, наш главный массажист Марио Америго, дантист Марио Триго и врач команды Хилтон Гослинг.

Выиграв чемпионат мира 1958 года, Бразилия автоматически попадала в финальную часть следующего мирового первенства. В таком же положении была команда страны-организатора. Хотя мы без предварительных игр оказались в числе шестнадцати лучших, для выхода в четвертьфинал нам надо победить в своей подгруппе. А в ней собрались сильные соперники: кроме нашей сборной — команды Чехословакии, Испании и Мексики. Игры проходили в городе Винья-дель-Мар.

За физическую подготовку бразильской сборной, как и четыре года назад, отвечал Пауло Амарал. Он придерживался жестокого принципа: кто способен двигаться, обязан тренироваться, кто не может, пусть не утруждает себя и отправляется к доктору Гослингу!

Никто не осмеливался на него жаловаться ни Феоле в 1958 году, ни Айморе Мореяре в 1962 году. Конечно, можно было бы добиваться его снятия с помощью доктора Карвалью, но никому даже в голову не приходила такая мысль — Амарал был ценным специалистом. Когда ему в чем-либо пытался возразить даже сам Айморе Мореира, Пауло Амарал раздраженно заявлял:

«Я никому не даю поблажек! Я знаю, что делаю, и никому не позволю вмешиваться в мою работу, точно так же, как я не вмешиваюсь в работу других! Моя система обеспечила сборной победу в 1958 году. Если не будете мне мешать, мы выиграем и в 1962 году!»

В этих словах была значительная доля истины. Никто и не собирался мешать Пауло Амаралу, и мы все тренировались на равных. В общем и целом, я согласен с его точкой зрения о важности одинаковых физических нагрузок для всех игроков, но я считаю, что нельзя всех стричь под одну гребенку. Пауло Амарал, к примеру, заставлял таких щуплых игроков, как Загало и я, выполнять упражнения, требовавшие максимального физического напряжения. Они были под силу, скажем, Нилтону Сантосу, самому крепкому в команде. После таких тренировок Загало и я теряли по несколько килограммов, в то время как Нилтон только нагуливал себе аппетит. В результате частично из-за этих взглядов Пауло Амарала, а частично из-за моей робости, не позволившей мне говорить в открытую о своих проблемах, у меня возникали некоторые сложности, о которых я расскажу ниже.

Поскольку мы были избавлены от отборочных игр, Мореира организовал тренировочные матчи со сборными других стран. Они охотно соглашались померяться силами с чемпионами мира, ибо проигрыш никого бы не удивил, а выигрыш поколебал бы наше положение фаворитов. К счастью, мы выиграли все эти встречи с нашими спарринг-партнерами — два матча у сборной

Португалии и два у команды Уэльса.

В конце первого матча против сборной Португалии мне пришлось покинуть поле из-за боли в паху. На завтра, в свободный от игры день, Пауло Амарал устроил нам интенсивную тренировку. Боль не прекращалась, но я думал, что она пройдет сама собой, и никому об этом не сказал.

Участвовал я во всех четырех тренировочных матчах, забил четыре мяча, причем дважды забитые мною голы решали исход встреч. А боль не стихала. Она давала о себе знать и во время тренировочных занятий, которые проводил Амарал. После каждой тренировки я, чуть прихрамывая, уходил с поля, размышляя: обратиться ли мне за помощью к врачу или продолжать терпеть. Последнее было далеко не лучшим решением.

В нашей первой игре на чемпионате мира мы встретились со сборной Мексики и победили 2:0, причем Загало и я забили по голу. С поля я уходил, естественно, счастливый, но чувствовал себя чрезвычайно усталым из-за огромных физических нагрузок, которые пришлось выдержать накануне. К тому же боль стала острее. В конце концов я решил посоветоваться с доктором Гослингом. Он осмотрел меня.

«Очень больно?»

«Не очень...»

«Или все же очень?»

«Чуть-чуть...»

Пока я разговаривал с врачом, боль немного улеглась, подобно тому, как начинает устойчивее работать автомобиль, когда его загоняют в гараж, или успокаивается зуб, когда больной садится в кресло дантиста. Доктор Гослинг продолжал обстоятельно расспрашивать:

«И давно у тебя эти боли? Тренироваться можешь?»

Зная Пауло Амарала и его теорию, я не сомневался, что отсутствие на тренировке автоматически поставит под вопрос мое участие в очередном матче.

«О да, сеньор!»

Я почувствовал, что вся эта история не очень обрадовала доктора Гослинга.

«Что ж, ладно, — сказал он сквозь зубы, — но если боль не пройдет, тебя придется освободить от тренировок».

Автоматически это будет означать отстранение от матчей, подумалось мне.

«Я вам сразу же скажу, доктор».

Но я решил, что жаловаться больше не стану.

Во втором матче мы играли против сборной Чехословакии.

Эта команда всегда славилась своим мастерством, но особенно сильной она выглядела в том году. Для выхода в четвертьфинал нам необходимо было выиграть этот трудный матч или свести его вничью.

Встреча проводилась в Кильпуэ, пригороде Винья-дель-Мар. При нашем появлении на поле болельщики поднялись со своих мест. Мы считались фаворитами чемпионата, и зрители горячо поддерживали нас (кстати, этот фактор имеет куда большее значение, чем многие склонны думать). Оркестр на трибунах заиграл бразильскую самбу, и на мгновение я забыл про боль и про все на свете. Мы чемпионы мира и никому не уступим этого высокого звания!

Когда началась игра, я старался не замечать боли. Решил проверить, как среагирует нога на удар. Получив передачу от Гарринчи, я прошел с мячом по полю, обыграл нескольких защитников, вошел в штрафную площадку, обманным движением обошел одного защитника и изо всех сил ударил. Мяч попал в стойку ворот и отскочил прямо мне в ноги. Я снова ударил что было сил. И вдруг почувствовал, что в паховой области у меня что-то сдвинулось. Прижимая ногу к животу, я как подкошенный свалился на землю.

Марио Америко через мгновение был на поле. Склонившись надо мной, он взволнованно спросил:

«Что с тобой? Ты можешь встать? Подожди, я тебе помогу».

Я медленно поднялся, чуть наклонившись вперед, чтобы не было так больно. Замены игроков тогда не допускались. Поэтому лучше было иметь на поле хотя бы травмированного игрока, чем никого. Ведь даже выведенный из строя футболист отвлекает на себя внимание защитников.

Я кивнул — все в порядке. Марио посмотрел на меня с сомнением, но я махнул рукой. Он покинул поле, не веря, что все так на самом деле. Сев на скамейку, он стал наблюдать за мной. Игра возобновилась.

Во время матча я на себе ощутил то, с чем вообще не встречался раньше и что очень редко наблюдал впоследствии. Я хочу рассказать о трех игроках чехословацкой команды — Масопусте, Поплухаре и Лале. Настоящие спортсмены! Они, конечно, видели что я получил травму, и догадывались, что это растяжение мышцы, ибо в момент падения рядом со мной никого не было. Они, разумеется, понимали, как мне хочется доиграть матч и что из-за травмы мне трудно будет выдержать жесткую игру. Они, без сомнения, отдавали себе отчет, что малейшее столкновение может сделать меня инвалидом на всю жизнь. И они благородно воздерживались от жесткой игры. Естественно,

мне не давали выйти на ударную позицию для взятия ворот (в те минуты я не представлял бы опасности даже для детской команды), но, обеспечивая неприкосновенность своих ворот, они думали и о том, как бы не покалечить меня.

Смею утверждать, немного найдется футболистов, которые в подобной ситуации не воспользовались бы травмой ведущего игрока команды соперников. Масопуст, Поплухар и Лала сделали все, чтобы не усугубить полученной мною травмы. А ведь чехословацкая команда тоже боролась за выход в четвертьфинал и не могла себе позволить проиграть. И все же эти три футболиста, помня об интересах своей команды, не забыли и о благородном отношении к своему сопернику. Я всегда с теплом вспоминаю о них, подаривших мне одну из самых прекрасных минут за всю мою футбольную карьеру.

Матч закончился нулевой ничьей. Мы вернулись в гостиницу. Я едва мог ходить. Мне сразу припомнились другие травмы, особенно та, что помешала участвовать в первых двух встречах чемпионата 1958 года. И все же я не отчаивался, рассчитывая, что мой возраст и хорошая спортивная форма позволят скоро оправиться. А если теперь меня освободят от тренировок, все быстро придет в норму.

Доктор Гослинг закончил осмотр и покачал головой.

«Об этом надо было побеспокоиться раньше... Судя по всему, тебе едва ли удастся еще хоть раз выйти на поле».

Зная нашего доктора, я улыбнулся:

«Не сомневайтесь, доктор, я выдержу любое лечение. Чемпионат ведь не завтра кончается. Я еще успею сыграть, вот увидите».

В ответ доктор Гослинг бросил на меня свой лишенный всякого выражения взгляд и пожал плечами. Потом он жестом подозвал Марио Америко, чтобы дать ему наставления, как меня лечить.

Я строго выполнял все указания, но боль не проходила. Накануне игры со сборной Испании я обратился к Гослингу:

«Вот смотрите, доктор, если ногу не напрягать, не болит. Сделайте мне укол или что-нибудь в этом роде, и я смогу выйти на поле».

Впервые за время нашего знакомства я уловил выражение на лице доктора. Он рассердился.

«Ты что, лошадь? Нет, Пеле, ты обратился явно не по адресу. Если я сделаю тебе укол и после ты войдешь на поле, то наверняка искалечишь себя на всю жизнь. Тогда можешь ставить крест на футбольной карьере. Как тебе могла прийти в голову такая мысль? Неужели ты думал, что я соглашусь?»

Он покачал головой, окинув меня пристальным взглядом.

«Я никогда не делал игроку укола только для того, чтобы он мог выйти на поле. И никогда не пойду на это! А теперь продолжай лечение и больше не вылезай с такими идиотскими предложениями!»

Мне не оставалось ничего другого, как продолжить лечение. Соблюдая постельный режим, я смотрел по телевизору, как наша сборная обыграла команду Испании. Мое место занял Амарилдо, продемонстрировавший блестящую игру. И это несмотря на то, что в испанской сборной играли великолепные мастера — левый полусредний Пушкаш и левый крайний Пако Хенто. Окончательный счет матча был 2:1, причем Амарилдо забил два гола. Пропустив сначала в свои ворота гол, бразильцы потом сравняли счет, а за четыре минуты до финального свистка вышли вперед.

Амарилдо, левому полусреднему из клуба «Ботафого», было двадцать четыре года. Его первый гол стал логическим завершением комбинации, разыгранной с Загалом. Получив от него пас, Амарилдо пробил по центру, и мяч оказался в сетке ворот. Во втором случае Гарринча обыграл соперников и сделал поперечную передачу с фланга. Амарилдо пробил головой, вратарь был бессилен что-либо сделать. В общем, игра бразильской сборной доставила мне огромное удовольствие.

Пока я лежал в постели, в голову лезли всякие мысли. Значит, в двадцать один год Пеле пришел конец, новым Пеле станет Амарилдо. Он сыграл в этом матче блестяще, как, скажем, Пеле или кто-нибудь еще, и заслуживает самой высокой похвалы. Значит, в двадцать один год всему конец! Сжав зубы, я попросил Марио Америко подготовить еще более горячие компрессы. Я обязан был выйти на поле!

Один день сменял другой, а травма с трудом, словно нехотя, поддавалась лечению. Я уже думал о том, что больше не выйду на поле вообще, а не только в оставшихся матчах этого чемпионата. Мне снова вспомнился 1958 год. А может быть, я предрасположен к травмам, причем именно в наиболее ответственных играх. Эта мысль не на шутку растревожила меня.

Но вот однажды, соскочив с постели, я обнаружил, что боль исчезла! Я ощупал мышцу, надавил рукой, поставил ногу на пол, напряг мышцу — никакой боли! Значит, все пришло в норму, и мне еще удастся сыграть!

Вместе со всеми я вышел на тренировку. Отрабатывал удары по мячу, пробовал бегать, поначалу медленно и осторожно. Водил мяч по полю, воздерживаясь от эффектных приемов и обманных движений. Боли не было. Господи, неужели я смогу играть!

Шли дни, я продолжал прикладывать горячие компрессы и ежедневно тренировался. Настал день полуфинальной игры с командой Чили. Я был далек от настоящей формы, поэтому наблюдал за матчем с трибуны. Но я не горевал — надеялся, что удастся сыграть в финале. Наша сборная победила чилийцев со счетом 4:2. По два гола забили Вава и Гарринча. Это была жесткая игра, и мне с моей травмой лучше было в ней не участвовать. Гарринча, уставший от бесконечной охоты за ним соперников, однажды дал сдачи, и судья сразу же наказал его удалением. Когда Гарринча уходил с поля, кто-то бросил в него бутылку и попал в голову. На рану пришлось наложить швы.

В Южной Америке футбол — дело серьезное. Чилийские болельщики никак не хотели примириться с поражением своей сборной. Однако трудно было понять, почему они так распоясались, если бразильцы выглядели значительно сильнее их соотечественников. Итак, место в финале было обеспечено, а мое самочувствие позволяло надеяться, что финальная игра пройдет с участием Пеле.

Три дня спустя я почувствовал себя совсем хорошо и стал отрабатывать подачу угловых ударов. Рядом со мной стоял Пауло Амарал. Первый же удар вызвал такую боль, что мне мгновенно стало ясно — снова растяжение той же мышцы.

Я заплакал — не от боли и не от мысли о надоевших компрессах, которые придется еще очень долго прикладывать, если я думаю когда-нибудь вернуться на поле. Нет, я плакал от сознания краха своих планов. Если бы не слезы, я набросился бы на кого-нибудь, ибо возбуждение требовало своего выхода. Разрядкой стали слезы.

В финал вышла сборная Чехословакии, и мне очень хотелось участвовать в этом матче! Я мечтал о чемпионате, начиная с 1958 года, рассчитывал сыграть во всех его матчах, а в результате из-за травмы пропустил четыре встречи. «Как же это получилось?» — размышлял я про себя. В течение года мне приходилось защищать цвета «Сантоса» от восьмидесяти до ста раз, играть за армейскую и национальную сборные, не пропустив ни одного матча. Но вот начинается чемпионат мира, и я снова на скамейке для запасных? Тут мне и винить некого, ведь когда я получил травму, рядом никого не было. Боли появились уже давно, но по глупости я не обращался к врачу. Если на этом моя футбольная карьера оборвется, я сам в этом буду виноват.

В день финала я сидел на трибуне, ни на секунду не сомневаясь, что Бразилия второй раз станет чемпионом мира. Но ощущение того, что я не выйду на поле, причиняло мне еще большую боль, чем травма. Мы выиграли со счетом 3:1. В этом

напряженном матче Вава, Зито и Амарилдо забили по голу. Так сборная Бразилии стала двукратным чемпионом мира по футболу. Для меня же эта победа была связана с мучительными переживаниями из-за того, что я не вышел на поле и мне нашлась замена. Болельщики всего мира могли убедиться: когда в матче с Чехословакией Пеле был на поле, мы добились только ничьей; когда же Пеле на поле не было, ту же чехословацкую сборную мы победили с разрывом в два мяча. Следить за такой игрой с трибуны было для меня тяжелым испытанием.

Вернуться в строй мне удалось примерно через два месяца. Преодолев мучительные размышления о напастях, которые преследуют меня на чемпионатах мира, я перестал думать о матчах в Чили и мысленно переключился на выступления в составе своего клуба. В том году «Сантос» завоевал «Суперкубок» как лучший футбольный клуб мира. Из тридцати четырех матчей мы выиграли двадцать семь, шесть свели вничью и проиграли только один. Я участвовал во всех играх за обладание этим кубком, забив в общей сложности пятьдесят два гола. Надолго останется в памяти финальная встреча с португальским клубом «Бенфика». Мы с Кутиньо забили все голы: я — три, он — два. «Сантос» победил со счетом 5:2. Успех «Сантоса» позволил мне преодолеть угрызения совести, связанные с тем, что на чемпионате в Чили я участвовал только в двух матчах.

1963 и 1964 годы, в общем, были похожи друг на друга. «Сантос» снова разъезжал по белому свету, все более укрепляя славу одной из сильнейших команд мира. Я увидел новые страны, новые города уже известных мне стран. Даже приезжая в знакомый город, я смотрел на все по-другому, глазами взрослого человека, более проницательного и опытного. Такие поездки неизменно расширяли мой кругозор.

Иногда вечером в номере какой-нибудь гостиницы я думал о том, что сейчас делает Розмари. А может, у нее новый знакомый, а может, пока меня нет, ей встретился будущий избранник, который выше, богаче и привлекательнее меня и не так много мотается по свету. Беспрестанные разъезды — не лучший путь для укрепления отношений между людьми. Розмари подрастала (в 1965 году ей исполнится девятнадцать лет) и с каждым днем становилась все привлекательнее. Я не оставлял надежды, что однажды она разрешит поговорить с ее отцом о моих намерениях. Тогда мы поженимся и проживем счастливо. Пепе Гордо представлял мои коммерческие интересы. Он заверял меня, что наш бизнес процветает. Деньги текли рекой. Что могло помешать нашему браку и последующей счастливой жизни?

Глава одиннадцатая

1965 год был насыщен событиями — приятными и неприятными. Сначала о приятном.

В клуб «Сантос» пришел новый тренер по физической подготовке профессор Юлио Маццей. Культурный и образованный человек, он изучал свою профессию в Мичиганском университете в США, который закончил, защитив научную работу по теме своей будущей деятельности. Юлио Маццей владел многими иностранными языками и представлял совершенно новый тип тренера. Он оказал и до сих пор оказывает значительное влияние на мою жизнь.

Маццей перешел в «Сантос» из клуба «Палмейрас» (Сан-Паулу). Крупный специалист по проблемам физической подготовки футболистов, он умел подвести каждого игрока к пик у его физической формы, вникал во внутренний мир футболистов, внимательно относился к его личным проблемам и заботам. Маццей неизменно старался разобраться в характере мышления спортсмена, чтобы иметь представление о мотивах его поступков. Я обращался к нему за советом по многим житейским вопросам, и он неизменно помогал мне и раньше, и теперь. С профессором мы стали добрыми друзьями и дружим до сих пор. Под его влиянием я снова сел за учебники, поступил в университет и окончил его. Тем же обязаны Юлио и многие другие футболисты «Сантоса».

(Тот факт, что профессор Маццей не отгораживался от игроков, как большинство тренеров, считающих, что они являются скорее представителями дирекции, а не команды, семь лет спустя явился основанием для его увольнения из «Сантоса». Но об этом позже.)

В 1965 году по новому контракту я получил дом одного из менеджеров клуба в красивейшем районе города, в нескольких кварталах от пляжа. Это был прелестный дом: просторная кухня, чуть меньше всего нашего дома в Бауру, уютный внутренний двор, большая веранда и, как это принято в Бразилии, стена, отгораживающая особняк от соседей.

Получив такой огромный дом, я решил собрать всю нашу семью. Дондиньо, который независимо от новых обстоятельств не хотел бросать работу на государственной службе, мог бы легко перевестись в Сантус, тем более что Бауру и Сантус находятся на территории одного и того же штата. Дона Селесте, хоть раз в месяц обязательно приезжавшая в Сантус, чтобы посмотреть, все ли у меня в порядке, не тратила бы деньги на эти поездки и стала

бы хозяйкой прекрасной кухни. Мой брат Зока уже перебрался в Сантус и жил вместе со мной в доме Пепе Гордо. Он тоже играл за одну из команд «Сантоса», играл неплохо, хотя, не в пример мне, футбол никогда не отвлекал его от учебы. Зока решил стать адвокатом, через несколько сезонов оставить футбол и целиком посвятить себя изучению права. Пепе Гордо был против переезда моих родных. «Это будет отвлекать тебя от дела», — твердил он. Просто Пепе боялся ослабления своего влияния на меня и мои дела. Поскольку ничего серьезного в его доводах не было, я не согласился с ним и решил по-своему.

Так произошел великий переезд из Бауру в Сантус. Дондиньо, дона Селесте, дона Амброзина, дядя Жоржи, Мария Лусия, Зока и я снова зажили одной семьей. Все было, как в старые добрые времена в Бауру. Только теперь каждый получил по комнате. Мне было приятно вечером возвращаться к родному очагу, в семью. Рядом, по соседству, я намеревался снять квартиру, если Розмари наконец согласится стать моей женой.

И вот состоялся мой серьезный разговор с Розмари.

«Милая, мы уже столько лет знакомы, но за это время не стали моложе. Я хочу, чтобы была официальная помолвка, а потом бракосочетание. Я хочу, чтобы мы были официально объявлены женихом и невестой, чтобы могли ходить, куда угодно без твоей тетки. Я хочу жениться на тебе как можно скорее. И слышать больше не желаю твои вздорные возражения! Я немедленно поговорю с твоим отцом».

«Нет! Нет! Подожди немного. Еще рано...»

Но на этот раз я решил не уступать.

«Не рано. Скажи, ты любишь меня?»

«Конечно».

«Ты хочешь выйти за меня замуж?»

«Конечно».

«Тогда, почему нам не пожениться? В следующую субботу я встречусь с твоим отцом и обо всем с ним поговорю».

В субботу я отправился рыбачить вместе с отцом Розмари сеньором Холби. Мы шли на веслах в открытый океан, земля скрылась из виду. В тот день океан был неспокоен. Мне вдруг подумалось, если сеньор Холби не согласится отдать за меня дочь, то он попросту толкнет меня за борт, и мне придется добираться до берега вплавь. Но даже риск погрузиться в океанскую пучину не сможет помешать мне осуществить мое намерение.

Я подождал, пока он не поймает первую рыбину. Наконец наступил подходящий момент для начала разговора.

«Сеньор Холби! Я хочу, чтобы мы с Розмари были официально

объявлены женихом и невестой! Я хочу жениться на ней. И как можно скорее».

Не думаю, что мои слова его очень удивили. Много лет подряд я приходил к ним в дом, лакомился пирожками, запивал их молоком, и родителям Розмари, конечно, было ясно, что меня влекло. Откровенно говоря, я ожидал, что он выронит удочку из рук и заключит меня в объятия, приговаривая: «Сын мой! Сын мой!» Или угрожающе подымет ту же удочку, сопроводив свой жест примерно такими словами: «Выброси из головы мысль о том, что я когда-нибудь разрешу своей дочери выйти за тебя замуж!» Ни того, ни другого не произошло. Какое-то мгновение он равнодушно смотрел на меня, потом пожал плечами.

«Посмотрим».

«А что посмотрим? — раздраженно спросил я. — Почему не обсудить это сейчас?»

«Потому что здесь нет моей жены. Вернемся с рыбалки, соберемся все вместе и всё детально обсудим».

Что я мог возразить? В его ответе не было ни отказа, ни согласия. Но после такого объяснения я уже не мог думать о рыбе. День для меня тянулся нестерпимо долго. С другой стороны, если бы сеньор Холби произнес тривиальные слова вроде: «Мой мальчик! Мой мальчик!» — и расцеловал меня как будущего зятя, было бы еще томительнее дожидаться, пока мы догребем до берега и вернемся домой, чтобы сообщить Розмари приятную весть. Сеньор Холби не привык возвращаться домой без солидного улова. И вот, погружившись в раздумья, мы сидели в раскачивавшейся на волнах лодке. Мне казалось, этот день никогда не кончится.

Наконец, мы догребли до берега. Дона Идалина восприняла мое предложение без всякого удивления. Вскоре было объявлено о нашей помолвке.

Мы отпраздновали помолвку на званом обеде по случаю моего двадцатипятилетия. Не обошлось без инцидента. Близорукий и, по-видимому, пьяный фотограф снял меня с сестрой Розмари. На следующий день эта фотография была напечатана в местной газете — Пеле с его будущей женой. Над таким казусом можно было бы только посмеяться и забыть. Но все обернулось по-другому. По случайному совпадению сестра Розмари в то время тоже была помолвлена, ее жених не захотел ничего слушать, считая, что нет дыма без огня. Он больше верил газете, чем своей невесте. Я-то подозреваю, что он просто воспользовался этим недоразумением, чтобы объявить свою помолвку недействительной. Скорее всего он не желал иметь чернокожего свояка. Думаю, что от этой расторгнутой помолвки

семья Холби ничего не потеряла.

Теперь о неприятном.

Незадолго до нашей с Розмари свадьбы ко мне явился Пепе Гордо и заявил, что ему срочно требуются деньги. Я удивился:

«А разве банки сегодня закрыты?»

Я знал, что банки открыты. Розмари работала секретарем управляющего банком и в тот день была на службе.

«Они открыты, — сказал Гордо, — но твои счета пусты. Некоторое время дела у нас складывались не лучшим образом и даже были кое-какие сбои».

Пепе трудно было упрекнуть в преувеличении. «Кое-какие сбои», вот ведь как! Я заставил его рассказать все подробно. Выяснилось, что дела мои шли плохо уже давно, но никто не ставил меня в известность.

Честно говоря, некоторые данные об истинном положении вещей у меня были. Розмари, просматривая отдельные счета, несколько раз предупреждала, что у Пепе Гордо, как ей кажется, не все ладно с надежностью моих инвестиций. Розмари имела доступ к этим счетам, так как работала именно в том банке, который осуществлял значительную часть операций, связанных с деятельностью «Санитария Сантиста». Но я не обращал внимания на ее предупреждения, целиком и полностью доверяясь Пепе Гордо. Теперь же я убедился, что Розмари была абсолютно права. Ситуация оказалась настолько серьезной, что даже она не могла предвидеть такой развязки. А я наделал много глупостей из-за того, что не прислушался к ее словам и вовремя не принял соответствующих мер.

Для строительства приобреталась малопригодная земля, стройматериалы закупались у каких-то сомнительных фирм, которые или уже обанкротились, или перестали существовать еще до того, как их можно было привлечь к ответственности. Дома строились в тех местах, где никто не хотел жить. Крыши текли из-за негодного кровельного материала или низкого качества работ. Сантехника была хуже не придумаешь, поэтому сразу же требовала замены. Все остальное шло из рук вон плохо. Между тем, счетов накопилась целая гора, и кредиторы стали угрожать предъявлением иска. Глазам своим не веря, я в ужасе посмотрел на Пепе Гордо.

«Как это могло случиться?»

Он только пожал плечами:

«Такой спад — явление временное. Главное — расплатиться с самыми настырными кредиторами».

«Это не выход! Ситуация — критическая! Что сейчас можно

предпринять?»

«Думаю, что банкротства не избежать...»

Я впился в него взглядом. Банкротство? Мыслимо ли это, ведь каждый бразилец считает, что Пеле один из богатейших людей в стране. Что Рокфеллер по сравнению с ним — нищий. В понятие «каждый» входили и моя семья, и семья Розмари. Они-то с пониманием отнесутся к случившемуся. Но остальные бразильцы! Они не поймут! Я знал своих соотечественников. Кое-кто с ухмылкой будет утверждать, что Пеле — тертый калач, а так называемое банкротство — всего-навсего трюк, чтобы уклониться от налогов, что свои капиталы он уже давно перевел в швейцарский банк или вложил в недвижимость в США, а налоговое управление Бразилии верит всей этой чепухе. Чувство досады вызывал не только финансовый крах. Имя Пеле имело до некоторой степени и нравственную ценность для молодого поколения страны. И вот банкротство!

«Я подумаю, как быть», — сказал я.

И я действительно серьезно обо всем подумал. Прежде всего упрекнул себя, что так слепо полагался на Пепе Гордо и не вникал в коммерческие дела. Мне вспомнились предостережения Розмари. Кроме того, за полгода до этой катастрофы ко мне подошел Зито и сообщил, что он выходит из дела из-за несогласия с Пепе Гордо. Он сказал, что приобрел молочную ферму. Теперь, кроме футбола, все его интересы будут связаны только с ней. Мне, разумеется, следовало расспросить Зито, что конкретно его не устраивало в методах коммерческой деятельности Пепе, но я этого не сделал. Я подумал, если Зито найдет нужным что-нибудь сказать, он не слукавит. Возможно, он даже меня предупреждал, но я пропустил его совет мимо ушей. Я уверен, что если бы Зито наверняка знал, в чем заключались финансовые промахи нашей компании, он бы, конечно, поставил меня в известность. Ведь он всегда был и остается моим другом.

Я с горечью вспомнил, как меня били по ногам защитники соперников, которые хотели выглядеть героями в глазах болельщиков и поэтому всю старались вывести меня из строя. Вспомнились ушибы и ссадины, мучившие по ночам, обжигающие компрессы, смертельная усталость от изматывающих тренировок. Скольких сил каждый раз стоили два тайма по сорок пять минут, требовавшие полной самоотдачи во имя того, чтобы обеспечить себе будущее! Будущее? Где оно, это будущее? Теперь оно в нескольких бухгалтерских книгах учета, в малопонятных мне колонках цифр. Да разве это будущее? Нет, это уже прошлое, которое созидалось мучительно и болезненно приобретенным опытом.

Не зная, что мне делать, я решил посоветоваться с сеньором Хосе Бернардесом Феррейрой, банкиром. Кроме того, он был членом клуба «Сантос». Я изложил ему всю ситуацию. Правда, он уже немного был в курсе дела, учитывая деловые связи банка с «Санитария Сантиста».

«Мне надо точно знать, в каком положении мои дела, — сказал я. — Хочу выяснить, что же все-таки случилось и почему. Я должен знать, на что мне рассчитывать. Прошу вас поручить кому-нибудь проверить всю учетную документацию — бумаги, счета, ведомости. Все! Мне надо точно знать, в каком я сейчас положении, кому сколько должен...»

Бернардес обещал выполнить мою просьбу. Когда проверка была закончена, он пригласил меня к себе.

«Так вот, Пеле. Дело плохо».

Я озабоченно взглянул на него.

«Так уж плохо?»

«Хуже быть не может, — произнес он с мрачным видом. — Даже если бы ты продал всю свою землю в Сантусе и в Трес-Корасаесе, все акции, дом в Бауру и дом в Сантусе, тебе все равно не удалось бы покрыть долги».

Я был в полной растерянности. Все эти годы я зарабатывал огромные суммы, почти ничего не тратил и вдруг от них ничего не осталось. Они словно растаяли в суровых словах банкира. Сказанное им казалось мне невероятным.

«Да, это так, — подтвердил Бернардес. — В то же время мы не обнаружили никаких наказуемых моментов в коммерческой практике сеньора Озориса — Пепе Гордо. Ты выдал ему доверенность на управление делами, которую ни под каким видом нельзя было выдавать ни ему, ни кому-либо еще. Теперь он лишен этих полномочий — ничего другого в отношении сеньора Озориса ты предпринять не можешь. Книги учета в таком беспорядке, что трудно в чем-либо разобраться. Ясно лишь то, что фирма задолжала многим кредиторам. Личную ответственность за дела фирмы нес ты, Пепе Гордо лишь подписывал бумаги от твоего имени. Так сказано в контрактах, которые ты с ним заключил».

От всего услышанного мне стало жутко.

«Есть ли какой-нибудь выход? Можно ли еще что-нибудь спасти?»

«Конечно, ты владелец нескольких жилых домов, но квартплаты, получаемой от съемщиков, едва ли хватит на то, чтобы покрыть расходы на текущую эксплуатацию и налоги. Но я посоветовал бы не торопиться с продажей этой недвижимости. Кроме того, у тебя есть еще несколько пустующих домов. Правда,

на поддержание их потребуется немного денег. Однако через пару лет они могут возрасти в цене. Что касается магазина «Санитария Сантиста», здесь уже ничего не спасешь».

«Хоть что-нибудь можно предпринять?»

«Никогда не поздно объявить о неплатежеспособности...»

Моя реакция была бурной:

«Нет! Об этом не может быть и речи. Что можно предпринять, чтобы избежать банкротства и выплатить долг кредиторам?»

Немного подумав, он сказал:

«В этой ситуации я вижу только один выход — занять деньги. Ты мог бы взять кредит в надежде на скорое погашение до того, как проценты по нему приведут к новому банкротству в еще больших размерах. Процентная ставка сегодня чрезвычайно высока — она составляет в среднем более двадцати четырех процентов в год. Еще должен предупредить тебя, что при нынешних темпах инфляции ни один банк не предоставит тебе заем больше чем на два года. Впрочем, я сомневаюсь, что какой-нибудь банк вообще рискнет дать ссуду под обеспечение. — Чуть смутившись, он добавил. — Уверен, что и наш банк отказал бы тебе в кредите».

Я кивнул. Теперь мне, по крайней мере, было ясно, что случилось.

Со своими заботами я пошел напрямик в клуб «Сантос», менеджеры которого могли бы оплатить мои долги без особого ущерба для своих собственных интересов. Наш клуб, насколько мне было известно, не относился к категории бедных. В конце концов, за «Сантос» я провел более шестисот игр, из которых почти половина прошла за границей. За каждый из зарубежных матчей клуб получал тысячи долларов, и пусть читатель не упрекает меня в высокомерии — значительная доля этих доходов обеспечивалась присутствием на поле футболиста Пеле. Что касается самого здания клуба «Сантос», то с того времени, как я впервые появился в нем, оно совсем не изменилось, то есть никаких расходов на строительство у клуба не было. Значит, «Сантос» располагал деньгами, заработанными в немалой степени благодаря моей популярности.

Поразмыслив, я направился на Вила Бельмир и изложил менеджерам свои проблемы... Они не сразу поняли, что я не шучу и не занимаюсь никакими махинациями в целях уклонения от уплаты налогов, что я действительно разорился и запутался в долгах. Убедившись, что все действительно так, как я рассказал, они долго совещались между собой.

«Пеле, — было сказано мне, — ты подписал с нами контракт, он действует еще целый год. Мы дадим тебе деньги для покрытия

долгов. Но за это ты должен подписать с нами новый контракт на три года. В течение второго года ты не будешь претендовать на повышение жалования и премиальных, а третий год будешь играть вообще бесплатно».

Я прикинул в уме это предложение. Экономия на том, что мне не будут повышать жалования при все возрастающих кассовых сборах «Сантоса» за игры на выезде и дома, экономия на причитающихся мне премиальных, игра без жалования и премиальных в течение года — все это принесет клубу за предоставленный мне заем приличное возмещение. Но у меня был только один выбор: или принять предложение менеджеров, или объявить о своем банкротстве. А это гибель. Я не сомневался, что в перспективе банкротство имело бы для меня еще более тяжелые последствия. Поэтому, взвесив все за и против, я согласился с новыми условиями и подписал контракт.

Однако все эти финансовые неприятности не должны были помешать моей женитьбе. Так или иначе у меня было гарантированное жалование на целый год вперед, а потом еще на год; я все еще оставался владельцем собственности, и я не сомневался, что как-нибудь выкручусь. А еще я вынес из этой истории твердую решимость никогда больше не давать никому полномочий на ведение дел. Мне исполнилось лишь двадцать пять лет, я был уверен, что здоровье не подкачает, но главное — у меня была Розмари, которая за все время, пока тянулась эта история, ни разу не упрекнула: «Я ведь тебе всегда говорила». А разве может мужчина желать для себя лучшего в подобной ситуации?

Объявление о нашем бракосочетании дало газетам повод заполнить свои страницы самыми нелепыми выдумками и измышлениями. Бракосочетание пришлось на понедельник, в разгар карнавала, когда все учреждения и магазины в Бразилии по традиции закрыты и для газетчиков наступает информационный дефицит. Вот они и нажились на подвернувшуюся тему.

В одной газете сообщалось, что церемония бракосочетания состоится на стадионе «Пакаэмбу» в Сан-Паулу, поскольку только его трибуны могли вместить всех приглашенных. В Рио-де-Жанейро появилось другое сообщение, что стадион «Пакаэмбу» слишком мал, поэтому бракосочетание переносится на стадион «Маракана». Писалось также о том, что я вместе с Розмари вылетаю в Рим, где нас собирается венчать сам папа римский. Мелькнула новость, что все торжества переносятся в столицу Бразилии, где церемонию бракосочетания возглавит президент

республики.

Мы же планировали скромное венчание в кругу семьи — в доме моих родителей в Сантусе. Так оно и произошло. Обряд бракосочетания совершил пастор местной церкви в присутствии ближайших родственников и друзей. В Бразилии, как и при крещении младенца, принято иметь свадебного крестного отца. Несколько лет назад я просил выступить в этой роли Пепе Гордо. Розмари была возмущена. Мало того, что он промотал мои деньги, он ведь возражал против нашей свадьбы, недвусмысленно намекая на то, что брак между черным Пеле и белой Розмари породит массу всяких проблем. Это было еще до катастрофы с «Санитария Сантиста», и я, как видно, не ошибся в предположениях, что он опасался ослабления своего влияния на меня и на мои дела." Но я просил его быть моим крестным отцом еще тогда, когда мы были друзьями. Несмотря ни на что, я был обязан держать слово, и Пепе Гордо с совершенно невозмутимым видом выполнил возложенную на него миссию: бракосочетание прошло без сучка и задоринки.

За оградой дома полиция сдерживала толпы людей, которым хотелось взглянуть на невесту, жениха, на участников свадебного торжества. В доме был устроен небольшой прием, на котором, правда, совсем не подавали крепких вин (не хватало, чтобы мне было плохо на собственной свадьбе!). Затем, когда толпе на улице надоело ждать и люди вспомнили о карнавале, нам с Розмари удалось сбежать.

Нас пригласил к себе мой старый друг, немец из Мюнхена, Роланд Эндлер, с которым меня связывают тесные отношения по сей день. Он крупный промышленник, но его главное увлечение в жизни — футбол. В то время он был президентом известного футбольного клуба в своем родном городе. Самую большую радость в жизни ему доставляли путешествия и присутствие на важных и интересных матчах. Однажды он разъезжал по Южной Америке с клубом «Сантос», чтобы посмотреть, как мы играем, ибо считал, что по тем временам «Сантос» был лучшей командой мира. Узнав, что я собираюсь жениться, Эндлер заявил, что хочет сделать мне богатый свадебный подарок. Я отказался.

«Тогда ты должен провести медовый месяц в Европе, — сказал он. — Будь моим гостем».

Несколько дней мы провели с Роландом в Мюнхене, затем отправились путешествовать по Европе, останавливаясь или в принадлежавших Роланду пансионах, или в гостиницах. В пансионах было приятнее, главное — спокойнее. Нас осаждали толпы журналистов и любителей автографов. Я охотно давал автографы, даже в свой медовый месяц. Это произвело

впечатление на Розмари, которая воочию могла убедиться, что ее муж действительно пользуется всемирной известностью. Но сама она не любила и до сих пор не любит находиться в центре внимания. Однако я не сомневаюсь, что она с удовольствием наблюдала за своим мужем, окруженным многими людьми, которым было любопытно дотронуться до меня или получить автограф на клочке бумаги.

Для меня медовый месяц означал финал многолетних ухаживаний за Розмари. Я впервые чувствовал себя таким счастливым. Мне было приятно показывать Розмари города, в которых я бывал, гостиницы, в которых останавливался, стадионы, на которых играл. Трудно представить себе, с каким волнением я все это делал.

Мы проехали по Франции и прибыли в Париж в сопровождении нашего водителя Гельмута, сотрудника второй программы западногерманского телевидения, который много сделал для успеха нашего путешествия. Мы гуляли по парижским бульварам и набережным Сены. В общем, вели себя, как настоящие туристы.

В Швейцарии мы любовались Альпами, которые произвели большое впечатление на Розмари, поскольку самая высокая гора у нас в Бразилии напоминает холм. Мы впервые могли распоряжаться своим временем, мне не надо было нестись из одного города в другой, чтобы не опоздать на очередной матч.

Я всей душой наслаждался свободой и тем, что не был втиснут в рамки жесткой и напряженной программы.

В Вене нас ждал сюрприз, который явился знаком большого ко мне уважения. Нам сообщили в гостинице, что у входа нас ожидает бургомистр города. Мы с удивлением переглянулись. Нам объяснили, что это старый обычай. Мы действительно увидели старомодный экипаж, которым в давние времена пользовались королевские особы. Шесть огромных лошадей из трех парных упряжек терпеливо ждали сигнала кучера. В сопровождении бургомистра мы сели на указанные нам места, и экипаж тронулся. Толпы народа по обеим сторонам улиц восторженно приветствовали нас. Экипаж остановился перед ратушей, Розмари и меня провели в здание, где состоялась повторная церемония «бракосочетания». Стоя перед бургомистром, мы повторили свое согласие на брачный союз и расписались в «Золотой книге» для посетителей. Такой чести удостоиваются особо уважаемые гости города. Это событие стало одним из самых знаменательных за весь наш медовый месяц.

Следующим этапом нашего путешествия стала Италия. В местечке Риччоне на берегу Адриатического моря мы

планировали провести целую неделю. У Роланда там был свой дом, он предоставил его в наше распоряжение. Надеюсь по-настоящему отдохнуть впервые за весь медовый месяц, мы упустили из виду энтузиазм местного мэра. В первое же утро, задолго до того, как пробуждаются уставшие от дороги путешественники, мы слышали под окнами духовой оркестр. И так продолжалось всю неделю, не говоря уж о многочисленных банкетах, устраиваемых по инициативе мэра. В общем, времени для отдыха у нас оставалось очень мало. Тем не менее должен признать, что в Риччоне мы получили массу ярких впечатлений. Мы по достоинству оценили и постоянно будем помнить радушие и гостеприимство его жителей.

Нашему сопровождающему стало известно, что папа Павел VI с интересом воспринял наше намерение посетить Рим. Мы с Розмари верующие католики, поэтому можно понять наше душевное состояние при встрече с главой церкви.

Мы доехали на машине до площади святого Петра, затем в точно назначенное время встретились с папой в ватиканской библиотеке. Я бывал раньше в Ватикане с «Сантосом». Тогда нам показывали разные строения и изумительные ватиканские сады, расположенные к западу от собора.

Этот визит произвел на меня сильное впечатление, поскольку я имел возможность лично поговорить с папой, объясняясь частично на своем плохом итальянском, а частично прибегая к услугам бразильского священника, выступавшего в роли переводчика. И Розмари, и я до сих пор храним память о той знаменательной для нас аудиенции (итальянские газеты утверждали, что во время беседы папа волновался больше меня, но это, конечно, преувеличение).

Наше путешествие закончилось в ФРГ, там же, откуда началось. Наверное, вместо Европы нам надо было поехать в какой-нибудь маленький американский городок, где никто бы меня не узнал. Невозможно было выйти на улицу — мгновенно набегала толпа (обычно в сопровождении репортеров), все просили дать автограф или задавали тысячу самых разных вопросов, причем многие старались проверить на мне свои знания испанского языка, рассчитывая, что мы в Бразилии говорим по-испански.

Бедную Розмари утомлял этот повышенный интерес. Мне тоже по душе уединенность, но я понимаю и любителей спорта, которые создают своих кумиров. Поэтому болельщики считают, что вправе претендовать на часть их времени. Кроме того, я с пониманием отношусь к репортерам и собирателям автографов и никогда не обижаюсь на них. Пока твоя жизнь в центре всеобщего

внимания, нельзя раздражаться на просьбы об автографе. Хуже, когда уже никто не обратится к тебе с такой просьбой.

И все же приятно было скрыться вечером от людей и побыть вдвоем, обсуждая события минувшего дня и программу завтрашнего или размышляя о нашей будущей квартире в Сантусе. Иногда мы просто молча сидели рядом, и это доставляло нам радость. Мы провели, в общем, прекрасный месяц, если не считать отдельных случаев, которые чуточку мешали.

Накануне отъезда я решил сделать кое-какие покупки в магазине. При выходе из гостиницы меня, как всегда, поджидала толпа и большая группа репортеров. У меня было ощущение, что в ожидании встречи с нами они ночевали прямо в холле. В магазине, когда я собрался оплатить покупку, хозяин поднял руку:

«Нет, нет, Пеле! Это мой подарок!»

«Я не хочу, чтобы это был подарок, — сказал я спокойным голосом. — Мне хочется заплатить».

«Нет! Это вашей жене от нас».

Я пытался не раздражаться. Но это не получалось.

«Послушайте, — сказал я, — если я приму подарок, я уже никогда не смогу переступить порог вашего магазина. Иначе может сложиться впечатление, что я повадился ходить в магазин, злоупотребляя вашей добротой. Сами посудите, если я буду обходить стороной ваш магазин, ведь это будет несправедливо по отношению к вам. Пожалуйста, дайте мне самому заплатить».

Аргумент не произвел на коммерсанта никакого впечатления.

«Конечно, вы можете делать у меня покупки и в будущем, в любое время. Всегда пожалуйста!»

«Но в будущем вы позволите мне оплачивать свои покупки?»

По его лицу скользнула улыбка:

«Когда придете снова, тогда и поговорим...»

Так мы ни о чем и не договорились. Хозяин отказался принять товар обратно и отказался взять деньги. Вечером об этой истории было напечатано в газетах, а на следующий день нас буквально завалили подарками: чеки на приобретение стиральных машин, холодильников, газовых плит, даже автомобилей. Чтобы увезти домой хотя бы часть всего этого добра, нам пришлось бы нанять целый пароход. Помимо того, что нам не нужны были все эти вещи, в Бразилии существуют строгие законы, запрещающие ввоз в страну целого ряда товаров. Три дня в обстановке страшной неразберихи мы возвращали владельцам чеки, подарки, сувениры, объясняя им, что благодарим за радушие, но наше правительство запрещает и т. д. и т. п. Все это время мы лучше бы провели вдвоем.

Так закончился наш чудесный месяц. Счастливые, вернулись мы в Сантус, в нашу собственную первую семейную квартиру. В Европе Розмари много и увлеченно фотографировала. Дома она принялась проявлять отснятые пленки и печатать фотографии, а ее муж-кормилец приступил к своей обычной работе. Такой работой, кроме игры за «Сантос», стали еще тренировки в составе бразильской сборной, готовившейся к участию в первенстве мира по футболу 1966 года.

Глава двенадцатая

Выступления бразильской сборной в чемпионате мира 1966 года с самого начала и до конца можно охарактеризовать как явный провал. С 1958 года минуло целых восемь лет. Выяснилось, что несмотря на появление новых, способных игроков, не обойтись без таких футболистов, как Диди, Гарринча, Жильмар, Мауро, Беллини, Нилтон Сантос, Джалма Сантос, Вава. Многие в команде были старше меня, и возраст уже давал себя чувствовать. Но основная проблема заключалась в том, что под влиянием прошлых успехов вся страна уверовала в победу бразильской сборной на мировом чемпионате третий раз подряд, что от нас не потребуется особого труда и что предстоящие игры — чистейшая формальность. Откровенно говоря, трудно винить средства массовой информации в таких шапкозакидательских настроениях, так как они в основном повторяли заявления бразильской федерации спорта и технической комиссии национальной сборной.

Когда победа, как говорят, в кармане, нет особой необходимости разрабатывать детальный план организационных мероприятий, обеспечивший успех сборной в 1958 и 1962 годах. Судя по тогдашним высказываниям руководителей бразильского футбола, нам лишь надо было появиться на стадионах Англии, обыграть всех соперников, принять из рук королевы золотой кубок и отвезти его в Бразилию.

Мне кажется, почетный титул стал уплывать от нас задолго до того, как мы приступили к тренировкам, за несколько месяцев до того, как мы ступили на английскую землю. У нас пальцем о палец не ударили, чтобы преодолеть этот абсолютно неоправданный оптимизм, и проявляли полное бездействие, когда возникали все новые и новые трудности. Начать хотя бы с того, что к тренировкам в составе сборной было привлечено слишком много футболистов. Обычно приглашают не более двадцати восьми человек, из которых тренер и техническая комиссия отбирают двадцать два лучших игрока. В тот же год руководители команды вызвали на сборы сорок четыре футболиста. С половиной из них перед окончательным формированием состава сборной предстояло расстаться.

Одни, например, такие как Жаир да Коста, были приглашены, несмотря на явно неудовлетворительное физическое состояние, из-за чего их сразу же пришлось отправить домой. Другие, подобно Амарилдо, который так блестяще заявил о себе в 1962 году (он теперь выступал за «Милан»), были отозваны из

зарубежных клубов, но в итоге в сборную не попали и чуть не лишились из-за вызова работы. Это был совершенно непродуманный метод отбора, который ни в коей мере не способствовал росту доверия игроков к членам технической комиссии. Такая система подготовки ни на шаг не приблизила нас к победе на чемпионате. Не лучшим образом сказалось на подготовке сборной и решение руководителей разделить весь коллектив, состоявший из сорока четырех игроков, на четыре самостоятельные группы и тренировать их независимо друг от друга в разных местах.

Оно поражало своей нелепостью. Но его инициаторы пошли еще дальше: они стали тренировать четыре искусственно разделенные команды не на четырех, а на девяти базах — Ламбари, Трес-Риус, Каксамбу, Терезополис, Сан-Паулу, Белу-Оризонти, Серра Негра, Нитерой, Рио-де-Жанейро. Чудовищная бессмыслица. И тем не менее это было так. Нам предоставили уникальную возможность познакомиться с нашей огромной и прекрасной страной. Мы тренировались и выступали перед соотечественниками, которым раньше не доводилось нас видеть. Все это хорошо, но такой метод отбора двадцати двух лучших футболистов, которые призваны отстаивать честь страны на чемпионате мира, представлялся мне лишеным смысла. Даже тогда, когда мы улетали в Европу, наша команда не была единой семьей. Мало того. Все еще не было принято решения по окончательному составу сборной, то есть на чемпионат отправлялось больше игроков, чем допускалось правилами. Поэтому многие футболисты, особенно новенькие, все еще не знавшие, возьмут их в сборную или нет (для принятия этого решения в Бразилии не нашлось времени!), естественно, нервничали, что помешало им продемонстрировать все свои потенциальные возможности в играх чемпионата.

При комплектовании сборной руководители допускали и другие ошибки. Так, они спрашивали меня и других более опытных игроков, что мы думаем о способностях того или иного новичка, словно перекладывали на наши плечи ответственность за формирование состава. Это приводило к спорам и разногласиям среди игроков. Там, где в интересах команды действительно можно было воспользоваться нашим опытом, например, посоветоваться о характере физической подготовки, методах тренировки, тактических установках на игру и т. д., наше мнение просто игнорировали. Зато нам предлагали высказаться по таким вопросам, в которых мы не считали себя компетентными. Откуда нам было знать, в какой форме тот или иной игрок, если он был в другой группе и не тренировался

вместе с нами?

Нашим тренером снова стал Висенте Феола, но это был уже не тот Феола, который так умело руководил командой в 1958 году. Он уже не обладал всей полнотой власти, как прежде, да, видимо, и не очень к этому стремился. Не хватало твердой руки доктора Пауло Мачаду дю Карвалью в качестве главы комиссии. Его место занял Карлос Насименту, мнение которого относительно окончательного состава команды нередко расходилось с мнением Феолы. Когда они не могли договориться между собой, то обращались за советом ко мне или к какому-нибудь другому ветерану. В таких случаях мы принципиально не хотели, а по правде говоря, не могли им ничем помочь...

Пауло Амарал уже не отвечал за физическую подготовку игроков, хотя и оставался членом технической комиссии. Его место занял Бруно Хермани, предшествующая деятельность которого не имела ничего общего с футболом. Пауло Амарал с 1962 по 1966 год тренировал в Италии разные футбольные клубы. Теперь он хотел принять сборную в качестве старшего тренера. Амарал категорически заявил, что больше не считает себя тренером только по физической подготовке футболистов и руководить сборной должен не Феола, а он. Поскольку Амарал был сильной личностью, у нас оказалось два тренера, а в сущности — ни одного. Бруно Хермани знакомился с людьми и набирался опыта. Амарал отказывался ему помогать и консультировать относительно наиболее целесообразных методов тренировочной работы с игроками — не в его правилах вмешиваться в дела других, любил он повторять. От всего этого страдал прежде всего тренировочный процесс. К сожалению, руководство сборной не сочло нужным возложить физическую подготовку игроков на Юлио Маццея, хотя он успешно занимался этой работой в клубе «Сантос», который тогда считался лучшим футбольным клубом мира.

Когда мы наконец вылетели в Европу и приступили к серии тренировочных матчей в разных странах, неразбериха в команде усилилась. Сначала мы играли в Мадриде, потом в Шотландии, затем последовало несколько встреч в Швеции — но ни на один из этих матчей тренеры не заявляли один и тот же состав. В течение всего турне не прекращался отсев игроков. Отчислили Карлоса Альберто и Джалму Диаса, хотя они, без сомнения, являлись одними из лучших в команде, были прекрасно подготовлены физически, чего нельзя было сказать о других кандидатах.

На матче в Шотландии в линии нападения играли Жаирзиньо, Герсон, Сераильо, Парана и я. Мне казалось, мы

вполне сыгрались и начали понимать друг друга, хотя сумели добиться только ничьей 1:1. Тем не менее после этого матча Сервильо был выведен из состава и без всякого объяснения отправлен в Бразилию. Точно так же руководители сборной обошлись с Валдиром и Дино Сани после матчей в Швеции, что явилось для всех большой неожиданностью. Когда мы вылетели в Англию для участия в заключительной части чемпионата, у нас все еще не сложился костяк первых исполнителей и запасных, а эта неопределенность порождала неуверенность в своих силах.

В результате игроки утратили доверие к технической комиссии и к самим себе. Руководители команды продолжали пребывать в блаженном неведении относительно истинного положения вещей, наивно полагая, что победа сборной Бразилии уже обеспечена. Они так и не удосужились решить, какие одиннадцать футболистов составят основу команды для участия в предстоящих матчах. Короче говоря, всеми своими действиями руководители давали понять, что победа уже в кармане и для волнений нет ни малейших оснований. Правда, однажды они почувствовали, что не все идет как надо. Тогда, чтобы нас успокоить, провели собрание. Но это собрание, как и все мероприятия, связанные с участием бразильской сборной в чемпионате мира 1966 года, было пустой тратой времени. Руководители отказывались верить, что команду мучают нерешенные проблемы. Был сделан вывод, что мы во власти предстартового волнения и нам надо расслабиться. От нас, как было заявлено, требовался суший пустяк — выиграть ближайшие пять матчей и с кубком вернуться домой. Поэтому к чему все переживания и суматоха?

Когда игроки стали расходиться после собрания, мы с Гарринчей многозначительно переглянулись. Будь я пьющим, самое время было бы хватить хороший глоток! Ведь к этому моменту набралось так много ошибок, что я несколько не удивился бы, если бы кому-то в голову пришла мысль отказаться и от моих услуг. Во мне крепла уверенность, что нам не удастся выиграть ни одного матча. Слишком большое число кандидатов в сборную, отдельные тренировки в Бразилии, нелепый отбор в ходе тренировочных игр в Европе, бесконечные переезды, постоянная смена климатических условий и пищи, недостаточная физическая подготовка игроков, мучительная неопределенность относительно окончательного состава команды, непрекращающиеся перебранки между обоими тренерами, между старшим тренером и главой комиссии — все это не могло не привести к провалу.

В начале чемпионата руководители сборной не избежали

ошибок. В первом официальном матче нашим соперником была болгарская сборная. Наша команда выступала в следующем составе: в воротах Жильмар; в защите Джалма Сантос, Беллини, Алтаир и Пауло Энрике; в полузащите Лима и Денильсон; в нападении Алсиндо, Гарринча, Жаирзиньо и я. На мой взгляд, мы все были опытные и неплохие игроки, но мы совсем не играли вместе. Тем не менее нам удалось выиграть этот матч со счетом 2:0. В первом тайме я забил гол со штрафного удара, а во втором — еще один мяч забил в ворота болгар Гарринча. После этой победы и без того непомерная самоуверенность руководителей нашей сборной еще больше возросла. Впоследствии это сыграло роковую роль.

После игры я почувствовал страшную усталость. Во-первых, ощущалась недостаточная и неправильно спланированная физическая подготовка, во-вторых, непродуманный и ненужный цикл из шести тренировочных матчей, проводимых каждый раз в разных странах с постоянной сменой климатических условий. И самое главное — на протяжении всего матча за мной охотился болгарский игрок Жечев.

Ноги у меня раскалывались от боли, и наши руководители решили не заявлять меня на следующую игру с венгерской сборной. Думаю, что это была еще одна ошибка. Они считали, что победить венгров нам не составит большого труда, поэтому можно дать отдохнуть ведущим игрокам, сберечь их силы для более ответственных матчей. А ведь выигрыш у венгерской команды имел решающее значение для нашего выхода в четвертьфинал. Поэтому встреча требовала от нас напряжения всех сил. И хотя на моих ногах были следы единоборства с Жчевым, я вполне мог бы выйти на поле.

Однако не игроки принимают решения, не они определяют стратегию и тактику борьбы. И вот волею наших руководителей на поле вышла странная команда в футболках бразильской сборной. Я наблюдал за игрой с трибуны. Даже после перерыва, когда Тостао удалось сквитать пропущенный гол, мы все еще сохраняли шансы выйти в четвертьфинал. Для этого требовалось одно — удержать ничейный счет (максимум того, на что мы могли реально рассчитывать в игре с такой сильной командой, как венгерская сборная). Но подобной установки от тренеров не последовало. На поле господствовали универсальный центральный нападающий венгерской сборной Флориан Альберт и маленький, но очень подвижный правый крайний Ференц Бене. Казалось, он поспевал всюду — открыл счет, помог забить второй гол. Во втором тайме венгры увеличили счет, получив право на одиннадцатиметровый. В итоге они победили со счетом 3:1. Я с

тягостным чувством наблюдал за встречаей с трибуны. Зрители восторженно приветствовали Альберта и Бене, в то время как бразильцы впервые за двенадцать лет участия в мировых чемпионатах покидали поле побежденными.

Теперь команда оказалась в трудном и опасном положении. Венгры набрали четыре очка, столько же португальцы, а мы только два. Для нас оставался единственный шанс — победить португальскую сборную, причем обязательно с крупным счетом. Задача выполнимая, но трудная. Особенно если учитывать, что наш соперник — хорошо подготовленная, хорошо организованная и хорошо отдохнувшая команда, в составе которой играли уникальный нападающий, настоящая звезда футбола Эйсебио, прославленный Колуна, капитан сборной, а также Мораис, отличавшийся жесткой и бескомпромиссной игрой в защите. И только теперь, когда бразильцы оказались в таком сложном положении, до сознания наших руководителей наконец-то дошло, что мы как команда плохо подготовлены к турниру, однако времени для исправления промахов уже не было. Если я говорю, что руководители команды осознали серьезность положения, это вовсе не значит, что они признали свою несостоятельность. Дело в том, что публично они всегда заявляли о слабой игре футболистов, но только не о своих ошибках, которым не было конца.

Трудно поверить, но до самой последней минуты никто из нас не имел представления, какой состав выйдет на матч со сборной Португалии. На доске, где объявлялся состав, появлялись все новые и новые имена. Когда мы наконец вышли на поле, среди нас было очень мало ветеранов. В воротах стоял Манга; в защите играли Фиделис, Брито, Орландо и Рилдо; в полузащите — Лима и Денильсон; в нападении — Жаирзиньо, Силва, Парана и я. По сравнению с предыдущим матчем было сделано семь замен — беспрецедентное явление в практике мировых чемпионатов! Отсутствовали Жильмар, Беллини, Джалма Сантос и Гарринча — все чемпионы мира. Манга чересчур волновался и нервничал, чтобы по-настоящему заменить Жильмара. В таком составе мы никогда в жизни не выступали и даже ни разу не тренировались. Анекдотический случай! На мировом чемпионате, когда соперник — одна из сильнейших команд турнира, это было просто самоубийством. Видимо, нашим руководителям осталось уповать на то, что, как говорится, бог был бразильцем.

Результат матча ни для кого не явился сюрпризом. Первый гол Манга пропустил на четырнадцатой минуте первого тайма. Мяч, пробитый Эйсебио по центру, он отбил прямо на Симозеса, который головой послал его точно в сетку ворот. Двадцать пять

минут спустя в наши ворота влетел еще один мяч: Колуна разыграл штрафной с Торресом, тот отправил мяч в штрафную площадку, и набежавший Эйсебио ударил головой. Нашему защитнику Рилдо удалось сократить разрыв. Он великолепно прошел с мячом и на шестьдесят четвертой минуте матча забил красивый гол. Но прежде чем в наших сердцах затеплилась надежда на перелом в ходе игры, Эйсебио развеял ее, вкатив мимо вратаря в ворота бразильской сборной еще один мяч. Окончательный итог матча был 3:1 в пользу команды Португалии.

У португальского защитника Мораиса, видимо, была конкретная цель — вывести меня из строя. В одном из игровых эпизодов он подставил мне ногу, а когда я споткнулся и упал, прыгнул на меня бутсами. Только некоторое время спустя, когда я увидел отснятый об этом матче фильм, мне стало ясно, каким жестоким двойным нарушением защитник вывел меня из игры. Зрители на трибунах поднялись со своих мест, выражая негодование такой грязной игрой, однако английский судья Джордж Мэккэйб позволил Мораису продолжать игру, хотя даже в соревнованиях третьестепенной важности за одну подножку, не говоря уже о двойном нарушении, следует незамедлительное удаление с поля. Доктор Гослинг и Марио Америко помогли мне встать и уйти с поля. Бразильской сборной пришлось вдесятером доигрывать этот матч, после которого мы выбыли из дальнейшего участия в чемпионате.

В четвертьфинальных играх встретились сборные Англии и Аргентины, Уругвая и ФРГ, Советского Союза и Венгрии, Португалии и КНДР. Из игр этого тура самым интересным и увлекательным был матч Португалии и КНДР в Эвертоне. Корейские футболисты на первой же минуте забили гол в результате впечатляющего прохода центрального нападающего Пак Сын Дина. Он с помощью неожиданных финтов обыграл португальских защитников и открыл счет. Вскоре Ли Дон Ун и Ен Сен Гук довели счет до 3:0. Шла только двадцатая минута первого тайма! Казалось, перелома в игре не предвиделось, но Эйсебио убедительно доказал, что один способен добиться не меньшего, чем трое его соперников. Свой первый гол он забил на двадцать восьмой минуте. А незадолго до перерыва еще раз поразил ворота с одиннадцатиметрового удара. Через пятнадцать минут после перерыва Эйсебио сравнял счет, а потом вывел свою команду вперед, реализовав еще один пенальти. До того как прозвучал финальный свисток, португалец Аугусто поставил последнюю точку в матче, забив мяч после розыгрыша углового. Выиграв этот матч со счетом 5:3, португальская сборная вышла в полуфинал.

Сборная Англии обыграла команду Аргентины, причем этот матч стал печально известен своей грубостью, а также откровенно слабым судейством, что было характерно для чемпионата 1966 года. Футболисты ФРГ победили уругвайцев со счетом 4:0 в не менее грубой игре, в ходе которой судья удалил двух игроков из сборной Уругвая с поля. Советская команда выиграла у венгерской сборной 2:1 в основном благодаря отличной игре вратаря Льва Яшина, выступавшего в третьем чемпионате мира.

Полуфиналы свели команды Англии и Португалии, Советского Союза и ФРГ. К сожалению, в матче СССР — ФРГ ни те, ни другие футболисты не продемонстрировали высокого мастерства, кроме опять-таки Яшина, который вновь блеснул отличной игрой в воротах. Два советских футболиста были удалены с поля^[9]. Вдвухтером команда не могла рассчитывать на успех. Сборная ФРГ победила со счетом 2:1 в очень посредственной игре при если не безошибочном, то, по крайней мере, приличном судействе. Команда Англии выиграла у сборной Португалии с тем же счетом 2:1. В этой игре хотя бы не было вопиющих нарушений правил. Португальцы, раздраженные высказываниями в печати о грубости Мораиса по отношению ко мне, на этот раз вели себя самым корректным образом, но их корректной игры хватило только на то, чтобы проиграть. Тем не менее лишь отличная игра защитника Стайлза позволила сдержать порыв Эйсебио и спасти команду Англии от поражения.

В финале встретились сборные Англии и ФРГ. На тринадцатой минуте англичане фактически подарили гол команде ФРГ. Защитник Вильсон неизвестно зачем отбросил мяч головой не своему товарищу по команде, а сопернику, нападающему Халлеру, который охотно пробил по воротам мимо вратаря Бенкса. Но уже через шесть минут англичане сквитали пропущенный гол, а после проливного дождя, хлынувшего во втором тайме, повели в счете. Когда до финального свистка оставалось меньше минуты, Чарльтон нарушил правила, и команде ФРГ было предоставлено право на одиннадцатиметровый. Счет снова оказался равным. Было назначено дополнительное время. И тогда англичане наконец стряхнули с себя оцепенение и забили два гола подряд, выиграв со счетом 4:2 этот матч и звание чемпионов мира.

Каждый раз при воспоминании о чемпионате 1966 года моя душа переполняется возмущением, хотя прошло уже столько лет. После той заключительной игры я поклялся никогда больше не выступать в матчах на чемпионате мира. Буду спокойно играть за «Сантос» и, может быть, иногда за национальную сборную, но

только не в чемпионате мира! Я не хочу расплачиваться своими костями в матчах на Кубок Жюля Риме за несостоятельность руководства технической комиссии, как это случилось в 1966 году. Я участвовал в трех чемпионатах мира, и с меня достаточно.

И еще, зачем мне страдать от судейства, как на мировом чемпионате в Англии? Я имею в виду не только самого себя и бразильцев, но и других южноамериканцев. Под впечатлением игры Жечева в матче Бразилия — Болгария один французский журналист заявил, что при таких соперниках и при таком судействе мне не дотянуть до окончания турнира. И он оказался прав. Другой журналист назвал «скандальным» упорство, с каким Мораис охотился за мной в матче со сборной Португалии. Тем не менее судьи (мне казалось, они действовали согласно полученным инструкциям) ухитрились не видеть этих явных нарушений. В результате у меня была так искалечена нога, что я всерьез подумывал о конце своей футбольной карьеры.

Надо ли говорить, как обрушились на нас, игроков, по возвращении домой печать и другие средства массовой информации? И хоть кто-нибудь упрекнул бы руководителей сборной за их ужасную организационную работу, за чрезмерную уверенность и самонадеянность, за пререкания друг с другом или просто за отсутствие здравого смысла. Игроки сделали все, что могли, они старались из последних сил и... проиграли, но большой вины их в этом не было.

Я знаю, кое-кто станет утверждать, что я пытаюсь на кого-то свалить вину за этот провал, что если на поле выходит бразильская сборная, состоящая из одиннадцати звезд, и не может выиграть, значит, она играет слабо. В ответ я могу лишь повторить то, что хорошо известно каждому футболисту: выигрывают не звезды, а команды. Футбол — игра коллективная, ни один самый талантливый игрок не способен выиграть за всю команду. Хоть Пеле — известный футболист, он забивал свои голы благодаря другим игрокам, которые вовремя передавали ему мяч. Бразилия выигрывала многие игры потому, что Пеле не пытался забить все голы сам, а выводил на удар других игроков. Так в футболе приходит успех.

Что касается физической подготовки, следует отметить, что в футболе нет пауз, как в бейсболе, и запрещается постоянно вводить запасных, как в американском футболе. Чтобы бегать целых девяносто минут по полю, требуется серьезная физическая подготовка. И тот, у кого ее нет, выдержать такие нагрузки не сможет. Когда я пытаюсь объяснить, что в матчах 1966 года с командами Венгрии и Португалии мы старались из последних сил, я не пытаюсь вызвать к себе сочувствие. Просто хочу

подчеркнуть, что одной беготни по полю, одного старания игроков для успеха недостаточно. Одержат победу может только хорошо тренированная и физически подготовленная команда.

Глава тринадцатая

Откровенно признаться, по возвращении с мирового чемпионата душа у меня совсем не лежала к футболу. В матчах, уже ставших историей, футбол открылся мне своей теневой стороной — неспортивное начало и слабое судейство. Хотя англичане выиграли финал, смею утверждать, что их сборная не была лучшей на чемпионате. Мне это было так же ясно, как и то, что Бразилию представляла на чемпионате крайне слабая команда. Необъективное судейство сыграло на руку англичанам, это факт. За свою жизнь я много играл в футбол, и очень часто соперники охотились за мной на поле, но я не припомню, чтобы это делалось так открыто и злонамеренно, как на чемпионате 1966 года.

Вернувшись из Англии, я твердо решил для себя, что не буду больше участвовать в играх чемпионата мира. Да и травмы все больше убеждали меня в том, что с этим пора кончать. Каждая травма требовала мучительного залечивания в течение нескольких месяцев, причем со временем, как мне казалось, этот процесс становился все более болезненным. Ведь рано или поздно я обязательно получу ту самую жестокую травму, которая окончательно поставит крест на моей футбольной карьере. От этой мысли на душе становилось тревожно.

В тот год, залечив травму, полученную во встрече со сборной Португалии, я принял участие лишь в пятидесяти матчах и забил только сорок два гола — самый слабый показатель за все годы моего выступления в профессиональном футболе. Правда, судьба тогда впервые занесла меня в Соединенные Штаты Америки. «Сантос» встречался с «Бенфикой» (Португалия) на Рэндэл-Айлэнд в Нью-Йорке и победил со счетом 4:0. Затем мы играли с итальянским клубом «Интернационале» на Янки-стадионе и выиграли 4:1. На этом матче был установлен рекорд посещаемости американцами соревнований по футболу — на трибунах находилось 42 тысячи зрителей. Этот рекорд продержался до 1976 года, когда на матче в Сиэтле присутствовало 58 тысяч. Но даже поездка в США не всколыхнула во мне прежней любви к футболу, что, по-видимому, и сказалось на моей результативности.

Только дома я чувствовал себя счастливым. Мы с Розмари с волнением ожидали рождения нашего первенца. Мы много размышляли о том, как назовем своего сына и как сложится его судьба. Наверное, многие будут считать, что независимо от желания мальчика делом его жизни должен стать футбол. Его,

видимо, постоянно будут сравнивать с отцом. Не будет ли он страдать от этого? Что ж, если ему захочется посвятить себя футболу, я охотно ему в этом помогу, как мне помогал Дондиньо. Но если он не будет испытывать ни малейшего желания гонять мяч по полю, я и к этому готов.

Больше всего я хотел, чтобы у моего сына было нормальное, счастливое детство, чтобы он никогда не знал тревог в жизни. В Бауру, когда я был еще ребенком, много чего не хватало, но мы не могли пожаловаться на отсутствие родительского тепла. Мы чувствовали, что родители любят нас, что они всегда готовы защитить своих детей от житейских невзгод.

Я хотел, чтобы мой сын учился и независимо от своего отношения к футболу брал в этом пример не с отца, а с дяди Зоки. В этой связи неизменно вставал вопрос, не мешают ли газеты и другие средства массовой информации его нормальному развитию, разжигая нездоровое соперничество с отцом и тем самым нанося мальчику мучительную психологическую травму. В этом мне виделись некоторые реальные сложности бытия.

Но как и многие другие проблемы, с которыми я сталкивался в то время, их разрешила Розмари, подарив мне не мальчика, а девочку — Келли Кристину, родившуюся тринадцатого января 1967 года. Для нас это было самое счастливое событие в жизни. Теперь Розмари и дочь всякий раз радовались моему возвращению после трудного матча или нелегких будней на Вила Бельмиро. Такие встречи снимали с меня любое нервное возбуждение. Постепенно я стал снова находить радость и удовольствие в футболе и заиграл с прежним энтузиазмом и задором. В 1967 году я сыграл шестьдесят семь матчей за «Сантос», забив пятьдесят пять мячей. Несмотря на пробудившийся вновь интерес к футболу, мне было грустно надолго уезжать от семьи. Как назло, в тот год «Сантос» развезжал больше обычного.

В первые два месяца 1967 года состоялось наше традиционное турне по Южной Америке. В конце мая менеджеры «Сантоса» организовали поездку по Африке и Европе, тоже на два месяца. Как и прежде, почти каждый день новые страны, города и стадионы. Как и прежде, не оставалось времени на отдых. Но на этот раз турне по африканским странам стоило всех житейских неудобств.

Первая встреча с Африкой вызвала во мне сильные эмоции. До этого мне не доводилось бывать там, если не считать кратковременного посещения Египта несколько лет тому назад. На этот раз мы играли в Либревиле, Киншасе, Браззавиле, Абиджане, Котону, Лагосе. Это было нечто иное по сравнению с

первым посещением Европы. Где бы я ни появлялся, на меня смотрели, как на божество, скорее всего потому, что своим обликом я как бы демонстрировал чернокожим в этих странах, чего может добиться в жизни такой же чернокожий там, где не очень распространена расовая дискриминация. Я был для них воплощением представления о том, что даже в белой стране чернокожий способен добиться богатства и славы. Во мне видели пусть слабый, но все же лучик надежды выбиться из задавившей их страшной нищеты.

Куда бы мы ни приезжали, во всех аэропортах повторялась одна и та же картина: в ожидании нас тысячи людей прорывались на взлетную полосу и, пока вращались винты самолета, занимали места под крыльями, чтобы дотронуться до меня в момент появления на трапе. Стадионы были заполнены, многие ожидали нашего приезда с раннего утра, а некоторые дежурили целые сутки, чтобы собственными глазами посмотреть на этого черного футболиста, который добился славы и почета, чтобы убедиться в том, что все так, как есть, и что история моей жизни не выдумана журналистами.

Часто полиции приходилось сдерживать толпу, чтобы президент государства мог подойти и поприветствовать нас, побеседовать со мной через переводчика. Потом толпа сметала заслоны, чтобы взглянуть на меня или услышать мой голос, будто в этом находила для себя нечто спасительное. Эти дни оставили в моей душе самые яркие впечатления от знакомства с Африкой и африканцами. Запомнился такой необычный случай. Мы играли в столице Сенегала Дакаре. Трибуны были переполнены, забиты даже проходы. Зрители пришли посмотреть на великолепную команду «Сантос» и его звезду черного Пеле. Они восторженно приветствовали нас и желали победы, тем самым болея фактически против собственной команды.

В тот день я был в прекрасной спортивной форме, в состоянии редкого эмоционального подъема, полный желания продемонстрировать максимум того, на что способен. В первые десять минут, дважды получив мяч, я оба раза обводил защитников, выманивал вратаря и спокойно закатывал мяч в сетку. После второго гола вратарь вдруг поднял руку, прося судью о замене. Тут я заметил, что он горько плачет. Никогда я не видел, чтобы вратарь так обливался слезами, разве что в радостные мгновения победы в ответственном матче. Потерянный и удрученный, вратарь покинул поле, и в ворота пришлось ставить запасного.

До моего сознания дошло, что я не просто забил два гола, но и представил здешнего вратаря в самом глупом виде перед

соотечественниками. После матча я зашел в раздевалку сенегальской команды, чтобы поговорить с этим человеком и попытаться высказать ему свое сочувствие. Я хотел объяснить ему, что это всего лишь игра, что «Сантос» — более опытная команда и его победа закономерна. Но вратарь отказался встретиться со мной, что оставило у меня в душе горький осадок. Это был единственный случай, омрачивший мое настроение во время многодневного турне и добавивший переживаний к моим постоянным думам о Розмари и дочери.

Следующий год пролетел без особых событий. Как обычно, беспрестанные игры, забитые голы. Келли Кристина подрастала, становясь все более симпатичным ребенком. Семейная жизнь успокаивающе действовала на меня. Я уже не так остро переживал незабитый гол, ушиб ноги (что случалось куда чаще) или повреждение колена. Год сложился исключительно успешно для «Сантоса». Команда победила в пяти крупных турнирах. Мы провели восемьдесят один матч, я забил пятьдесят девять голов. Коммерческие дела тоже шли неплохо, и я уже подумывал о том, чтобы открыть постоянную контору. Но у меня все не хватало времени, и я никак не мог решить, где это лучше сделать.

В том же году мы совершили второе турне по Соединенным Штатам, выступали в Бостоне, Кливленде, Вашингтоне и в Других городах. К моему удивлению, оказалось, что даже в центре страны меня немного знают. Правда, я мог там спокойно разгуливать по улицам, и никто не узнавал меня в лицо. В общем, это приятное ощущение, когда можно себе в удовольствие посидеть в ресторане, где вокруг тебя не собирается толпа желающих получить автограф, а официант не обращает внимание посетителей на тебя, как на «свадебного генерала». И тем не менее имя Пеле было известно значительно большему числу людей, чем я думал.

В футбол на американской земле играли еще в середине девятнадцатого столетия. Есть данные, что первый матч по американскому футболу с участием студентов Ратгерского университета сочетал в себе элементы регби и современного футбола. У меня сложилось впечатление, что многие американцы познакомились с футболом в детские годы, проведенные в Европе, или играли в эту игру в колледжах до переезда в Америку. Я вынес убеждение, что футбол вполне может утвердиться на американской земле, если у этого вида спорта будут свои зрители, если появятся настоящие футбольные команды и поля.

Кое-кто еще помнит, что команда США принимала участие в первом чемпионате мира по футболу в 1930 году, то есть задолго

до того, как в нем стали участвовать многие европейские страны, в том числе Англия, которая считается родиной футбола. Тогда футболисты США победили бельгийцев и парагвайцев с одинаковым счетом 3:0, но в полуфинале проиграли аргентинцам.

И все же в США этому виду спорта требуется импульс, способный возродить его былую популярность и обеспечить такое же широкое распространение, как и в других странах. Так я размышлял тогда, совсем не подозревая о том, что однажды приеду в Соединенные Штаты и буду играть в составе американской команды.

В 1969 году я наконец рассчитался с клубом «Сантос» за долги, в которые влез из-за авантюры с «Санитария Сантиста». Теперь я мог начать все заново.

Во время одного футбольного матча с участием «Сантоса» я познакомился с телевизионным импресарио Марби Рамундини. Он предложил мне роль ведущего в многосерийной телевизионной передаче. Я с трудом выкраивал на это время — часто приходилось вставать ни свет ни заря и ехать на съемки до тренировки или же сниматься поздней ночью после игры. Кроме того, при содействии Марби Рамундини я стал еще спортивным комментатором. Это позволило вернуть часть денег, которых я лишился по вине Пепе Гордо. Должен сказать, что выступления перед телекамерой доставляли мне немалое удовольствие.

Общаться с Рамундини было чрезвычайно интересно. Кроме работы на телевидении, он еще выступал в качестве агента многих артистов и спортсменов. Мы познакомились в шестьдесят седьмом или шестьдесят восьмом году. Рамундини предложил мне также свои услуги в рекламном деле, поскольку в то время мое имя пользовалось широкой известностью в Бразилии. Я согласился. Розмари, как обычно, отнеслась к этой идее с недоверием. После истории с Пепе Гордо она подозревала любого, кто независимо от обстоятельств касался моих денег. Между тем рекламные дела при посредничестве Рамундини складывались весьма успешно.

Рамундини преподнес мне два очень важных урока в области бизнеса. Во-первых, нельзя недооценивать силу воздействия имени всеми уважаемого человека. И во-вторых, не надо бояться требовать максимального вознаграждения за использование своего имени в рекламных целях. Когда я сравнил суммы, которых добивался Рамундини за использование имени Пеле, с гонорарами, о которых в свое время договаривался Пепе Гордо, мне стало чуточку не по себе... Однако фирмы не только охотно выплачивали то, что причиталось, но и спешили по истечении

контракта предложить мне еще большие суммы. Мое имя мелькало на рекламе самых разных товаров — от велосипедов до батареек карманных фонарей, от обуви до наручных часов, от спортивного инвентаря до кофе. Деньги потекли рекой. Но никогда я не давал использовать свое имя для рекламы некачественных товаров, а также табачных и алкогольных изделий.

Поступающие от рекламы деньги я вкладывал в земельную собственность. Приобретение земли — один из наиболее надежных способов вложения капитала в Бразилии. Постепенно стало ясно, что с ростом объема капиталовложений и денежных поступлений мне потребуется контора. Но в тот момент я был слишком занят, чтобы всерьез задуматься об этом и начать подыскивать соответствующее помещение. Чтобы его арендовать и обеспечить контору персоналом, требовалось время, а у меня и без того голова шла кругом. Поэтому я продолжал решать самые неотложные коммерческие дела дома, в офисе друзей или прямо в своем автомобиле. Надо сказать, в то время ни одна коммерческая операция не была убыточной. К большинству из них имел отношение Рамундини, который выполнял свои обязанности тщательнейшим образом. Все переговоры с руководством клуба «Сантос» я вел сам, но думаю, если бы Рамундини тоже в них участвовал, хуже бы мне от этого не было.

Глава четырнадцатая

Приближался чемпионат мира 1970 года в Мексике. В начале 1969 года мне предложили в четвертый раз войти в состав бразильской сборной. Сначала я отказался — слишком свежи были воспоминания о пережитом в 1966 году. Кроме того, хотя я и не суеверный, но на всех трех прошедших чемпионатах я непременно получал травмы, которые надолго выводили меня из строя.

Вместе с тем некоторые моменты побудили меня пересмотреть принятое решение. Расскажу подробнее. В печати наконец обстоятельно были проанализированы причины нашего поражения в 1966 году. Этот анализ получил широкий общественный резонанс — появилась надежда, что ошибки прошлого не повторятся. Кроме того, из состава комиссии были выведены все старые члены, а на их место пришли новые. Бразильскую федерацию спорта, как и прежде, возглавлял опытный и знающий доктор Жоао Авеланж. На мое решение в пользу участия в чемпионате повлияло еще и то, что он должен был проходить в Мексике. Надо сказать, что многие европейские страны решительно возражали против этого. Они ссылались на то, что Мехико и другие мексиканские города расположены высоко над уровнем моря, что летом там стоит страшная жара.

Для большинства латиноамериканских стран жара, естественно, не помеха. Мы, бразильцы, большую часть года играем при такой же, а иногда и более высокой температуре, чем бывает в Мексике. Что же касается расположения над уровнем моря (в Бразилии проблемы высокогорья практически не существует), то я уже много раз играл в Мехико и в других местах, находящихся еще выше в горах, например, в Ла-Пасе (Боливия) или в Боготе (Колумбия). Я знал, что при соответствующей тренировке и акклиматизации наша команда легко сможет приспособиться к условиям высокогорья.

Значит, если другие команды не устраивает выбор Мексики как места проведения мирового чемпионата, а нас, наоборот, устраивает, то у нас уже есть преимущество по сравнению с другими. Немаловажное значение имело и еще одно обстоятельство. В Мексике к нам, бразильцам, всегда относились с симпатией. Мы чувствовали себя в этой стране как дома. Мексиканские болельщики неизменно поддерживали нас, мы всегда были для них желанными гостями, а не просто соперниками, как это нередко случалось, например, в Уругвае или Парагвае. Благожелательная публика — еще одно

преимущество для бразильцев. И это намного важнее, чем может показаться со стороны. Так, в чемпионате 1966 года англичане явно недооценили этот факт, назвав аргентинцев «зверьями», чем вызвали возмущение всей Латинской Америки. Столь обостренная реакция усугублялась тем, что именно английские рефери отличались на этом чемпионате пристрастным судейством.

Справедливости ради следует признать, что не одни англичане во встрече с аргентинцами были виноваты в том, что матч оставил у всех горький осадок. В немалой степени этому способствовал и плохо судивший матч рефери Крейтлейн (ФРГ), которому не удалось охладить страсти, охватившие аргентинских футболистов. Но самое печальное, что при более серьезном отношении к игре аргентинцы могли бы одолеть англичан. Вместо этого они умышленно стали нарушать правила с единственной целью обескуражить соперника. А судья лишь бежал по полю и записывал номера игроков-нарушителей, не предпринимая ничего решительного для пресечения грубости. За девять минут до перерыва он наконец решился удалить аргентинца Раттина, но тот... отказался подчиниться! Игра была прервана, на поле разгорелись споры. В конце матча, который английская сборная выиграла со счетом 1:0, аргентинцы набросились на судью, устроили погром в своей раздевалке, ломались в раздевалку английской команды и вообще вели себя крайне непристойно. Но такое поведение все равно не давало англичанам основания обзывать аргентинцев «зверьями». Все это, разумеется, не могло не повлиять на общее отношение к англичанам во время чемпионата мира в Латинской Америке.

Итак, после обновления состава комиссии и признания прессой ошибок, допущенных в 1966 году, с указанием конкретных лиц, виновных в провале, а также учитывая представившийся бразильской сборной шанс выиграть чемпионское звание в третий раз и таким образом сохранить за собой навсегда Кубок Жюля Рима, я изменил свое решение и согласился войти в сборную страны. Кроме того, мне хотелось раз и навсегда преодолеть сложившийся у меня комплекс, что с чемпионата мира — Я обязательно возвращаюсь травмированный. Если к этому добавить наш дуэт с Тостао, другим центральным нападающим сборной, то можно понять, почему я согласился. Ведь мы всегда понимали друг друга на поле, точно так же, как мы отлично сыгрались в «Сантосе» с Коутиньо. А это говорило о многом.

Вначале сборную принял тренер Морейра, но в первых числах февраля его место занял Жоао Салданья. Эта замена вызвала у

многих недоумение. В пятидесятые годы Салданья два сезона тренировал клуб «Ботафого» из Рио-де-Жанейро, затем он оставил тренерскую работу ради журналистики. Как спортивный журналист и специалист в области футбола, он досконально знал не только этот вид спорта, но и всех способных игроков страны. Ему были известны их сильные и слабые стороны в плане индивидуальной и коллективной игры. Однако Салданья обладал темпераментным и трудноуправляемым характером. Поэтому возникали естественные опасения, не помешает ли это сплочению сборной в одну дружную семью. Что касается меня, то я всегда восхищался Салданьей и готов был сыграть в сборной под его началом.

За основу национальной сборной Салданья взял «Сантос», — добавив к нему сильнейших игроков из других клубов. Было — решено не повторять ошибок прошлого, когда в команду привлекалось непомерное число кандидатов, что сказалось на моральном настрое сборной 1966 года.

Поскольку бразильская команда на прошлом чемпионате оказалась среди побежденных, теперь ей пришлось добиваться права участвовать в отборочном турнире, причем тренер Салданья точно знал, какие двадцать два игрока ему понадобятся для достижения поставленной цели. Интересы ради заметим, что только приглашенные им двадцать два футболиста участвовали в отборочных матчах чемпионата. Салданья охотно прислушивался к нашему мнению, например, относительно методов тренировки, тактики игры и т. д. Однако он никогда не расспрашивал нас о способностях и потенциальных возможностях отдельных игроков, как это делали наши тренеры четыре года назад.

В первом туре отборочных соревнований на поле вышла команда, в составе которой было шесть игроков «Сантоса», двое из клуба «Крузейро», по одному из «Сан-Паулу», «Флуминенсе» и «Ботафого». Некоторые клубы стали упрекать тренера в пристрастном отношении к «Сантосу». Их поддержала пресса. Но Салданья умел отвечать на эти наскоки и словом и кулаками, независимо от того, кто бросал ему вызов — средства массовой информации или частное лицо. Вот и сейчас он заявил четко и ясно, что ответственность за формирование состава возложена на него, а не на прессу, и, если ему не будут мешать, он проведет сборную не только через отборочные матчи, но и приведет ее к победе в чемпионате.

В отборочном турнире никаких трудностей у нас не было. Мы сыграли в столице Колумбии и победили 2:0, оба мяча забил Тостао. Четыре дня спустя мы обыграли сборную Венесуэлы на ее поле в Каракасе со счетом 5:0 — три гола были на счету Тостао,

два забил я. Наш моральный дух был высок. С хорошим настроением мы отправились в столицу Парагвая для проведения там своей третьей игры. Мы нисколько не сомневались в том, что легко выиграем последний матч на выезде и вернемся в Рио-де-Жанейро с тремя победами, закончив отборочный цикл тремя встречами у себя дома.

Мы вышли на поле стадиона в Асунсьоне, и я удивился: по настроению публики можно было подумать, что она приготовилась к войне, а не к поединку двух футбольных команд. Такие нравы характерны для Парагвая и Уругвая. Я подумал, как бы не возникла драка, которая произошла в Монтевидео десять лет назад. В тот день сцепились две команды. В потасовке приняли участие запасные игроки, судья на поле, судьи на линии и, естественно, болельщики. Чтобы унять побоище, была вызвана вся полиция города. Эта игра так и осталась незавершенной.

Прежде чем парагвайские болельщики успели освистать нас, половина зрителей на трибунах поднялась с мест и устроила нам овацию. Мы поняли, что это были бразильцы. Они размахивали национальными флагами. Я до сих пор не знаю, приехали ли они специально болеть за нас или чтобы оградить от местной темпераментной публики. В любом случае присутствие на стадионе соотечественников придало нам уверенности. Теперь можно было не сомневаться, что в случае возникновения драки нас защитят. Мы легко победили со счетом 3:0. Жаирзиньо и Эду забили по голу, а парагваец Мендоза невольно помог нам, срезав мяч в собственные ворота. Видимо, этот гол добавил переживаний парагвайским болельщикам. Что стало с бедным Мендозой, когда мы покинули страну?

В Рио-де-Жанейро команда вернулась с хорошим настроением. Главное, мы ощущали себя одной семьей.

В 1970 году было внесено изменение в правила игры на чемпионатах мира: разрешалось делать две замены, и в игре со сборной Колумбии Пауло Цезар во втором тайме выходил на поле вместо Жаирзиньо, а в матче против команды Венесуэлы Эсеральдо сыграл целый тайм вместо Рилдо. В остальных играх команда Бразилии выступала в неизменном составе. Разительный контраст по сравнению с 1966 годом, когда до самого начала матча футболисты не знали, кто из них выйдет на поле, а замена шести-семи игроков считалась привычным делом! Стратегия тренера Салданьи нашла свое отражение в серии наших побед.

Дома мы встретились во второй раз с колумбийской сборной, теперь, уже на стадионе «Маракана», и победили со счетом 6:2. Тостао забил два мяча. Эду, Ривелино, Жаирзиньо и я — по одному. В том матче Герсон и я во втором тайме уступили свое

место молодым. Но мы не покинули стадиона и досмотрели Матч. Какое же это было наслаждение наблюдать за выступлением настоящих мастеров своего дела!

Три дня спустя, опять-таки на своем поле, мы выиграли у команды Венесуэлы со счетом 6:0, причем Тостао забил три гола, я — два, Жаирзиньо — один. Теперь только встреча со сборной Парагвая, до сих пор переживавшей свое поражение в Асунсьоне и обидный гол в собственные ворота, отделяла нас от участия в финальной части чемпионата мира в Мексике.

Состав бразильской команды, который в последний день августа был заявлен на этот матч, был почти такой же, как в других отборочных играх, все те же футболисты из числа двадцати двух, которых тренер с самого начала призвал под знамена национальной сборной: в воротах — Феликс; в защите — Карлос Альберто, Джалма Диас, Жоэль и Рилдо; в полузащите — Пиацца и Герсон; правый крайний нападающий — Жаирзиньо, левый крайний нападающий — Эду; Тостао и я — в центре. В то время это была самая сильная команда, которой располагала Бразилия.

Мы не сомневались в легкой победе. Но парагвайцы решили дать нам бой и заиграли старательно, с вдохновением. Их защитные линии были непробиваемы, и только слабая игра нападающих спасла нас от поражения. Время игры истекало, но ни мне, ни Жаирзиньо, ни Эду, ни Тостао не удавалось открыть счет. И вот когда осталось совсем немного времени, я, получив мяч, прорвался сквозь защиту парагвайцев в штрафную площадку, обманул вратаря и послал мяч в сетку. Игра закончилась со счетом 1:0.

Так мы завершили отборочные матчи, одержав убедительные победы над своими соперниками во всех встречах. Салданья выполнил свое обещание. Удалось ему это главным образом благодаря стабильности состава с первой до последней игры. Бразильская сборная забила двадцать три мяча, а пропустила в свои ворота только два. Правда, некоторые утверждали, что наша защита играет ненадежно, что вратарь Феликс слабее, чем в свое время был Жильмар. Но ведь мы дважды играли с каждым из соперников, и только колумбийцам удалось два раза поразить наши ворота. Нет, что бы там ни говорили, а защита у нас была не такая уж плохая!

Отборочные матчи завершились в августе. Открытие мирового чемпионата намечалось на июнь следующего года. До того времени предстояло много игр за «Сантос», а тут еще закрутилась история с моим тысячным голом?..

В середине октября 1969 года бразильская пресса обнаружила, что количество голов, забитых мною в официальных матчах с начала профессиональной карьеры в клубе «Сантос» (за двадцать лет), приближалось к тысяче. Газеты писали, что Джимми Мэккхори из «Глазго Селтик» (Великобритания) покрыл себя неувядаемой славой, забив в ворота соперников 500 мячей. Но тогда защитники играли, в общем, слабее, чем сейчас. Говорилось, что любой игрок, забивший тысячу голов, сам себе сотворит памятник и прославит тем самым родину и футбол.

Эту историю с тысячным голом подхватили за границей. К октябрю на моем счету было приблизительно 990 голов, забитых менее чем в 900 матчах, то есть в среднем чуть больше одного гола за игру.

В Англии проверили статистические данные, характеризующие результативность других известных футболистов прошлого, но ни один из них даже отдаленно не приближался к «тысячному» рекорду. Считалось, что забить тысячу мячей — немыслимое дело. И вот бразилец Пеле дерзнул перевернуть все бытующие представления и реально приблизился к заветному рубежу. Интерес печати и болельщиков во всем мире был огромен, но меня эта история здорово выбивала из колеи. Я с удовольствием воспринял бы весть о том, что в прошедшем накануне матче мною забит тысячный гол. Но слышать об этом по радио и читать в газетах, как о чем-то еще предстоящем, было нелегким испытанием для нервной системы.

Между тем все шло своим чередом. Пятнадцатого октября состоялась игра против «Португеза Деспортес». «Сантос» выиграл ее со счетом 6:2, причем четыре мяча были мои. Газеты и журналы вели тщательный подсчет этих «предъюбилейных» голов, присваивая им соответствующую нумерацию. Забитые в упомянутом матче четыре мяча получили номера 990, 991, 992 и 993. Напряжение нарастало. Неделью спустя «Сантос» играл с «Куритибой» в столице штата Парана, и я забил еще два гола — 994 и 995. Со всего мира начали съезжаться представители средств массовой информации. Каждый раз, когда я приближался с мячом к штрафной площадке, на меня со всех сторон наставляли десятки кино- и фотокамер, что очень раздражало. В следующей игре против «Флуминенсе» была зафиксирована нулевая ничья. К счастью, нашему сопернику не удалось забить гола. И вот первого ноября на моем счету гол 996 в матче с клубом «Фламенго». Но после этого все застопорилось.

Четвертого ноября последовало наше жестокое поражение от «Коринтианс» (Сан-Паулу) со счетом 1:4, причем я ушел с поля без гола. Волнение передалось всей команде. Пять дней спустя

мы сумели добиться только ничьей 1:1 во встрече с клубом «Сан-Паулу». Автором гола нашей команды был опять не я. Можно представить огорчения корреспондентов. Ведь на затянувшееся содержание целой армии журналистов тратились немалые суммы, а взамен никакой компенсации.

Я отдавал себе отчет, что вся команда «Сантос» вместе со мной стремится поскорее достичь этой магической границы, чтобы наконец спокойно играть в футбол и не чувствовать себя, как под увеличительным стеклом.

Двенадцатого ноября в матче против клуба «Санта Круз» в Ресифи я забил два мяча из четырех (мы выиграли со счетом 4:0) и довел свой актив до 998 голов. На нашем следующем матче в северо-восточном штате Параиба было еще больше журналистов, кино-и фотокорреспондентов. Там я забил 999-й гол.

15 ноября, когда мы приехали в штат Баия на игру с клубом «Экспорте», мне показалось, что репортаж с этого матча ведут все радиостанции страны. Выходя на поле, я очень нервничал. Как мне хотелось поскорее забить этот проклятый тысячный гол, чтобы наконец обрести покой. Наверное, это желание никогда не было таким сильным, как в тот день. Вдруг в голову пришла зловещая мысль: а что если на этот гол потребуются многие годы моей жизни, что тысячный гол будет ускользать от меня и не давать нормально играть. Мешали и сотни кино- и фотокамер, которые преследовали меня буквально по всему полю. Возбужденное воображение превращало их в марсианских чудовищ, бесстрастно взиравших на меня стеклянным глазом. А тут еще газеты штата Баия объявили, что если юбилейный гол будет забит в этом матче, город устроит такое торжество, которое затмит любой карнавал в Рио-де-Жанейро или Сан-Паулу. Они продемонстрируют всем паулистас и кариокас (так у нас именуются жители Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро), что настоящее гостеприимство может быть оказано только в штате Баия. Если тысячный гол будет забит на земле этого штата, газеты предсказывали, что будет заказан благодарственный молебен с целью увековечить неповторимость этого события.

Я изо всех сил старался преодолеть себя и продемонстрировать, на что способен, однако многодневное психологическое давление, несомненно, сказывалось на состоянии и игре. На протяжении всего матча мне так и не представился стопроцентный шанс для взятия ворот. И лишь перед самым финальным свистком я почувствовал, что этот миг наступил! Получив мяч, я резко рванулся вперед и стал обходить одного игрока за другим. Обыграв защитников, я обманул вратаря и резко ударил по воротам... Мяч попал в перекладину и

отскочил в поле, около него оказался мой товарищ по команде Жаир, который и сделал то, чего ждали от меня, — добил мяч в сетку. Матч закончился вничью со счетом 1:1, тысячный гол снова отделился.

Нашим следующим соперником был клуб «Васко да Гама». Матч проходил на стадионе «Маракана» в Рио-де-Жанейро. Кариокас ликовали — тысячный гол будет забит в их родном городе! У меня же на душе скребли кошки. В голову лезли всякие мысли, что тысяча — несчастливое число и тысячный гол, наверное, негоден богу. словно в подтверждение этой мысли девятнадцатого ноября полил такой дождь, какой бывает только в тропиках. Казалось, разверзлись небеса. Воду можно было черпать ведром. И тем не менее восемьдесят тысяч зрителей пришли на стадион, чтобы быть свидетелями беспрецедентного события в истории футбола. Во имя стольких мокнувших под дождем мучеников действительно стоило показать все, на что был способен.

Меня опекал защитник клуба «Васко да Гама» Рене. Телосложением он напоминал Нилтона Сантоса. Своими ногами, мощными, как ствол дерева, он внушал страх любому сопернику. На скользком поле, когда дождь заливал глаза, а защитник не отпускал меня ни на шаг, за первые тридцать минут я почти ни разу не коснулся мяча. Но вот, получив мяч, я на какое-то мгновение сместился в сторону от своего опекуна и обманным движением оставил его у себя за спиной. Рене кинулся меня догонять, но я прямо через лужи понесся к штрафной площади. обыграв защитников, вышедших на перехват, я изо всех сил ударил. Не сомневаясь, что все в порядке, я наблюдал за тем, как мяч летит прямо в ворота под нарастающие крики зрителей. Значит, этот тысячный гол расколдован и конец всем мучениям! Ослепленный вспышками блицев, я все же увидел то, чего надеялся не увидеть: вратарь Андраде подпрыгнул, дотянулся до мяча и кончиками пальцев переправил его через перекладину.

Меня охватило уныние. Но в тот же момент, как ни странно, я полностью преодолел волнение. Теперь я осознал, что тысячный гол ничем не отличается от других, просто мяч надо протолкнуть в сетку ворот. Не имеет никакого значения, какой номер будет присвоен этому голу. Заколдованных номеров просто не существует. У бога, наверное, есть дела поважней, чем этот злополучный тысячный гол. А моего опекуна Рене вполне можно обыграть. Главное теперь успокоиться, забить свой гол и навсегда выбросить из головы всякую ерунду насчет магических цифр.

Получив мяч, я обманным движением обошел Рене и устремился к штрафной площади. Снова обвел защитников, снова

сделал удачный прицельный удар по воротам. Мяч попал в перекладину, но на этот раз я уже был готов добить его головой. Однако Рене дотянулся до мяча, и от его головы он влетел в ворота! В таких случаях и «отличившийся» игрок и его команда предстают перед зрителями в глупом виде. Я был уверен, что этот досадный промах выбьет команду «Васко да Гама» из колеи и тогда, несмотря на проливной дождь и тяжелое поле, нам легче будет забить мяч. На гол Рене трибуны ответили неодобрительными возгласами, но не потому, что «Сантос» повел в счете, а потому, что защитник помешал мне забить магический тысячный гол.

Времени оставалось еще много. Прекрасный передачей Клодоалдо вскрыл защитные линии соперника. Между мной и вратарем оказалось только двое — Фернандо и Рене, которые, однако, находились на некотором расстоянии друг от друга. Я мгновенно ринулся вперед, намереваясь вклиниться в эту брешь еще до того, как они возьмут меня в тиски с обеих сторон. Но Фернандо, стараясь предотвратить мой выход к воротам, поскользнулся на мокрой траве и врезался ногами мне в бок. Публика вскочила с мест. Одиннадцатиметровый!

Конечно, свой тысячный гол я надеялся забить не с пенальти. Но в тот момент я был мысленно согласен и с таким вариантом. Я уже не помню, как долго устанавливал мяч, размышляя о том, как бить. Все это время вратарь не спускал с меня глаз. Я пытался избавиться от всяких посторонних мыслей, не думать о важности этого гола для меня и всей команды. Я пытался сохранить спокойствие, в котором пребывал всего несколько секунд назад. Мне вспомнилось, как давно-давно, играя еще за команду мальчиков «Сантоса», я не смог забить гол с одиннадцатиметрового. Но это воспоминание я перебил мыслью о том, что, чем больше я тяну время, тем больше вероятность промаха. А если промахнусь? Черт возьми! Что ж, тогда забью свой тысячный гол в другой раз. В таком состоянии, когда тело словно истомилось в ожидании, а разум все еще переваривал суть происходящего, я разбежался, ударил по мячу и увидел, как он, обогнув вытянутые руки вратаря, врезался в сетку ворот.

Оглушительный крик стадиона, казалось, остановил дождь, не прекращавшийся в течение всего матча. Из-за ворот ко мне бросилась толпа фотокорреспондентов. Вслед ринулись сотни зрителей с трибун, не обращая внимания на полицию. Болельщики неслись по мокрой траве прямо ко мне. Кто-то сорвал с меня футболку и протянул другую, с огромной цифрой 1000. Потом меня подняли на плечи и понесли по полю. От волнения у меня выступили слезы. Толпы людей выкрикивали

приветственные возгласы. Наконец меня опустили на землю, по требованию публики я неторопливо пробежался вокруг поля, чтобы все могли видеть мою «юбилейную» футболку. Я трусцой бежал мимо ликующих трибун «Мараканы», сердце колотилось в груди. Мне было радостно сознавать, что теперь конец всем переживаниям и что именно мне суждено было забить тысячный гол. Зрители стоя приветствовали меня.

Затем я отправился в раздевалку, а вместо меня на поле вышел запасной. Присев, я вдруг ощутил в себе какую-то пустоту. Неторопливо сняв новую футболку с цифрой 1000, я аккуратно сложил ее, чтобы сохранить на память об этом незабываемом дне.

На следующее утро на самых видных местах бразильских газет обсуждались два главнейших события: мой тысячный гол и вторая высадка на Луну американских астронавтов Конрада и Вина. Конечно, это были несравнимые вещи. Пилотируемый полет на Луну, причем не в первый, а во второй раз, являлся, разумеется, более значительным событием, чем какие-то страсти на футбольном поле. Однако лично мне они доставили радость: наконец-то кончился ажиотаж вокруг тысячного гола. Этот гол был забит в моем девятьсот девятом матче, и теперь я мог спокойно играть, целиком посвятив себя более важному предстоящему событию — матчам на первенство мира по футболу 1970 года.

Глава пятнадцатая

Тренер Жоао Салданья сдержал свое обещание — блестяще провел бразильскую сборную через отборочные матчи. Однако затем он стал все чаще проявлять трудноуправляемый характер и серьезно беспокоить нас своими неуравновешенными выходками. Он и раньше в беседах с журналистами частенько терял самообладание, но теперь стал пускать в ход кулаки, а однажды, накинувшись на какого-то клеветника, даже выхватил пистолет. К счастью, пистолет дал осечку, и стоявшие рядом успели вырвать оружие у тренера.

И все же несправедливо винить Салданью за то, что у него сдавали нервы. Слишком много журналистов торчало на наших тренировочных играх с целью придумать какую-нибудь сенсацию, в которой не было ни грана истины. После этого любая беседа нашего тренера с представителями прессы заканчивалась дракой независимо от ранга журналиста. Если на краю поля появлялась группа людей, было ясно, что Салданья в очередной раз пригласил кого-то для выяснения отношений с помощью кулаков. Тренер готов был наброситься на любого, позволившего себе сказать о нем что-нибудь обидное. В общем, руководителям комиссии надоело приносить извинения за поведение Салданьи. К тому же тренер сборной стал постепенно утрачивать власть над игроками.

Когда главе технической комиссии Антонио ду Пассу стало невмогуту терпеть причуды Салданьи, он обратился к тогдашнему руководителю бразильской федерации спорта Жоао Авеланжу, поставив вопрос ребром — или он, или Салданья. Тем самым Антонио ду Пассу дал понять, что отказывается работать с Салданьей в качестве старшего тренера. Авеланж, естественно, предпочел выбрать своего сотрудника. Салданья сообразил, что с ним намерены расстаться. Но при его самолюбии он не мог столь бесславно покинуть большой футбол, поэтому главные мотивы своего снятия, своего падения решил свалить на... меня.

Тренер заявил журналистам, будто его сняли только потому, что он хотел вывести Пеле из состава сборной. Поэтому от его услуг решили отказаться. По мнению Салданьи, я по состоянию здоровья не мог играть в сборной, поскольку якобы страдал тяжелым недугом — миопией^[10].

Такое обвинение не было для меня новым. Пятнадцатилетним мальчишкой меня подвергли в «Сантосе» самому тщательному медицинскому осмотру. Врач отметил у меня легкую близорукость. За все годы заболевание не

прогрессировало и не мешало мне играть, что, впрочем, было хорошо известно Салданье. Он знал также, что мои футбольные успехи нередко объясняли более широким по сравнению с нормой углом зрения. В общем, из того, что Салданья мог придумать, история с миопией оказалась менее всего убедительной.

Реакция прессы была соответствующей — никто не принял выдумку Салданьи за чистую монету. Тогда он пустил в ход новую версию, заявив, что у меня слаба общефизическая подготовка, из-за чего меня нельзя включать в состав сборной. Надо сказать, в то время ни один из нас еще не достиг своей лучшей спортивной формы, ибо подготовка к чемпионату мира только начиналась. Мое физическое состояние было ничуть не хуже, чем у других игроков. Когда же стало ясно, что и этот аргумент притянут за уши (вопрос о выводе меня из состава сборной и о попытке бывшего тренера избавиться от меня не получил широкого резонанса в средствах массовой информации), Салданья придумал третью версию. В одной из телевизионных передач бывший тренер Салданья поведал, что я очень серьезно болен, но он не имеет права раскрывать, что это за болезнь. Он говорил с такой внутренней убежденностью, что меня невольно охватило волнение. Может, пока Салданья был тренером, он читал медицинские заключения о состоянии моего здоровья, к которым я сам не имел доступа? А, может, я действительно страдаю страшным заболеванием, и руководители комиссии из жалости решили мне ничего не говорить?

Под впечатлением всех этих мыслей я отправился к Антонио ду Пассу и к врачу нашего клуба, чтобы наконец узнать правду. Они заверили меня, что вся эта история — чушь от начала до конца, что Жоао надо оправдаться, почему его сняли, вот он и выдумал для пущей убедительности, мол, поссорился с Пеле из-за того, что хотел вывести его из состава сборной. Лично проверив старые и самые последние медицинские заключения о состоянии своего здоровья, я удостоверился, что во всей этой истории не было ни грана правды. Лично я желаю Салданье крепкого здоровья и всяческого благополучия. Надеюсь, что он не станет поступать с другими так, как обошелся со мной, бросив в мой адрес такие смехотворные обвинения. Ведь в какой-то момент я действительно поверил, что у меня рак или какое-то иное страшное заболевание.

Обидно было лишь то, что очень многие приняли эти выдумки на веру. Но еще более огорчала реакция газет. Они доказывали, что в любом случае Салданья прав, требуя моего вывода из состава сборной. Утверждалось, что я уже не в состоянии участвовать в матчах мирового чемпионата, что мой

пик прошел, что в мои двадцать девять лет я уже израсходовал все свои силы и что в Мехико я могу поехать лишь как гость чемпионата, но не в составе команды. (Надо сказать, что даже самые ярые мои недруги после чемпионата в Мексике принесли мне свои извинения.)

Мне не хотелось бы закончить рассказ о Жоао Салданье, не указав на его заслуги в создании национальной сборной. Салданья много сделал для сборной в процессе проведения отборочных матчей, ведь мы не проиграли ни одной встречи. Конструктивной оказалась его идея формирования костяка сборной на базе одного клуба с включением в нее игроков других команд. В результате мы успешно справились с отборочными играми и в Мехико отправился дружный коллектив, сыгранность которого выковывалась в совместных тренировках и соревнованиях. Очень жаль, что такую незаурядную личность из-за бурного и неукротимого нрава пришлось затем освободить от обязанностей старшего тренера национальной команды.

С уходом Салданьи встал вопрос о том, кем его заменить. Вначале комиссия предложила пост старшего тренера Дино Сани, но он отказался. В случае выигрыша тренеру сборной не достается тех почестей, которых удостоиваются игроки, зато в случае поражения весь огонь критики он принимает на себя. Неудачи национальных сборных на чемпионатах мира, как правило, портили тренерам карьеру. В финальной части чемпионата принимают участие шестнадцать команд, а стать чемпионом может только одна. Поэтому многие тренеры предпочитают не связываться со сборными.

Следующим кандидатом на пост тренера сборной был Ото Глория, но он последовал примеру Дино Сани. Тогда комиссия обратилась к Загало, и тот согласился. Лучшего тренера нельзя было и желать.

Марио Загало был не только прекрасным футболистом. По сравнению с Салданьей его манера общения с игроками была совсем иной. Он выступал в составе национальной сборной на двух чемпионах (1958 и 1962 годов), и оба бразильская команда выиграла. Загало знал игроков на поле и вне его, поскольку был одним из них. С командой он говорил уважительно.

Загало родился на бедном северо-востоке страны. В Бразилии знали, что свою огромную физическую выносливость он вырабатывал, плавая в суровых водах океана. Для него не было секретом, какие напряженные тренировки требуются для того, чтобы в полную силу сыграть два тайма по сорок пять минут, чего Салданья сам в жизни ни разу не испытал. И в этом тоже было большое отличие нашего нынешнего тренера от предыдущего.

Кроме того, Загало отличался удивительным самообладанием, и уравновешенный его характер в немалой степени способствовал тому, что наша команда снова ощутила себя единой семьей.

Когда мы отправлялись в Мехико, многие и у нас, и за границей считали, что шансы на успех у бразильской сборной невелики. Говорили, что мы недостаточно подготовлены, что споры, вызвавшие необходимость смены тренерского состава, породили трения, которые будет трудно окончательно преодолеть. Кроме того, сказывалась слепая вера во все то, что утверждали в своих выступлениях руководители команд наших соперников. В нашей подгруппе жребий свел сборные Чехословакии, Англии, Румынии и Бразилии. Глава чехословацкой спортивной делегации Йозеф Марко заявил, что в подгруппе сборную СССР никто не сможет победить. Сэр Альф Рамсей, старший тренер английской сборной, не отличавшийся скромностью, утверждал, что команда Англии не только займет первое место в подгруппе, но и повторит свой успех на чемпионате 1966 года. В противоположность им Загало ни словом не обмолвился о шансах бразильцев, веря в справедливость мудрой пословицы: «В закрытый рот муха не влетит». Хорошо, что мы приехали в Мексику с таким тренером — Салданья воспринял бы хвастовство Марко и похвалу Рамсея как личную обиду и наверняка сцепился бы с ними как с заклятыми врагами. А враждебность, вызванная таким поведением, нанесла бы нашей команде только вред.

Тренировочные игры мы проводили в Гванахуато, Ирапуато и Гвадалахаре. В каждом городе, где нам пришлось выступать, мексиканцы неизменно оказывали нам самый дружеский прием. После тренировочной игры мы остались в Гвадалахаре для участия в официальных матчах нашей подгруппы. И тут выяснилось, что многие мексиканцы до сих пор находятся под влиянием слухов по поводу моей близорукости. А поскольку одновременно стало известно, что их столичный клуб «Америка» намерен заключить контракт с «Сантосом» о моем переходе, естественно, возникли сомнения, стоит ли вкладывать деньги в футболиста, который плохо видит мяч!

Салданья тоже приехал в Мексику. Он предсказывал провал бразильской сборной из-за того, что я был включен в команду вопреки его рекомендациям. Поскольку Салданья умел красиво говорить, многие мексиканцы верили его словам.

Еще стала действовать на нервы постоянная необходимость объяснять представителям печати выдуманную историю с моей близорукостью. Бесконечные разговоры на эту тему начали

раздражать наших игроков. Нервничал и вратарь Феликс. Дело в том, что средства массовой информации в Бразилии никогда не одобряли включения Феликса в сборную и продолжали высказывать сомнения относительно его способностей, а это не может не подорвать веру футболиста в свои силы. Не прекращались нападки и на Жаирзиньо, хотя он был признан одним из лучших футболистов чемпионата. Удивительно, что менее всего волновались новички. Комиссия вела себя спокойно. Но это спокойствие не было самонадеянностью прежней комиссии. Руководство команды не сомневалось, что мы станем победителями в своей подгруппе и выйдем в четвертьфинал. Уверенность основывалась на реальной оценке наших способностей и не имела ничего общего с заносчивостью, за которую мы так жестоко поплатились в 1966 году. Все это, повторяю, вселяло в нас уверенность в своих силах. Приятно было сознавать, что все без исключения горят желанием победить.

В предстартовые дни меня очень беспокоила судьба Тостао. В конце 1968 года в матче на кубок страны защитник «Коринтианс» Дитао попал ему мячом в глаз. В результате у Тостао произошла отслойка сетчатки. После операции в Хьюстоне он снова заиграл с прежним блеском, демонстрируя яркую игру. Он стал ведущим бомбардиром, забив в шести встречах десять голов. Однако вскоре Тостао пришлось вторично оперироваться. Он приступил к тренировкам, но головой играл осторожно, опасаясь, что мяч снова попадет ему в тот же глаз и это уже будет непоправимо. Его вполне можно было понять. И тем не менее все переживали, потому что всегда восхищались талантом Тостао, в игре которого было много изобретательности и творческого начала.

В разговоре с нами Тостао неизменно возвращался к мучившему его вопросу. Мне подумалось, а что если этот один из лучших футболистов мира вдруг не сможет играть?! Если в решающий момент он побоится мяча?! В отборочных матчах Тостао был одним из основных бомбардиров команды. Кроме того, его блестящая игра помогала другим забивать голы. Мне стало вдруг тревожно на душе от мысли о том, что Тостао не удастся продемонстрировать свое высокое мастерство в матчах мирового чемпионата.

Первая наша игра против сборной Чехословакии состоялась третьего июня. Эту команду пресса единодушно считала одной из сильнейших на чемпионате. На одиннадцатой минуте игры чехословацкий нападающий Петраш обошел Брито и, обманув аратаря, вкатил мяч в сетку наших ворот. Этот гол мы восприняли без паники. Вскоре после начала матча, несмотря на

заявления Йозефа Марко, стало ясно, что восемь лет назад, в 1962 году, чехословацкая сборная производила более внушительное впечатление. И хотя в игре нашей защиты были уязвимые места, лично я не сомневался, что наши нападающие в самой трудной ситуации способны забить на гол больше, чем их соперники. И словно в доказательство этого Ривилино, искусно подкрутив мяч со штрафного удара, сравнял счет. Итак, 1:1.

Во время этого матча я чуть было не забил свой самый незабываемый гол. Просматривая видеозаписи матчей и участвуя в товарищеских играх с футбольными клубами в Европе, я заметил, что многие европейские вратари, как только игра перемещалась на половину поля соперника, имели обыкновение выходить из вратарской площадки. Такая же привычка была и у вратаря сборной ЧССР Виктора. Он, видимо, считал, что пока мяч на противоположной половине поля, он в случае опасности располагает более чем достаточным временем, чтобы вернуться во вратарскую площадку.

Я получил мяч на своей половине поля. Защитники не пытались меня атаковать, полагая, что я прибегну к обводке. Вратарь Виктор, выйдя вперед и чуть сместившись в сторону, наблюдал за полем. И тут наступил тот самый миг, которого я так ждал. Вспомнив наставление Дондиньо «играть инстинктивно, почти не раздумывая», но полностью контролируя свои действия, я с ходу что было сил ударил по воротам со своей половины поля.

Наверное, зрители сочли это решение необдуманным и бесполезным. И в самом деле, чего ради без нужды отдавать мяч сопернику, да еще в такой ответственной игре. Но сомнения наверняка развеялись, когда все увидели беспомощного Виктора, который пытался догнать пролетевший над ним мяч. К сожалению, гола не получилось. Отскочив от стойки, мяч ушел за линию ворот. Трибуны взорвались аплодисментами. Для меня они были слабым утешением за едва не забитый гол. С тех пор независимо от того, на чьей половине поля оказывался мяч, Виктор уже не выходил далеко из ворот, и его примеру следовали вратари всех наших соперников. Я даже подумал, что этот неожиданный удар надо было бы приберечь для матча с командой Англии или с каким-нибудь другим соперником, более трудным, чем сборная Чехословакии. Благодаря этому эпизоду игра сборных Бразилии и ЧССР привлекла к себе наибольшее внимание спортивных обозревателей и комментаторов, которые ни словом не обмолвились о моей близорукости!

Весь второй тайм проходил с преимуществом бразильской сборной. Получив длинный пас от Гертсона, я остановил мяч грудью и, не дав ему коснуться земли, резко пробил по воротам.

Вратарь Виктор даже не успел разглядеть, что произошло. А чуть позже Жаирзиньо, подхватив мяч после розыгрыша углового у наших ворот, прошел с ним по всему полю и забил еще один гол. До финального свистка Жаирзиньо удалось увеличить разрыв: он обвел трех защитников, его пытались сбить, но он удержал мяч и сильно пробил мимо расстроенного Виктора. Итак, мы выиграли 4:1.

Теперь нашими мыслями безраздельно завладела будущая игра с английской сборной, о которой с такой самоуверенностью распространялся ее старший тренер сэр Альф Рамсей. К тому же англичане, которые все еще выступали в ранге чемпионов мира, выиграли 1:0 у уверенно игравших румын. Мы знали, что у английской сборной великолепная защита. Если англичане сумеют забить нам гол, нам тогда не видать четвертьфинала.

С чемпионами мира мы встретились седьмого июня на том же стадионе, где играли с командой Чехословакии. Для нас, как и для большинства болельщиков, радио- и телезрителей всего мира этот матч был самым значительным на чемпионате. Он считался, так сказать, решающим. Ведь встречались экс-чемпион и чемпион мира. Все предвещало напряженную борьбу. Болельщики с нетерпением ожидали соревнования двух футбольных школ — бразильской, с ярко выраженным акцентом на атаку, и английской, делающей ставку в основном на оборону и контратаки. Однако Загало решил, что на этот раз мы будем играть в их игру. «Это как шахматная партия, — говорил он. — Кто первый ошибется, тому придется и расплачиваться, может быть, даже и ценой чемпионского звания».

Стояла невыносимая жара, от которой больше страдали англичане. Не устраивало их и время начала матча — двенадцать часов дня (из-за условий телетрансляции). Полдень самое жаркое время суток, и англичане потом горько жаловались на это обстоятельство. Окажись мы в подобной ситуации, никогда не стали бы жаловаться, что где-то нам холодно играть. Нас вполне устраивали и погода, и непривычно раннее начало матча. Что касается местоположения Гвадалахары, то оно никому не давало преимущества: и мы, и англичане привыкли играть на уровне моря. То, что Гвадалахара находится на высоте пяти тысяч футов, считается даже идеальным вариантом, потому что в этом достаточно высоком месте не бывает изнурительной жары с повышенной влажностью, характерной для низменных участков мексиканского побережья. Одновременно Гвадалахара расположена достаточно низко, и игроки здесь не испытывают кислородного голодания.

Наша команда прибыла на стадион в прекрасном

расположении духа. Пока автобус ехал от гостиницы до стадиона, мы устроили себе маленькую «батукаду». Этим словом в Бразилии обозначается карнавальный ритм, который выстукивается любым оказавшимся под рукой предметом. Можно выбивать его на спичечной коробке или на подоконнике, иногда сопровождая какой-нибудь мелодией карнавальной самбы. «Батукада» органично сливается с любой мелодией, что мгновенно поднимает бразильцам настроение. А в преддверии матча для нас это было самым главным. И хотя сборная Бразилии одержала убедительную победу над чехословацкой сборной, а англичане с трудом выиграли у румын, мы не очень обольщались, зная об оборонительной мощи английской команды. К тому же у нас из состава выпал Герсон, получивший травму в первой встрече, и его место занял Пауло Цезарь.

Уже первые минуты игры показали, что наши опасения были не напрасны. Мне представилась прекрасная возможность открыть счет: Жаирзиньо уверенно обыграл сильного английского защитника Купера и сделал мне отличную навесную передачу. Я высоко прыгнул и отправил мяч головой прямо в верхний угол. Вратарь Бенкс находился в противоположном углу. Я радостно закричал: «Го-о-л!» Однако Бенкс, как лосось в стремнине реки, метнулся в угол ворот и, дотянувшись кончиками пальцев до мяча, перевел его через перекладину. Это была самая впечатляющая демонстрация вратарского мастерства на чемпионате — немыслимый бросок! Бенкс спас свои ворота от верного гола. Позже он повторил не менее эффектный бросок и еще раз спас команду от опаснейшего мяча, пробитого при розыгрыше штрафного. Я считаю, что Бенкс был лучшим вратарем чемпионата 1970 года.

К перерыву счет так и не был открыт. Большую часть первого тайма мы господствовали на поле, но нам не удалось пробиться сквозь плотную защиту англичан. В перерыве мы заговорили о возможности сыграть в своем привычном атакующем стиле, но Загало и слышать об этом не хотел. Таким образом, во втором тайме наша тактика оставалась прежней.

Каждый раз, когда мяч переходил на половину поля англичан, они для укрепления обороны оттягивали двух своих нападающих. В результате нам стало еще сложнее проходить их защитные линии и прицельно бить по воротам. Но вместе с тем такая тактика значительно облегчала игру нашей защиты. Складывалось впечатление, что английскую сборную вполне устраивает ничья. Видимо, англичане рассчитывали с большим преимуществом победить чехословацкую сборную. Румыны, как

они считали, дадут серьезный бой нам, и таким образом английская команда выйдет в четвертьфинал.

Однако они недооценили индивидуальное мастерство бразильских игроков, независимо от того, в каком стиле — наступательном или оборонительном — они играли. Импульс исходил от Тостао. Он обвел трех защитников и, даже не глянув в моем направлении, сделал мне отличную передачу. Конечно, я мог бы сам ударить по воротам, в этом, очевидно, не сомневались Бенкс и Купер, которые мгновенно сместились, чтобы преградить полет мячу. Но тут они ошиблись. Я отпасовал Жаирзиньо, и тот забил гол, послав мяч мимо растерявшегося Бенкса.

Мы повели 1:0! Забитый гол окрылил нас. Рамсей немедленно сделал обе допускаемые правилами замены, чтобы восстановить равновесие, но наша защита отбила все атаки, и игра закончилась со счетом 1:0. Приятно было сознавать, что забитый гол начался с прекрасной комбинации Тостао, за которого я так переживал!

Победа над сборной Англии имела исключительное значение. Для болельщиков этот матч был не просто состязанием двух прежних победителей мирового чемпионата и двух лучших команд турнира, а соперничество представителей двух разных школ современного футбола. Когда я говорю, что в том матче мы старались копировать манеру игры англичан, нельзя понимать это однозначно. К началу чемпионата 1970 года существовало мнение, что лучшая защита у английской сборной, а лучшее нападение у нас. Некоторые даже утверждали, что идеальная непобедимая команда обязательно включала бы в себя бразильское нападение и английскую защиту. Что ж, может быть. А может, и нет. Здесь надо учитывать, что мощь английской обороны объяснялась слабостью ее нападения. Ведь англичане постоянно оттягивали в оборону нескольких нападающих, ослабляя тем самым нападение.

С другой стороны, критики бразильской манеры игры постоянно упрекали нас в ненадежности наших оборонительных линий. Эти упреки основываются на том, что у бразильцев четверо играют в линии нападения, из-за чего защита в случае необходимости лишается поддержки этих нападающих. Однако различие в манере игры европейцев и южноамериканцев не сводилось к тому, что у одних в линии атаки или защиты на одного игрока меньше, а у других больше. На мой взгляд, нельзя забывать цель футбольной игры. Она заключается в том, чтобы забивать голы, а не в том, чтобы предотвращать их. Нулевыми ничьими не выиграть турнира, я уж не говорю о симпатии зрителей. А ведь болельщик дает футболу жизнь, без него эта

игра утрачивает свою прелесть.

Справедливости ради необходимо отметить, что в английской сборной играли выдающиеся футболисты: Бенкс, Бобби Мур, Купер, Бобби и Джек Чарльтоны. Они могли бы успешно выступать в любом бразильском клубе, и это не просто комплимент.

Взволнованные и счастливые, мы вернулись после игры в гостиницу. Нас встречала огромная толпа бразильцев и мексиканцев, продолживших торжество до глубокой ночи. Спать было невозможно. Гудели автомобильные сирены, люди пели и плясали. Можно было подумать, что уже завоевано звание чемпионов мира, хотя мы еще не вышли даже в четвертьфинал. Мы чувствовали в себе уверенность, которая, однако, не имела ничего общего с самоуверенностью. Англичане оказались твердым орешком. И даже они еле-еле одолели румын, поэтому в предстоящей игре с румынской сборной нельзя расслабляться и переоценивать свои силы. Не так-то просто будет выиграть этот матч.

10 июня, то есть через три дня после выигрыша у сборной Англии, мы встречались с румынской командой. Надо сказать, румыны, ко всеобщему удивлению, обыграли чехословацких футболистов, в результате их акции на чемпионате мгновенно подскочили. Двое их нападающих — Дембровски и Думитраке — демонстрировали игру высокого класса. На наше счастье, не выступал их прекрасный вратарь Рэдукану. По слухам, он не мог играть из-за наложенного на него дисциплинарного взыскания. Когда румынская команда приехала на чемпионат, о ней ничего не было известно. Поэтому кое у кого сложилось мнение, что среди шестнадцати участников румыны оказались Случайно. Однако эта команда доказала всем, что ее приезд в Мексика был совершенно закономерен.

Загало был само спокойствие: он дал отдохнуть Ривелино, позволил Герсону продолжить лечение травмированного бедра. На следующую игру был заявлен нападающий Пиацца. За небольшим исключением состав команды остался прежним.

В этом матче мы с самого начала захватили инициативу. Наш соперник нервничал, ведь ему противостояла команда с впечатляющим послужным списком и богатым опытом. На девятнадцатой минуте, получив передачу, я прошел с мячом сквозь румынскую защиту и без труда забил наш первый гол.

Минутой позже Жаирзиньо, подхватив мяч у боковой линии, обыграл защитников и уверенно провел второй гол. После этого мы почувствовали, что в состоянии забить сколько угодно голов...

и расслабились. Тогда Думитраке обошел всех бразильских защитников, словно их вообще не существовало, и запросто расправился с нашим вратарем Феликсом. Красивейший гол! Мы предприняли все возможное, чтобы восстановить упущенное преимущество, но тщетно: поначалу столь почтительные к нам румыны убедились, что они ничуть не уступают бразильцам. Первый тайм так и закончился с нашим минимальным преимуществом.

Едва начался второй тайм, как я забил третий гол. И снова нас охватило радостное возбуждение. Мы уверовали, что на нас снизошло вдохновение, которое обеспечит нашей команде победу с крупным счетом. Однако после этого гола румыны стали играть плотнее, пресекая все наши попытки приблизиться к воротам. Когда до конца матча оставалось восемь минут, Дембровски аккуратно принял навесную передачу и пробил мяч мимо Феликса прямо в сетку ворот. Разрыв в счете снова сократился, но игра вскоре закончилась. Бразильская сборная победила со счетом 3:2.

Легкой победы, на что мы так надеялись в самом начале игры, не получилось. Я убежден, что из-за нашей самоуверенности в первом тайме матч вполне мог закончиться ничьей или даже поражением команды Бразилии. Я был в восторге от игры румынской сборной и думал, что со временем она добьется еще больших успехов в матчах на первенство мира. Я размышлял и о том, что самоуверенность, подобно слабой физической подготовке, может перечеркнуть все шансы команды на успех. Между прочим, нам рассказывали, что в матче с английской командой румыны постоянно нарушали правила, но во встрече с нами они играли весьма корректно.

Как бы там ни было, мы вышли в заветный четвертьфинал, и теперь нашим соперником стала сборная Перу.

Встреча с футболистами Перу должна была состояться на стадионе в Гвадалахаре, что давало нам преимущество перед нашими соперниками. Дело в том, что команда Перу попала в четвертую подгруппу, игравшую в Леоне, и теперь ей предстояло выступать на стадионе, который уже стал для нас «родным». Почти все игроки бразильской сборной были знакомы с перуанскими футболистами. В 1968 году мы два раза встречались с ними в Лиме, а потом они приезжали к нам. Всем нам были хорошо известны такие имена, как Кубиллас, Перико Леон, Байлон, Хумпитаз, Рамон Миффлин и Галлардо. Мы, конечно, слышали, что за последние годы они стали играть лучше. Перуанцы в своей подгруппе взяли верх, тем не менее нас не

покидала уверенность, что мы их одолеем.

Некоторые наши сомнения накануне этой встречи были связаны не с игроками, а с их тренером. Перуанскую команду тренировал Диди, наш старый товарищ по бразильской сборной 1958 и 1962 годов. Он был прекрасным футболистом и оказался великолепным тренером — его подопечные вошли в число шестнадцати участников чемпионата. Диди, столько лет игравший вместе с нами, знал все наши сильные и слабые стороны, знал, что мы представляем собой в техническом и тактическом отношении. Мне трудно было представить Диди в стане наших соперников. Интересно, какое у него будет ощущение при виде своих старых друзей и товарищей по команде, которые в этом матче станут его противниками? Я пытался представить себя на его месте и не мог. Но можно было не сомневаться — Диди сделает все, чтобы победить своих старых друзей и товарищей по команде. А это «все» вбирало в себя действительно очень многое.

Вечерами накануне игры с Перу вся наша команда, как правило, собиралась вместе. Под руководством Загало мы просматривали видеозаписи своих предыдущих матчей, а также матчей наших соперников, обсуждали тактические особенности своей игры в предстоящих встречах. Такие обсуждения носили откровенный характер, и каждый игрок — неважно, ведущий или запасной — мог свободно высказывать свое мнение, а также критические замечания. Главное, чтобы они были конструктивными и служили интересам дела. Такие встречи способствовали тому, что мы ощущали себя, как одна «семья».

Все началось с того, что как-то вечером позвонила из Сантуса Розмари:

«Здесь, дома, мы все молимся за тебя. Моя семья, твои родные, Келли и я. Не только за тебя, а за всех вас там, в Мексике. Почему ты этого не делаешь? Все вы?»

Я не знал, что ответить. Меня глубоко взволновал разговор с нею, ощущение духовной близости. Вдруг я почувствовал себя одиноким, мне захотелось увидеть жену, дочь, дом, своих родных. Не помню, что я тогда ответил, но после того телефонного разговора у меня возникла идея. Я поговорил с некоторыми игроками. Мне казалось, это мало подходящая тема для наших вечерних совещаний, на которых обсуждались тактические установки на предстоящие матчи. Я посоветовался с Рогерио и Карлосом Альберто, оба поддержали меня. Тогда мы изложили свою идею главе нашей комиссии Антонио ду Пассу, тот с нами согласился. И вот в одном из номеров гостиницы мы стали вчетвером регулярно совершать молитву, а затем шли на наши

тактические занятия. Чуть позже к нам присоединился Тостао, потом Пиацца, Марио Америко, Марко Антонио. Вскоре в ежедневной молитве участвовала почти половина нашей спортивной делегации, в которой было сорок человек. Это молитвенное собрание проходило без какого-либо принуждения, ведь не все члены делегации были католиками, а из католиков не все ощущали потребность молиться вместе с нами, чего мы от них и не требовали. Главное было ощутить дух единства.

Мы никогда не молились конкретно за победу в чемпионате или в каком-то отдельном матче, ибо это извратило бы смысл молитвы. Но мы каждое утро ощущали побудительный мотив для своей вечерней молитвы. Молились за бедных, калек, болящих, обращаясь мысленно к жертвам войны во Вьетнаме, к ни в чем не повинным жертвам всех войн, желали благополучия нашим любимым. И хотя при этом не упоминалось достижение победы в играх, все молились за то, чтобы и мы, и наши соперники избежали травм.

Я убежден, что молитвенные собрания не решали исхода игр, но, несомненно, помогали нам ощутить себя единой семьей, содействовали углублению взаимного уважения и понимания.

Матч со сборной Перу был назначен на 14 июня. Наши соперники приехали на чемпионат после сильнейшего землетрясения, в результате которого погибли тысячи их соотечественников. Перуанские футболисты впервые в истории вышли в финал чемпионата мира. По этой причине сборной Перу принадлежали симпатии темпераментных мексиканцев. Мы, бразильцы, естественно, с пониманием отнеслись к нашим соперникам и также симпатизировали им. Но это вовсе не значило, что мы готовы были им проиграть.

Матч сам по себе доставил много радости. Обе команды отвергали оборонительную манеру, характерную для европейского футбола, и беспрестанно атаковали друг друга. Загало, которому после победы над англичанами пришлось по душе оборонительная игра на контратаках, в конце концов согласился с нами, что оборонительный вариант, особенно в матче с южноамериканским соперником, да еще с командой, которую тренирует Диди, был бы ошибкой. Поэтому он разрешил нам играть в привычный для нас футбол, и результаты матча подтвердили правильность принятого им решения. Поскольку Диди всегда был по душе атакующий футбол, этот матч, как я уже говорил, доставил нам истинное удовольствие.

На поле снова вышли Герсон и Ривелино. Мы были настроены на выигрыш. Вскоре после начала игры перуанский защитник

Кампос, пытаясь принять на грудь посланный в штрафную площадку мяч, поскользнулся. Тостао оказался тут как тут. Он передал мяч Ривелино, и тот, прежде чем успел среагировать вратарь Рубинос, послал мяч в сетку ворот. Некоторое время спустя все тот же Тостао, отличавшийся удивительной реакцией, обманным движением обыграл сначала защитника, потом вратаря Рубиноса и забил второй гол. До перерыва перуанцам все-таки удалось отыграть один гол: вратарь Феликс не рассчитал траекторию навесной передачи, сделанной Галлардо, и мяч оказался в наших воротах. Первая половина игры закончилась со счетом 2:1 в пользу сборной Бразилии.

Через несколько минут после начала второго тайма, получив мяч, я увидел, что Тостао находится прямо у ворот перуанцев. Вновь была разыграна традиционная комбинация. Я с подрезкой навесил мяч в его направлении. Тостао занес ногу для удара, но не ударил, а только чуть подправил мяч, и он, пролетев мимо вратаря, оказался в сетке ворот. Мы опять повели с разрывом в два гола. Но перуанцы скоро вновь отыграли один гол. Сотил, заменивший Бейлона, обыграл нашего Брито и передал мяч Кубиласу. Тот из всех сил ударил метров с двадцати. Вратарь бессилен был что-либо сделать. Вскоре, однако, Жаирзиньо восстановил разрыв в счете. Рубинос бросился под удар, но тщетно. В итоге матч закончился со счетом 4:2 в нашу пользу.

Когда мы направлялись в раздевалку, нам еще не было известно, кто станет нашим соперником в полуфинале. Матч СССР — Уругвай еще продолжался. Мы не стали принимать душ и переодеваться, а сели слушать радиорепортаж. После двух таймов счет оставался ничейным, все решало дополнительное время. На последних секундах уругваец Эспарраго забил победный гол. Результат матча нас вполне устраивал, и мы довольные направились в душевые. Ведь встречи с уругвайской сборной мы ждали давно, целых двадцать лет!

Это было 16 июля 1950 года, дата, которую помнят все бразильцы. У нас в доме холодно. Как я уже говорил, не во всей Бразилии стоит круглый год жара. На planalto^[11], где расположен Бауру, бывает очень холодно. У нас гости — это друзья моего отца, которые пришли послушать радио. Чтобы побережь дрова, все сгрудились вокруг горячей печки. Мне вспоминается маленький приемник с двумя ручками, он почему-то лучше принимал Рио-де-Жанейро, чем расположенный ближе к нам Сан-Паулу. Поэтому мы слушаем Рио. Впрочем, сейчас это не имеет никакого значения, так как все радиостанции Бразилии транслируют одно и то же волнующее событие — финальный

матч на первенстве мира, который проходит на стадионе «Маракана».

Каждый из присутствующих в комнате вместе с семьюдесятью миллионами бразильцев по всей нашей огромной стране отдал бы все, лишь бы оказаться среди огромной толпы, переполнившей в этот вечер трибуны стадиона. Между прочим, самый большой стадион мира построен специально для проведения мировых чемпионатов. Он рассчитан на неслыханное число зрителей — 200 тысяч, но сегодня их собралось значительно больше. Мы вслушиваемся в каждое слово радиокomentатора. Он рассказывает о жутких сценах, которые разыгрались здесь перед началом матча. Работники стадиона всеми силами старались очистить проходы от упорных «дополнительных» болельщиков. Радиокomentатор говорит о болельщиках, которые залезли на стены и оттуда кажутся муравьями. Люди облепили крыши близлежащих домов. Рискую жизнью, некоторые вскарабкались даже на радиомачту. Мы им бесконечно завидуем.

Волнение болельщиков — и тех, кто находится на стадионе «Маракана», и тех, кто собрался вокруг радиоприемника у нас в доме, — нарастает. Впервые в истории чемпионатов Бразилии вышла в финал самого главного турнира мирового футбола. Мы оказались победителями в своей подгруппе, обыграв команду Мексики 4:0, сведя вничью матч со сборной Швейцарии 2:2 и, наконец, взяв верх над командой Югославии 2:0. Затем в четвертьфинале мы разгромили сборную Швеции 7:1, а в полуфинале — Испании 6:1. И вот теперь в финале мы встречаемся с нашим давним соперником — сборной Уругвая, которая уже была обладателем Кубка Жюля Риме в 1930 году. Но сейчас у них не такая сильная команда. По мнению большинства наблюдателей, уругвайцам страшно везло еще на стадии отборочных матчей, не говоря уже о финале. Но сегодня бразильская сборная покончит с этой полосой везения.

Наши гости взволнованно размышляют о том, как по окончании победного для Бразилии матча (иначе и быть не может!) в городе начнутся стихийные торжества. Я тяну отца за рукав.

«Па-а-па...»

Дондиньо не любит, когда ему мешают беседовать с друзьями. Наклонившись ко мне, он говорит:

«Ну что случилось, Дико?»

«Можно, я пойду с тобой на праздник после игры?»

Дона Селесте качает головой в знак несогласия, но Дондиньо делает вид, что не видит этого.

«Конечно, малыш, — отвечает он с улыбкой. — Только ненадолго».

В этот момент я испытываю к отцу самые теплые чувства. Для меня это предел мечтаний. Я пытаюсь сдержать слезы радости, но мне это не удается. В минуты особого волнения у меня всегда текут слезы. За согласие отца взять меня с собой я тайно поклялся, что никогда не буду прогуливать уроки, что буду вкалывать, как проклятый, что стану адвокатом, врачом или кем угодно. Конечно, я не брошу футбола, но он отойдет на задний план. Я буду делать все, что потребует от меня донна Селесте. Я буду безропотно подчиняться, я обещаю никогда не лгать и не драться больше с мальчишками и еще я...

Но вот начинается игра, и я забываю, в чем еще хотел поклясться самому себе. Мой кумир — вратарь бразильской сборной Барбоза. В защите играют двое — капитан Аугусто и Ювенал. В полузащите трое — Бауэр, Данило и Бигоде. Пятеро (вот это игроки!) нападающих — Фриаса, Зизиньо, Адемир, Жанр и Чико! Болельщики горячо подбадривают своих любимцев. На ворота уругвайской сборной накатывается шквал атак, в которых участвуют Зизиньо, Адемир и Жаир. Они держат в постоянном напряжении уругвайцев. Защитникам Андраде и Вареле с трудом удастся отразить эти атаки. То и дело приходится вступать в игру их вратарю Масполи. Он всегда оказывается на месте. На шестнадцатой минуте у бразильцев прекрасная возможность открыть счет, но Андраде хладнокровно отбирает у них мяч и отправляет его подальше от опасной зоны. Семь минут спустя Жаир упускает реальный шанс — Масполи в последний момент успевает сделать немислимый бросок. Надо отдать должное вратарю, он играет отменно. Но ведь даже самый лучший вратарь не может отразить все удары по воротам! Теперь уже никто не сомневается в исходе встречи.

Бразильская сборная господствует на поле на протяжении всего первого тайма, нашему вратарю Барбозе нечего делать. При таком преимуществе не может быть сомнения, что гола уругвайцам не избежать, это лишь вопрос времени.

Бразильцы снова идут в атаку. Третий угловой у ворот соперника. Фриаса выходит на передачу и резко бьет по воротам. Но Масполи опять спасает свою команду от верного гола.

И чего этот парень не сломает себе ногу? Он просто вездесущ. Уругвайская команда все время играет только в обороне, а таким образом матч не выиграть, особенно этот! Но даже ничья обеспечивает бразильской сборной победу в чемпионате по очкам. Поэтому зачем беспокоиться? Правда, в конце первого тайма уругвайская сборная дважды переходит на нашу половину

поля, но Барбоза легко отражает удары Мигуэзы и Скъяффино. Звучит свисток судьи. Команды уходят на перерыв при нулевом счете.

Наши гости улыбаются и спокойно ждут окончания перерыва. И вот снова звучит голос комментатора, обе команды выходят на поле. Мы напряженно склоняемся над радиоприемником. Все уверены, что уругвайцы не смогут долго оказывать нам сопротивление, и словно в подтверждение этого на второй минуте Зизиньо и Адемир искусно разыгрывают мяч и, вытянув на себя уругвайских защитников, прорываются по левому краю. Следует короткий пас ожидавшему передаче Фриасе, который с разбегу бьет по воротам мимо растерявшегося Масполи. Го-о-о-л! В нашем доме раздается невообразимый шум. Радио-комментатора захлестывает поток эмоций. Стадион «Маракана» вот-вот рухнет от восторженных криков болельщиков.

Наш дом слишком мал, чтобы вместить в себя всю радость пришедших гостей, поэтому мы выбегаем на улицу, где соседи в восторге хлопают друг друга по спинам. В небо взмывают ракеты, их огненные стрелы выхватывают из темноты отдаленные холмы. До нашего слуха через равномерные промежутки времени доносятся пушечные выстрелы. Дети путаются под ногами у своих родителей; они хоть и не понимают причины та-кого возбуждения, все равно страстно желают принять в нем участие. Но чтобы дослушать радиорепортаж, надо спешить домой, ведь в матче нет пауз, и игра продолжается.

Снова припав к радиоприемнику, мы с идиотской ухмылкой смотрим друг на друга, как заговорщики. Между тем общая картина в матче меняется. Все больше чувствуется преимущество уругвайцев, сейчас они явно сильнее. Но проигрывая один мяч, на что они рассчитывают? Мяч попадает к Вареле. Он делает передачу нападающему Гиггии, тот обыгрывает наших защитников и пасует на выход Скъяффино. Именно ему суждено забить гол в наши ворота — Барбоза был бессилен.

Мы в оцепенении смотрим друг на друга, потом качаем головами. Счет снова ничейный, но бразильцам для победы в чемпионате достаточно и ничьей! Так что для волнений нет причины. А если взвинтить темп, то наверняка можно забить еще один гол. Позиционное преимущество, однако, у уругвайцев. Мяч у Гиггии, он делает передачу Перезу. Тот обманным движением обыгрывает Жаира и отбрасывает мяч Гиггии — опять им удастся проход по флангу. Гиггия оказывается лицом к лицу с Барбозой. Еще одно обманное движение на полном ходу, удар — и мяч в сетке ворот. Сборная Уругвая впереди — 2:1.

Матч так и заканчивается с этим счетом. Это означает, что мы

проиграли.

Бразилия проиграла... Я никогда не забуду этого дня, этого часа. Мне казалось, Бразилия проиграла войну, в которой она отстаивала свои права, причем не только проиграла, но и заплатила за это дорогой ценой: немыслимым унижением и многими убитыми. Все пребывали в состоянии безутешной скорби. Я был в слезах и долго не мог уснуть. Но плакал не я один. Впервые в жизни увидел я, как плачут взрослые. Слезы стояли в глазах Дондиньо. Я видел, как он играл с распухшим коленом, каждый шаг был для него пыткой, но я не видел тогда слез в его глазах. Теперь он плакал.

Я пришел в комнату родителей, где на стене висело распятие, и стал молиться: «Боже, как это могло случиться? Почему ты позволил? Ведь наша команда была лучше! Даже уругвайцы знают это. Почему же нам было суждено проиграть? Почему такая суровая кара? В чем наша вина? Разве быть лучшей командой — это грех?»

Я продолжал рыдать, слезы текли по моим щекам.

«Боже, — приговаривал я, — если бы сегодня я был на поле, клянусь, мы бы выиграли. Мы бы ни за что не проиграли этот чемпионат. Мы бы разгромили их! Если бы Дондиньо играл за нашу команду, он наверняка забил бы второй гол, и победа была бы за нами».

После этой молитвы я почувствовал, что выбор профессии для меня сделан. Я решил стать футболистом, по крайней мере, таким же, как Дондиньо, чтобы однажды выйти на игру с Уругваем и отомстить. Я поклялся, что обязательно отомщу Уругваю!

В тот вечер улицы города были пусты. А на следующий день уже никому не хотелось играть в футбол. Никто не желал даже говорить о футболе. Нам хотелось забыть этот матч.

Но мы не смогли его забыть. И вот двадцать лет спустя мне наконец представилась возможность выполнить свое обещание. За эти минувшие двадцать лет бразильской сборной ни разу не довелось встретиться с уругвайцами на чемпионатах мира. Наконец этот день настал. Мы просто не могли себе позволить проиграть, иначе хоть не возвращайся, стыдно будет посмотреть в глаза соотечественникам. В состав нашей команды входили и такие игроки, как двадцатидвухлетний Клодоалдо. Им, наверное, трудно было себе представить, какой осадок оставило это поражение в душах всех бразильцев. Но большинство из нас долго, очень долго носило в сердцах эти переживания. Я знал, что в Мексику в качестве спортивных комментаторов приехали два

игрока бразильской сборной 1950 года — Зизиньо и Адемир, которым наверняка памятен тот день. Я не сомневался, они радуются победе уругвайцев над русской сборной только потому, что это позволило нам скрестить с ними шпаги.

Ночь накануне матча трудно забыть. Все члены комиссии, все прибывшие из Бразилии спортивные комментаторы, все бразильские журналисты и обозреватели считали своим долгом приехать к нам в гостиницу, чтобы повторить одни и те же слова, хотя мы сами все прекрасно понимали:

«Если вы проиграете, — говорили они, — это будет печально, но это можно пережить. Не такая уж редкость, когда команда играет очень хорошо, а в итоге проигрывает. Но в том-то и дело, что Уругваю проиграть никак нельзя! Эта кость торчит в нашем горле уже целых двадцать лет, и вы можете покончить со столь неприятным воспоминанием. Они сегодня всем рассказывают, что при виде уругвайской футболки у бразильцев трясутся поджилки, что от страха перед ними вы можете показаться на поле только под прикрытием полиции! Нет, проиграть уругвайцам никак нельзя!»

Нам снова повезло. Матч проводился на уже ставшем нам родным стадионе в Гвадалахаре. Уругвайцы высказывали неудовольствие в связи с тем, что должны были покинуть привычный им Мехико и играть в Гвадалахаре, которая расположена на целую тысячу метров ниже. Но когда матч начался, никто не заметил, чтобы им что-то мешало. Игра развивалась совсем не так, как двадцать лет назад. Тогда бразильцы имели позиционное преимущество и первыми забили гол. Теперь игра уругвайцев не отличалась особым блеском, а бразильская сборная выглядела откровенно слабо. Надо признать, что наши соперники производили более солидное впечатление, чем мы. На восемнадцатой минуте Клодоалдо от волнения отдал мяч прямо в ноги Кубилле, от него мяч отскочил на правый край Пиацце, который вместо того, чтобы отыграть мяч другому игроку, пробил его по собственным воротам. Мяч под самым носом у нашего вратаря, скользя по траве, влетел в угол ворот. Уругвай повел в счете 1:0.

Преимущество в один гол уругвайская сборная удерживала почти до перерыва. В конце первого тайма Клодоалдо, преодолев волнение, исправил допущенную ошибку. Подхватив мяч, посланный Тостао, он прошел сквозь оборонительный заслон уругвайской сборной и забил гол Мазуркевичу. Счет сравнялся. Это был исключительно важный гол для бразильской сборной, ибо он вывел нас из летаргического состояния.

В первом же тайме я чуть не забил еще один гол. Мазуркевич

при атаках на его ворота имел обыкновение не ловить мяч, а отбивать своим защитникам в пределах штрафной площадки. Я знал эту привычку вратаря уругвайцев и терпеливо ждал. Подкараулив момент, когда он в очередной раз отбил мяч, я на скорости ворвался в промежуток между вратарем и защитниками и завладел мячом. Последовал резкий удар по воротам. И только фантастическая реакция Мазуркевича не позволила нам повести в счете. После этого уругвайский вратарь был более внимателен и уже не отпускал мяч далеко от себя.

Во втором тайме бразильская сборная беспрестанно атаковала. Игра становилась все более резкой. Уже в первом тайме уругвайцы, вообще отличавшиеся грубой игрой, вели себя так, словно на поле не было никакого судьи. Замечу, что матч судил очень хороший арбитр испанец Ортиз де Мендибиль. Мы получили право на несколько свободных ударов. И снова высокое мастерство Мазуркевича не позволило, чтобы наше преимущество воплотилось в голы. Но так не могло продолжаться все время. За пятнадцать минут до конца матча Тостао сделал передачу Жаирзиньо, тот на полном ходу обыграл двух защитников и послал мяч в сетку ворот. На последней минуте игры, оттянув на себя защитников, я передал мяч Ривелино, и он довел счет до ЗН. Итак, матч Бразилия — Уругвай закончился со счетом 3:1.

Я представлял себе, с каким волнением эта победа будет воспринята по всей Бразилии и прежде всего в Бауру. Наконец, смыт позор поражения, полученного от уругвайцев двадцать лет назад, и я был счастлив, что в составе команды способствовал достижению этой цели.

Несмотря на грубую и резкую игру наших соперников, никто из нас, к счастью, не получил серьезной травмы. В уругвайской сборной великолепно проявил себя вратарь Мазуркевич, который спас команду от крупного поражения. На меня сильное впечатление произвела игра уругвайского защитника Матосаса и нападающего Кубиллы. В общем и целом Уругвай на чемпионате представляла сильная команда, но, по-моему, она делала слишком большой акцент на оборону. Часто уругвайцы оттягивали всех своих игроков в защиту с единственной целью не дать нам забить гол. Но это им не удавалось, ибо при контратаках уругвайцы не успевали послать вперед достаточное количество своих игроков и тем самым заведомо лишались шансов на успех. Конечно, оборона — дело важное, но она должна быть в правильном соотношении с нападением. Ведь уповая только на оборону, победы не жди. При этом можно добиться только одного — избежать поражения. А избежать поражения еще не значит победить.

Итак, нам осталось сыграть всего один матч. В случае нашего успеха он позволит нам навечно сохранить за собой Кубок Жюля Риме. В Мехико сборная Италии, обыграв команду ФРГ со счетом 4:3, стала нашим соперником в финале. Неужели мы упустим свой шанс и не завоюем этот почетный трофей?

Италия тоже побеждала дважды в мировых чемпионатах — в 1934 и 1938 годах. И теперь, победив в третий раз, итальянцы могут сохранить за собой золотой кубок, а нам придется начинать всю борьбу заново. Мы решили, пусть лучше наши соперники окажутся в таком положении.

Когда в 1958 году мы отправлялись на мировой чемпионат в Швецию, многие в Бразилии утверждали, что наши шансы на завоевание чемпионского титула невелики — слишком мы молоды и не обладаем необходимым опытом. В 1962 году скептики опять же убеждали, что нам не на что рассчитывать, ибо мы уже недостаточно молоды и утратили былую свежесть. В 1966 году, когда никто не сомневался в нашей победе, выступление бразильской сборной закончилось провалом. И вот теперь, в 1970 году, когда сборная готовилась вылететь на чемпионат в Мексике, многие из тех же самых бразильских критиков вновь принялись доказывать, что победы нам не видать, поскольку мы слишком молоды и не обладаем достаточным опытом.

Что ж, нашим вечным критикам можно было ответить только одним — игрой на футбольном поле.

Глава шестнадцатая

Финальная игра чемпионата мира 1970 года состоялась на величественном стадионе «Ацтека» в Мехико. Высота над уровнем моря, на которой расположена столица Мексики, не причиняла нам никаких неудобств. Прежде чем отправиться в Гвадалахару, мы проводили тренировочные игры в Леоне, Ирапуато и Гуанахуато, которые расположены почти на той же высоте, что и Мехико. Мы полностью акклиматизировались и были готовы к игре. Правда, когда мы только прибыли в Мексику, некоторые игроки жаловались на кислородное голодание, что объяснялось скорее психологическими причинами. Но скоро это прошло, и к моменту приезда в Мехико для участия в финале мы были в отличной спортивной форме. Еще важно помнить, что итальянцы тренировались и выступали в Толуке, самом высокогорном городе Мексики. Кроме того, их полуфинальная игра со сборной ФРГ состоялась на стадионе «Ацтека», таким образом, они лучше нас были знакомы с полем и наверняка не хуже нас приспособились к условиям высокогорья. Я считался самым опытным в команде и всячески старался успокоить своих молодых товарищей, которым впервые предстояло участвовать в такой игре. По сравнению со всеми другими матчами напряжение, которое ложится на плечи игроков в финальной игре, в несколько раз выше. Финал решает все. Это кульминационный пункт чемпионата. Главное — завоевать чемпионское звание. Второе место, разумеется, тоже почетно, но кто вспомнит, к примеру, второго финалиста в чемпионате 1938 года, когда победителем оказалась сборная Италии? Или соперника Англии в финале 1966 года? Скажите, ну у кого остался в памяти уже неделю спустя серебряный призер чемпионата 1978 года? Ценится победа и только победа.

Прибыв в столицу, мы отказались от многочисленных приглашений на приемы и соблюдали строгий режим «концентрации». Я согласился дать несколько интервью для печати и радио — главным образом в расчете на то, что моя уверенность в победе передастся молодым игрокам и поможет им преодолеть естественное в таких случаях волнение. В душе я был убежден, что в финальном матче мы не столкнемся с большими трудностями. Я знал, что представляют собой Факкетти, Бургнич, Маццола (не наш Маццола, игравший теперь под своим настоящим именем Алтифини, а сын знаменитого левого полусреднего Валентине Маццолы, который был капитаном итальянской сборной в 1950 году). Я был знаком также с Доменгини и с некоторыми другими. Мне приходилось играть

против них. Я видел матчи с их участием, знал все их слабые и сильные стороны.

Кроме того, семнадцатого июня в матче против сборной ФРГ итальянской команде пришлось выяснять свои отношения с соперником в дополнительное время. Причем все сто двадцать минут они играли на мокром поле, а это для команды не проходит бесследно.

Лично для меня победа над сборной Италии означала бы третий по счету реванш на чемпионате 1970 года. Первый был взят у команды Англии — за плохое судейство, от которого мы пострадали в 1966 году в Ливерпуле. Второй, естественно, касался сборной Уругвая. А третий (я не уставал повторять) мы должны были взять у итальянцев за победу в 1938 году над сборной Бразилии. В тот год никого из нас еще не было на свете. Просто я старался поднять дух игроков, хоть это было очень давно, и итальянцы выиграли у бразильцев не в финале, а в полуфинале.

В то дождливое утро двадцать первого июня 1970 года мы ехали на стадион «Ацтека», и вдруг, у меня, несмотря на уверенность в своих силах, на глаза навернулись слезы. В автобусе звучала привычная мелодия, которая поднимала настроение перед ответственным матчем. Неизвестно откуда взявшийся комок подкатил к горлу, и из глаз хлынули слезы. К счастью, никто этого не заметил. Я держал трещотку, которой отбивал ритм, и в тот момент, когда у меня вдруг потекли слезы, сделал вид, что трещотка выскользнула из рук и упала на пол. Некоторое время я просидел нагнувшись — будто поднимал упавшую трещотку. Потом пришел в себя. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь видел эти слезы. Нервы игроков и без того были на пределе. Не знаю, что послужило причиной неожиданного срыва, но после этого я ощутил в себе какую-то удивительную легкость. А когда мы вышли из раздевалки на поле, ко мне полностью вернулось самообладание, и я уже ни на секунду не сомневался, что победа будет за нами.

Состав нашей сборной выглядел следующим образом. Вратарь — Феликс. Защита — Брито, Карлос Альберто (капитан), Пиацца и Эвералдо; полузащита — Герсон и Клодоалдо; нападение — Жаирзиньо, Тостао, Ривелино и я. Итальянцы вышли на матч в таком составе: вратарь — Альбертози; пять защитников — Кера, Бургнич, Розато, Бертини и Факкетти; два полузащитника — Маццола и де Систи; три форварда — Доменгини, Бонисенья и Рива. Судил матч Глекнер из ГДР. На игре присутствовало сто десять тысяч зрителей. Более девяносто

миллионов (!) следили за этим матчем по телевидению, что в десять раз превышало телевизионную аудиторию, наблюдавшую до тех пор за спортивными соревнованиями.

Свой первый гол мы забили уже на семнадцатой минуте. Ривелино навесил мяч на ворота, я выпрыгнул выше защитников и ударил его головой. Скользя по кончикам пальцев вратаря Альбертози, мяч влетел в сетку. Я бежал как безумный, подпрыгивал, размахивал кулаками и истошно кричал: «Го-о-л!» Меня догнали товарищи по команде, повалили на траву. Этот гол убедил меня, что точная игра нашего нападения и оборонительная тактика итальянцев обеспечат нам успех и что теперь только грубая ошибка бразильцев позволит сопернику вырвать победу.

Мои опасения подтвердились. На тридцать седьмой минуте Клодоалдо неосмотрительно отыграл пяткой мяч Брито. Но мяч до адресата не дошел, а попал в ноги к итальянцу. Тот мгновенно рванулся с ним в нашу штрафную площадку. Феликс выбежал ему навстречу и напрасно: игрок обошел вратаря и спокойно вкатил мяч в пустые ворота. Счет сравнялся.

Если бы этот гол был результатом преимущества итальянской команды, а не грубой ошибки вратаря, можно было бы усомниться в нашей способности удержать инициативу и сохранить шансы на победу. Или если бы итальянцы воспользовались нашим коротким замешательством, можно было бы предположить, что победа ускользает из наших рук. Но ни того, ни другого не было. Итальянская команда даже не попыталась атаковать и продолжала играть в своей оборонительной манере, что позволило нам преодолеть замешательство и перейти в наступление.

Заканчивался первый тайм. До перерыва оставалось полминуты. Мяч был у меня, я уже изготавился для удара по воротам, но раздался свисток, возвестивший, что время первой половины матча истекло. Как известно, фактическое время матча фиксирует судья на поле, а не электронные часы на стадионе. На меня вдруг нахлынули неприятные воспоминания. Неужели судья-европеец снова будет с пристрастием относиться к южноамериканской команде, как это не раз уже случалось в прошлом? С этим тревожным чувством я вошел в раздевалку. Вторая половина матча показала, что мои опасения были напрасны. Судья был беспристрастен и действовал очень четко.

На двадцать первой минуте второго тайма, воспользовавшись тем, что итальянская защита была занята только мною и Жаирзиньо, Герсон прошел по центру и сделал мощный удар, который застал врасплох вратаря Альбертози. С этого момента

уже никто не сомневался в исходе игры. Через пять минут Герсон разыграл со мной штрафной удар, я переправил мяч Жаирзиньо, и тот точно пробил по воротам — 3:1. А когда до конца игры оставалось три минуты, Жаирзиньо сделал передачу мне. Я отбросил мяч вправо от себя прямо на выход Карлосу Альберто, и тот пробил без обработки. Это был наш последний гол в чемпионате мира. Мы победили со счетом 4:1.

Выиграв мировой чемпионат в третий раз, мы завоевали золотой Кубок Жюля Рима навечно, а я стал трехкратным чемпионом мира по футболу! Нелишне заметить, что мне довелось сыграть во всех отборочных матчах, во всех тренировочных встречах со спарринг-партнерами, во всех матчах на самом чемпионате. Наконец-то можно было отбросить мучительный суеверный страх, порожденный преследовавшими меня ранее травмами.

Что можно было сказать об игре итальянской сборной? Надо отдать ей должное. Она играла хорошо. Но окончательный счет матча не отражает истинного положения вещей. Италия направила на чемпионат мира 1970 года сильную команду, которая продемонстрировала игру в стиле европейского футбола. В сборную были включены футболисты, отличавшиеся ярко выраженной индивидуальной манерой игры. На мой взгляд, лучшим а их команде был всегда жадный до гола нападающий Доменгини. Он весь был нацелен на атаку. В течение всего матча Доменгини больше других держал нашу команду в постоянном напряжении. Откровенно слабо провел матч Рива — он сыграл ниже своих возможностей. А ведь за ним утвердилась слава «грозы вратарей». Его проходы по центру всегда были особенно опасны. Однако в Мехико он разочаровал своих болельщиков. Блеснул мастерством Факкетти. В забитых нами голах нельзя винить одного вратаря Альбертози. В поте лица трудился итальянский защитник Бертини, доставивший мне массу хлопот.

Надо сказать, что Бертини весьма искусно применял в отношении меня запрещенные приемы и делал это незаметно для судьи. Когда завязывалось единоборство, он толкал меня в бок или бил кулаком в живот, а при отборе мяча старался ударить в голень. Видимо, он надеялся, что у меня в конце концов не выдержат нервы, я отвечу на грубость грубостью и меня удалят с поля. Причем каждый раз, когда после его грязных штучек я падал на землю, он подбегал к судье и кричал: «Театр!», то есть, что я просто ломаю комедию с целью выпросить одиннадцатиметровый или хотя бы штрафной удар. Бертини действительно разыгрывал эту сцену мастерски. Мне не хотелось

бы винить судью, он ведь не в состоянии следить за каждым на поле одновременно. А Бертини постоянно следил за тем, куда в данный момент смотрит судья.

Так или иначе защитнику Бертини не удалось добиться поставленной цели. Я совладал со своими нервами, ни разу не дал ему сдачи. В том матче на моем счету был один забитый гол, два мяча были забиты с моей подачи. Я не поддался на провокацию и не доставил Бертини сомнительного удовольствия устроить драку, за что мне наверняка пришлось бы уйти с поля. Я многому научился от Дондиньо и Валдемара ду Бриту, ведь у меня за спиной был опыт четырех мировых чемпионатов. Неужели Бертини считал меня настолько глупым, думая, что я потеряю голову и дам себя спровоцировать?

После игры итальянская сборная вела себя достойным образом. Итальянцы подошли к нам и поздравили с заслуженной победой. В этом жесте не осталось и следа от той жестокости, которая так часто проявлялась в их игре с нами. По тому, как Бертини восторженно пожимал мне руку и обнимал, можно было подумать, что он мой нежно любящий брат. Думаю, в таком духе должны заканчиваться все футбольные состязания.

И еще один исключительно важный элемент нашей победы, который я называю игроком под номером двенадцать — это болельщики. И не только бразильцы, которые вообще часто ездят в Мексику, чтобы полюбоваться этой прекрасной страной, а на этот раз приехали на чемпионат, чтобы за нас поболеть. Но и многие тысячи мексиканцев — они превратили стадион «Ацтека» в своего рода «Маракану». В результате мы чувствовали себя как дома в Сан-Паулу или Рио-де-Жанейро. Думаю, что значительная доля нашей победы была достигнута благодаря горячей поддержке болельщиков.

Трудно описать, что творилось после финального свистка на поле. К счастью, эту игру транслировали по телевидению на весь мир, включая Бразилию и, конечно, Бауру, иначе бы мне просто никто не поверил. Толпы болельщиков ринулись с трибун. Отбросив в сторону полицейских, словно их вовсе не существовало, зрители накинулись на нас, как волки. С меня сорвали трусы, гетры, бутсы, хорошо еще, что надо мною сжалились, оставив перед всем честным народом в плавках. В этом отношении у меня уже был определенный опыт. Ибо как только я увидел несущуюся с трибун огромную толпу болельщиков, я сам мгновенно сбросил с себя футболку, опасаясь, что это сделает какой-нибудь фанатичный болельщик, который просто задушит меня прямо на поле.

Надо сказать, что в первом тайме из-за тяжелого мокрого поля мне пришлось надеть бутсы с высокими шипами, но поскольку поле подсохло, в перерыве я переобулся и вышел играть в бутсах с низкими шипами. Так что единственным сувениром от того финального матча у меня остались только бутсы, в которых я играл в первом тайме, и... плавки.

С финальным свистком у меня закружилась голова от нахлынувших мыслей. Толпа наконец позволила нам уйти в раздевалку. Я поскорее скрылся в душевой — единственном месте, где можно было побыть одному. Там я пустил воду и стал молиться, благодаря бога за все, что он сделал для меня. Но вскоре в душевую нагрянула толпа репортеров. В одежде они стояли со мной под струями воды и задавали вопросы.

Нас вызвали на поле, чтобы вручить Кубок Жюля Риме, теперь он становился нашим навечно. Большинство зрителей вернулись на свои места, чтобы быть свидетелями этой волнующей церемонии. Теперь мы уже не сомневались — все, что мы надели на себя в раздевалке, у нас не заберут. Никогда в жизни не видел я столько улыбок, столько радостных лиц: игроки обнимались со зрителями, зрители друг с другом, журналисты сердечно поздравляли и принимали поздравления, словно они тоже участвовали в матче, — в общем, зрелище довольно редкое для Бразилии. Я думал о своей жизни, о Келли Кристине, о родителях, бабушке и дяде Жоржи, о Зоке и Марии Лусии и еще о многих друзьях в Сантусе. Я думал о годах, которые привели меня сегодня сюда. Размышлял, как сложится мое будущее. Беспорядочные мысли не давали сосредоточиться.

Кубок Жюля Риме вручил нам президент Мексики Густаво Диас Ордас. Затем бразильская сборная совершила круг почета. Серпантин и конфетти сыпались на нас, как снег, с трибун неслись звуки самбы, сливавшиеся с восторженными овациями. Этот круг почета напомнил мне 1958 год, когда Беллини гордо держал над головой завоеванный нами кубок. Это повторилось в 1962 году, когда почетный трофей был вручен нашему капитану Мауро. А теперь заветный кубок с волнением поцеловал Карлос Альберто. В его глазах блеснули слезы, лицо светилось радостью.

Волнующему дню не было конца: Казалось, карнавал будет продолжаться вечно. Когда мы, наконец, пробились к автобусу, чтобы ехать в гостиницу, толпы людей так тесно окружили нас, что автобус не мог сдвинуться с места. Водителю пришлось буквально проридаться сквозь толпу.

В гостинице я сразу же заперся в номере. Мне хотелось закончить свою молитву. Меня действительно нет нигде на фотографиях, сделанных после возвращения со стадиона. Дело не

в том, что я не хотел быть тогда вместе со всеми или что я вдруг возгордился. Просто я ощутил в себе потребность поблагодарить бога за то, что во время чемпионата никто из нас не заболел, что и нам, и нашим соперникам удалось избежать травм. Я молился за благополучное возвращение всех участников турнира на родину. Потом мне пришлось прерваться, так как в мой номер ворвалась целая толпа знакомых и незнакомых мне людей. Надо было ехать на банкет по случаю окончания чемпионата 1970 года. Он состоялся в гостинице «Мария Изабель» на площади Реформы в самом центре Мехико. Для нас было устроено шоу, в котором выступал бразильский актер Уилсон Симонал и которое всем очень понравилось. Шоу продолжалось до часу ночи, а фиеста на улицах не затихала до утра, несмотря на дождь. Она походила на карнавал в Рио-де-Жанейро — люди пели, пили, плясали. Мексиканцы и бразильцы в одном порыве выражали свою радость по поводу нашей победы.

Начались телефонные звонки, посыпались телеграммы. Первым позвонил президент Бразилии Гаррастазу Медиси. Он разговаривал со мной, Герсоном, Карлосом Альберто, Ривелино. В эту ночь только президент мог соединиться по телефону со столицей Мексики. Все каналы связи были заняты журналистами. В разные страны передавались материалы о финальном матче. Я, например, целый вечер пытался дозвониться домой Розмари, но у меня ничего не вышло.

Поздравительные телеграммы шли не только от губернаторов и мэров бразильских штатов и городов, но также из Европы, Африки, Азии. Как я уже говорил, финальную игру смотрел почти миллиард телезрителей. Такого огромного интереса не вызывала еще ни одна спортивная передача за всю историю телевидения.

Наконец-то мы летим домой. Обычно я легко засыпаю в самолете, но на этот раз все складывалось по-другому. Торжества продолжались и в воздухе. В течение всего полета, естественно, не стихала «батукада». Кроме того, я ощущал какое-то странное напряжение, словно турнир еще только предстоит, а не закончился нашей победой.

Первая остановка была в столице нашей страны — Бразилии. Президент Медиси устроил нам торжественный прием. Как всякий бразилец, он, естественно, не мог не любить футбол. А как президент, он видел в нашей победе возрастание роли Бразилии в глазах всего мира. Из столицы мы вылетели в Рио-де-Жанейро, там повторился восторженный, прямо-таки безумный прием. Пожарные автомобили с черепашей скоростью продвигались по улицам, запруженным людьми. Все тонуло в оглушительном, неумолчном шуме. Возле гостиницы «Плацца» пожарным

потребовалась помощь полиции, чтобы провести нас в помещение.

Как только мы приземлились в Бразилии, я много раз пытался дозвониться домой, но безуспешно. Сеньор Авеланж сказал мне, что звонила Розмари, просила позвонить домой. Я решил не отходить от аппарата, но соединиться с домом мне удалось лишь в три часа ночи, да и то после долгих споров с телефонистами, которых нисколько не интересовало, кто выиграл чемпионат мира. Наконец, связь с Сантусом была установлена.

Розмари ожидала второго ребенка и, естественно, волновалась. Она была на седьмом месяце, и мне, конечно, полагалось быть рядом. Я надеялся, что после официального приема в Рио-де-Жанейро мы сможем разъехаться по домам. Но в Рио стало известно, что нас ожидают еще в Сан-Паулу. Поразмыслив, я решил, что мне важнее быть с Розмари, поэтому утром вылетел в Сантус к своей семье.

Мне и по сей день не могут простить, что я оставил товарищей по сборной и не поехал с ними в Сан-Паулу для участия в торжествах по случаю нашей победы. Кстати сказать, я не могу понять, почему некоторые спортивные журналисты не только в этом случае, но и вообще с предубежденностью относились ко мне именно на моей родине, в Бразилии. Будучи в составе сборной, мы отдали шесть месяцев своей жизни бесконечным тренировкам, играм в отборочных и тренировочных матчах. И, наконец, встречаю в заключительной части чемпионата. Теперь же, когда мы выиграли золотой кубок, когда мы сдержали свое обещание, я в один миг впал в немилость. Меня стали называть неблагодарным предателем. И все только потому, что я предпочел отправиться к своей жене, которой в тот момент был значительно нужнее, чем городу Сан-Паулу и всем его репортерам, вместе взятым.

Но я уверен, что, несмотря на критику в мой адрес, бразильцы меня поймут. Я уверен, что в таких обстоятельствах любой нормальный человек на моем месте поступил бы точно так же.

Глава семнадцатая

27 августа 1970 года у нас родился второй ребенок, сын, которого нарекли Эдсоном Холби Насименту. Вскоре после его рождения мы и крестный отец, профессор Маццей, дали мальчику прозвище Эдиньо. Клянусь, я не тыкал его в маленькие крепкие бедра пальцем и не приговаривал при этом, что из него получится хороший футболист. Если Эдиньо захочет посвятить себя футболу, пусть будет так. Но с рождением сына я сделал для себя вывод, что независимо от того, кем он станет, мой образ жизни надо решительно менять. Этот вопрос мы с Розмари обсуждали очень долго и подробно.

Не вызывало сомнений, что придется резко сократить бесконечные поездки, которые надолго отрывали меня от дома. Семья хотела, чтобы я уделял ей больше времени — и это желание совпадало с моим. К тому же больше внимания требовали коммерческие дела. А для этого надо было кое-что менять в моей привычной жизни.

Прежде всего я решил закончить свои выступления за национальную сборную, поскольку все матчи команда проводила вне Сантуса. А это влекло за собой необходимость расторгнуть контракт с клубом «Сантос». Половину всех матчей клуб «Сантос» проводил на своем стадионе на Вила Бельмиро, однако остальные игры были связаны с долговременными турне, которые проходили в разных частях мира. Поездок этих на мою долю выпало более чем достаточно. Я устал от бесконечных перелетов, устал чуть ли не каждый день упаковывать и распаковывать чемоданы. Кроме того, я наконец-то сел за учебники, чтобы поступить в университет и стать тренером. А разъезды, естественно, были связаны с пропусками занятий. Из всех учащихся на земле я, наверное, меньше всех имел моральное право на поблажки, тем более что твердо решил закончить университет и получить диплом профессионального тренера.

Что побудило меня сесть за учебники? Веские причины. Довольно часто приходилось выступать в разных университетах, высших учебных заведениях и даже в больницах и рассказывать о футболе, истории его возникновения, игровом мастерстве, заграничных поездках, отвечать на интересовавшие слушателей вопросы. Я всегда просил профессора Маццея сопровождать меня, чтобы помочь разобраться в вопросах, на которые не знал как ответить. Их было куда больше, чем я предполагал. Я всегда отдавал себе отчет в том, что в моем образовании имеются значительные пробелы, но особенно остро чувствовал это во

время таких встреч. Под их влиянием я твердо решил, что мои дети должны получить любое образование, какое они пожелают. И то, что их отец закончит университет, а не останется на всю жизнь с четырехклассным образованием, послужит примером для подражания. Профессор Маццей настаивал на продолжении учебы, его поддерживали Розмари и брат Зока, изучавший теперь право. Я не стал возражать.

Но одно дело хотеть снова сесть за школьную парту и совсем другое — добиться, чтобы тебя приняли в университет. Для этого необходимо было представить аттестаты об окончании средней школы и курсов по подготовке в высшее учебное заведение, а затем сдать вступительные экзамены.

В общем, передо мной стояла трудная задача. Но я был настроен на учебу и сдачу экзаменов, подобно тому, как раньше всеми силами старался избегать и того, и другого. Прежде всего мне предстояло сдать экзамены и получить аттестат об окончании средней школы. Взяв репетитора, я вместе с профессором Маццеем всерьез принялся за дело. Прозанимавшись год, я почувствовал, что к экзамену готов. Перед дверью в комнату, где находилась экзаменационная комиссия, профессор Маццей похлопал меня по плечу:

«Вперед, Пеле. Не надо волноваться. Ты хорошо потрудился. Выброси из головы мысль, что можешь провалиться».

Мне вспомнилось, как мы ехали в Сантус на автобусе с Валдемаром ду Бриту и тот тоже старался пробудить во мне уверенность в собственных силах. Видимо, мои учителя во мне не ошиблись — экзамен я сдал без особого труда. Наверное, благодаря хорошей подготовке.

Теперь на очереди были экзамены за подготовительные курсы. На это ушел еще год постоянных занятий с репетиторами и профессором Маццеем. Этот год тоже не прошел даром. Сдавать экзамен я поехал в Апаресиду, очаровательный городок в долине реки Параиба, где-то на полпути между Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу. Мой старый друг Зито держал здесь ферму, у него я провел ночь накануне экзамена. Признаться, я мало спал и очень волновался. Помню, рано утром я взял у Зито лошадь и, как бразильский Дон Кихот, отправился на экзамен. Привязав лошадь к забору, я глубоко вдохнул и, не выдыхая, вошел в класс. На пороге я попытался изобразить подобие улыбки, но-у меня ничего не получилось. Учителя действительно подготовили меня неплохо. Экзамен продолжался несколько часов. Только выйдя из комнаты, я почувствовал, как устал. Но экзамен был сдан. А неделю спустя у меня в руках был драгоценный документ, в котором говорилось, что мне разрешается сдавать экзамен для

поступления в университет. Я снова засел за книги.

Главный экзамен пришлось сдавать в Сантусе. Учебники вконец замучили меня, но я твердо решил, что не отступлю, куда не получу заветного диплома. Теперь я нисколько не сомневался, что преодолею любые преграды (все эти годы я не переставал играть за «Сантос»). Экзамен я сдал! И пусть я не был среди самых лучших, то есть мое имя не значилось в верхней части списка, тем не менее сдал. А это самое главное!

Экзамен проводился по разным предметам: истории Бразилии, математике, гуманитарным наукам. Кроме того, поскольку я поступал на факультет физической культуры, мне пришлось показать свое умение в беге, прыжках, подтягивании на турнике, лазании по канату и в других видах физических упражнений. На мою беду, было среди них и плавание. А подобно многим бразильцам, проводящим массу времени на пляже, у воды, или многим морякам, я так и не научился толком плавать. Мне предстояло преодолеть целых двадцать пять ярдов и не утонуть! Но даже эта дистанция была не в состоянии охладить мой порыв к учению.

Я устроил себе выходной день, договорился насчет бассейна, и к вечеру уже достаточно уверенно держался на воде. Я, разумеется, не смог бы составить конкуренции чемпиону мира Джонни Вейсмюллеру, но положенные двадцать пять ярдов одолел, вылавливать меня из бассейна не пришлось. Преодолев все препятствия и преграды, я был наконец принят в университет!

Пока шла подготовка к экзаменам за среднюю школу, подготовительные курсы и для поступления в университет, я, в общем, распоряжался своим временем, как хотел. Но как только я стал студентом, прибавились новые трудности — обязательное присутствие на занятиях. Правда, руководство университета не возражает, если студент разъезжает в составе профессиональной клубной команды. К вынужденным пропускам оно относится с пониманием и переносит ему экзамены на более поздний срок. Но если таких пропусков набирается слишком много и студент не в состоянии сдать отсроченные экзамены, в этом случае пощады не жди.

В команде «Сантос», кроме меня, было еще несколько студентов, и профессор Маццей делал все возможное, чтобы наши бесконечные поездки не вредили учебе. Профессор следил, чтобы во время турне или в период пребывания в «концентрации» мы не выпускали учебников из рук. Он проводил с нами «походные» занятия и своеобразные зачеты, чтобы по возвращении мы не отстали от своих товарищей по университету. Иногда, вернувшись из продолжительной поездки, мы обнаруживали, что

по пройденному материалу не только не отстали от программы, но даже ушли вперед. Профессор Маццей заслуживает огромной благодарности за то, что некоторые игроки клуба получили университетский диплом.

На первом году обучения мне как первокурснику пришлось пройти традиционное посвящение в студенты. Суть такого «крещения» заключалась в наказании, которое придумывали студенты-старшекурсники. Мне было предложено постричься наголо. Я пытался объяснить, что мое имя используется для рекламы товаров, и фирмы требуют, чтобы на фотографиях я был с прической. Я добавил, что если будет выбрано другое наказание, я готов с ним согласиться. Но все было тщетно!

Три года учебы на факультете физической культуры университета пролетели быстро. Кроме сугубо спортивных дисциплин мы изучали психологию, физиологию, историю Бразилии и многие другие предметы. Занятия начинались в семь тридцать утра. Преподавателей не интересовало, что накануне вечером, например, мне пришлось участвовать в футбольном матче. И если кто-нибудь из них испытывал приятное волнение от того, что у него в группе занимается футбольная звезда Пеле, он великолепно это скрывал. Никаких поблажек я не получал, да и не хотел получать. Я твердо решил не повторять ошибок своей юности. На этот раз я очень серьезно относился к занятиям. И вот ровно через пять лет после того, как репетитор принялся натаскивать меня к экзамену на аттестат зрелости, я успешно закончил университет.

Свои выступления за национальную сборную я наметил завершить в конце сезона 1971 года. Поэтому отказался от приглашения участвовать в играх чемпионата мира 1974 года. Дело было не в возрасте и не в физической форме. Как показали матчи чемпионата 1970 года, здоровье у меня было отменное. Что же касается возраста, то в 1974 году мне было бы только тридцать четыре года. Для сравнения скажу, что Джалма и Нил-тон Сантосы участвовали в мировом чемпионате, когда им было по тридцать восемь лет. У меня были другие причины. Я считал, что игрок должен уходить из футбола, когда он еще может продолжать выступления, а не тогда, когда его ухода потребуют болельщики. Мне слишком хорошо запомнилось, как зрители освистали Жильмара на стадионе «Пакаэмбу» — и это всего лишь год спустя после его успешного выступления на чемпионате мира. Кроме того, если я снова соглашусь войти в сборную, то займу место кого-нибудь из молодых футболистов, который таким образом лишится возможности приобрести опыт, столь

необходимый для должной подготовки к чемпионату. И последнее: выступление в составе сборной означало бы разлуку с семьей на целых полгода, а может быть, и больше. Я участвовал в четырех чемпионатах мира. С меня довольно.

Что касается клуба «Сантос», то мой контракт истекал во второй половине 1972 года. Поэтому я считал, что спокойно смогу продлить его еще на два года. Мне казалось, что за это время «Сантос» успеет подыскать мне подходящую замену.

Итак, я строил разные планы на будущее, мечтая о времени, когда оставлю футбол и для меня начнется спокойная жизнь. К девяти часам утра я буду приходить в свою контору, а в пять или шесть часов вечера возвращаться домой. Поцеловав в дверях жену, я буду играть со своими детьми. Спокойно поужинав, буду говорить с ними о самых нормальных вещах, а не о растяжении мышц и разрыве связок, буду отдыхать по вечерам. Именно о такой жизни мы с Розмари и мечтали, как только поженились. Но до того, как наш семейный корабль войдет в тихую гавань, мне еще предстояло несколько лет играть, находясь в зависимости от клуба. Хотя о своем уходе из большого футбола я уже заявил (и не делал из этого секрета), «Сантос», судя по всему, не очень спешил подыскивать мне замену. Наоборот, руководители клуба договорились о проведении большого числа игр за рубежом, чтобы не упустить момента и побольше заработать.

В первые шесть недель 1971 года мы проехали Южную и Центральную Америку, а также страны Карибского бассейна. За это время мы посетили Боливию, Сальвадор, Мартинику, Гваделупу и другие страны. На Ямайке я впервые встретился с мистером Кливом Тоем.

Было утро. Мы сидели у бассейна гостиницы, отдыхая перед вечерней игрой. Ко мне подошли и представились трое: менеджер нью-йоркского клуба «Космос» Клив Той, директор Североамериканской футбольной лиги Фил Уоснэм и секретарь федерации футбола США Курт Ламм. Клив Той, добродушный человек высокого роста с вьющимися волосами и сигарой в зубах, опустившись в шезлонг рядом со мной, стал что-то объяснять. Поскольку Клив говорил по-английски, а мои познания в этом языке были весьма скудными, до меня не дошло ни единого слова. Поэтому профессору Маццею пришлось перевести сказанное на португальский:

«Мистер Той говорит, что футбол в Соединенных Штатах переживает трудные времена. Лига была основана в 1968 году с опорой главным образом на иностранных игроков. В 1971 году создается новая лига, у нее более крепкая финансовая основа и

поэтому большие шансы на успех».

Профессор повернулся к Тою, давая понять, что перевел его слова. Я вежливо слушал гостя. Игроки нашей команды, из которых никто не говорил по-английски, не проявили никакого интереса к нашей беседе. Одни сидели в шезлонге, закрыв глаза, другие попрыгали в бассейн, третьи разошлись. Откровенно говоря, я им всем позавидовал. Мне думалось, с какой стати этот гигант со светлыми вьющимися волосами рассказывает мне печальную историю о своих неудачах?

Между тем, беседа шла своим чередом, профессор переводил с английского на португальский.

«Мы уверены, — продолжал Той, — что при доброжелательном отношении и соответствующей рекламе футбол в США может стать таким же популярным видом спорта, как и во всем мире».

«Конечно, — согласился я. — Я почувствовал это в свой первый приезд в США несколько лет тому назад и во время наших турне по этой стране».

Однако я никак не мог взять в толк, почему мистер Той избрал именно меня своим собеседником. Стрелки часов над входом в гостиницу со стороны бассейна приближались к двенадцати, а я не любил опаздывать на обед.

Но Той продолжал:

«Нам кажется, что для достижения этой цели в кратчайшее время трудно обойтись без приглашения в Соединенные Штаты крупных футбольных звезд...»

«Это верно», — перебил я.

«...А поскольку самой большой известностью в современном профессиональном футболе пользуется имя Пеле, мы подумали, не будет ли для Вас интересным по истечении контракта с «Сантосом» приехать в Соединенные Штаты? Клуб «Нью-Йорк Космос» готов подписать с Вами соответствующий контракт».

Когда профессор закончил переводить, я пристально посмотрел на Клива. «Нью-Йорк Космос»? Это шутка?

«Скажите ему нет», — сказал я профессору.

Той нахмурился. «Нет» почти на всех языках звучит одинаково или, по крайней мере, похоже, поэтому перевода не потребовалось.

«Вы даже не поинтересовались, сколько мы готовы Вам предложить?»

Я попытался объяснить:

«У меня нет желания ехать в Нью-Йорк. Какая разница, сколько вы мне предложите? И «Барселона», и «Реал Мадрид», и итальянские клубы предлагали мне большие деньги, но я отвечал

отказом. А один мексиканский клуб вручил мне чистый бланк и предложил вписать в него любую сумму. Но я и тогда не согласился. Когда я закончу свои выступления за «Сантос», я намерен жить в Сантусе, как простой смертный. Хочу посвятить все свое время семье и бизнесу. Ведь там моя семья...»

Той прервал меня:

«Поедмте в Сантус и поговорим с Вашей семьей!»

Я улыбнулся:

«Моя семья имеет на меня влияние, но она не принимает за меня решения. Пока я это делаю сам. Должен сказать, у меня нет ни малейшего желания ехать в Соединенные Штаты».

Трое джентльменов встали. В пиджаках и галстуках они неловко чувствовали себя под палящим солнцем. Однако Клив Той улыбнулся своей неизменной улыбкой:

«Что ж, не обижайтесь, если мы не оставим Вас в покое. Мы будем за Вами следить. Возможно, Вы передумаете».

Я пожал плечами:

«Может быть, этого я запретить вам не могу».

Они ушли, а я до обеда еще успел окунуться.

Вскоре после возвращения из этой поездки в Сантус произошла моя встреча с Генри Стемплмэном, представителем компании «Пепси-Кола». В отличие от других коммерсантов он не предлагал мне заявить во всеуслышание, что я пробовал их продукт и он мне очень понравился. Вместо этого компания попросила меня, чтобы я помог детям всего мира постичь тайны футбольной игры. Предложение сразу захватило меня своей оригинальностью. Это, естественно, будет означать для меня еще более жесткий и напряженный график выступлений, но, поразмыслив, я решил, что игра стоит свеч. Тут, видимо, был единственный путь — проводить футбольные лекции в промежутке между матчами во время зарубежных турне «Сантоса». Я рассудил, уж лучше учить подростков футбольной игре, чем сидеть в холле гостиницы и смотреть что-нибудь по телевизору на языке, который я все равно не понимаю.

Наш первый контракт был заключен сроком на один год. Обе стороны хотели проверить, получится ли что-нибудь и совместимы ли идеи компании «Пепси-Кола» с моими представлениями на этот счет. Спустя год стало ясно, что все получается, поэтому был подписан новый контракт, теперь уже сроком на пять лет. Об особенностях физической подготовки юных футболистов рассказывал профессор Маццей, с которым компания «Пепси-Кола» также подписала контракт. Мы вместе с ним ездили на семинары, используя отпущенное время на

обсуждение теоретических и практических аспектов футбольной игры. Это был жесткий график. Мне приходилось играть в футбол, тренироваться, учиться да еще разъезжать по свету. Но я всегда мечтал учить юных футболистов, поэтому проведение семинаров доставляло мне огромное удовольствие.

Вдобавок ко всему в 1971 году я наконец открыл в Сантусе собственную контору на пятом этаже дома № 121 на Руа Риахуэло. Рамундини возражал, доказывая, что после открытия конторы я буду доступен для людей, которые засыпят меня всякими просьбами о пожертвованиях, а это не даст мне ничего заработать. Мне были понятны возражения Рамундини. Ведь с открытием собственной конторы я мог обойтись без услуг агента. Я нисколько не виню его за то, что он пытался отстаивать и свои и мои финансовые интересы. Тем не менее я пришел к выводу, что агент, даже такой честный и надежный, как Марби Рамундини, мне больше не нужен. Просто я хотел вести дела сам со своим собственным персоналом. Нельзя же постоянно зависеть от других, чтобы они принимали решения по твоим делам. Контракт с компанией «Пепси-Кола» был первым, который я подписал самостоятельно, без помощи Рамундини. Именно в это время я решил для себя, что больше нельзя медлить с открытием конторы, нельзя оттягивать самостоятельное ведение своих дел.

Объем коммерческих операций настолько увеличился, что нам уже не хватало маленького помещения на пятом этаже, и мы заняли весь третий этаж здания, в результате чего возникла «Пеле Эдминистрейшн энд Эдвертайзинг Компани». Моим менеджером стал Хозе Родригез Фориос, которого все звали Пепито. Бухгалтерским учетом ведал мой дядя Жоржи, который всегда умел хорошо считать. В общем, фирма встала на самостоятельный путь. Что касается Марби Рамундини, то мы и по сей день остаемся добрыми друзьями.

18 июля 1971 года я в последний раз вышел на поле в футболке бразильской сборной. Мы играли со сборной Югославии на стадионе «Маракана». На матче присутствовало 180 тысяч зрителей. Это была далеко не лучшая моя игра. Я чувствовал себя чересчур возбужденным от сознания того, что уже никогда не появлюсь на поле в желто-зеленой форме национальной сборной. Не помогало и то, что 180 тысяч болельщиков, поднявшись с мест, громко скандировали: «Fical Fical», что означает: «Останься! Останься!»

Но как свидетельствует Экклезиаст в библии, всему свое время: время плакать и время смеяться; время молчать и время говорить; время рождаться и время умирать. Четырнадцать лет

назад я родился для этой команды, теперь настало время мне умирать, то есть прощаться.

Для меня это был чрезвычайно волнующий момент. Игра закончилась вничью, со счетом 2:2. Я с поднятыми руками пробежал вокруг поля мимо трибун, желая отблагодарить болельщиков за их любовь ко мне, выразить им признательность за поддержку, которую они оказывали мне все эти годы. Люди, поднявшись с мест, все громче скандировали: «Fica! Fical». По моим щекам, как капельки дождя, текли слезы. Я снял с себя футболку с номером десять, которую с такой гордостью носил все эти четырнадцать лет, и стал махать ею зрителям. Потом ею же вытер слезы. Этот день запомнится мне на всю жизнь.

В том же году в «Сантосе» состоялись выборы, в результате которых руководство клубом почти полностью обновилось. Новые менеджеры считали, что новая метла непременно должна мести чисто, независимо от того, есть грязь на полу или нет. Они решительно принялись изгонять хорошо зарекомендовавших себя работников. Первой жертвой стал наш тренер Антониньо, который был приглашен в клуб в 1967 году, после ухода на пенсию Лулы. Под руководством Антониньо команда выступала исключительно успешно, дважды выиграв чемпионат штата Сан-Паулу, а также большинство других турниров. И вот теперь менеджеры, не задумываясь, уволили Антониньо, пригласив на его место Мауро.

Мы ничего не имели против Мауро. Многие из нас играли вместе с ним (я — на чемпионате мира) и знали его как выдающегося футболиста. Со временем он стал прекрасным тренером. Но мы не видели основания для замены прежнего тренера. Видимо, это была просто замена ради замены, что всегда отрицательно сказывается на выступлениях уже сыгранного состава. Еще больше огорчило нас, когда Мауро сказал, что новые менеджеры поручили ему безо всякой причины уволить профессора Маццей.

Маццей считался лучшим тренером по физической подготовке футболистов в Бразилии. Под его руководством «Сантос» побеждал в разных чемпионатах и турнирах. Его увольнение показалось нам вообще лишенным смысла. Вероятно, это был случай, когда замена старых кадров являлась самоцелью. Я подумал, профессор иногда проявлял несдержанность и, наверное, сказал что-нибудь не так новому спортивному директору клуба Клейтону Беттенкурту. Многие подозревали, что была еще одна причина. В большинстве бразильских клубов тренер, отвечающий за физическую подготовку, считает себя

ближе к руководству, чем к игрокам. Маццей же всегда рассматривал себя как составную часть команды, из-за чего новые менеджеры автоматически увидели в нем своего противника. Однако Мауро отказался убрать профессора Маццея, в результате чего примерно год спустя, несмотря на победный для «Сантоса» сезон, сам был уволен.

Новым тренером команды был назначен Жаир да Роза Пинту, тот самый Жаир, который участвовал в финальном матче против сборной Уругвая в 1950 году и который играл в «Сантосе», когда я впервые появился в клубе. Жаир должен был довершить то, с чем менеджеры носились целый год, — избавиться от услуг профессора Маццея. Мои упреки в адрес руководства клуба касались не самого факта его увольнения. В конце концов вся моя жизнь была связана с футболом, и я знал, что новый старший тренер вправе приводить своих людей, которые пользуются его доверием, будь то помощник, отвечающий за физическую подготовку игроков, массажист или кто-либо другой. Меня и всю команду очень огорчило то, каким способом был уволен профессор Маццей.

В тот самый день он, как обычно, пришел на базу, переоделся и, прежде чем отправиться на тренировочное поле, решил зайти к старшему тренеру.

«Жаир, — сказал он, — как у любого нового тренера, у вас наверняка есть идеи в плане физической подготовки игроков. Их не мешало бы обсудить».

В ответ Жаир только покачал головой.

«Это вас уже не должно волновать, профессор».

«Простите, не понял».

«Я хочу сказать, что вы уже больше здесь не работаете. Клуб вас уволил. Так что можете снова переодеться и идти домой».

Профессор так и поступил. А что еще ему оставалось делать?

Мы видели, как он вышел из раздевалки и, прежде чем мы успели спросить, в чем дело, миновал главный вход и исчез. После тренировки несколько игроков отправились к нему на квартиру, чтобы выяснить, что случилось — вдруг профессор заболел.

«Нет, — ответил он, пожав плечами, — клуб меня уволил».

Мы уставились на него в недоумении, думали, что ослышались.

«Что? Кто это сделал? Доктор Беттенкурт?»

В ответ профессор горько улыбнулся и покачал головой.

«Нет. Ни один из менеджеров не сказал мне ни слова. После семи лет моей работы с клубом они не позволили себе даже

роскошь объясниться со мной! И эту малоприятную миссию возложили на бедного Жаира».

Когда все ушли, я спросил его:

«Профессор, что вы собираетесь делать?»

«Я еще не думал об этом».

«Профессор, — сказал я. — Объем моей коммерческой деятельности возрастает, мне нужны опытные, интеллигентные и честные люди. Вы не хотели бы работать в моей фирме?»

Маццей покачал головой.

«Пеле, мы подружился, как только я пришел в «Сантос» семь лет назад. За это время мы ни о чем друг друга не просили. И это правильно. Я хочу, чтобы между нами все оставалось, как прежде».

«Но чем вы теперь будете заниматься?»

Маццей улыбнулся.

«Я, как и вы, имею контракт с компанией «Пепси-Кола». Кроме того, собираюсь написать несколько книг с вашей помощью. Все время я собирал статьи из газет и журналов, а также другие материалы об игре футболиста, которого зовут Пеле. Теперь у меня будет время привести весь этот архив в порядок».

«Профессор, и все же я хочу просить вас о любезности, считайте, что для меня. Вы знаете, в моей новой конторе много свободной площади. Почему бы вам не занять несколько комнат по своему усмотрению? К тому же мы оба связаны контрактом с компанией «Пепси-Кола». Это позволит нам поддерживать постоянную связь друг с другом».

«Хорошо!» — ответил он.

Мы ударили по рукам.

События, развернувшиеся в апреле 1972 года, были тесным образом связаны с предстоящим в октябре продлением моего контракта с «Сантосом». Нужно жить в Бразилии, чтобы понять, какой резонанс получила эта история в средствах массовой информации. Несколько недель подряд об этом кричали заголовки бразильских газет, а радио-и телекомментаторы оглаживали эту кость, словно им больше нечего было обсуждать.

Между прессой и «идолами» спорта у нас существуют своеобразные отношения. При этом на одном конце амплитуды — любовь, на другом — ненависть. Иногда создается впечатление, что породившая «идола» пресса испытывает настоящую потребность развенчать его и спустить с небес на землю. Это касается, разумеется, не всех бразильских газет, но все же весьма значительной их части. Конечно, многие журналисты и радиокомментаторы были и, надеюсь, останутся моими друзьями.

Однако некоторые из них не упустили шанса, чтобы затеять против меня настоящую кампанию травли.

Итак, в начале 1972 года появились сообщения, что при обсуждении вопроса о продлении контракта я выдвинул совершенно немыслимые требования, решив разорить бедный «Сантос», и клуб не мог удовлетворить мои наглые претензии. Меня стали упрекать, что я корыстолюбив и совсем забыл, кому обязан своей профессиональной карьерой, что, как неблагодарная собака, готов укусить руку, которая меня кормит.

Между тем я считал свои требования вполне умеренными. Многие годы я обеспечивал «Сантосу» доходы, о которых ни один бразильский клуб даже не смел мечтать. В его кассу непрерывно поступали значительные суммы в твердой валюте. Однако газеты, выступавшие с нападками на меня, «забыли» упомянуть это немаловажное обстоятельство. Хочу подчеркнуть, что доходы клубу гарантировало имя Пеле. Во всех контрактах, которые «Сантос» подписывал с зарубежными клубами, содержался пункт, согласно которому в случае невыхода Пеле на игру кассовый сбор сокращался наполовину. Газеты, кричавшие о нищете «Сантоса», не удосужились поинтересоваться, куда все-таки делись эти заработанные мною доллары.

К моменту разгоревшейся дискуссии я сыграл за «Сантос» более тысячи ста матчей, из которых свыше половины — за границей, причем каждый из них приносил «Сантосу» в среднем по двадцать тысяч долларов. Какова же судьба этих денег? Никто не задумывался. Утверждалось, что «Сантос» не иначе как на грани банкротства. А купающийся в роскоши Пеле норовит еще больше обогатиться за счет клуба и вообще бразильского футбола.

Одна из причин, почему сумма нынешнего контракта резко отличалась от сумм прежних моих контрактов, была связана с новым законом о налогообложении. Прежде «Сантос» сам выплачивал за меня подоходный налог. Теперь это запрещалось, то есть отныне налог удерживался с конкретного лица, и это выливалось в весьма солидную сумму. Многие мои требования, которые печать доводила до абсурда, имели свое объяснение. Журналисты пытались доказать, что я страдаю манией величия, что в заграничных поездках, например, мне уже мало комнаты на одного человека и я требую роскошный номер, что я забыл о скромной жизни в Бауру и сегодня мне подавай по меньшей мере королевский люкс. Дело в том, что в заграничных турне руководство «Сантоса» во имя мировой известности клуба поручало мне встречаться с главами государств, куда мы приезжали, и другими важными лицами. Для выполнения этой

миссии мне, естественно, требовался номер-люкс. Не мог же я беседовать с президентом Франции, когда горничная заправляла постель, или, скажем, просить президента подождать в холле, пока моя жена переоденется.

Все эти факты можно было бы без труда объяснить, но особого желания услышать от меня такие комментарии прессой проявлено не было. Мои недруги из журналистской братии не пожелали вспомнить, что довольно часто я был вынужден играть с травмами, чтобы обеспечить «Сантосу» запланированные кассовые сборы. Что на протяжении всей моей футбольной карьеры я оставался верным «Сантосу», хотя получал выгоднейшие предложения как в стране, так и за границей. Что я, наверное, единственный бразильский футболист, который за всю жизнь ни разу не перешел из одного клуба в другой. Кроме того, в противовес ошибочным утверждениям в прессе, я никогда не был самым высокооплачиваемым футболистом Бразилии и тем более мира, в том числе и клуба «Сантос». Повторяю, ни один из травивших меня журналистов не пожелал вспомнить хоть один из этих аргументов.

Мои друзья поинтересовались, почему я не хочу ответить на обвинения в печати и по радио. Я считал, что мое участие в дискуссии только подольет масла в огонь, к тому же у меня не было на это ни желания, ни времени. Один журналист даже опубликовал адресованное мне открытое письмо, состоявшее из одних вопросов. Оно носило откровенно клеветнический характер, но моя реакция только вызвала бы повышенный интерес общественности. Я понимал, что вся эта кампания выдохнется, как только будет подписан новый контракт с «Сантосом».

Менеджеры клуба вели себя нечестно, утаивая от печати многие факты, причем и менеджеры, и представители средств массовой информации во всей этой истории предстали как настоящие дилетанты. На протяжении многих лет я заключал контракты на условиях, которые мне диктовал клуб. Теперь, когда до истечения срока оставалось два года, я хотел подписать контракт или на моих условиях, или не подписывать никакого контракта вообще. Я твердо решил — или так, или никак. Столько лет подряд я подписывал все контракты, которые мне клал на стол Пепе Гордо, который был страстным болельщиком «Сантоса» и горячо принимал к сердцу финансовые дела клуба. Так продолжаться больше не могло. «Сантос» зарабатывал дополнительно по пятнадцать тысяч долларов за выход Пеле на поле, так пусть часть этих денег и получит Пеле! Если я не получу того, что требую, я готов уйти. Мне надоели всякие разговоры на эту тему.

Мне было неприятно видеть, как из-за внутренних дрызг деградирует «Сантос». Из сильнейшей команды мира он превращался в весьма посредственный клуб. Талантливых людей увольняли или они уходили сами, глубоко разочаровавшись в новом руководстве. Уволили Антониньо. Ушли Формига, Маседо и Зито, Лима уехал в Мексику. В довершение всего расстался с клубом профессор Маццей, последний из когорты тех, кто вел «Сантос» к победам. Я все более чувствовал себя одиноким. Руководство клуба не предприняло никаких усилий, чтобы подыскать мне замену. А ведь всем было ясно, что в случае моего ухода встанет вопрос, как обеспечить посещаемость матчей. Для этого понадобится игрок класса Тостао, не ниже. Поскольку в прессе затеяли дискуссию о ценности Пеле для «Сантоса», замечу, что после моего окончательного ухода из клуба в 1974 году «Сантос» в течение трех лет не сыграл за рубежом ни одной встречи.

Мое окончательное предложение руководству клуба гласило: я готов подписать контракт на два года, причем играть один год на моих условиях, а еще один год бесплатно. Однако причитавшееся мне за второй год жалование должно быть перечислено на благотворительные цели. Менеджерам клуба трудно было не согласиться с этим предложением без риска дискредитировать себя в глазах общественности. Они приняли мои условия, и со спором было покончено. Я вновь стал любимцем нации — по крайней мере на страницах спортивных газет и журналов. Но не надолго...

Очень скоро начались новые огорчения. Меня многому научили переговоры с «Сантосом» об условиях нового контракта. Обстоятельства напомнили мне о вещах, которые, правда, были мне известны, но до сих пор недостаточно глубоко доходили до моего сознания. Я наглядно убедился в том, что профессиональные спортсмены в Бразилии лишены какой-либо правозащиты. Я вспомнил судьбу Васконселоса, как он сломал себе ногу, что привело к закату его футбольной карьеры. А ведь с того времени мало что изменилось к лучшему. Социальное законодательство в Бразилии, как и в других странах Латинской Америки, предусматривало некоторую правозащиту для фабрично-заводского рабочего — занятость на определенный срок, ежемесячное пособие за каждый отработанный год, гарантированное рабочее место в компании после десятилетнего стажа, тринадцатая зарплата как минимальная премия в конце года, медицинское обслуживание для работающего и членов его семьи. Ни одно из этих положений ни в коей мере не

распространялось на бразильских спортсменов-профессионалов. Перед законом они были абсолютно бесправны.

Мне казалось, что, завоевав в третий раз звание чемпионов мира, мы доказали важность футбола для нашей страны. И были вправе рассчитывать на благосклонное отношение к нашим просьбам со стороны президента и министерства труда. Сам президент был страстным болельщиком. Принимая нас после Мексики в 1970 году, он сказал, что мы можем обращаться к нему с любыми просьбами. Я почему-то был уверен, что он согласится с тем, что спортсмены-профессионалы заслуживают такой же правозащиты, что и работающие по найму.

Чтобы придать нашему визиту к президенту больший вес, я обратился к наиболее известным футболистам, Моя идея нашла поддержку. Был образован комитет, в который вошли Герсон, Жильмар, Карлос Альберто и другие известные футболисты. Мы отправились в столицу, где встретились с президентом и министром труда. Изложив свои взгляды, мы услышали в ответ заверение, что будут приняты соответствующие меры в целях изменения статуса игроков-профессионалов.

Положительной реакции на нашу инициативу пришлось дожидаться пять лет. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Теперь на спортсменов-профессионалов распространяются положения социального законодательства. Правда, много всяких оговорок, из-за которых игрок, заключивший контракт с клубом, нередко оказывается на правах раба. Но первый шаг для правозащиты спортсменов-профессионалов был сделан.

И снова средства массовой информации обрушились на меня. Одни задавали вопрос, почему я не сделал этого раньше. Утверждалось, что Пеле никогда не волновала судьба товарищей по профессии и таких же, как он, чернокожих, поэтому предпринятая попытка — всего лишь жест, не более, чтобы снискать расположение публики. Мол, здесь пущены в ход грязные средства. Какой-то журналист доказывал, что все задумано с молчаливого согласия клубов, ибо конкретные плоды инициативы незначительны и клубы ничем существенным не поступились.

Часть газет и журналов писала, что в конце своей спортивной карьеры Пеле стремился разрушить клубы, подорвать саму основу футбола, превратив клубы в небольшие футбольные фабрики и изгнав из них дух прежнего дружеского общения. Говорилось также, что Пеле старается помешать перспективным игрокам воспользоваться свободой выбора, который всегда был у него самого.

Но за то я и люблю футбол — за трудные победы!

В 1973 году Джиора Брейл, работавший тогда в компании «Пепси-Кола», изложил нам свою блестящую идею. Он предложил снять фильм о методах тренировки, которые профессор Маццей и я применяли в работе с юными футболистами. Это был верный путь донести премудрости футбольной игры до самой массовой аудитории. С этой целью Брейл создал творческую группу для съемки фильма под названием «Пеле. Мастер и его метод». Бедный Джиора! Ему еще никогда не приходилось выполнять такую огромную работу, ведь он первый раз в жизни столкнулся с киносъемкой. И тем не менее он принял на себя всю ответственность за это нелегкое дело. Джиора не рассчитал свои силы и слег. Но даже столь печальный итог он сумел отсрочить до завершения съемок. Этот фильм сейчас считается одним из лучших по спорту, он стал своеобразным памятником самозабвенному труду его создателя Джиоры Брейла.

Продюсером и режиссером Джиора пригласил кинематографиста Сола Ланца. Сценарий, запершись в гостиничном номере на десять лихорадочных дней, написали профессор Маццей и Стив Ричарде. Используя пепельницу как мяч, Маццей объяснял своему соавтору различные приемы футбольной игры. Стив мгновенно схватывал суть вопроса и печатал на машинке. В создании фильма принял участие и опытный литератор Пол Гарднер, который досконально знает футбол Старого и Нового Света. Профессор Маццей был утвержден техническим консультантом фильма.

Съемки проходили в Бразилии — на стадионе Вила Бельмиро, а также в прилежавших к нему бедных кварталах. Местные мальчишки, как и я в детстве, горели желанием узнать побольше о футболе. Фильм рассказывал, как я постигал тайны этой игры, наблюдая за своими тогдашними кумирами Дондиньо, Валдемаром ду Бритту, Лулой, Зизиньо, Жанром, Васконселосом и дель Веккио. Каждый член нашей творческой группы может по праву гордиться своей причастностью к фильму, который несомненно удался; его и теперь, столько лет спустя, все еще показывают в разных странах. Джиора Брейл предвидел эффект воздействия этой киноленты, адресованной миллионам мальчишек во всем мире. Наша работа была удостоена одиннадцати международных призов — за лучший сценарий, за режиссерское воплощение, за операторское мастерство и за Другие показатели. Профессору Маццею было поручено обеспечить прокат фильма в Северной и Южной Америке, а Стиву Ричардсу — в Западной Европе, на Ближнем и Среднем Востоке.

Фильм выдается бесплатно только для показа в школах и

клубах. Он никогда не демонстрировался на коммерческой основе, и это понятно: мы создавали его не для заработка, а для еще большей популяризации футбола этой прекрасной игры.

Глава восемнадцатая

С приближением чемпионата мира 1974 года мне все больше хотелось стать свидетелем этого волнующего события. Отпроситься у клуба «Сантос» не составило бы труда, поскольку в это время вся жизнь в Бразилии, включая футбольную, замирает. Я опасался, однако, что снова начнутся нападки, если поеду на чемпионат. Только как зритель. Тогда я принял предложение телекомпании «Бандей-рантес» поехать на чемпионат в качестве ее спортивного комментатора. Но так уж вышло, что, стремясь предотвратить какие-либо разговоры вокруг моей поездки, я невольно способствовал разжиганию страстей. Средства массовой информации подняли истощный вой, утверждая, что я не являюсь членом соответствующего профсоюза, не обладаю необходимым опытом для работы комментатором и отбиваю хлеб у более квалифицированных журналистов. После этого мне не оставалось ничего другого, как отказаться от предложения телекомпании.

В это время я получил приглашение участвовать в церемонии открытия чемпионате вместе с Уве Зеелером, бывшим капитаном сборной ФРГ и моим старым другом и соперником. Мне поручалось передать Уве новый золотой кубок ФИФА, за обладание которым будут соревноваться участники чемпионата. Тут произошло то, что случалось, надо сказать, крайне редко — начались нападки на меня в иностранной печати. Кто-то пустил слух, что за свое появление на чемпионате я будто бы потребовал двадцать тысяч долларов — чистейшая выдумка от начала до конца. Я с благодарностью принял столь почетное предложение, разумеется, как и Уве Зеелер, без малейшей мысли о каком-либо вознаграждении. К счастью, эти нападки прекратились, как только представители прессы узнали об истинном положении вещей.

Матчи чемпионата я смотрел вместе с профессором Маццеем. Вечером накануне первой игры бразильской сборной с югославами во Франкфурте мы с профессором приехали в гостиницу, где остановилась наша команда. Я хотел пожелать удачи ребятам и заодно посмотреть, какое у них настроение. Бразильская пресса не сомневалась, что сборная повторит свой успех. Ведь старшим тренером команды оставался Загало, не изменился состав и технической комиссии. О поражении не могло быть и речи.

Признаться, я был иного мнения. Соглашались со мной и игроки.

В нынешней сборной от прежнего сильного состава осталось

только трое: Ривелино, Жаирзиньо и Пауло Цезар. Тостао оставил спорт после того, как доктор предупредил его, что если мяч еще раз Попадет ему в глаз, он может полностью ослепнуть. Это была потеря для футбола вообще и для нашей сборной в частности. Клодоалдо получил травму, которая помешала ему приехать на чемпионат; другие игроки по разным причинам не попали в нынешний состав и остались дома. И еще одно немаловажное обстоятельство. Поскольку Бразилию представляла в значительной степени обновленная команда, я был уверен, что игроки наверняка не станут оспаривать тактические взгляды такого опытного тренера, как Загалло. А Загалло предпочитал оборонительный футбол атакующему. В 1970 году в команде было достаточно опытных игроков, которые сумели убедить тренера в необходимости играть в свойственном нам атакующем стиле. Теперь же едва ли кто из молодых посмеет спорить с тренером. Значит, сборная будет делать акцент на оборону, и тогда проигрыш обеспечен. В общем, настрой игроков на предстоящий матч оставлял желать лучшего.

Помню, как я подошел к Пауло Цезару, чтобы пожать ему руку. Думал, что он захочет поговорить со мной о тактической установке на игру, о тренировках, соперниках. Вместо этого Цезар завел разговор о том, что ему в данный момент представлялось более важным.

«Пеле, — сказал он. — Один французский клуб предложил мне перейти к ним после чемпионата. Условия потрясающие! Мне обещают платить куда больше, чем я получаю сейчас. Я уже почти принял это предложение. Как ты думаешь, может, мне запросить с них еще больше?»

Я не верил своим ушам!

«Что я думаю, Пауло? Думаю, у тебя не все дома! Завтра у вас матч на первенство мира, а ты размышляешь о сделанном тебе предложении. Немедленно забудь обо всем! Постарайся подчинить все внимание предстоящим играм, у вас ведь завтра матч с югославами. Вот выиграете кубок, тогда и размышляй насчет предложения, тогда и требуй деньги с французов. Но если в голове у тебя сейчас ничего нет, кроме денег, финала вам не видать, как своих ушей!»

Пророческие слова! Но я искренне высказал лишь то, что в тот момент было у меня на душе. Моральный дух игроков оказался не таким высоким, как заверяла бразильская печать. В их действиях ощущались напряженность и нервозность. Конечно, каждая бразильская сборная оставалась непобедимой до тех пор, пока ей не бросал вызов более сильный соперник. В конце концов, бразильцы все еще чемпионы мира. И все же эта встреча в

гостинице настроила нас с профессором на тревожный лад.

В первой же игре, которая состоялась на следующий день, стало ясно, что Загало избрал защитный вариант, несмотря на то, что Ривелино и Жаирзиньо были стопроцентными нападающими, а сильный полузащитник Пауло Цезар умел вовремя подключаться к атаке. Тем не менее Загало ориентировал команду на осторожную игру, оттянув нападающих к своей штрафной площадке. Усилив защиту, он добился лишь нулевой ничьей — к великому огорчению всех болельщиков и, разумеется, соотечественников, присутствовавших на матче.

Следующая игра, как две капли воды, напоминала предыдущие. Во встрече с напористой сборной Шотландии бразильцы снова добились только ничьей, но на этот раз в исключительно резкой борьбе. Причем инициатором грубой игры была бразильская команда, которой подобная тактика вообще не свойственна. Болельщики и бразильская пресса были разочарованы. Серьезные упреки за применение запрещенных приемов были высказаны в адрес Ривелино. Бразильские защитники не были столь искусны в применении запрещенных приемов, как европейцы, которые несравненно больше поднаторели в незаметном для судей и зрителей нарушении правил.

И все же, несмотря на две ничьи, бразильская сборная продолжала борьбу за выход в четвертьфинал. Я даже ловил себя на мысли, что, возможно, Загало прав, а я заблуждаюсь. Но после матча с командой Заира, который Бразилия выиграла со счетом 3:1, мне стало ясно: Загало заблуждается. Ведь у такой команды, как сборная Заира, бразильцы должны были выиграть 10:0! Но тренер избрал защитный вариант, как в известном матче со сборной Англии на чемпионате 1970 года. Поэтому такой скромный счет. Тем не менее выиграли — хоть какая, но победа.

От следующего матча — с командой ГДР — зависел выход бразильцев в четвертьфинал. Мои соотечественники еле-еле выиграли 1:0. Хотя бразильцы и вышли в четвертьфинал, радио и газеты констатировали слабые выступления сборной. Я с тревогой следил за ее встречами. Со всех концов Бразилии шли протесты против защитной тактики тренера, однако Загало никому не позволял вмешиваться в свои дела. К тому же команда худо-бедно одерживала победы. Ради чего менять тактику? Между тем в Бразилии возмущенные болельщики забросали камнями дом Загало. На мой взгляд, эта выходка заслуживала еще большего осуждения, чем навязанная тренером защитная тактика.

Четвертьфинал свел сборные Бразилии и Аргентины. Я размышлял о том, как сложится матч между избравшими

защитный вариант бразильцами и аргентинцами, приверженцами атакующего футбола в сочетании с грубой игрой. Мне все же казалось, что Загало даст указание команде атаковать, чтобы добыть победу, пусть даже с небольшим счетом. Но я ошибся. Бразильцы ушли в глухую защиту, аргентинцы же не сумели этим воспользоваться. Бразильская сборная выиграла со счетом 2:1.

Несмотря на победный результат, я оставался при своем мнении: бразильцы избрали ошибочную тактику и, судя по всему, не попадут в финал. Жаирзиньо и Ривелино забили по голу, но когда того требовала обстановка, им явно не хватало скорости. То же самое относилось к Пауло Цезарю. Ривелино вообще играл сзади — большую часть времени он даже не смел переходить на половину поля соперника. Хотя Ривелино проделал большой объем работы как один из ведущих игроков команды, его потенциальные возможности не были использованы полностью. Стоило ему единственный раз подключиться к атаке, как он сразу же забил гол. А вот Жаирзиньо вышел на поле усталым, его игре явно не хватало свежести и задора. Мне даже подумалось, что, может быть, недостаточная физическая подготовка основных игроков и побудила Загало избрать такую тактику. Но если это так, тогда почему был плохо спланирован тренировочный процесс накануне чемпионата?

Присутствовал я и на матче сборных Уругвая и Голландии. Голландцы продемонстрировали футбол, который в 1958 и 1962 годах привел бразильцев к победе. Наши будущие соперники играли ярко, оригинально; футболисты великолепно контролировали мяч. Именно этот стиль пользовался популярностью в Южной Америке. Я прекрасно понимал, что против такой скоростной команды с ее удивительным форвардом Йоханом Круиффом защитный вариант Загало не сработает. Газеты называли Круиффа «белым Пеле», но я против таких сравнений. Йохан Круифф — удивительный футболист со своеобразным и неповторимым почерком.

Еще до начала чемпионата я предсказывал, что в полуфинал пробьются четыре лучшие сборные — Бразилии, ФРГ, Голландии и Италии. Последняя проиграла команде Польши и выбыла из дальнейших состязаний. Таким образом, мой прогноз, за исключением сборной Италии, подтвердился. Матч с командой Голландии приобретал для нас решающее значение. Было очевидно, если бразильцы выиграют, у них будут приличные шансы на успех в матче с победителем другого полуфинала.

Однако обыграть сборную Голландии не удалось. Голландцы были быстрее и увереннее, а в атлетическом отношении они ничуть не уступали уругвайским и аргентинским футболистам.

Бразильцы же снова показали неумение вести атлетическую игру, зрители на трибунах выражали явное неудовольствие. Вдобавок ко всему один бразильский футболист был удален с поля, и голландцы легко выиграли со счетом 2:0.

Газеты, радио и телевидение Европы обвиняли бразильцев в грубой игре. При этом, однако, не было сказано ни слова о том, что голландские футболисты играли не менее грубо, просто они умели более искусно скрывать это от зрителей и судьи. После матча я зашел в раздевалку бразильцев. Она была похожа на госпиталь. Все игроки до единого получили травмы — порезы, ушибы, а у Мариньо зияла глубокая рана от колена до щиколотки.

Эта сторона футбола зрителям не видна. Восхищаясь мастерством голландской команды, должен тем не менее заметить, что голландцы хорошо знали, как вести резкую игру. А бразильцы по наивности позволили спровоцировать себя на такую игру, в которой были дилетантами.

Поражение сборной вызвало в Бразилии глубокое уныние. Как обычно, досталось и мне за отказ участвовать в чемпионате. Но я-то знал, что от моего участия ничего бы не изменилось. Тренер команды — хозяин, и это естественно. Именно он определяет тактическую схему игры. В данном случае имел место явный просчет. Проигрыш в турнире был целиком на совести тренера. Индивидуальное мастерство игроков здесь ни при чем.

Можно было лишь надеяться, что Бразилия извлечет урок из этого поражения и более успешно выступит в 1978 году.

Почему же я решительно не приемлю защитный вариант, хоть за него и ратуют многие тренеры? Причина здесь одна: нельзя достичь главной цели игры — поразить ворота, если игроки не контролируют мяч. Это основа основ любых тактических построений. В защитном варианте данный основополагающий принцип приносится в жертву сиюминутной безопасности в своей штрафной площадке, а это делает невозможным достижение главной цели футбольной игры. Кроме того, при защитном варианте вратарь часто выбивает мяч далеко в поле, преследуя одну цель — обеспечить неприкосновенность своих ворот. Я допускаю, что иногда, в минуты особого напряжения или в борьбе с напористыми нападающими, такой прием вполне оправдан, но, повторяю, только в этих случаях, а не в любых игровых ситуациях. На мой взгляд, такие ситуации встречаются не так уж часто. Дело в том, что в упомянутых случаях «отбойная» игра вратаря неизбежно влечет за собой потерю мяча. Конечно, мяч может попасть и к игроку обороняющейся команды, но у нее, как

правило, меньше выдвинутых вперед футболистов, чем у атакующей. Поэтому шансы «оборонцев» снова завладеть мячом невелики.

Я считаю, что именно при защитном, а не атакующем варианте, как это ни странно, возрастает количество нечестных приемов. В этом случае бывает много длинных безадресных передач, на которые устремляются игроки обеих команд. Возникающие при этом дуэли всегда носят более жесткий характер, чем единоборство в условиях скоростной и ничем не стесненной игры.

И еще один, на мой взгляд, немаловажный вопрос. Красота футбола ярче всего проявляется в изобретательных и искусных действиях футболистов при индивидуальной и коллективной игре, им в максимальной степени помогает раскрыться атакующий футбол, не приемлющий игру на отбой. Едва ли можно назвать оригинальными длинные передачи через все поле в надежде на то, что свои игроки с божьей помощью окажутся у мяча, чтобы головой направить его в ворота. Кроме того, футбол — это спортивная игра, процесс которой активно стимулируется зрителями, болельщиками. Если же игра станет серой и скучной — а нулевые ничьи всегда вызывают чувство уныния — она просто-напросто утратит свою притягательность.

Кто хоть раз наблюдал состязание команд, исповедующих атакующий футбол, и имел возможность сравнить их с командами, отстаивающими пресловутый защитный вариант, тот знает, что я имею в виду. Единственный игрок, являющийся по самой природе футбола носителем «защитной» концепции, — это вратарь, который призван выполнять оборонительные функции. Но когда игроки нападения вынуждены думать главным образом о неприкосновенности своих ворот, это, на мой взгляд, противоречит самой сути футбольной игры, которая в итоге становится безликой и неинтересной. Защитный вариант — это синоним антифутбола!

Между тем, истекал мой контракт с «Сантосом». Руководство клуба не упустило возможности заработать, объявив несколько матчей с моим участием последними. Благодаря этой «приманке» трибуны стадиона были заполнены до отказа — болельщикам непременно хотелось быть свидетелями последнего матча Пеле. Помню, мы играли на переполненном стадионе «Паказмбу». Все были уверены, что присутствуют на последнем матче Пеле. Позже стало известно, что будет еще один «последний» матч «Сантоса» с Пеле на стадионе «Маракана» в Рио-де-Жанейро.

Мой действительно последний матч состоялся на «Маракане»

второго октября 1974 года. Мы играли против клуба «Понте-Прета». Я был не в лучшей спортивной форме для такого торжественного случая, но тем не менее твердо решил, что выйду на поле, чтобы должным образом завершить свою спортивную карьеру в присутствии такого количества болельщиков. Ведь к зрителям я относился с неизменной любовью, и они отвечали мне тем же.

На двадцатой минуте мяч попал ко мне. Я поймал его руками. На трибунах раздались возгласы удивления. Я побежал с мячом к центру поля, установил его в центральном круге и опустился на колени. Скрестив поднятые над головой руки, я стал поворачиваться к каждой трибуне, чтобы меня могли видеть все болельщики. По щекам у меня текли слезы. Только теперь зрители, пришедшие на этот матч, поняли, что происходит. Я отдавал им дань своего уважения за то, что все эти годы они поддерживали меня. Болельщики поднялись со своих мест и бурно приветствовали меня. Я встал и вытер слезы подолом футболки. Потом был прощальный круг. Непросто мне было пережить этот момент. Я в последний раз окинул взглядом переполненные трибуны; зрители стоя прощались со мною. Под их приветственные возгласы я скрылся в туннеле, который вел в раздевалку. После этого игра возобновилась.

В раздевалке у меня снова потекли слезы. Кроме дежурного, там был еще один человек — фотограф по имени Домисио Пинеиро из газеты «О Эстадо». Он и запечатлел тот момент, когда, наклонив голову, я плакал, не стыдясь своих слез. Потом я быстро прошел к машине и уехал со стадиона.

Трудно было поверить: нет больше Пеле, вместо него есть Эдсон Арантис ду Насименту. В тот момент я точно знал, что это так.

Исполнилась наконец моя мечта — в девять утра являться в контору, в пять вечера возвращаться домой и жить в семье, как любой нормальный человек.

Моя коммерческая деятельность расширилась и усложнялась. В какой-то момент я почувствовал, что мне трудно обойтись без помощи профессионального бизнесмена. Им стал Хосе Роберто Рибейро Ксисто, который отныне консультировал меня относительно новых коммерческих проектов.

Вспоминая о том времени, я удивляюсь, что Ксисто не сбежал из моей конторы сразу же, как только узнал, куда на протяжении стольких лет я вкладывал свои капиталы. Как и предвидел Рамундини, ко мне навевались многие люди — друзья и товарищи по команде со своими проблемами. Чтобы помочь им, я

вкладывал деньги в самые разные проекты, которых набралось так много, что трудно было удержать их в памяти. У меня появилась собственность в Сантусе, Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Бауру и Трес-Корасаесе. Я владел магазинами, жилыми домами, землей. Я приобрел молочную ферму, у меня было грузовое автотранспортное дело, контора по экспортно-импортным операциям. Даже радиостанция. В общем, одному небу было известно, к чему еще я был причастен.

Первым делом Ксисто составил полную опись всех моих предприятий и капиталовложений, после чего предложил избавиться от многочисленных малых и убыточных дел, а также от собственности, не приносившей никакого дохода. Было решено сосредоточить все внимание на главных инвестициях с наведением порядка на основе строгого ежедневного контроля и учета. Однако новый менеджер при всем желании не мог избавить меня от одного не очень значительного дела. Речь шла о моем участии в компании под названием «Фиолакс».

Компания занималась производством резиновых изделий для автомобильной промышленности. В этом бизнесе моими партнерами были Зито и еще несколько человек. Я владел незначительным пакетом акций (моя доля участия в акционерном капитале составляла всего шесть процентов), но из-за слабого знания правовых вопросов еще до прихода Ксисто я подписал ручательство, на основании которого компанией была получена банковская ссуда. Когда наступил срок погашения и компании нечем было платить, банк обратился ко мне. Вдобавок ко всему выяснилось, что «Фиолакс» нарушила установленные правительством строгие правила импорта каких-то редких видов сырья (я уверен, что это произошло не корысти ради, а по причине плохого знания дирекцией действующих законов), и правительство наложило на компанию огромный штраф. Среди других подписанных мною документов было также обязательство, касающееся всех финансовых дел «Фиолакса».

Я очень хорошо помню, с каким чувством воспринял эту весть. Банковская ссуда и штраф составили в общей сложности более миллиона долларов! У меня было такое же состояние, как при первом банкротстве. Опять, несмотря на все предостережения и печальный опыт прошлого, я подписал то, чего ни под каким видом не должен был подписывать. Вместо того чтобы привлечь знающего адвоката, я легкомысленно воспользовался услугами первого встречного юриста, чтобы поскорее отделаться от этой неприятности. Как и при первом конфузе, я мог бы объявить о неплатежеспособности компании «Фиолакс». Но хотя моя Доля и составляла всего шесть процентов, все равно поползли бы слухи о

том, что Пеле хитрит, увиливая от уплаты налогов.

К тому времени у меня накопилось достаточно средств, чтобы покрыть и штраф, и банковскую ссуду, но для этого я должен был продать собственность за бесценок. Получился бы двойной убыток — и все как бы в отместку за то, что вовремя не нанял опытного адвоката. Таким образом, общий счет составил бы примерно два миллиона долларов — нечто среднее между тем, что я вложил и что потерял.

Ситуация была достаточно сложной. С одной стороны, я не мог допустить банкротства фирмы, пока она была хоть как-то связана с моим именем, а с другой, никак не мог от нее отмежеваться.

Однажды вечером ко мне нагрянула делегация — Ксисто, профессор Маццей, Зока и Эдевар, бывший вратарь «Сантоса», который теперь работал у меня в конторе. Первым заговорил Ксисто.

«Пеле, — сказал он решительно, — я категорически против продажи земельных владений себе в убыток только для того, чтобы погасить долги «Фиолакса». Это просто неудачная сделка».

«У тебя есть какая-нибудь идея?»

«Да, — ответил Ксисто. — Клуб «Космос» до сих пор предлагает тебе у них играть. — Он поднял руку. — Прежде чем ты возразишь, послушаем, что скажет профессор».

Маццей держал в руках лист бумаги.

«Мы тут составили перечень всех «за» и «против» подписания контракта с «Космосом». Дай мне их тебе зачитать. Если будут вопросы, мы все подробно обсудим. Можно что-нибудь вычеркнуть из этого списка или, наоборот, добавить».

Я кивнул. Профессор продолжал.

«Чтобы быть беспристрастным, сначала рассмотрим негативные моменты».

Во-первых, реакция на это в Бразилии. Отказавшись играть в матчах чемпионата мира, ты тем не менее подписываешь контракт на выступления в зарубежном клубе.

Во-вторых, реакция бразильского правительства. Однажды оно высказывалось против твоего выступления в заграничных клубах, объявив тебя национальным памятником. Как оно будет реагировать теперь?

В-третьих, ты заявил по радио и в прессе, что окончательно оставил футбол. Теперь может сложиться впечатление, что ты нарушил свое слово.

В-четвертых, ты чернокожий, а в США быть черным — это совсем не то же самое, что в Бразилии.

В-пятых, языковой барьер. Тебе придется засесть за изучение

английского языка, на этот раз совершенно серьезно.

В-шестых, из-за переезда в Нью-Йорк на жительство Кэлли Кристина невольно отстанет в школьных занятиях.

В-седьмых...»

Он продолжал излагать аргументы, насколько я помню, их набралось целых двенадцать. Я никак не реагировал. Мне стало ясно, что профессор против подписания контракта и переезда в Америку. Ксисто и Зока молчали. Я ждал. Профессор перевернул лист бумаги.

«Зато восемнадцать аргументов в пользу подписания контракта.

Во-первых, очевидно, если ты согласишься играть за «Космос», можно будет продиктовать клубу свои условия. Это позволит тебе выплатить долг банку и штраф правительству. Еще и немало останется. Даже после уплаты налогов. В этом случае тебе не придется трогать свои земельные владения. Ты немало в жизни потрудился, чтобы стать их обладателем и тем самым обеспечить свою семью.

Во-вторых, следует иметь в виду, что «Космос» — не просто футбольный клуб, такой, скажем, как «Сантос» или большинство других американских клубов. Дело в том, что «Космос» — собственность компании «Уорнер Комьюникейшенс», ей принадлежат также кинокомпания «Уорнер бразерс мувиз», «Лайсенсинг корпорейшн оф Америка», фирма по производству грампластинок и многие другие предприятия. Короче говоря, тебе не придется опасаться за судьбу твоих денег, поскольку речь идет о подписании контракта с одной из крупнейших и влиятельных компаний в Соединенных Штатах.

В-третьих, если ты примешь предложение какого-нибудь мексиканского, испанского или итальянского клуба, это все равно не то же самое. В Мексике, Испании и Италии футбол уже достиг такого уровня, что тебе едва ли удастся поднять его выше. А вот в Соединенных Штатах твой вклад наверняка был бы более заметным.

В-четвертых, после ухода из профессионального спорта твой ореол с каждым годом будет меркнуть, и в конце концов тебя совсем забудут. Уже лет через пять подрастающее поколение не будет знать, кто такой Пеле, твое имя все реже будет использоваться в рекламных целях. Поэтому переезд в Америку поможет поддерживать к тебе былой интерес. А ведь, кроме приобретенной собственности, большую часть которой пришлось бы продать для погашения долга, вознаграждения за рекламу составляют значительную часть твоих доходов.

В-пятых, Соединенные Штаты обладают самым емким

коммерческим рынком в мире, и «Лайсенсинг корпорейшн» сможет использовать твоё имя в рекламных целях. Конечно, имя Пеле в США ещё недостаточно хорошо известно, но игра в составе «Космоса» будет служить как раз твоей популярности.

В-шестых, выступления в Соединённых Штатах не то же самое, что игра за «Сантос», когда ты был обязан выходить на поле двенадцать месяцев в году, участвуя почти в ста матчах. В Соединённых Штатах футбольный сезон начинается в апреле — мае и завершается в августе — сентябре. Как-никак, целых полгода ты сможешь заниматься своими коммерческими делами и находиться в Бразилии.

В-седьмых, хотя Келли Кристина из-за переезда действительно может потерять год в школьных занятиях, нельзя сбрасывать со счетов благоприятные условия для получения образования в этой стране. Школа при Организации Объединённых Наций считается одной из лучших в мире, и я уверен, что твои дети без труда поступят в неё.

В-восьмых, Зока и все мы считаем, что ты скучаешь по футболу. Подписание контракта позволит тебе обрести твоё привычное состояние. Мы убеждены, что тебе всегда будет не хватать футбола.

В-девятых...»

Он зачитал все восемнадцать пунктов, стараясь, как и прежде, быть максимально беспристрастным в изложении аргументов и расстановке соответствующих акцентов. Я понял, что Зока, который теперь работал адвокатом в моей компании, и Ксисто потратили немало времени, чтобы вместе с профессором сформулировать эти идеи.

Когда профессор замолчал, я посмотрел на Розмари.

«Ну как?» — спросил я.

«Тебе решать, — ответила она. — В этой истории с «Фиолаксом» мы потеряем много денег. Но если так надо, мы пойдем на это. Переживем. Если ты решишь, что надо ехать в Нью-Йорк, дети и я отправимся следом за тобой. Если ты решишь остаться здесь, в Сантусе, мы тоже останемся вместе с тобой».

Я не сомневался, что Розмари ответит именно так.

Тяжело вздохнув, я подумал о том, сколько лет и трудов мне понадобилось, чтобы нажить все это. Погашение банковской ссуды и уплата штрафа не разорят меня, но приятного в этом мало. Если даже адвокатам и Ксисто в результате апелляций удастся скостить сумму штрафа, она все равно останется значительной. Особенно мне не хотелось продавать земельные владения. Ведь эти деньги предназначались Келли и Эдиньо, и, чтобы нажить их, я пролил немало пота.

Больше всего профессор убедил меня в одном: независимо от того, отстанет Келли из-за переезда или нет, у моих детей появится великолепная возможность получить образование в США. Они быстро научатся бегло говорить по-английски, а говорить бегло на иностранном языке — большое дело.

И, конечно, я мог бы способствовать популяризации футбола в этой стране. Той говорил мне об этом, и я согласен с ним.

А как приятно снова облачиться в футбольную форму, выйти на поле, выложенное упругим дерном, и ощутить легкий ветерок под открытым небом. Какое это удовольствие — обыграть искушенного соперника, обманным движением выманить его на себя, обвести и сделать передачу бегущему рядом товарищу, который точно знает, в какой момент отдать тебе мяч, и наконец почувствовать, как бутса касается мяча и он, описав кривую, мимо обескураженного вратаря влетает в сетку. Я вновь ощутил, как из моего горла вырывается крик «Го-о-о-л!», как от избытка чувств я, размахивая кулаками, взлетаю вверх, а зрители на трибунах скандируют: «Пеле! Пеле!» Я глубоко вздохнул и повернулся к профессору Маццею:

«Профессор, не могли бы вы позвонить Кливу Тою и сообщить ему, что я согласен? В случае необходимости прошу Вас отправиться в США для обсуждения с ним этого вопроса!»

Детальное описание переговоров, которые велись после поездки профессора Маццея в США между моими представителями и компанией «Уорнер Комьюникейшенс», составило бы еще одну книгу. Об этих событиях можно было бы снять целый фильм. Встречи представителей происходили в Италии, Бельгии, Соединенных Штатах, Бразилии. Мы так много говорили по телефону, что хозяева телефонных компаний наверняка здорово на нас заработали. Телефонные переговоры велись даже с борта самолета. Однажды пришлось обращаться к полиции с просьбой разбудить нужного нам человека, который, чтобы его не беспокоили ночью, специально снял трубку с рычага аппарата.

Чтобы сохранить вопрос о контракте в тайне от прессы, применялись мудреные методы конспирации, которые встречаются разве что в детективных романах. В конце концов представитель правительства Соединенных Штатов выступил с официальным заявлением, в котором говорилось, что приезд Пеле в США для выступлений в составе клуба «Космос» будет способствовать укреплению отношений между обеими великими нациями. Этот шаг был придуман компанией «Уорнер Комьюникейшенс», «чтобы предупредить возможные осложнения

со стороны бразильского правительства».

Адвокаты нередко усложняют ход переговоров между партнерами, но вместе с тем они зорко следят за тем, чтобы не были ущемлены интересы их клиента, чтобы эти интересы не страдали от его собственного нетерпения или слабого знания правовых вопросов. На этот раз я воспользовался самой квалифицированной помощью. Моим адвокатом был Серхио Хермонт ду Бриту из юридической фирмы доктора Набуко в Рио-де-Жанейро, одной из самых известных в стране. Увидев доктора ду Бриту за работой, я подумал: обратиться я к нему в прошлом и особенно тогда, когда подписывал ручательство за «Фиолакс», мне, наверное, не пришлось бы ехать в Нью-Йорк, чтобы играть за клуб «Космос», хотя я никогда потом не сожалел о принятом решении.

Переговоры тянулись несколько месяцев. В них участвовали адвокаты, консультанты по налоговым вопросам и другие специалисты. Они то и дело летали из Бразилии в США и обратно. Совещания продолжались обычно всю ночь напролет, на них постоянно уточнялись разные детали. Должен признаться, что порой эти обсуждения с участием адвокатов обеих сторон носили напряженный характер. Но как только был согласован окончательный текст контракта, все трения между мною и компанией «Уорнер Комьюникейшенс» прекратились. Отношение ко мне было неизменно доброжелательным.

На памятном заключительном совещании пришлось воспользоваться услугами трех технических секретарей, не считая моего личного. Все они беспрестанно печатали на машинке разные поправки к предложенному проекту контракта. Наконец, в три часа дня на заседании, начавшемся накануне утром, все детали были согласованы.

Согласно контракту я принял на себя обязательство в течение трех лет выступать за футбольный клуб «Нью-Йорк Космос», принадлежавший компании «Уориер Комьюникейшенс». На протяжении того же периода дочерняя фирма этой компании «Лайсенсинг корпорейшн оф Америка» (ЛКА) получала право использовать мое имя для рекламы (при условии, что эта реклама не будет задевать моих чувств в отношении соответствующих изделий), а также в других целях, стимулирующих продажу товаров с использованием имени Пеле. По истечении трехлетнего срока выступлений за футбольный клуб «Космос» контракт с дочерней фирмой ЛКА на рекламу товаров продлевался еще на три года, то есть общий срок действия моих обязательств перед компанией «Уорнер» составлял шесть лет. За мой труд и услуги «Уорнер» обязался выплатить мне сумму, значительно

превышавшую ту, что я получил за все годы выступлений за «Сантос»! Кроме того, мне причиталась половина всех прибылей, которые обеспечивала реклама с использованием моего имени.

В общем, это был весьма выгодный контракт. Вскоре Келли Кристина, Эдиньо, Розмари и я прибыли в США.

Глава девятнадцатая

У города Нью-Йорка немало критиков, но семье Арантис ду Насименту этот город понравился. Он и раньше, когда мы неоднократно бывали здесь с «Сантосом», производил на меня приятное впечатление. Розмари, которая не раз сопровождала меня в этих поездках, согласна с моей оценкой. Для нас и наших детей Нью-Йорк — город бесконечных соблазнов, один из крупнейших городов мира. Мы были рады стать его хотя бы временными жителями. Розмари нравилось делать в Нью-Йорке покупки, она любила городские музеи и театры. Нам приятно было жить в этом городе хотя бы потому, что там всегда исправно работают телефоны, чего нельзя сказать о Южной Америке.

Клив Той уговорил профессора Маццея стать помощником тренера и заняться физической подготовкой игроков «Космоса». Профессор согласился. Так обе наши семьи оказались в Нью-Йорке. В результате рядом со мной всегда был коллега, знавший английский и португальский, который помогал мне объясняться в ресторанах и такси, а у Розмари — старая подруга, Мария Хелена, супруга Маццея.

11 июня 1975 года в переполненном помещении известного клуба «21» (оно не рассчитано на проведение многолюдных мероприятий) «Космос» организовал пресс-конференцию, на которой было объявлено о подписании моего контракта с клубом. В сравнительно небольшой зал набилось немыслимое количество репортеров, радиокомментаторов, телеоператоров (один из них приехал из Бразилии), фотографов. Розмари хотела, как обычно, остаться незамеченной. Но по просьбе фоторепортеров она была вынуждена поцеловать меня на глазах у всех. Когда эта, в общем, приятная часть пресс-конференции была закончена, представители прессы приступили к своему главному делу — вопросам.

Почему «Космос» согласился выплатить такую огромную сумму игроку, если футбол, откровенно говоря, не вызывает большого интереса у любителей спорта в Америке?

Почему я счел возможным принять предложение «Космоса», несмотря на многократные заявления, что после ухода из «Сантоса» уже никогда не вернусь на футбольное поле?

Считаю ли я, что в мои тридцать четыре года (прямо скажем, не самый юный возраст для спортсмена) смогу продемонстрировать такое же мастерство, какое принесло мне мировую славу?

Как я оцениваю состояние футбола в США и что думаю о его

будущем?

Что я собираюсь делать по истечении контракта с «Космосом»?

Мои ответы переводил профессор Маццей.

Подобные вопросы мне задавали журналисты всего мира, правда, формулировались они не всегда корректно. При моем богатом опыте общения с представителями прессы отвечать было легко. Но в заключение мне казалось важным подчеркнуть следующее:

«Футбол, — сказал я, — самая распространенная спортивная игра во всем мире, кроме США. Я мечтаю содействовать популярности этой игры, которую так люблю. Пусть и у вас она станет такой же любимой, как и в других странах».

Я улыбнулся:

«Бразилия на протяжении многих лет ввозит современную технику из Соединенных Штатов. Теперь мы немножко поделимся своим опытом...»

На этом пресс-конференция закончилась, и мы с Розмари незаметно скрылись.

Прежде чем приступить к тренировкам, профессор Маццей и я наблюдали игру «Космоса» в двух матчах — в Нью-Йорке и Филадельфии. В Нью-Йорке мы были свидетелями того, как «Ванкувер» победил «Космос» со счетом 1:0. В Филадельфии «Космос» проиграл в добавочное время с тем же счетом. На втором матче собралось значительно больше зрителей, в основном, наверное, из-за моего появления на стадионе, хотя я и не выходил на поле. Но в обоих матчах все мое внимание было обращено не на трибуны, а на стиль игры футболистов «Космоса».

Тренером «Космоса» был Гордон Брэдли. Впервые он выступил в команде «Сандерленд» первой английской лиги. Тогда ему было шестнадцать лет. С тех пор 23 года не покидал он поля. В 1971 году в качестве играющего тренера и нападающего он связал свою судьбу с «Космосом». С 1978 года Брэдли целиком посвятил себя тренерской работе. Гордон запомнился мне по игре в команде «Нью-Йорк Дженералс», с которой «Сантос» встречался в 1968 году в Нью-Йорке. В том матче Гордон персонально опекал меня и не дал забить ни одного гола. В итоге «Сантос» проиграл 3:5. Так что мое уважение к Гордону родилось еще тогда.

Некоторые утверждали, что у Гордона имеется один серьезный недостаток — он чересчур мягок, а для тренера это действительно не самое лучшее качество. Считалось, что Гордон недостаточно строг с игроками, чтобы мобилизовать их на победу. Возможно, это и так. Но тогда мне показалось, что команда явно нуждается в талантливых футболистах с

индивидуальным почерком. Нельзя забывать, что для создания оригинального ансамбля игроков, как в известных бразильских клубах, требуются годы совместных тренировок. В «Космосе» же состав менялся слишком часто, чтобы из него сформировалась действительно сильная команда. Кроме того, если команда выступает всего шесть месяцев в году, ее игрокам трудно поддерживать физическую форму. Познакомившись с игрой «Космоса», я печально покачал головой. Да, Эдсон, сказал я сам себе, боюсь, твой новый клуб не самый лучший в мире! Хлебнешь ты здесь лиха.

Потом мне подумалось, что и другие команды североамериканской футбольной лиги (если судить по двум увиденным мною матчам), наверное, ничуть не лучше. Ну, а если все команды лиги находятся примерно на этом уровне, то более интенсивные тренировки и улучшение физической формы игроков позволят вывести «Космос» в лидеры. Ведь в конце концов мы с профессором Маццеем приехали сюда не отдыхать, а работать. Опираясь на талантливых исполнителей, мы объединим свои усилия с Гордоном Брэдли и постараемся вывести «Космос» из состояния футбольной депрессии.

Однако теоретические рассуждения были ошибочны. Когда мы стали встречаться с другими клубами, выяснилось, что по своему мастерству они значительно превосходят те команды, за игрой которых я наблюдал в Нью-Йорке и Филадельфии. Футбольные клубы таких городов, как Даллас, Сиэтл, Лос-Анджелес, Портленд, Торонто, Тампа, требовали к себе самого уважительного отношения на футбольном поле.

«Эдсон, — сказал я сам себе, еще более мрачней, — боюсь, тебе действительно придется узнать, почем фунт лиха».

Мы старались изо всех сил, чтобы добиться более или менее приличных результатов в том сезоне. До моего появления в «Космосе» в его активе было только три победы, шесть встреч он проиграл. С моим приходом мы выиграли семь и проиграли шесть календарных матчей первенства. Итог показательных встреч был не лучше — одна победа, три поражения и две ничьи. Со временем мы, правда, прибавляли в игре, и все же наши успехи не давали повода для слишком оптимистических прогнозов.

Однако для меня лично более важным было другое: до моего прибытия в США матчи с участием «Космоса» приходило смотреть в среднем восемь тысяч зрителей, теперь же на календарных играх присутствовало в среднем двадцать тысяч, а на зарубежных матчах и показательных выступлениях — более двадцати семи тысяч зрителей.

Когда в игре с «Сан-Хосе» я получил травму и не участвовал в

последующих встречах, интерес к футбольным матчам резко упал. Девятого июля, например, мы играли против клуба «Бостон». На стадионе присутствовало более восемнадцати тысяч зрителей. А шестого августа, когда я оказался на скамейке запасных («Космос» играл с тем же соперником на том же стадионе), зрителей собралось всего шесть тысяч. И дело тут не в моей персоне. Я специально приехал в Соединенные Штаты, чтобы способствовать популяризации футбола, и тут, как мне кажется, я преуспел. Надеюсь, что интерес к этой игре будет возрастать и после моего ухода из футбола; не сомневаюсь, это будет именно так. Со временем появятся новые футбольные звезды, которые увлекут новое поколение болельщиков. Таков закон развития спорта.

По окончании сезона было запланировано провести десять товарищеских матчей — пять в Европе и пять в странах бассейна Карибского моря. У меня было тревожно на душе. Дело в том, что я много раз играл в составе «Сантоса» и в Европе, и в этих странах. И там, и там мы редко проигрывали. Что сможет «Космос» противопоставить исключительно сильным и широко известным клубам? Неловко как-то проигрывать с крупным счетом даже заведомо сильным соперникам.

Мы обсудили эту проблему с Гордоном Брэдди и Кливом Тоем. Они попросили меня назвать нескольких южноамериканских футболистов, которых можно было бы пригласить для усиления «Космоса». Я рекомендовал бразильца Нельси Мораиса и перуанца Рамона Миффлина, которые играли за сборные своих стран на чемпионате в Мексике, а теперь выступали за «Сантос». Оба были прекрасными полузащитниками, умеющими эффективно поддерживать линию нападения. Получив разрешение у «Сантоса», Мораис и Миффлин отправились с «Космосом» в турне по Европе.

Свою первую игру против клуба «Мальме» мы проиграли 1:5, но этот счет не отражал истинного соотношения сил на поле. Мы были не так уж слабы. Дело в том, что с прибывшими для усиления игроками команда провела только несколько тренировок. А для того, чтобы сыгаться, требуется время. В следующей встрече мы обыграли клуб «Гетеборг» со счетом 3:1, но Нельси Мораис в этом матче сломал себе ногу. Чувствительная потеря!

В Гетеборге меня ждал сюрприз. В аэропорту я увидел свою старую знакомую Лену, ту самую, с которой познакомился здесь в 1958 году. Она вышла замуж и родила двух белокурых детишек, очень похожих на свою мать, когда ей было семнадцать лет. Этот случай напомнил мне, как быстро бежит время. А мне-то

казалось, всего пару недель назад мы победили здесь русских и валлийцев.

Из Гетеборга мы отправились в Стокгольм, где снова проиграли, но с минимальным разрывом 2:3. Учитывая силу наших соперников, это было совсем неплохо. Затем маршрут привел нас в столицу Норвегии Осло, где, победив со счетом 4:2, мы смогли выровнять общий баланс встреч. Накануне отлета в Рим, где нам предстоял матч против клуба «Рома», можно было подвести предварительный итог: «Космос» во всех отношениях сыграл вполне прилично.

Итальянцы выиграли 3:1, но проигрыш нас не очень обескуражил. Таким образом, два матча в Европе мы выиграли и три проиграли, но при этом нельзя забывать, что наша необстрелянная команда играла против классных соперников. В общем, результатами европейского турне мы могли быть вполне довольны.

В карибской части поездки нам почти удалось поддержать уже достигнутый баланс — две победы, два поражения и одна ничья. Причем в предпоследнем матче каждый из нас выглядел как солидный игрок в составе отлично сыгранной команды, взявшей верх над сборной Пуэрто-Рико со счетом 12:1. А в последнем матче с клубом «Виолетте» (Гаити), закончившемся вничью, я уже не участвовал: вместе с профессором Маццеем мы отправились по поручению компании «Пепси-Кола» на футбольные семинары.

В том году я сыграл за «Космос» двадцать три матча и забил только пятнадцать мячей — значительно меньше своей средней годовой «нормы». Для сравнения скажу, что раньше за то же время мне приходилось участвовать в восьмидесяти-девяноста играх за «Сантос» и национальную сборную. Я с нетерпением ожидал начала следующего сезона, связывая его с успешными выступлениями «Космоса» и с будущим северо-американского футбола.

Путешествия по поручению компании «Пепси-Кола» доставляли мне ни с чем не сравнимое удовольствие. Дело в том, что эти поездки позволили мне установить контакт с детьми всех рас и цветов кожи в самых разных странах. Они еще раз напомнили мне об известной истине — все дети Земли похожи друг на друга. Это наглядно проявляется на футбольном поле: в своем стремлении к знаниям, к применению их в практической игре дети нисколько не отличаются друг от друга. Различия возникают лишь в том случае, если взрослые начинают внушать им ненависть и фанатизм.

Когда профессор рассказывал детям о физической подготовке

и тренировках, а я демонстрировал им технику ведения мяча, передачи, отбор, удары, обманные движения и другие приемы, мы мечтали о том, чтобы дети осознали, что они отличаются друг от друга только степенью владения футбольными приемами, а не цветом кожи и разрезом глаз. Это были счастливые дни работы. Очень интересно было наблюдать, как дети выслушивают наши объяснения, а потом усердно стараются повторить приемы или упражнения.

В течение трех лет мы проводили футбольные занятия с детьми в Мексике и Колумбии. Наша первая остановка была в Гвадалахаре, городе, с которым меня связывали самые теплые воспоминания о победах нашей сборной в 1970 году. Потом мы прибыли в Пуэблу, очень интересный древний город, откуда продолжили путь в столицу Мексики — Мехико. Кроме детей на трибунах всегда было много взрослых. Они внимательно следили за нашими занятиями и аплодировали старательным маленьким футболистам. Из Мехико мы отправились в столицу Колумбии Боготу, а затем в город Букараманга, расположенный в колумбийских Андах. И повсюду повторялось одно и то же: детские восхищенные глаза, схватывающие каждое слово и каждый жест «лекторов», а потом старательное копирование показанных приемов.

Затем был блицвизит в Бразилию, где я имел непродолжительную встречу с Ксисто, доложившим о моих текущих коммерческих делах, и повидался с родней. Наконец-то я встретился с доной Селесте, Дондиньо, доной Амброзиной, Зокой и Марией Лусией. Моя сестра вышла замуж за профессионального футболиста по имени Дави Магальхаес. Отличный футболист. Дави начал играть в клубе «Нороэсте» в Бауру, но потом перешел сначала в «Коринтианс» (Сан-Паулу), а потом в «Крузейро» (Белу-Оризонти). Теперь он играл в клубе «Португуззе Сантиста» (Сантус). Мария Лусия сделала меня дядей. Подняв на руки двух своих племянниц, Данизлле и Дебору, я вдруг понял, что здорово постарел. Причем не мои собственные дети, а племянницы заставили меня остро ощутить это. Если моя родная сестра родила двоих, значит, ее старший брат Дико делает успехи в жизни!

Рождественские праздники мы с Розмари и детьми провели вместе с родственниками в Бразилии, после чего вернулись в США, чтобы дети не опоздали к началу занятий. Розмари подыскала хорошую квартиру в восточной части города и с любовью обставила ее. Дети ходили в школу, кроме того, учились играть на гитаре и занимались каратэ.

Сначала Эдиньо никак не хотел идти в школу. Розмари

пришлось долго его уговаривать. Теперь же он не мог дожидаться начала занятий. Итак, с Розмари и детьми все было в порядке. Поэтому я мог спокойно отправляться в очередную поездку по поручению компании «Пепси-Кола», не думая о том, что оставил семью на произвол судьбы в чужой стране. Между прочим, и дети, и мать уже научились прекрасно говорить по-английски, чего, к сожалению, нельзя было сказать об их отце и муже. Все говорило о том, что в Нью-Йорке они чувствуют себя как в Сантусе.

На этот раз мы совершили чуть ли не кругосветное путешествие. В сопровождении Стива Ричардса от компании «Пепси-Кола» мы с профессором Маццеем должны были посетить много новых мест, чтобы продолжить наши футбольные семинары. Но вначале мне надо было по коммерческим делам съездить в Японию. Я воспользовался возможностью, чтобы провести в этой стране несколько дней. Я всегда с уважением относился к японцам, восхищался силой их духа, самодисциплиной, прилежностью и их философией спокойной самооценки.

В Бразилии имеется самая крупная японская община. В Сан-Паулу, например, живет больше японцев, чем в некоторых японских городах, причем на бразильской земле выросло уже не одно поколение представителей этой нации. Большая часть известных бразильцам овощей была ввезена в страну именно японцами. В Бразилии успешно действуют сельскохозяйственные и рыбоводческие кооперативные объединения, состоящие сплошь из японцев. Еще в Бауру у меня было много друзей японцев, и я никогда не забуду японскую девочку по имени Нейца, которую обожал в детстве. Так что посещение Японии для меня всегда событие.

Из Японии на пути в Африку мы остановились в Бомбее. Следующим пунктом нашего маршрута был Маврикий, остров в Индийском океане. И там дети, как и во всех других странах, отличались энтузиазмом и задором. В Кении, кроме нашей работы с детьми, нам была предоставлена возможность посетить заповедник и увидеть диких зверей, живущих на воле, но пользующихся защитой человека, на что стоило бы обратить внимание многим людям в других частях Африки.

Интересным было пребывание в Уганде, где мы также осмотрели один из национальных заповедников. Мы отправились туда на самолете. Президент страны предоставил в наше распоряжение свой личный самолет. Я думал, это будет, по крайней мере, «Лиэрджет». Но нас усадили в «ДС-3», который, мне казалось, давно уже снят с эксплуатации. По-видимому, этот

самолет использовался когда-то в армии для тренировочных прыжков с парашютом: с обеих сторон салона были оборудованы ряды ковшеобразных сидений. Признаться, в этом «лайнере» я бы уютнее чувствовал себя с парашютом за спиной.

Оглушенный шумом и вибрацией при взлете (такое состояние я испытывал в последний раз на закате эры поршневых самолетов), я старался внушить себе, что «ДС-3» самый надежный и совершенный самолет в мире. Но, видимо, трудно было убедить себя в этом, если инстинкт подсказывал, что самолет вот-вот развалится на куски. Надвигавшаяся катастрофа стала еще реальней, когда пилот перед самой посадкой вдруг резко бросил машину вниз и, покачивая крыльями, на бреющем полете пронесся над аэродромом. У меня мелькнула мысль, что он рехнулся или что-то в этом духе, но, посмотрев вниз, я понял, что летчик просто хотел отогнать от взлетно-посадочной полосы стада слонов, зебр и антилоп. В страхе я закрыл глаза и стал нашептывать молитву. Но прежде чем я успел дочитать ее до конца, самолет приземлился и подрулил к изрытой ухабами стоянке, которая была тут же на полосе. Мне невольно вспомнилась улица Рубенс Арруда — мое первое в жизни футбольное поле.

Из Уганды мы отправились с нашими футбольными лекциями в Нигерию, чтобы оттуда вернуться в Соединенные Штаты. В Нигерии, однако, нас ожидали неприятности.

Закончив намеченные мероприятия в Лагосе, мы наутро собирались вылететь в США. Вдруг в гостинице стало известно, что в стране предпринята попытка государственного переворота и что президент убит. Мы с тревогой посмотрели друг на друга, пытаюсь предугадать, чем эти события обернутся для нас. Вскоре сообщили, что попытка переворота не удалась, но заговорщики все еще на свободе, поэтому международный аэропорт закрыт на неопределенное время.

В столице с шести часов вечера до шести утра был введен комендантский час, и все иностранцы должны были оставаться в своих гостиницах. Мы не выходили на улицу, посменно обедали в ресторане и слушали радио, пытаюсь разобраться в происходивших событиях.

Затем поступило сообщение о создании федерального правительства, которое объявило о неделе траура по погибшему президенту. Аэропорт оставался закрытым, продолжал действовать комендантский час. Сообщалось, что около американского посольства и резиденции верховного комиссара Великобритании проходят демонстрации, поэтому всем иностранцам вновь было предложено не выходить из гостиниц.

Одновременно с нами в Лагосе застряла команда теннисистов, в составе которой были такие звезды, как Артур Эш, Стэн Смит, Боб Лутц и Том Оккер. Они тоже жили в гостинице, но как только начались волнения, перебрались в здание американского посольства. Мы договорились с теннисистами: кто первым получит разрешение на выезд из страны, заберет с собой остальных. Несколько дней спустя нам сообщили, что теннисистам разрешено покинуть Нигерию и они вылетают на родину. Но нас просили воздержаться от каких-либо самостоятельных действий и дожидаться сигнала от связного — доктора Сораки. Однако уважаемый доктор так ни разу и не появился в гостинице. Мы безвылазно торчали в отеле, дожидаясь сигнала, в то время как самолет с теннисистами был уже в воздухе.

На шестой день в городе все успокоилось, и мы получили разрешение вылететь. Краткая торжественная встреча в Гане, достаточно долгое объяснение, почему мы не можем принять приглашение участвовать в субботнем матче, и вот мы уже летим в Цюрих, откуда вылетели в Нью-Йорк. Путешествие слишком затянулось, и мы были счастливы оказаться наконец дома.

Мы прибыли в самый раз, и вот почему. Неизвестно откуда поползли слухи, что мы арестованы, сидим в гостинице и наша жизнь в опасности. Тогда встревоженная Розмари подняла на ноги международную общественность. Говорят, что она звонила в клуб «Космос», в штаб-квартиру компании «Пепси-Кола», в госдепартамент США, в бразильское посольство, чтобы хоть что-нибудь узнать о нашей судьбе, что предложила им забыть обо всем и заняться только моим спасением.

Со своей стороны, должен сказать, что для меня самым огорчительным за всю неделю моего вынужденного пребывания в Нигерии было иное обстоятельство — я проиграл в карты Стиву Ричардсу большую сумму денег.

Сезон 1976 года начался для «Космоса» со значительных изменений в составе, вызванных главным образом появлением в команде нового тренера. Дело в том, что Гордон Брэдли стал вице-президентом отдела спортивных кадров и новых проектов клуба, а на его место «Космос» пригласил Кена Ферфи.

У Ферфи был солидный послужной список. Он провел более 700 матчей за клубы Эвертона, Дарлингтона и Уотфорда в своей родной Англии, прежде чем стал вначале играющим тренером, а потом в течение четырнадцати лет старшим тренером многих известных клубов, в том числе «Шеффмлд ЮнаЙтед». Он помог «Космосу», пригласив таких талантливых игроков, как защитник

Кит Эдди, полузащитник Тони Гарбет, нападающий Тони Филд — все из «Шеффилд Юнайтед» и все отличные игроки. Позже к ним присоединился нападающий Брайан Тиньен и прекрасный крайний защитник Чарли Эйткен. В общем, богатый опыт Ферфи и талантливые исполнители, из которых многие были приглашены по его личной просьбе, позволяли надеяться на исключительно успешное выступление «Космоса» в новом сезоне.

Но одних заслуг Ферфи оказалось недостаточно. На мой взгляд, ему не удалось правильно сориентировать игроков. К тому же, если Гордон Брэдли по отношению к игрокам был слишком мягок, то Ферфи, наоборот, отличался излишней жесткостью. Было в его характере и упрямство. Он не признавал ничьих взглядов, кроме своих собственных, на тактику игры, тренировку и другие компоненты футбола. Кроме того, у меня сложилось впечатление, что Ферфи считает необходимым покончить с переоценкой способностей бразильских и вообще южноамериканских футболистов. Поэтому он никак не воспринимал в команде таких игроков, как Миффлин, Сиега или Пеле. Если бы взгляды Ферфи обеспечили «Космосу» успех, я бы первым признал его правоту. К сожалению, этого не случилось.

Надо сказать, что Ферфи был еще приверженцем защитного варианта в футболе. В этом стиле он играл всю свою жизнь и, естественно, знал его досконально. Я не разделял его концепции, стараясь играть по-своему. Меня перевели из нападающих в полузащитники. Это, разумеется, сказалось на эффективности моей игры. Рамон Миффлин сплошь и рядом просиживал на скамейке для запасных, хотя именно его атакующего задора так недоставало команде.

В первых пяти матчах мы выиграли три и проиграли две встречи, причем обе в добавочное время и обе с минимальным счетом, что весьма характерно для защитного варианта. Располагая такой «обоймой» талантливых исполнителей и учитывая уровень мастерства наших соперников, мы обязаны были выиграть все пять встреч. Если бы нам это удалось, к концу сезона мы вышли бы победителями не только в нашей группе, но и, наверное, во всей лиге.

После пятого матча к нам присоединился Джоржио Киналья, мой старый друг, отличный нападающий, против которого мне не раз приходилось выступать и к которому я испытывал симпатию и уважение. Теперь у «Космоса» была самая мощная линия нападения среди команд Североамериканской футбольной лиги: Джоржио Киналья, Тони Филд, Брайан Тиньен и Пеле (в запасе Жорж Сиега и Кейт Эдду). Полузащитники — Тони Гарбет, Рамон Миффлин, Дейв Клемента, Нельсон Мораис, который подлечил

полученную травму. Нападению не уступала линия защиты — Чарли Эйткин, Боб Смит, Чарли Митчел, Уорнер Рот и Майк Диллон. В воротах стоял Боб Ригби, один из лучших вратарей лиги, запасным голкипером был Курт Нуйкендал. Я не сомневался, что при таком составе, который становился все более сыгранным, мы победим всех наших соперников.

Но я ошибся. Ферфи часто держал Миффлина на скамейке для запасных, а меня ставил играть в полузащите. В результате нередко возникала ситуация, когда пробившимся сквозь защиту соперника Джоржио Киналье или Тони Филду некому было отпасовать мяч, им оставалось или бить из явно невыгодного положения, или уступать мяч сопернику. Результат подобной тактической установки можно было легко предвидеть. До того как Киналья появился в «Космосе», мы выиграли три и проиграли две встречи. В первом матче с участием Джоржио мы победили 6:0. Джоржио и я забили по голу, два забил с пенальти Кейт Эдду. Мы не сомневались, что команда на правильном пути. Но, как только тренер стал активно внедрять защитный вариант, из очередных восьми встреч мы выиграли только четыре и столько же проиграли. С такой тактикой трудно было рассчитывать на первое место в лиге.

Последнее поражение в этой серии встреч мы потерпели 27 июня в игре против клуба «Вашингтон». Матч проводился на крайне плохом университетском поле при очень слабом судействе. Эту встречу мы бы, конечно, выиграли, если бы тренер не дал жесткой установки на защитный вариант. Я играл в полузащите. Нападающие, оттянувшись назад, заняли примерно ту же позицию, что и я. В этом злополучном матче наш вратарь Боб Ригби сломал ключицу и надолго выбыл из строя. После проигрыша «Вашингтону» Кен Ферфи перестал работать с нами. До конца сезона команду «Космоса» снова тренировал Гордон Брэдли.

Поднявшийся моральный дух футболистов и новые тактические установки немедленно сказались на результативности. Из последующих восьми игр «Космос» выиграл семь. В итоге мы лишь немного отстали от клуба «Тампа Бэй» — лидера нашей группы. Джоржио Киналья забил больше всех голов, хотя провел наименьшее количество встреч.

Закончив сезон победой над клубом «Майами» со счетом 3:2 (пять голов забил Джоржио Киналья, я — два и Майк Диллон — один), мы почувствовали, что можем догнать «Тампа Бэй». Этот клуб в первом туре был свободен от игры, а нам предстояла встреча с командой «Вашингтон» на нью-йоркском стадионе. Это был не лучший матч «Космоса», но мы тем не менее выиграли со

счетом 2:1, один гол забил я, другой — Тони Гарбет. Теперь для выявления победителя во втором туре нам предстояло встретиться с клубом «Тампа Бэй».

Игра проходила в Тампе, где наши соперники ни разу не проигрывали. Клуб «Тампа Бэй» был сильнее других команд лиги. Более того, он продолжительное время выступал в неизменном составе. К тому же «Тампа Бэй» играл в атакующем и, на мой взгляд, весьма эффективном стиле. Если бы нам удалось сломить его сопротивление, мы могли бы реально претендовать на роль лидера во всей лиге. Журналисты и комментаторы сходились во мнении, что в этой игре фактически решается судьба чемпионата, ибо встречаются две сильнейшие команды. Если бы мы не нахватали столько поражений в начале сезона, то получили бы преимущество играть на своем поле, а дома, как известно, и стены помогают.

Клубу «Тампа Бэй» мы проиграли со счетом 1:3. Это была суровая и жесткая игра, на конечном результате которой снова сказалось откровенно слабое судейство. После нарушения нашими соперниками правил я забил гол, счет сравнялся — 1:1. Затем последовало новое нарушение. Оно было настолько явным, что игроки почти остановились в расчете на то, что рефери назначит одиннадцатиметровый. Воспользовавшись заминкой, один из футболистов «Тампы» сделал длинную передачу нападающему Стюарту Скуллиону, который и забил мяч в наши ворота. А четыре минуты спустя полузащитник Родни Марш, воспользовавшись тем, что пропущенный гол несколько обескуражил игроков «Космоса», увеличил счет до 3:1. На меня глубокое впечатление произвела игра вратаря «Тампы» Арнольда Мауссера, великолепные броски которого приводили в восторг зрителей. Я убежден, что именно его игра обеспечила «Тампе» победу.

Так завершился мой второй сезон в составе «Космоса». Мы выиграли шестнадцать и проиграли восемь встреч, что было значительно лучше, чем в сезоне 1975 года. Достигнутый результат позволял с уверенностью смотреть в будущее, тем более что мы как команда все лучше понимали друг друга. Но важнее было то, что за минувший год посещаемость наших игр в США и на выезде удвоилась. Включая две финальные игры, наши выступления смотрело более полумиллиона болельщиков. На матче, в котором мы проиграли «Тампе», присутствовало почти сорок тысяч зрителей, к ним следует добавить телезрителей, а их с каждым разом становилось все больше. Были все основания полагать, что сезон 1977 года пробудит к футболу еще больший интерес.

В 1976 году «Пони Спортинг гудс компани» по случаю забитого мною 1250-го гола вручила мне символическую футбольную бутсу, инкрустированную золотом. Этот приз пополнил коллекцию моих спортивных трофеев. Я искренне обрадовался, что был отмечен именно «Пони компани», которая так много сделала для популяризации футбола в США.

В том же 1976 году компания «Пепси-Кола» учредила денежную премию имени Пеле в десять тысяч долларов, которая ежегодно присуждается лучшему игроку года, гражданину Соединенных Штатов или Канады. Не сомневаюсь, что эта премия приблизит тот день, когда в обеих странах появятся команды международного класса. Я горд тем, что эта премия носит мое имя и что мне доверено возглавить комитет по отбору кандидатов на присуждение этой почетной премии.

Уже сформирована сборная США для участия в отборочных играх на первенство мира по футболу 1978 года в Аргентине. В ее составе наряду с другими американскими игроками трое из клуба «Космос» — Боб Смит, Вернер Рот и Шеп Мессинг. Успешное выступление американской сборной в этом чемпионате будет способствовать достижению цели, во имя которой я приехал в США в 1975 году, — помочь футболу утвердиться среди других видов спорта в Северной Америке.

Глава двадцатая

За годы моих выступлений в «Космосе» я изъездил Соединенные Штаты вдоль и поперек. Я играл в городах, о существовании которых раньше не имел ни малейшего понятия, выступал против клубов, которые постоянно совершенствовали свое спортивное мастерство. Кроме того, по соглашению с компанией «Пепси-Кола» я вел футбольные семинары в разных уголках страны. Довольно часто после моих выступлений проводились пресс-конференции, на которых мне постоянно приходилось отвечать на два вопроса: что я думаю о перспективах футбола в Соединенных Штатах и какое будущее ждет Пеле? С помощью переводившего меня профессора Маццея я обычно сознательно «смазывал» ответы на оба вопроса, потому что у меня самого не было ясности на этот счет.

Теперь я могу ответить с большей определенностью. Думаю, что успех футбола в США не заставит себя долго ждать. Но его популярность не нанесет ущерба другим видам спорта, например, бейсболу, американскому футболу, хоккею. Поэтому было бы большой ошибкой во имя популярности футбола пытаться переманивать болельщиков других видов спорта. Футбол утвердится самостоятельно, и на то есть веские причины.

Все большее число детей ощущает прелесть этой игры, причем со временем из них вырастут и игроки, и болельщики, без которых немыслимо ни одно спортивное зрелище. Футбол привлекателен для детей по разным причинам. Он значительно безопасней, чем, скажем, американский футбол или хоккей, причем в детском возрасте игроки, как правило, не получают травм. Для оборудования футбольного поля требуются минимальные расходы. Поэтому футбол доступен детям из беднейших социальных слоев общества. В футболе практически нет никаких физических ограничений. В связи с этим не обязательно обладать высоким ростом, как в баскетболе, или особо крепкой комплекцией, как в американском футболе. Футбол обеспечивает ребенку максимальную дозу физических упражнений и позволяет ему приобщиться к занятиям спортом при наличии средних способностей в отличие, скажем, от бейсбола, где необходимы или, по крайней мере, желательны немалые способности. Поэтому детский футбол быстрыми темпами набирает популярность, вовлекая в свою сферу большое число детей и их родителей.

У учащихся средних школ и колледжей эта спортивная игра

становится одной из самых популярных. Следует также отметить, что полная экипировка одного игрока в американском футболе стоит столько же, сколько экипировка двух полных футбольных команд. Этот факт приобретает особое значение в связи с ростом расходов на обеспечение учебных заведений. Я убежден, что именно из этих средних школ и колледжей в будущем выйдут американские игроки экстра-класса.

В настоящее время в американских командах немало футболистов из зарубежных клубов, и я тому пример. Не думаю, что это плохо. И даже когда в США будут созданы все условия для широкого распространения футбола и подтягивания его до европейского или южноамериканского уровня, то и тогда будет место для талантливых иностранных игроков — носителей новых идей и методов, что позволит стимулировать теоретический поиск и практическую деятельность футбольных клубов. Даже Бразилия с ее высоким уровнем развития футбола до сих пор «импортирует» игроков из других стран. Это же делают, например, клуб «Реал» (Мадрид), «Интернационале» (Италия) и многие другие. Но будущее американского футбола зависит прежде всего от появления собственных игроков в США. Чтобы дать импульс развитию футбола в стране, необходимо поставить перед собой конкретную цель: в ближайшие годы создать сборную команду для участия в играх мирового чемпионата, что помогло бы утверждению американских игроков на международной арене. Этот процесс будет не из легких, но он необходим. Скоротечность футбольного сезона в американских колледжах и школах не способствует появлению игроков экстра-класса, которые смогли бы принять участие в соревнованиях самого высокого ранга.

Надо отметить, что американцы с детства отличаются зрительным восприятием, вызывающим рефлекторную ловительную реакцию: бросьте ему мяч, он обязательно поймает его и бросит обратно. А вот их бразильские сверстники не станут ловить мяч руками, ибо у них развита другая координация: зрительное восприятие вызывает рефлекторную остановку мяча ногой и затем опять же ногой удар по мячу. Отработка второго вида координации детьми школьного возраста требует большего времени, чем это позволяет непродолжительный футбольный сезон. Проекты участия американской команды в чемпионате мира тесным образом связаны с более продолжительными тренировками и более длительными футбольными сезонами, естественно, под руководством авторитетных тренеров.

В этом плане большое значение приобретает вопрос о приглашении в страну зарубежных тренеров, ибо лучшие из них обладают конкретным опытом участия в мировых чемпионатах.

Еще большее значение имеет приглашение в США квалифицированных судей. Самый уязвимый фактор в современном американском футболе — слабое судейство. Пока игроки не осознают важность не только понимания правил, но и их выполнения при четком и строгом судействе, американский футбол никогда не достигнет уровня, необходимого для участия в мировых чемпионатах.

На мой взгляд, футбол будет быстрее развиваться в тех городах Соединенных Штатов, где нет крупных бейсбольных клубов и команд по американскому футболу, претендующих на внимание и симпатии болельщиков. Свидетельство этому такие города, как Сиэтл, Портленд, Сан-Хосе и Тампа. Любопытно отметить, что футбол утвердился прежде всего в тех городах, которые могут похвастаться отличными полями. В Соединенных Штатах нет стадионов, построенных специально для игры в футбол, как в других странах. Дело в том, что футбольное поле по своим размерам больше, чем поле для игры в американский футбол. Поэтому в большинстве случаев футболистам приходится терпеть неудобства, играя на площадках, предназначенных для других видов спорта.

Все футбольные поля на стадионах Южной Америки, например, оборудованы специальным ограждением, предотвращающим доступ болельщиков на поле. В Соединенных Штатах в этом, по-видимому, нет особой необходимости, однако поля должны быть стандартных размеров с соответствующим травяным покровом. В США большинство полей используется для игры в бейсбол, для которого предусматривается своего рода подоснова — от нее мяч отскакивает совсем не так, как от травы. Я надеюсь, что в будущем проектировщики и строители при возведении новых стадионов будут учитывать и интересы футбола.

Но больше всего стимулировать развитие футбола в стране может, конечно, телевидение. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить состояние профессионального американского футбола сорок лет назад и сегодня или же популярность тенниса сейчас и пять лет назад. По мере роста популярности футбола среди юных футболистов и вовлечения в него сотен тысяч детей, их родителей, учителей и тренеров вырастут и коммерческие возможности этой игры. А когда все игры будут транслироваться по телевидению, изменится финансовое положение и игроков, и клубов.

И все же судьба футбола в Америке будет зависеть в первую очередь от самих игроков. Для привлечения наиболее способных спортсменов клубы должны быть готовы к тому, чтобы

вкладывать деньги в футболистов, их тренеров, воспитателей, обслуживающий персонал, в то, из чего состоит «организм» команды.

Игроки должны получать соответствующее денежное вознаграждение, на которое можно было бы жить. Недопустимо, чтобы футболист бросал любимую игру, если она не может его прокормить, или чтобы он занимался другим видом спорта из чисто финансовых соображений. Клубы не должны ориентироваться только на готовых игроков, им надо «выращивать» смену мастерам в юношеских командах, как, например, в бейсболе, где молодые спортсмены проходят соответствующую подготовку и выступают в играх лиги сообразно их способностям и где тренировочные циклы и периоды активных выступлений выходят за установленные временные рамки. Американским клубам следует поощрять развитие детского футбола, как это делается в Бразилии. Им нужно быть морально готовыми к соответствующим капиталовложениям — предпосылкам для развития футбола в США.

Только тогда оправдаются надежды всех, кто способствовал популярности этой игры в Соединенных Штатах. И я надеюсь, что мои выступления в США чуть-чуть приблизили это время.

Теперь о том, каким же Пеле представляет себе свое будущее.

1977 год стал последним годом в моей многолетней спортивной жизни. После этого мои футбольные выступления будут ограничены отдельными (не более десяти в году) торжественными матчами, а также постоянными футбольными семинарами для детей. Я надеюсь возобновить свой контракт с компанией «Пепси-Кола», но в узких рамках. В ближайшие несколько лет мы с Розмари собираемся жить попеременно в Соединенных Штатах и Бразилии, чтобы наши дети Келли Кристина и Эдиньо могли воспользоваться преимуществами обеих стран.

А что потом, когда футбол окончательно и бесповоротно отойдет в прошлое и когда Пеле навсегда уступит место Эдсону Арантису ду Насименту?

Потом он вместе с семьей поселится в Сантусе. Там он будет заниматься бизнесом, ходить на рыбалку у скал близ Сантуса, проводить немного времени на своей маленькой ферме и снова возьмет в руки гитару.

Когда я впервые появился в «Сантосе», почти каждый там в той или иной мере умел играть на гитаре. Вот и я в долгие тоскливые вечера на Вила Бельмиро взял в руки этот музыкальный инструмент. Научившись играть, я даже сочинил

несколько песен о любви, посвятив их Розмари. Некоторые из них впоследствии были опубликованы. В будущем мне хотелось бы уделить музыке больше времени. Я снялся в нескольких кинофильмах. Мне так хочется по-настоящему освоить актерскую или режиссерскую профессию, потому что это очень интересно и увлекательно. И конечно, я мечтаю больше времени посвящать своей семье, ведь дети быстро подрастают!

Ну и, разумеется, мне хотелось бы работать с какой-нибудь небольшой группой мальчишек, с такими же, какими были мы в Бауру, бесконечно преданными прекрасной игре — футболу. Я помогу им достать бутсы и форму, помогу найти ровное поле с приличным травяным покровом. Потом я научу их всему тому, чему научился сам в своей жизни, без остатка отданной футболу, игре, которая в этом мире подарила мне все. Я мечтаю в один прекрасный день привести какого-нибудь четырнадцати- или пятнадцатилетнего мальчишку в один из известных футбольных клубов и сказать, обращаясь к его менеджерам и тренеру:

«Вот тот самый парень, который вам нужен. Возьмите его и работайте с ним. Это новый Пеле!»

И когда я буду слушать по радио об игре этого мальчишки, видеть его на экране телевизора, убеждаясь в том, что он с каждым разом, благодаря своему таланту и трудолюбию, все лучше и лучше играет, тогда и только тогда я смогу сказать, что хоть частично отплатил долг Дондиньо, доне Селесте, Валдемару ду Бриту и всем тем, кто поддерживал меня многие годы.

notes

На островах Вест-Индии и в Бразилии креолы — потомки негров-рабов. — Здесь и далее примечания редактора.

Португальский мореплаватель (ок. 1467(8) — ок. 1520).

Змея семейства удавов длиной до 4 м.

Один ярд равен 0,9144 м.

Первые партии рабов-негров были ввезены в Бразилию в 30-х годах XVI в.

Негр (португ.).

Один фунт равен примерно 454 г.

Книга вышла в США в 1977 г.

Здесь Пеле допускает неточность: в этом матче был удален один советский футболист — И. Численко.

Близорукость.

Высокогорье (португ.).